

сергей белорусец



песни для чтения

прозаическая ретропись

сергей белорусец
песни для чтения
прозаическая ретропись

союз писателей москвы
academia
москва, 2013

УДК 882-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б43

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012-2018 годы)

Б43 Белорусец С.М.
Песни для чтения. Прозаическая ретропись. – М.: Союз писателей
Москвы, “Academia”, 2013. – 616 с.

ISBN 978-5-906561-02-2

«Песни для чтения». Прозаическая ретропись – так называется новая книга Сергея Белорусца – известного детского и взрослого поэта, лауреата национального конкурса «Книга года» – 2011 (в номинации «Вместе с книгой мы растём»), выступающего в новом для себя жанре. Внимательно и скрупулёзно подмеченные автором неожиданные детали своего и общего прошлого органично входят в ткань весьма современных и всецело вневременных лирико-иронико-философских форм. В состав сборника, вместе с открывающим его авторским интервью, вошли: «Записки дошкольника» (повествование в сюжетах с хэппилогом), «Приложения к запискам дошкольника», «Песни для чтения» (рассказы и эссе-мемуары), Рассказцы, Историйки (циклы малой прозы «Мастер и маргаритки...» и «С Василием Ломакиным...»), Рецензийки, «Книга шИзни» (абсурдопереводы).

© Союз писателей Москвы, 2013
© Юданов В., Мякишева И., фото,
дизайн обложки, 1989, 2013
© Белорусец С., 2013

Сдано в набор 15.06.13. Подписано в печать 1.08.13. Тираж – 1000 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л.38,25. Заказ 3531
Отпечатано в ППП Типография «Наука»,
121099 г.Москва, Шубинский пер, 6

ОДНО ИНТЕРВЬЮ

*Сергей Белорусец:
о детстве – не по-детски*

Существует мудрая до банальности фраза: «Всё начинается с детства». Однако тривиальность мысли порой не исключает её справедливости. Справедливо то, что детские впечатления и уроки – самые важные для человека. Тот багаж, что он сохранит до конца жизни.

Конечно, к сегодняшним детям в самом нежном возрасте приходят компьютеры, телевизоры, плееры, интерактивные игрушки и прочие технические новшества. Впрочем, наличествуют и книги. Человек растёт, как правило, читая. А книги – кто-то пишет.

Но кто такие – детские писатели? Какие они? Конечно, разные, как все люди... Хотя, вероятно, существуют особенности характера или мировосприятия, призывающие взрослых солидных дядь и тётть служить Детству? Помните знаменитое: «Только детские книги читать, Только детские думы лелеять, Всё большое далёко развеять, Из глубокой печали восстать...».

Осип Мандельштам в этих стихах как будто предъявил тезу и антитезу: детское – простое, чистое, искреннее и понятное; большое – всё прочее, сложное, грубое, несовершенное, ввергающее в глубокую печаль... Кажется, что детские авторы должны исповедовать эту же «религию» – и до старости быть прозрачны и ясны, как сама их аудитория...

Таковы ли они в действительности?

В этих (и не только этих) тонких материях мы разбираемся с помощью поэта Сергея Белорусца, председателя

оргкомитета фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского, президента Фонда поддержки творчества РАЗножанровых Детских Авторы «РАДА», эксперта по проблемам детства Общественной палаты РФ, лауреата нескольких литературных премий.

– *Е.С. Сергей, первый вопрос напрашивается: почему Вы – в том числе и детский поэт? С чем это связано? Может быть, все детские авторы не вышли из детства? Не наигрались?*

– *С.Б.* Можно сказать и так. И ничего в этом посыле нет, заслуживающего уничижительной иронии. Или сарказма. Люди с детства до смерти играют в игры. Потребность в игре – одна из базовых потребностей человека.

Жизнь – тоже игра. Нужно (каждому и всем), чтобы люди учились жить, ибо не умеют, а думают, что умеют. Игра – штука зачастую тяжёлая и непростая, но дети этого не знают и считают, что раз она игра, значит, она – по определению – должна радовать. Это шанс заинтересовать ребенка, пробудить в нём фантазию и творчество.

Взрослые более не умеют жить, чем дети, ибо привычно соблюдают правила заведомо ущербной игры, не решаясь жить иначе, чем предлагает навязывающая им себя и свои пределы как единственный способ выживания общечеловеческая псевдореальность.

– *Е.С. Итак, для Вас жизнь – игра...*

– *С.Б.*... что её не обесценивает. А настоящая жизнь – творчество, творческое изменение себя и своих границ. Жизнь сложнее и многоступенчатей, чем про неё – как правило – говорят и думают. Её нельзя пытаться упростить. Если упрощаешь – лишаешь себя почти всего. Она играет в игру, что ты про неё всё знаешь, потакает твоей ложной осведомленности, но подспудно ждёт, а вдруг тебе надоест скука всезнайки и захочется расширения владений себя и мира... Если человек жив, значит, у него есть шанс что-

то изменить в себе и своей жизни. Если ты жив, значит, иллюзии у тебя ещё остались...

– Е.С. *А что же тогда для Вас творчество?*

– С.Б. Творчество – создание и разрушение алгоритма. Только в сломе стереотипов есть творческое начало. Гармония рождается из хаоса, а не наоборот. Поэтому так важна любая попытка, направленная на понимание и постижение жизни – её смысла, её ценности, её красоты... К сожалению, сдаётся мне, подавляющее большинство живёт суррогатной жизнью. Так называемые «творческие люди» – в основном – не исключение...

– Е.С. *Мы начинали, как я думала, лёгкий, весёлый, внятный, сродни хорошей детской книге разговор. А получается беседа серьёзная, если не пугающая. Что такое «суррогатная жизнь»? Есть ли выход из этого состояния?*

– С.Б. «Суррогатность», Лена, по-моему, в том, что люди не умеют жить. А думают, что умеют. И потому не хотят учиться. Когда-то их научили устоявшимся шаблонам поведения, мышления и общественно-культурным функциям. И учат из поколения в поколение. Уродуют личности под эти (и только формально от них отличающиеся – другие) стандарты, забывая, что в рамки не уместится никто. И ничто. В итоге половина людей и думать не умеют (думая, что умеют). В некоторых случаях, может, это и к лучшему, но не как система... Люди по-настоящему не осознают своих ценностей. В лучшем случае – отслеживают буддхиальные. Атманические для всех нас по гроб жизни скрыты (в этом смысле – никто из людей никогда не в курсе своей здешней миссии...). Да и вообще, люди оценивают себя и прочих неверно, если пытаются делать это рациональным путём... Притом что любое следующее поколение всё же видит предыдущее насквозь. А то – его не видит. Совсем. К тому же всякому следующему поколению реально сложнее жить – ведь энергия человеческого

заблуждения накапливается.. Ещё и «смешение кровей» весьма отягощает жизнь человека «полинационального», ведь приходится становиться заложником различных этнических программ, которые могут порой их заложника (а заодно – и находящихся рядом) и в клочья разорвать..

– *Е.С. Похоже, Вы делаете выпад против «семьи и школы» – тех, кто традиционно «учит»?*

– **С.Б.** Не выпад, а вывод, Лена, где семья и школа – лишь частности. Социум, государства, любые ячейки – все они упрощают описания жизни. И заставляют каждое новое поколение с этим свыкаться. Ибо не знают, что делать со сложной жизнью. А с «простой» – шаблонной, общепринятой – ошибочно полагают, что знают..

Бесперебойно длящийся морок
(Вкупе с калифством на час...),
Глупость пословиц и поговорок.
Гнёт поколений и рас.

И – убеганье – от провисаний
(Корчащихся наяву),
И – ограниченность (всех!) описаний
(Что составляют канву...).

– *Е.С. Спасибо за стихи. Но что Вы предлагаете в противовес устоявшимся культурным и познавательным традициям?*

– **С.Б.** В первую очередь – не относиться к ним как к чему-то постоянному, данному раз и навсегда. Жизнь всё равно меняется. И не только внешне. Хотя многим кажется, что ничего в ней не изменилось (или не может измениться по определению). Всё-таки — меняется.. Причём – сначала возникают изменения внутренние – и лишь потом —

внешние... Тонкий план работает всегда упреждающе. Поэтому — надо стараться жить осознанно. Учиться быть хоть насколько-то в курсе своего бессознательного, которое и правит, если не миром, то очень многим в человеке... Не бояться «учёбы» в любом возрасте. Не становиться апологетом мифа о мудрости стариков. Когда человек с апломбом говорит: «Я жизнь прожил(а)!...» — это уже похоже на диагноз... Мне интереснее и приятнее люди, которые к старости, скорее, осознают, что ничего не знают. Как Сократ...

– Е.С. *Вам не кажется, что Вы берете слишком менторский тон и сами делаете то, против чего выступаете — а именно, учитите?*

– С.Б. Вряд ли... Надеюсь, здесь работает самоирония — она всегда продуктивнее, чем ирония, нацеленная вовне. Но и самоирония может стать барьером для человеческого роста. У меня есть стихи про это:

Держащая иначе крен —
Необщая стена, —
Самоирония — взамен
Иронии дана.

И как локальный эпизод
Внутри большой игры
Самоирония спасёт.
Но только — до поры...

На самом деле, я — за расширение кругозора, увеличение количества жизненных кАлек, вот и всё. Расширение кругозора для большинства — это осознание таких истин, что, например, все люди друг друга стоят, несмотря на их общественное и материальное положение (от бомжа до премьера): у всех есть высоты и низины, и у каждого свои

«непроработки» и свои достижения. Что мера подвига для каждого разная. И экстрима. Кому-то в горы надо лезть. А кому-то до аптеки дочапать... Что внутренние ощущения, с которыми человек в состоянии разобраться, важнее людских поступков. Что терпимость – а не эфемерная «мудрость» – показатель взросления и зрелости. Что способ ведения дискуссии важнее предмета обсуждения. Что милосердие выше справедливости. Что любовь нетождественна привязке. Что внутренние опоры вернее и прочнее внешних. Что постоянный компромисс между собой и миром жизненно необходим (впрочем, это совсем не тот компромисс, к которому тут привыкли...) А ещё – что мысль изреченная есть ложь.

– Е.С. *Это Тютчев сказал...*

– С.Б. А я добавил: «Неизреченная – тоже, но искажение несколько меньше...».

– Е.С. *Тогда зачем вообще культура и – в частности – литература?*

– С.Б. Культура – попытка (по большей части – безуспешная, но очевидно необходимая) защититься от жизни. Страхом. Смехом. Искажением. Противопоставлением себя жизни. В культуре перемешано очень многое. Она и лечит, и калечит... Что порой синонимично... А если про сейчас – Вы, Лена, знаете не хуже моего, что прямое высказывание в той же литературе на нынешний момент практически невозможно. Ввиду дискредитации предыдущими поколениями. На этом, кстати, и строится вся система постмодернизма.

– Е.С. *Неужели и нынешняя детская литература подчиняется правилам постмодернизма?*

– С.Б. В известном смысле – да. И на уровне авторства, и на уровне восприятия. Реалии изменились. Дети не хотят читать – это нормально. По крайней мере – объяс-

нимо. Остаётся ненасильственная пропаганда художественного вкуса. Силами – в том числе – и постмодернизма... Приходится считаться с «клиповостью» сознания у нового поколения. И надеяться на отсутствие карательных институтов и мер как на пока недостижимое светлое будущее...

– *Е.С.* Я тоже исповедую «немодные» сейчас либеральные взгляды и, конечно, ратую за свободу – прежде всего, личности, совести, всего, что касается персонального нравственного выбора...

– *С.Б.* Жизнь вообще – штука индивидуальная, а не коллективная. За руки взявшись – душу не спасти. Там, где много людей – там – как правило – негатив, деструкция, низкий астрал... Настоящая свобода – в иллюзии свободы... Мы рождены и погребены над собою. Наша почва – это небо. И – выше... А в перспективе – для жизни здешней, земной, я вижу отмирание государства с его идеологическими догмами как единственный способ приблизиться к свободе.

– *Е.С.* Революционные теории пошли?

– *С.Б.* Ни в коем случае! Очень долгий эволюционный путь... Индивид призван быть занят собой. Его личных проблем ему на много жизней вперёд хватит... Но не в вульгарном смысле, а по-настоящему. Даже не собой занят, а приближением к самому себе, ведь самим собой здесь никто из нас почти никогда не является... Если каждый этим озаботится – всем будет лучше. Что же до общих, коллективных обстоятельств повседневья, то человек обязан приходить на помощь другому, только когда тот его просит. Или когда видит, что человек собственное решение принять уже не может — по состоянию здоровья, допустим...

– *Е.С.* Между прочим, детские стихи, и Ваши в том числе, если не учат, то... проповедуют дружбу, взаимовы-

ручку, сотрудничество как ключ к успеху. Вы хотите сказать, что сегодня детские стихи должны декларировать иные ценности?

– С.Б. Одно другому не противоречит. Как там у меня:

В каждом чёте узнавая нечет, –
Может быть, когда-нибудь пойму
То, что всё всему противоречит,
Не противореча ничему...

Но существует такая вещь – мимикрия. Двойной стандарт (противоречие теории и практики) привился как норма жизни, и искусство от него ещё долго не отойдёт. И тут существует опасность понимания литературы (детской) как места для сюсюканья и всяких упрощений (читай: огрублений), а также (взрослой) как места для «накачивания мускулов» и проявления амбиций: когда в творчестве у человека получается то, что ему в жизни заказано. А ведь любая литература (да и любое искусство) не должна работать как компенсаторный механизм! Литература не может потакать авторскому тщеславию. Такие механизмы вправе работать лишь, когда человек начинает писать. Дальше – табу... А собственная интонация – только путь к божественному обезличиванию...

– Е.С. *Тешить своё тщеславие – одно, а сеять разумное, доброе, вечное – другое. Всё равно как векторы действия, направленные вверх или вниз. Поэтому, мне кажется, для детей должны в игровой форме подаваться какие-то незыблемые нравственные принципы, заветы...*

– С.Б. Очередное упрощение. Принципы – это шоры. Беспринципность – открытость для нового. Если – без предвзятости...

– *Е.С. Уважаю вечные ценности. А Вы предлагаете какой-то анархизм!*

– *С.Б.* Литературе принципы, да и «вечные ценности», только мешают, ибо чаще всего они лишают произведение художественности. Состоятельно лишь то произведение, когда воплощение оказывается выше замысла, в чём бы тот ни состоял. Вот – исключительный критерий. Но так происходит (и происходило) не слишком часто. Думаю, это (в числе прочего) закономерно приведёт (и уже приводит) к уменьшению роли литературы в человеческой жизни... А потом, что такое – «вечные ценности»? в чём они состоят? Усвойте сакральность и секулярность в упрощённом представлении некоторых современных богословов – и вам станет тошно... По-моему же, речь стоит вести о покаянии и прощении. Самопрощении тоже. Это не значит – индульгенция себе, любимому, за всё, что натворил в течение жизни... Надо стараться не грешить. «Не погресишь – не покаешься – не покаешься – в рай не попадёшь» – модель явно упрощённая.

– *Е.С. Про грехи – согласна, в части детской литературы – нет. Ведь эту мысль, что не надо грешить, или ту, что следует научиться прощать себя за невольные проступки, можно и должно передать детям! Мне памятна и дорога песня Владимира Высоцкого «Баллада о борьбе» – о «книжных детях», об их первом, неискушённом и жарком постижении Добра и Зла, с финалом «...Значит, нужные книги ты в детстве читал!».*

– *С.Б.* Лена, Вы опять хотите упростить. К сожалению, книги, даже самые хорошие, могут далеко не всё. А авторская песня (даже самая талантливая) – не что иное как «суррогат вечности». Очередная подмена, растянувшаяся на десятилетия попытка поиграть в «оттепельную» человечность, как-то противопоставить свою «неформулируемую» идеологию официальной. Заодно и с Богом посоревноваться... Однако, всё это лишь подчёркивает корыстность

всякой логики и идеологии: на любую логику (идеологию) всегда найдётся другая. То есть – в той или иной мере – речь идёт о фальсификации, коей является, между прочим, и любая история..

На фоне вечной бутафории
Вещь очевидная весьма:
Фальсификация истории –
И есть история сама..

Потому я не вижу особой разницы между спорящими оппонентами, на каком бы поле они ни выступали...

– *Е.С. В таком случае, мы с Вами спорить не будем, ибо – незачем и не о чем! В едином культурно-информационном поле соседствует всё то, что Вы признаёте, со всем, что Вы отрицаете.*

– *С.Б. Естественно, ноосферы на всех хватает. И всё же, по моим наблюдениям и ощущениям, самые талантливые люди и произведения всегда остаются неизвестными. Им известность ни к чему. Время не является критерием истинности и нужности. Самое важное и главное не нуждается в том, чтобы его признало большинство и оценило время. Вполне достаточно того, что оно является незримым кирпичиком ноосферы.. Вечности, если хотите..*

– *Е.С. Довольно умозрительно об этом рассуждать, коль скоро всё самое лучшее – неизвестное. Как Вы об этом узнаете, раз так?*

– *С.Б. На бытовом уровне – никак. Это работает опосредованно, помогая жить и выживать на уровне бытийном. В том числе, и тем, кто об этом не догадывается – осуществляя связь времён и поколений. Опять же незримую, внутреннюю..*

– Е.С. Я согласна, что публичность сама по себе – качество в известном смысле изъяснное... Но чем Вы предложите заменить публичность?

– С.Б. Отвечу тезисно. В данности (вечности) уже заложено утешение. Жизнь сама наркоз... Только смотря расфокусированным зреньем – сквозь мир – можно его увидеть... Жизнь познать нельзя, но познавать можно и должно. Жизненный опыт – это и балласт. И – баланс...

– Е.С. Почему у Вас, Сергей, такие пространные рассуждения, но такие короткие, ёмкие стихи?

– С.Б. Пространственные, Лена. Даже пространственно-временные... Как жизнь, которая отнюдь не афористична. Впрочем, писать о ней лучше коротко. Иногда может получиться и ясно...

– Е.С. Спасибо, Сергей! Поговорили мы с Вами, что называется, не по-детски.

– С.Б. Как посмотреть, Лена!.. Здоровья и удачи!

Беседовала Елена Сафронова

ЗАПИСКИ ДОШКОЛЬНИКА

повествование в сюжетах, с хэппилогом...

*– Серёжа! Сейчас же вынь изо рта карандаш!
– Это не карандаш, это молоток!..*

*Не значусь в блудных детях.
Хоть я из них – из этих,
Покинувших семью.
Да, я из них. Но – всё же –
Из неушедших тоже.
Ведь и на том стою...*

1. СЕРЖ ДЕ ВАЛЕРА

Меня тогда ещё не было.

Вернее, уже был, но ещё не родился.

А мои будущие Папа с Мамой гуляли по Москве.

Разговаривая.

Мама и Папа были тогда студентами разных институтов.

Познакомились же мои грядущие родители несколько раньше.

Когда мужская и женская школы (в лице своих взрослеющих питомцев) стали искать легальные пути сближения, приведшие в итоге к организации совместных тематических вечеров..

Познакомились, когда оба учились в девятом классе.
Хотя жили на одной улице, в домах напротив, каждый со своих пяти лет.

В общем, гуляли мои будущие Папа с Мамой по городу-герою, которому это звание присвоили намного позже, и разговаривали.

И зашла у них речь о том, как назовут они своего ребёнка.

Когда тот явится на свет.

Зашла, чтобы моментально завести в тупик.

Обоих.

Ибо ни одна из двух сторон, оказывается, об этом не задумывалась.

Впрочем, выход из тупика нашёлся почти сразу.

Папа огляделся – и увидел на ближайшем рекламном щите (или тумбе) весёленькую афишу, на которой значилось: «Гастроли французской эстрады. Серж Де ВалерА».

– Вот, – сказал Папа, – и ответ на вопрос о том, как мы назовём ребёнка. Если родится мальчик – он будет зваться Серж. Ну а если девочка – то ВалерА. ВалЕра. В смысле, Валерия...

И родительская прогулка продолжилась под знаком объединившего Папу с Мамой марксизма-ленинизма: ведь одну сторону звали Марк, а другую — Лена...

Через несколько месяцев — московским вторничным утром, отметившим дюжину суток со дня триумфальной кубинской революции, совершённой молодыми барбудос, в канун Старого Нового Года, родился я.

Папа в это время находился в военном лагере, на сборах.

От своего мирного института.

Получая чин младшего лейтенанта советской армии.

Исключительно для того, чтобы впоследствии не иметь с несокрушимой и легендарной никаких пересечений.

В город Козельск, где базировался военный лагерь (правильнее сказать – лагерь) отправилась поздравительная телеграмма из Москвы, информирующая Папу о моём рож-

дении, а заодно дающая ему драгоценную возможность быть откомандированным сроком на три дня в расположение предсказуемо разросшейся семейной ячейки.

Мне было две недели, когда здорово уставший от холода и дороги Папа приехал на свою короткую побывку.

Войдя в квартиру, Папа первым делом собирался увидеть Маму и меня.

Но не увидел.

Потому что Мама меня в это время купала — и дверь в ванную была закрыта.

Папа намеревался пройти в ванную.

Но Бабушка не пустила, мотивируя отказ антисанитарностью тех условий, в которых Папа вынужденно и продолжительно пребывал.

Что автоматически повышало риск инфекционного заражения всяческого рода вредными бактериями, особенно опасными для здоровья младенца и его кормящей матери.

Требовалось вредные бактерии с себя смыть.

Но ванна — правильно! — была занята.

Ибо в ней кормящая мать купала двухнедельного младенца...

— Угу! — сказал серьёзно вымотанный Папа, присел на кухонную табуретку — и сразу крепко уснул.

Здесь же, в спящем виде, его и обнаружила Мама.

Наконец-то вышедшая из ванной с завёрнутым в махровую розовую простыню мной.

Обнаружила — и смертельно обиделась, что Папа, приехавший навестить жену и ребёнка, вместо этого спит в кухне на табуретке.

Папа был разбужен, пристыжен и отправлен в ванную.

Когда он оттуда выбрался — состоялось примирение, по итогам которого Папа взглянул на меня и поинтересовался у Мама:

— Ну и как мы его назовём?

— Уже назвала. Как ты хотел.

— Я? А как я хотел? — аккуратно спросил Папа.

– Если мальчик, то Серж! – сказала Мама
И добавила, обращаясь к сопящему мне.
Словно за поддержкой:
– Да, Серёжик?!

2. ПРОГУЛКИ ПО КРЫШЕ

– Люди добрые, смотрите, что делается! – ревя во всю глотку, я цеплялся за кожаные сидения, хватался за металлические поручни поверх их спинок и яростно рвался продолжить своё пребывание в салоне двадцатого троллейбуса, подъезжавшего к остановке.

– Ребёнка в сад ведут! – истошно орал я, вызывая смешанные чувства у пассажиров и откровенный ужас у Дяди, которому впервые – по дороге в институт – было поручено отвести (а точнее, отвезти) меня в детский сад.

Детский сад, куда меня отдали, когда мне исполнилось три, находился от нашего дома далеко, на Садовом Кольце, между станциями метро «Маяковская» и «Краснопресненская».

Зато он располагался довольно близко к Дедушкиной работе.

Поэтому чаще всего в детский сад я отправлялся на персональной машине, полагающейся Дедушке как Большому Начальнику.

Сначала Дедушка забрасывал в сад меня, а потом уже ехал на работу.

Или – наоборот – если Дедушке на работе требовалось быть пораньше, он сначала держал путь туда, а уже следом – сменный водитель (Коля Мукомолов, которого я считал Мухоморовым, или Борис Гаврилыч, впоследствии оказавшийся Борисом Григорьевичем) завозил меня в сад.

Но иногда Дедушке с утра нужно было куда-то в другое место – и кто-нибудь из Старших Родственников вёз меня в детсад на троллейбусе.

Обычно – Бабушка, трудящаяся у себя на работе по-сменно.

Такая служебная деятельность подразумевала и суточные дежурства, и полусуточные, при этом давая некоторые возможности для использования во благо семьи свободное от себя время..

Однако все хозяйственные семейные ниши Бабушка закрыть не могла.

При всём желании и крепчайшей крестьянской закуске..

Собственно, из-за этого и возник в моей жизни такой социальный институт как детский сад.

В который ходить (и ездить) я категорически не желал. Тем более, что меня укачивало.

И в Дедушкиной персональной машине, и в общественном троллейбусе.

В любом городском наземном транспорте, исключая трамвай.

А в электропоезде метро (да и в обычной пригородной электричке) ездить я любил.

Но добираться от нашего дома до детсада посредством метрополитена всяя Москвы было бы крайне утомительно.

Не говоря уже о пригородной электричке, вариант с которой не проходил даже теоретически..

Впрочем, оставлять меня дома всё равно было не с кем.

Мой первый детский сад запомнился мне смутно: несколько имён и фамилий.

Общая спальня, где моя кровать стояла рядом с постелью черноволосой красавицы Светы Дроздовой.

Света, тронувшая моё сердце сразу, видимо, подспудно заставила меня запомнить не только её имя и фамилию, но и то, что регулярно мы обменивались неофициальными визитами.

Чаще в девическую Светину кроватку перебирался я – и мы лежали, взявшись за руки.

Молча.

На протяжении всего тихого часа, словно подчиняясь магии этого странного названия...

Года через два с половиной случилась у меня и другая постельная сцена.

Эпизодическая и однократная.

Мне доставили мою троюродную сестру, одесситку Ларису.

Из Москвы да в Подмоскowie – прямо на (государственную Дедушкину) дачу.

Нас познакомили – и мы тут же схватились за руки, и не захотели расцепляться.

Даже, когда подоспело время сна.

Не дневного – ночного...

Нас пытались разлепить взрослые.

Словесно.

Но мы держались.

Держались за руки – и добились того, что нас положили вместе – на две примыкающие вплотную одна к другой казённые кровати с панцирными сетками.

На веранде второго этажа.

Так мы и уснули – взявшись за руки.

А когда я проснулся – рядом никого не было.

Это Старшие Родственники постарались, чтобы сладкий детский разнополюс сон сложился максимально гигиенично...

У Светы Дроздовой папа был военный капитан, пограничник.

Он забирал Свету из детского сада, приходя за ней в форме.

Майской весной, незадолго до того, как детсад переехал на дачу, в Чёрную Грязь, его дирекция устроила добровольно-принудительный родительский воскресник по благоустройству дачной детсадовской территории.

Мама и Папа захватили меня с собой.

Капитан Дроздов, которого я не узнал по причине его ковбойки и техасов тоже принял участие в воскреснике, и тоже захватил с собой ребёнка.

И жену.

Другие немногочисленные родители прибыли налегке, без чад, чем весьма порадовали меня и Свету, надеющихся весь долгий выходной день провести наедине.

Отдыхая на фоне вкальвующих предков.

Однако родители рассудили иначе – и опять захватили нас с собой.

На этот раз – в близлежащий лес, на родник.

А по дороге Папа с одетым в штатское капитаном Дроздовым обнаружили бомбу.

Настоящую неразорвавшуюся немецкую бомбу.

Или мину.

И ничего лучшего капитан погранвойск и младший лейтенант запаса не придумали, как тоже захватить эту бомбу (или мину) с собой.

Чтобы, чуть погода, взорвать эту фашистскую гадину вдалеке от людей, в каком-нибудь открытом поле.

Лишь бы никто не подорвался, наткнувшись в лесу на это лежащее безобразие...

Бомбу (мину) укутали в Папину коричневую куртку от старого лыжного костюма, в котором он щеголял на воскреснике, и понесли взрывать.

Бомба (мина) весила немало, посему её несли по очереди: то капитан Дроздов, то Папа.

Шествие, продлившееся несколько часов (открытого поля вблизи не наблюдалось) замыкали перепуганные жёны и счастливые дети...

Безлюдное поле – в конце концов – всё-таки обнаружилось, предоставив капитану Дроздову и Папе привести задуманное в действие.

Жёнам несколько расслабиться, а нам со Светой традиционно взяться за руки...

Через месяц детский сад переехал на дачу.

В Чёрную Грязь.

Вместе со мной, но почему-то в отсутствии Светы.

Да и я на детсадовской даче не задержался.

Пару недель спустя, приехавшая в будни на Дедушкиной машине проведать меня Бабушка меня же и забрала домой.

Не прошло и получаса с момента приезда.

Настолько моя антисанитарность бросилась ей в глаза.

Чёрная Грязь – одним словом.

Точнее, двумя...

Из-за того, что Дедушкина работа находилась в непосредственной близости от детского сада (а может, и вне связи с этим) посещения Дедушкиной работы, куда я попадал вроде бы и не так часто, воспринимались мной, скорее, как нечто повседневное, чем что-то праздничное.

Хотя бывал я там с удовольствием, перманентно купаюсь в благожелательности, которую расточали мне и Дедушке все встречные-поперечные.

Начиная нежно улыбающимися девушками-милиционершами, поставленными в дверях проверять пропуска.

У всех.

Кроме Дедушки.

А шестиэтажное длинное здание, состоящее из двух разностильных половинок, представлялось мне громадиной.

И чтобы не потеряться в ней, я придерживал Дедушку за полу его пиджака.

Дедушка же всё время норовил убежать вперёд, не боясь сбиться с пути и потерять ориентировку в пространстве...

Как правило – Дедушка вёл меня в свой кабинет, где выдавал пачку белой бумаги и массивные карандаши (для разноцветных начальственных резолюций?), которыми я с упоением рисовал.

Пока Дедушка решал какие-то дела с подчинёнными или разговаривал по телефону.

Тем временем Дедушкина секретарша приносила из буфета чай и бутерброды.

Чтобы мы с Дедушкой могли перекусить...

Водил меня Дедушка и в разные редакции, и во всякие аппаратные.

В одной из них по Дедушкиной просьбе я даже прочитал наизусть нравоучительный стишок про Гришу, чьи карманы ломились от уймы ненужных вещей, но в которых не было «пустяка – носового платка!..»

Звук «р», произносимый мной с дефектом, обозначенным в логопедическом реестре как боковое «р» – в стихах про Гришу повторялся многократно.

Что и приняла на себя магнитная лента, записанная тогда оператором.

Коричневая лента, хранившаяся потом у нас дома, на верхней полке секретера в Большой Комнате.

Без малейшей возможности быть прослушанной.

Ведь магнитофона у нас – как и у большинства соотечественников – не водилось.

А когда он всё-таки возник – в качестве части комбайна, преподнесённого к шестидесятилетию Дедушке его подчинёнными сослуживцами, магнитная лента уже размагнитилась...

Тема подарков яркой праздничной ленточкой вплеталась в мою дошкольную жизнь.

Они мне полагались на день рождения, Новый Год, 1 мая и 7 ноября.

В качестве подарка подразумевалась игрушка.

Желательно, мягкая.

В виде зверя.

Либо мяч.

Либо что-то из одежды.

Причём я рассчитывал на подарок от каждого Старшего Родственника.

И – небезосновательно.

На день рождения собирались гости.

Разумеется, взрослые.

По линии Бабушки – Баба Маня и Баба Настя.

По линии Дедушки: – дядя Юра, тётя Тамара, тётя Фима, Тётя Адя.

И тем, и другим я приходился внучатым племянником, но Бабушкины сёстры шли как Бабушки, в отличие от Дедушкиных сестры, брата, его жены и её сестры...

Врезался в память такой, несколько нетипичный, случай.

За пару недель до 7-го ноября Дедушка пообещал сходить со мной в недавно открывшийся «Дом игрушки».

Но у Дедушки по причине директорской занятости всё никак не получалось.

А сроки поджимали.

Тогда он договорился с моей детсадовской медсестрой, что она сходит со мной в магазин – и я выберу подарок сам, по своему вкусу.

Мы вышли из ворот детского сада и пешком – через проходные дворы – довольно быстро добрались до места назначения.

А дальше я столкнулся с серьёзными непредвиденными трудностями.

Пресловутая проблема выбора встала передо мной, трёхсполовинолетним, во весь свой гигантский рост...

Выбрать я имел право лишь одну игрушку.

Мучительно захотелось реветь.

Потому что выбрать было невмоготу.

Свобода выбора подавляла...

И тогда я решил выбрать не мягкую игрушку, а какую-нибудь другую.

Пожётче.

Чтобы обидно не было...

Чуть поколебавшись между грузовиком (машинки меня интересовали не слишком) и сборно-разборным пирамидальным московским Кремлём, я остановился на макете державной святыни.

Решающим аргументом посчитав такой: подарок преподносится мне отнюдь не на мой личный праздник.

На государственный, символом коего Кремль и является...

Кстати, о Кремле и подарках.

Съедобных (которые я и за подарки-то не считал...).

По работе Дедушке постоянно приходилось бывать на всевозможных правительственных мероприятиях и партийных съездах.

Оттуда (из Кремля и Кремлёвского Дворца Съездов) он каждый раз притаскивал мне «Апельсинные и лимонные дольки» – конфеты в жестяной вертикальной, обклеенной синей бумагой с рисуночками, коробочке.

Невесомая коробочка напоминала баночку из-под маринованных огурцов, радуя глаз (и руки) своей круглой лёгкой зеркальной крышкой.

Эти конфеты можно было принести лишь оттуда – из Кремля.

Вместе с другими, которые назывались «Клюква в сахаре», и тоже обладали изысканным (для не очень избалованного советского дошкольника) вкусом.

Что до выбора подарка самому себе – в аналогичную ситуацию я попал, когда Папа абсолютно неожиданно, перед обедом, забрал меня из детского сада (не этого, первого, а второго, в моей жизни и последнего).

Чтобы повезти в магазин «Детский мир», куда мы порой выбирались с Мамой (там, на верхнем этаже в продаже имелось тёплое мороженое!).

Где бы я мог сам приглядеть нужный мне подарок.

Любой.

Но – опять же – всего один.

И – снова – возникла проблема выбора, когда – после разьедающих душевных терзаний – я выбрал защитного цвета румынский пыльник.

В него был одет белолицый невзрачный манекен, изображающий мальчугана моего возраста.

Плащ этого манекена мне и достался.

Снятый с него продавщицей, на груди которой сиял комсомольский значок.

Выбор в пользу плаща я сделал, повинувшись ощущению, что я уже взрослый, раз мне доверили столь ответственное

самостоятельное решение, а стало быть, я просто обязан выбрать вещь стоящую, полезную, целесообразную...

Нечто подобное произойдёт со мной, двенадцатилетним, в пионерлагере «Артек», всесоюзной детской здравнице, когда в канун окончания майско-июньской смены нас, пионеров десятого отряда дружины «Кипарисная», повезут на экскурсию по ЮБК – Южному Берегу Крыма.

В курортном городе Ялта пионервожатые предложат нам купить сувениры для дома.

Я и куплю.

Русско-английский словарь.

На семьдесят пять, что ли, тысяч слов.

Габаритный, тяжеленный.

За пять рублей, ноль-ноль копеек (англо-русский-то семидесятипятидесяти тысячник мне к тому времени уже успеют подарить Старшие Родственники).

А на покупку ковбойской шляпы денег у меня – увы – не останется...

Однако это будет уже потом, в моём школьном детстве...

Поход в «Детский мир» с Папой ознаменовался для меня и посещением ресторана.

Вроде как метрополитен, да слегка иначе.

«Метрополь».

Где был метрдотель...

Папа явно хотел произвести на меня ошеломляющий эффект.

Нетрадиционными действиями.

Впечатлить, разбив изжившие (временно) себя собственные поведенческие стереотипы.

По крайней мере, если иметь в виду его привычные отношения со мной.

И ко мне.

Папа старался выглядеть чрезвычайно положительным, лишённым хулиганских черт.

Особенно в свете назревающего развода с Мамой.

Назревающего, но так и не состоявшегося...

Свобода выбора, предоставленная мне в тот день, касалась и ресторанного выбора.

Официант в клоунской жилетке и с артистической бабочкой на шее принёс меню.

Папа кивнул в мою сторону – и меню оказалось у меня в руках, перед еле-еле умеющими читать глазами:

Кеу-рео-пе-атка (куропатка), две бутылки лимонада и чёрная икра – таким был мой самостоятельный выбор.

Чёрная икра – это да!

Бутерброды с ней мне делала Бабушка.

Чёрная была совсем не то, что красная, вкус которой я тоже знал...

Выбором своим я остался доволен – здоровский заказ!

Вместо навязшего на зубах всегдашнего детсадовского обеда!

Никакого первого!

Никакого второго!

Даже никакого компота из свежих сухофруктов!

И – уж точно – никакого питья рыбьего жира перед едой!..

Детский сад на Садовом Кольце я почти не помню.

Не помню интерьера, не помню лиц, не помню игр.

Но хорошо помню, что все наши прогулки проходили на крыше.

Соседнего с детским садом дома.

Сначала нас, парами, приводили туда и запускали в подъезд.

По узкой винтовой лестнице, гуськом, воспитательницы вели нас вверх, где на крыше была оборудована детская площадка для гуляния.

– Почему ты не любишь ходить в детский сад? – спрашивали меня дома Старшие Родственники.

– Потому что там заставляют строиться в пары! – отвечал я.

Насильно строиться в пары я не любил.

А вот прогулки по крыше меня привлекали.
Очень-очень!
Вы спросите:
– Чем?
Нет, вы не спросите.

3. ШПИОН МАРТЫНОВ

– У него в паспорте написано, что он шпион? – живо поинтересовался я.

– В паспорте такой информации не пишут! – ответил Папа и улыбнулся.

– А как же наши контрразведчики узнали, что он – шпион?

– Такой информации у них пока нет.

– А ты откуда знаешь, что он шпион?

– У меня есть надёжный тайный источник информации.

– И что сообщает этот источник?

– Что Мартынов к нам заброшен.

Мы с Папой гуляли вблизи дома – и я сразу же представил заброшенного к нам (в кухню – через открытую форточку – с самолёта, на парашюте!) иностранного шпиона Мартынова – Мартына – мохнатую обезьянку в клетчатых штанах на ляпочках и с расчёской в руке – мою новую заводную игрушку.

– А где шпион Мартынов был раньше?

– Под видом Дона Лимона работал журналистом.

В газете «Жёлтый лист».

Про Дона Лимона – американского журналиста из газеты «Жёлтый Лист» мы вечерами читали с Папой книжку.

Вернее, папа мне её читал.

А я слушал, притулившись к нему.

Тоненькая книжка, которая очень нравилась Папе (ну и мне, конечно тоже) была выпущена издательством «Детский мир».

Кроме «Дона Лимона» – Папа мне ничего не читал.

Правда, рассказывал историю про смелого мангуста Рикки-Тикки-Тави и пересказывал мультфильм про циркового слонёнка Тимку, которого называл «слон Тишка».

Причём в одно слово – «Слontiшка»...

И декламировал стихи (отчасти собственного сочинения) про некоего утёнка времён своего детства:

*– Вышел прогуляться
Знаменитый Тим.
Реки и озёра
Раскинулись пред ним.
Только он собрался
Сигануть в воду,
Как Страшное ЧудИще:
– «Хау ду ю ду!»*

Или – иначе, преображая западного утёнка в передового деятеля советской науки:

*– Вышел на прогулку (прогуляться)
Академик Тамм.
Горы и поляны (долины)
Жевали чаингвам...*

Далее – по предыдущему тексту.

А ещё – показывал картинки-комиксы, живописующие приключения не менее знаменитого Пифа – французской рисованной журнальной собаки.

Когда я проходил приёмные испытания перед зачислением в мою будущую английскую школу, от меня потребовали, чтобы я сочинил рассказ по картинке, чего я терпеть не мог.

На картинке был изображён легендарный Пиф.
Которого я тоже недолюбливал..

Сочинением рассказа по картинке приёмные испытания (иначе — собеседование), проходившие в директорском кабинете, не ограничились.

Молодая напористая женщина в ярком платье спросила у меня, на каком этаже я живу.

– На пятом.

– А я – на девятом.

На сколько этажей я выше?

Я сообразил – и через несколько часов нам с Бабушкой сообщили, что я принят.

Она потом станет моей первой учительницей – эта молодая напористая женщина, мастер спорта по плаванию, дочь художника, делавшего иллюстрации для детского юмористического журнала «Весёлые картинки», который выписывал Папа — якобы для меня..

Учась во втором классе, я окажусь у неё дома, на девятом этаже, где перед входом в квартиру – мы столкнёмся с её ближайшим соседом.

Она шумно расцелуется с ним.

С ним – первой скрипкой силантьевского оркестра, карликово малорослым человеком, благодаря грандиозным связям которого, меня приняли во второй детский сад..

Видимо, и своим поступлением в среднюю школу с преподаванием ряда предметов на английском языке я был тоже обязан ему.

Тем более, что наш дом относился совсем к другому микрорайону, чем моя будущая школа..

Написал книжку про «Дона Лимона» Генрих Сапгир – и речь в ней шла о визите в Советский Союз начала шестидесятых годов последнего века прошлого тысячелетия американской неправительственной делегации, куда включили (внедрили?) и Дона Лимона.

Журналисту его руководством было дано задание, сформулированное (примерно) так:

*В край советский поезжай
Поглядеть на урожай.*

В деталях же, сдобренное зарифмованными нежными напутствиями и зловещими угрозами руководства, задание для Дона Лимона выглядело даже несколько пародийно.

Хотя весьма конкретно;

*Провожал его Шеф, Грейпфрут:
– Поезжай, Гуд бай, мой друг!
Жду статьи о сорняках,
О колючках и песках.
А о прочем ни полслова.
Кожуру сдеру с живого!..*

Американская делегация прилетела в Союз Советских Социалистических Республик, чтобы моментально отправиться на экскурсию по бескрайним колхозным полям:

*Вот в машине серебристой –
Иностранцы. Интуристы:
Дон Лимон, Джон Маис,
Ананас и юный Рис.
За рулём сидит шофёр –
Наш колхозный Помидор.*

А вот перед глазами американцев расстилаются и сами поля времён правления Никиты Сергеевича Хрущёва, на фоне чуть рассосавшегося закордонного Карибского кризиса.

Сплошная кукурузная культура.

То-то Джон Маис выглядит столь обрадованным:

*– Здравствуй, край родной Айова!
Говорят ему: – Здорово! –
Здоровенные ребятки –
Кукурузные початки:
– Только это не Айова.
Это курские поля.
Это русская земля!*

Хрущёвская агитка для детей, талантливо отработанная помаленьку входящим в опалу Сапгиром, нам с Папой ужасно нравилась.

Мне – вдобавок — потому, что Генрих Сапгир (вместе с Геннадием Цыферовым) являлся автором сценария мультфильма «Паровозик из Ромашково», а подмосковное местечко с этим цветочным названием находилась всего в нескольких остановках от платформы «Беговая», откуда Папа с Мамой иногда ездили кататься на лыжах.

Как раз в Ромашково.

Или в Рабочий посёлок.

Без меня (я на лыжах катался в скверике, рядом с домом и, естественно, под присмотром сменного Старшего Родственника).

Кстати, однажды зимой, под конец прогулки, когда лыжи уже находились в руках у Старшего Родственника, я решил (с его позволения) забраться на чугунную скульптуру чёрной лошади, установленную недавней осенью посредине заметённой сейчас снегом клумбы.

Лошадь поставили (видимо, с символической целью), аккуратно, напротив здания ипподрома, где на башне со шпилем издавна хозяйничали бронзовые (или – какие там?) фигуры скульптурных скакунов.

На скверной (в смысле – хорошей, но приписанной к скверу) лошади удобно примостился голый чёрный чугунный мальчик.

Мальчик внесезонно купал чёрного коня в летней речке и немного мешал мне удобно сидеть на спине одной с ним лошади.

Наконец, я устроился максимально удобно – и в знак признательности жизни за такое радужное развитие событий, за такую хорошую лошадь, вдруг долговременно возникшую – буквально – в двух шагах от нашего дома, да и вообще – от переизбытка чувств – лизнул языком то ли гриву, то ли морду четвероногой.

На морозе (пусть даже лёгком) язык мой накрепко прилип к одушевлённому мной предмету.

И отлипнуть явно не хотел.

Вернее, не мог.

Хоть – через боль, пронзившую всего меня и сопровождаемую моим яростным рёвом – я пытался его отлепить.

Было очень страшно, что язык никогда не отлепится.

Но он – всё-таки – отлепился...

Дон Лимон занимал меня настолько, что я многожды (впрочем, однозначно безуспешно) пытался рисовать портреты продажного журналиста, а Папу частенько заставлял делать Дона Лимона.

Почему-то не из лимона.

Из апельсина.

С помощью перочинного ножика Папе каким-то чудесным образом удавалось освободить апельсин от его съедобных внутренностей (они употреблялись нами в пищу), а оставшуюся кожуру, сохранившую форму фрукта, вырезав на ней глаза, нос и рот, превратить в объёмного стихотворного персонажа.

Чтобы – завершающим штрихом – вставить ему в рот спичку.

Вместо положенной (согласно книжной картинке) сигары.

Если честно, наши с Папой Доны Лимоны (их было изготовлено в общей сложности с десяток) больше смахивали на их лукаво-сурового Шефа – Грейпфрута.

Самый настоящий гибрид получался...

– Сначала шпион Мартынов под видом Дона Лимона работал журналистом в газете «Жёлтый лист», – повторил Папа, – после чего на некоторое время ушёл в подполье.

Про подполье я знал наизусть стишок Маршака – начало его знаменитой Азбуки, состоящей из двустиший:

*Аист жил у нас на крыше,
А в подполье жили мыши.*

Старшие Родственники объяснили мне, что такое подполье – и я, творчески переработав стихи Маршака (а заодно – превратив их в прозу) предложил миру нижеследующую версию, отчасти принадлежащую перу (ещё не умеющего к тому времени писать) городского дошкольника, живущего на пятом этаже шестиэтажного дома:

*Аист жил у нас на крыше,
А в подполье жили Кузякины.*

Кузякины – это была фамилия наших соседей снизу.

– А потом? – спросил я, в буквальном смысле сидящий на Папиной шее и с аппетитом уплетающий яйцо вкрутую, только что им купленное (вместе с кружкой разливного пива) в хлипкой типовой будочке «Голубой Дунай», которая примостилась между забором нашего дома и входом на ипподром.

– Шпион Мартынов был заброшен к нам под видом заводного игрушечного мартына.

– Чтобы что?

– Чтобы, не привлекая к себе внимания, собирать важные агентурные сведения.

– А как же он их собирает – он же всё время сидит дома?

– Ночью, когда в квартире все ложатся спать, он сам себя заводит ключом, открывает форточку и выпархивает через неё...

Про форточку – чистейшая правда.
Она только снизу маленькой кажется...
Однажды – опять же – зимой — случай был.
Проснулся я ночью.
А заснуть снова никак не выходит.
Мешает что-то.
Да так сильно мешает это что-то, что просто невольно...
Разревелся я в итоге по-настоящему – Маму с Папой
разбудил.

Подбегает ко мне Мама, что, мол, с ребёнком происходит?

И тут я понял, что.

– Неудёбная подушка! Жаркая!

– Переверни её на другую сторону – говорит Мама.

– Я уже переворачивал – реву я – всё равно неудобная, горячая!

– Ладно, – говорит подскочивший к моей кровати Папа, – давай подушку сюда.

Дал я ему подушку, а Папа форточку открыл – и туда подушку высунул.

И обеими руками держит, чтобы она во двор не выпала.

Подержал её пару минут на морозе – и мне протягивает обратно – холодную, для сна удёбную...

– Чтоб собрать важные агентурные данные, в смысле – сведения, – нудновато уточнил Папа.

И чуть погодя, с радостным облегчением добавил:

– Или днём, когда мы на работе, а ты в детском саду – шпион Мартынов поступает тем же макаром...

Макаром звали бульдога из третьего подъезда.

Ага! – подумал я, – значит, Шпион Мартынов, когда его никто не видит – ещё и лает.

Хитёр, матёр и опасен этот Мартынов.

А с виду такой симпатичный, мохнатый.

Сам расчёской себя причёсывает.

Если его ключом завести...

4. МУЖЧИНА №8

Меня, четырёхлетнего, сфотографировали в ателье.

Причем сделали это весьма удачно.

Меня и раньше фотографировали здесь, у Никитских Ворот, в доме, где находился Кинотеатр Повторного Фильма, и тоже получалось весьма удачно.

Однажды даже серию моих снимков (мне было тогда около двух) выставили в витрине фотоателье на всеобщее обозрение – вот, мол, как отлично ребёнок выглядят, когда его профессионал снимает.

Умиляйтесь, граждане!

И не забывайте об этом привлекательном виде услуг!

Совсем крохотный, десятимесячный, весёлый и здоровый, по итогам другой фотосессии, выглядел я более чем презентабельно, словно приглашая социум выбрать именно мою физиономию для размещения на упаковке полезной молочной смеси, вроде той, что продавалась в магазине «Детское питание», на углу Ленинградского проспекта.

Хотя магазин «Детское питание» привлекал меня совсем другим.

Огромным Аквариумом с подсветкой, в котором плавали всамделишные золотые рыбки.

В магазин мы ходили с Мамой, чаще после успешного съедения на завтрак манной каши.

Чтобы каша была съедена, Мама играла со мной в игру, что я снегоуборочная машина нового поколения, безотходно перерабатывающая весь встреченный снег.

А выданная мне десертная ложка – универсальный ковш снегоуборочной машины.

Это было, когда я уже несколько подрос.

В младенчестве же я питался исключительно материнским молоком.

Молока у Мамы было так много, что она его продавала толпам страждущих, выстраивавшихся к ней в очередь.

Ежемесячно Мама зарабатывала на этом сумму, превосходящую её институтскую повышенную стипендию раза в полтора...

И ещё – про еду.

И – про меня.

Однажды Папа взял меня в гости к своему институтскому приятелю.

Вернее, к его бабушке.

А бабушка была очень хлебосольная.

Стала она меня кормить.

Причем не абы чем – сосисками, которые считались тогда дефицитом.

Съёл я, двухсполовинолетний, две сосиски – и благоклонно улыбнулся приятельской бабушке.

– Что нужно сказать? – спросил меня слегка сконфуженный Папа.

– Ещё сосисочку! – радостно выдохнул я...

Но вернёмся к теме моей фотогеничности.

Очень хорошо вышел я и на снимках, вмонтированных внутрь пластмассовых шариков, внешне напоминающих шары для сбивания кеглей.

Особенно фото, где я в тёмно-синей матроске.

Чудесно получился на карточках, отщёлканных в доме отдыха «Плёсково», на Пахре, куда отправлен был с Бабушкой.

Довольно моложавую, многие там принимали её за Маму, что меня тяготило.

А непосредственно во время фотографирования меня, посаженного в траву, больно кусала крапива...

И во второй детский сад приходил к нам платный фотограф.

На чёрно-белом портрете в ковбойке я одухотворён и задумчив.

К тому же зачёсан набок влево, а не вправо – как я всегда носил.

По личной инициативе.

Собственными руками с общественной в них расчёской...

Пожалуй, это одна из лучших моих фотографий.

На протяжении всей жизни...

Впрочем, три заключительных истории с фотографиями случились потом, а пока – меня, четырёхлетнего, сфотографировали в ателье у Никитских Ворот – и сделали это весьма удачно.

Во всяком случае, Бабушке снимки очень понравились.

Бабушка даже показала их соседке, с которой тесно общалась (мы и наши соседи сверху дружили семьями).

Соседке карточки приглянулись тоже – и она отнесла пачку фотографий к себе на работу, чтобы там показать сослуживицам.

А работала соседка на телевидении, в литературно-драматической редакции.

Как раз, когда соседка вынула мои фото, чтобы продемонстрировать разновозрастным тётенькам из литдрамы, в комнату вбежал Леонид Ленч, популярный тогдашний юморист и сатирик, который, кроме всего прочего, был телевизионным режиссёром и сценаристом.

С ходу попались ему на глаза мои фотографии, чему он чрезвычайно обрадовался.

Потому что, akurat, в то же самое время искал товарищ Ленч дошкольника на роль мужчины в передаче, посвящённой Международному Дню Солидарности Трудящихся Женщин Всех Стран Восьмое Марта...

Ну, и запал мой образ Ленчу в душу.

Да так крепко запал, что уже через день я оказался в телецентре, на пробах, куда был привезен Бабушкой.

На Дедушкиной служебной машине.

Пробы прошли успешно.

Но какой в точности будет моя роль, Ленч пока не придумал.

Время, чтобы придумать, у него ещё оставалось – и мы с Бабушкой на дождавшейся нас машине отбыли домой.

Миновало несколько недель.

А может, месяцев.

За будничными детсадовскими и воскресными домашними играми я даже умудрился запомнить, что меня утвердили на роль в грядущем праздничном телепредставлении.

И не вспомнил бы, наверное, никогда.

И Бабушка, полагаю я сейчас, не напомнила бы.

Ведь, скорее всего, она тогда решила, что от моих услуг Ленч по известной ему и не известной нам причине надумал отказаться.

И не сообщил нам об этом.

Из человеколюбия и дабы не травмировать детскую психику.

Вот и Бабушка, похоже, не желала травмировать мою детскую психику...

Однако время – как оказалось – уже подпирало – и нужно было опять ехать на телевидение.

Причем не для того, чтобы принять участие в генеральной репетиции (про которую шла речь несколько времени назад), а чтобы в прямом эфире вечером седьмого (или восьмого?) марта 1963 года сыграть роль настоящего мужчины.

Мужчины №8.

Из шоу «Двенадцать внимательных мужчин».

Так называлась развлекательная телепередача.

Информация о прямом эфире (и сопутствующая ей) явились к нам на дом за пару дней до предстоящего события – и, кроме снегом свалившегося на головы общего переполоха, потребовали (по большей части, от Бабушки) массы конкретных оперативных действий.

Неожиданно выяснилось, что почему-то именно мы должны найти и привезти в студию сибирскую кошку для интермедии, которую должна была исполнить артистка Ольга Аросева.

Также на нас возлагалась задача по нахождению двух бантов: одного (голубого) на шею мне, другого (розового) на шею кошке...

Кошка отыскалась во втором подъезде – и после сложных многочасовых, но в конечном счёте успешных Бабушкиных переговоров с её хозяйкой, начались поиски бантов.

Эти поиски, к счастью, не заняли много времени и сил.

Разноцветные банты (проще говоря, обычные девчачьи ленточки) нашлись в том же подъезде, но этажом ниже.

Мне же предлагалось выучить припев из шлягера начала шестидесятых – песни «Солнечный круг» композитора Аркадия Островского и поэта Льва Ошанина.

А припев, якобы послуживший основой для создания песни – как гласила народная легенда, озвученная на всю территорию одной шестой части мировой суши в воскресной радиопередаче «С добрым утром!» – сочинила какая-то малолетняя девочка...

Припев был коротеньким: всего четыре строчки.

Причем его можно было не учить.

Потому что слова песни, каждодневно тиражированной основными программами всесоюзного радио и центрального телевидения, я знал наизусть (дополнительное спасибо певице Тамаре Миансаровой...).

Короче, урочным вечером на такси (Дедушкина служебная «Волга» по неведомым для меня причинам в мероприятии задействована не была) – мы выдвинулись в сторону Шуховской башни – места обитания главного телецентра Советского Союза той поры.

Мы – это Бабушка с двумя разноцветными бантами, сибирская кошка и я.

Когда наш автомобильный коллектив прибыл на телевидение, он сразу же был разбит бдительным редактором на составляющие.

Кошка поступила в распоряжение артистки Ольги Аросевой.

Бабушку посадили на продавленный кожаный диван в редакторской комнате.

А меня, минуя предварительные инстанции, отправили напрямик к Леониду Ленчу.

– Выучил про круг? – по-моему, даже не поздоровавшись, поинтересовался напористый Ленч.

– Да! – бойко и лаконично соврал я.

– Тогда продекламируй! – потребовал тот.

Призванный на суд Ленча, я продекламировал.

– Сначала Небо, а потом Солнце! – суровый Ленч преврал меня на середине припева

Я знал песню – включая припев — как облупленную.

Назубок.

Солнце там было сначала, а Небо потом.

Что я и попытался объяснить Ленчу.

Но ему мои объяснения были ни к чему.

Ему было нужно, чтобы сначала было Небо, а Солнце потом.

Как я понимаю сейчас – по его, Ленча, взрослой логике выходило: Небо больше Солнца.

Да и вообще, Солнце находится на Небе.

Поэтому Небо главнее и первичнее Солнца..

Маленький я ещё раз попробовал объяснить Ленчу, что Солнце сначала, а Небо потом.

Так в песне – и не я это придумал.

Однако пожилого сценариста, режиссёра и многое прочее мое видение (и слышание) ситуации не интересовало.

Совсем.

Что мне оставалось делать?

Я не знал – и – скрепя сердце – подчинился воле взрослого.

Небо теперь у меня шло сначала, Солнце потом.

Дальше следовали Мама и Я.

По старшинству и росто-весовым параметрам..

Несколько раз я продекламировал припев, стоя на полу.

Затем творческий экспериментатор Ленч предложил мне вскарабкаться на стульчик, чтобы те же строчки могли прозвучать с возвышенности.

А заодно – произнесённые устами почти младенца и подкреплённые его органичными телодвижениями при

вскарabкивании на поверхность, могли (чуть позже) уми-
лить среднестатистического советского телезрителя.

Строчки и прозвучали.

Ещё пару-тройку раз, подменяя собой так и не состо-
явшуюся вовремя генеральную репетицию.

По завершении репетиционной работы со мной, Ленч
переключил своё режиссёрское внимание на артистку Оль-
гу Аросеву и сибирскую кошку, а я неожиданно-негаданно
очутился вне поля его зрения и внимания.

Да и вне поля зрения и внимания всех прочих здеш-
них.

Предоставленный самому себе, я сперва заглянул во
все студийные уголки, после чего стал гулять вдоль-попе-
рёк коридора, заглядывая в приоткрытые двери.

Одна из дверей была открыта настежь: перед большим
зеркалом сидела знакомая мне по телепередачам и давно
мне нравящаяся диктор центрального телевидения Аза
Лихитченко, одетая почему-то в костюм гусара.

Возле неё, на столике стоял (не лежал же!) настоящий
гусарский кивер.

«Вот бы примерить!» – с вожделением подумал я.

Я тогда неровно дышал ко всяческого рода головным
уборам..

Особенно это касалось шапок военизированных: фу-
ражек, пилотов, папах.

Как-то по телевизору показывали кинокомедию
«Цирк» режиссёра Григория Александрова, которую Стар-
шие Родственники разрешили посмотреть и мне.

Однако спокойно посмеяться я им не дал.

Потому как начал плакать.

Впрочем, Старшие Родственники всё-таки вволю по-
смеялись.

Потом.

Когда выяснили причину моих слёз.

Оказывается артист Массальский, исполнявший глав-
ную отрицательную роль, в приступе гнева сорвал будё-

новку с головы негритёнка (его играл будущий русский советский поэт Джим Паттерсон) и бросил её на пол.

Чем вызвал мою бурную продолжительную реакцию...

Но – вернёмся к нашим баранам.

Как я понимаю сейчас – диктор Аза Лихитченко, облачённая в мужское платье (ха-ха!), перед большим зеркалом гримировалась, готовясь дружески отпародировать в праздничной телепрограмме, посвящённой женскому дню, очень юную актрису Ларису Голубкину, мгновенно ставшую знаменитой с появлением на широком киноэкране лирико-героической комедии режиссёра Эльдара Рязанова «Гусарская баллада»...

Обо мне всё-таки вспомнили, схватили в охапку и тоже принялись готовить к эфиру.

Пока ловкие гримёрши в четыре руки меня гримировали, а приставучий Ленч давал мне очередные наставления, я думал о том, что здорово было бы примерить кивер перед большим зеркалом.

И о том, что диктор Аза Лихитченко нравится мне в гусарской форме ничуть не меньше, чем в одежде обычной дикторши...

Тем временем передача «12 внимательных мужчин» уже началась.

Не за горами маячил и мой выход.

Согласно строгой очередности – ближе к концу, ведь в титрах, которые, впрочем, должны были пойти (и пошли) ещё позже, по завершении прямого эфира телешоу, я значился как «мужчина№8».

В ожидании выхода на сцену (то есть — на студийный пол), я вдруг стал думать о том, что, может, всё-таки не нужно слушаться этого Ленча, а проговорить со стульчика припев известной песни про солнечный круг правильно: чтобы сначала Солнце, и лишь потом Небо.

Или – лучше – взять да прочитать стихи про доктора Айболита.

Немножко переврав.

Как их Папа мне дома читает.
Когда диссертацию не пишет:

Злобный Догтор Влигалит.
Он за теремом бежит!..

Кстати, о Папе, Папиной диссертации и другом его занятии.

В качестве очень небольшого лирического отступления.

Диссертацию Папа писал вечерами, после работы.
Сидя за своим письменным столом.

Под лампой с жёлтым абажуром, свет которой не давал мне, каждый раз к тому времени уже уложенному в кровать, спокойно уснуть.

Тоже каждый раз...

Заснуть при свете никак не выходило.

Вести же себя требовалось тихо-тихо.

Потому что «Папа занимается!»

Так это называла Мама.

А с утра Папа тоже занимался.

Громко-громко!

Зарядкой.

Многokrатно выжимая двухпудовые гири.

Одновременно обеими руками, ладони которых были предварительно вываляны в тщательно растолчённом дома, позаимствованном на институтской кафедре, мелу...

Тем временем холодная ванна ждала своего часа, набираясь ужасающе медленно.

До нашего пятого этажа вода доходила плохо.

Особенно по утрам и вечерам..

Но – опять – вернёмся к нашим баранам.

Свободолюбивые мысли так и остались мечтами, выветрившись из моей головы без остатка в момент, обусловленного сценарием появления перед работающими телекамерами.

В качестве мужчины №8.

Мужчина№8, непосредственно озираясь по сторонам, прошагал к загодя приготовленному для него ассистентом режиссёра стульчику, очаровательно повернувшись мальчишкой попойкой к телезрителям, вскарабкался на него, и звонким детским голосом продекламировал четыре строчки припева в той последовательности, какая требовалась настырному Ленчу: сначала Небо, потом Солнце...

Отчеканив положенное, мужчина№8 (голубой бант, белая рубашка, синие короткие штаны с бретельками, чулки-носки, сандалеты навыворот) повторно (и опять же абсолютно произвольно) повернулся той же попойкой к уважаемым телезрителям, дабы проследовать в непростреливаемую операторами часть телестудии...

Здесь меня поджидал неумный Ленч, которому пришло в голову, что по окончании передачи именно я должен вручить цветы артистке Ольге Аросевой, – единственной женщине, принимающей участие в телевизионной программе.

Не считая диктора Азы Лихитченко, пародирующей актрису Ларису Голубкину в роли корнета Азарова...

Против артистки Ольги Аросевой я не имел ничего.

Даже запомнил, как она репетировала сама с собой (и кошкой) интермедию, в которой то и дело (рефреном?) произносилось словосочетание «Мневники-тебевники».

Против артистки Аросевой я ничего не имел.

Однако диктор Аза Лихитченко выглядела намного привлекательнее – и нравилась мне гораздо сильнее.

И форма её гусарская тоже мне нравилась.

Особенно кивер...

Поэтому я сказал Ленчу, что цветы, конечно, вручу.

Но не артистке Ольге Аросевой, а диктору Азе Лихитченко.

Честно говоря, это был не совсем бескорыстный порыв.

Я подспудно надеялся, что, получив от меня букет красивых цветов, диктор растрогается и разрешит мне примерить свой кивер.

Ленча моя идея почему-то не устроила.

Он безальтернативно настаивал на кандидатуре актрисы Ольги Аросевой.

Как получательницы букета.

Я же затравленно молчал.

Вопрос повис в воздухе.

Впрочем, до конца действия оставалось время – и мне хотелось верить, что расслабленный удачно складывающимся прямым эфиром седовласый Ленч хоть в чём-то уступит четырёхлетнему ребёнку...

Получилось иначе.

Когда передача практически закончилась, но прямой черно-белый эфир ещё продолжался, яркий и пышный букет цветов актрисе Ольге Аросевой вручил сам Ленч.

А мы: Бабушка, сибирская кошка с розовым бантом и я с голубым – вскоре отправились домой на любезно предоставленном нам Ленчем телевизионном рафике.

Назавтра я проснулся знаменитым.

О чём и сообщили мне мои Старшие Родственники.

Через много-много лет.

5. ВОЛОЧАЕВСКИЙ КОЗЁЛ, ИЛИ БОКОВОЕ «Р»...

Будучи младшим дошкольником, если рядом пели «В лесу родилась ёлочка», я плакал.

Всегда.

Плакать я начинал не с самого начала старинной новогодней песни, а с того места, как появлялась «мошноногая лошадка».

Страдальчески морщась и повторяя «толёпится-безит», я ещё хныкал, постепенно переходя на стопроцентный плач.

Плач же автоматически переходил в откровенный рёв, достигая своей высшей ноты, когда материализовывался едущий «музичок», – тот, что мгновением позже «слюбил ёлёчку».

Оптимистический заключительный куплет о приходе нарядной ёлочки на праздник сути дела не менял и рёва не прекращал.

Срубленную под корешок ёлочку (аж пару лет подряд) мне было очень жалко.

До слёз...

Да и вообще в дошкольном детстве песни меня интересовали.

Я предпочитал сюжетные, с постепенно разворачивающимся действием — и крайне легко их запоминал.

Помню песню про девушку-партизанку Женьку.

С трагическим финалом, который почему-то воспринимался мной просветлённо — и ожидаемых Старшими Родственниками слёз у меня не вызывал.

Помню песню про Щорса, у которого «голова обвязана, кровь на рукаве», и за здоровье которого я очень переживал, ведь за ним, раненым, «след кровавый стелется по сырой траве»...

Папа, когда пел песни, часто перевирал их слова.

Например, каждым утром раздавалось:

*– На зарядку по порядку
Через пень, через колоду становись!..*

Либо – вне зависимости от времени суток:

*– Тронутые ласковым завгаром
Ноги обожжённые твои!..*

*– На помывку едет
Молодой моряк!..*

А если Папа вдруг не перевирал и пел правильно, всё равно бывало смешно.

Скажем, спрашивал Папа потенциального слушателя. Маму или меня (или нас обоих):

– Какая песня начинается на МЫЛО?

– Не знаю! – отвечал потенциальный слушатель (или оба вместе).

– *МЫЛОшадок напоили.*

Их почистили, помыли! –

выделяя начало, с выражением пел Папа.

Потенциальный слушатель (или оба) заходился в хохоте.

А Папа не думал на этом останавливаться и снова спрашивал:

– Какая песня начинается на УХО?

Естественно, никто не был готов ответить.

Тогда Папа, с усиленным ударением на первом слоге, торжествуя, заводил:

– *УХОдили комсомольцы*

На гражданскую войну!

Мне становилось весело, но действительности Папино заявление явно не соответствовало, ведь песня начиналась со строчки «Дан приказ ему на запад», что я Папе и выкладывал, предварительно отхохотав.

Папа такие мелочи пропускал мимо ушей.

И, пропустив, интересовающе продолжал:

– Между прочим, другую такую песню ещё поискать.

В ней героиня, – говорящая собака!

После чего Папа выдерживал мхатовскую паузу, и только затем пел своим приятным (но не габтовским) баритоном, выделяя собачью голосовую составляющую:

– *И родная отвечала:*

«Я же ЛАЮ всей душой!»...

Почему-то сильнее всего доставалось от Папы песням о гражданской войне.

Партизанскую дальневосточную песню на слова Сергея Алымова «По долинам и по взгорьям» Папа, полноправно разделяя авторство со стихотворцем (и будучи в своём репертуаре), завершал одним и тем же, им бесконечно любимым куплетом:

*– И останутся как сказка,
Как манящий ореол –
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевский козёл!..*

Бабушка Папиных вольных отношений с песнями советских композиторов (в реальности – поэтов) активно не одобряла, поэтому свои версии общеизвестных песен Папа старался петь, когда Бабушки поблизости не было.

Остальные Старшие Родственники (Дедушка и Дядя) препятствия Папе в его словесных действиях не чинили.

Возможно, по причине пресловутой мужской солидарности.

А вернее всего, из-за очевидной и повсеместной нехватки свободы.

Пусть даже иллюзорной..

У меня тоже порой получалось переживать песенные слова.

И тоже получалось смешно.

Правда, в отличие от Папы – не нарочно.

За мной такое в принципе водилось.

Например, борную кислоту, хранившуюся в нашем туалете, я называл «уборной» кислотой, полагая, что так она называется из-за места своего хранения..

С песнями в моём исполнении нечто подобное случилось сплошь и рядом.

«Сормовскую лирическую», на слова Евгения Долматовского я пел так:

*– Под городом Горьким,
Где ясные зорьки,*

*С рабочим в посёлке
Подруга живёт!..*

Особенно трогательно это выглядело применительно к слову «подруга», которое в моём исполнении звучало как «подлюка».

Ведь букву «р» я тогда не выговаривал, заменяя её буквой «л»...

А потом стал заменять так называемым «боковым р», когда язык, во время произнесения звука «р» – не касается нёба, а грубо отклоняется от генеральной линии.

Вбок.

В случае меня – язык шёл направо...

Мне – изнутри — казалось, что моё выдаваемое миру «р» звучит идеально.

Но бдительные Старшие Родственники – были в ужасе.

Ужас трансформировался в принятое решение о необходимости появления логопеда, койй вскорости посетил нашу квартиру.

Правильнее сказать, посетила.

Потому как логопед оказался весьма привлекательной молодой женщиной.

Впрочем, меня проинформировали лишь о том, что к нам едет логопед..

А что логопедом (логопедшей) окажется очаровательная девушка, я выяснил минут через пятнадцать после её прихода.

Ведь с того момента, как раздался дверной звонок визитёрши до момента появления дивы в Маленькой Комнате, я прятался под Папиным Письменным Столом, демонстрируя Старшим Родственникам моё нежелание заниматься с логопедом.

Старшие Родственники мой протест проигнорировали.

В отличие от случая с преподавательницей фортепьяно, которая так же, как девушка-логопед однажды очутилась на пороге нашей квартиры, дабы начать со мной индивидуальные занятия..

Очутилась, но до Маленькой Комнаты, где, сидя под Папиным Письменным Столом, я бойкотировал её приход, так и не добралась.

Ибо Старшие Родственники сыграли пианистке «отбой»...

Логопедше они — напротив — предоставили «зелёную улицу» для занятий в Маленькой Комнате, выходящей окном во двор...

Но – по-видимому – красавица курила.

Я чувствовал запах табака сквозь её духи.

В нашей же Семье Старшие Родственники не курили (потом я узнал, что Дедушка был злостным курильщиком на протяжении четверти века – в одночасье бросив – буквально за пятилетку до моего рождения) – и курение чужих взрослых молчаливо не одобрялось.

Ну, я и брякнул домашним после седьмого, что ли, занятия с очаровательной логопедшей, мол, смущает меня то, что тётя, похоже, курящая...

Брякнул не сразу, поскольку откровенно колебался, нужно ли доводить до сведения Старших Родственников это обстоятельство — девушка-то мне нравилась...

Но чувство долга (или чего там?) чувство симпатии пересилило.

Старшие Родственники среагировали на моё донесение чрезвычайно чутко, оперативно лишив меня общения с длинноногой красавицей, приходившей к нам в моднющем тогда плаще-болонья...

Довольно скоро – через знакомых – отыскался другой логопед (опять же логопедша).

Внешне малоинтересная и не слишком молодая.

К тому же теперь не логопедша приходила ко мне, а меня возили на занятия к ней.

Всего в течение двух недель – при помощи зубной щётки с отрезанной щетиной – она превратила моё боковое «р» в нормальное, общеупотребительное.

Сказав на прощание, что благодарить мы должны её предшественницу, сделавшую самую сложную и важную часть работы.

Однако Папа считал, что отучил от бокового «р» меня он.

Ведь именно он, Папа, придумал фразу, где практически в каждом слове наличествовало «р».

И нежно вынуждал меня эту фразу произносить.

В день по несколько раз.

Фраза была такая: «Серёжа Белорусец играет на трубе!»

А ещё Папа меня спрашивал (не умеющего ни читать, ни писать):

– Как правильно надо говорить: кремаль, крем~~ы~~ль или кремоль?

Я был московский «акающий» мальчик, поэтому, скорее, склонялся к первому варианту...

6. КАЛЯКА-МАЛЯКА

– Зачем ты рисовал в кружке? – ласково спросил меня Папа.

– Низачем. Я не рисовал! – ответил я.

Тогда Папа принёс из кухни свою жёлтую эмалированную кружку.

Довольно страшенькую на вид, но Папину любимую.

Именно из этой кружки он всегда пил горячий чай, размешивая долгорастворимый сахар любой попадающейся под руку ложкой.

Или вилкой...

– Смотри! – нежно сказал папа, – и сунул мне под нос кружку.

Я взглянул — и увидел, что кружка пустая.

В ней не было ни чая, ни холодной воды из-под крана, которую Папа тоже любил пить именно отсюда.

– Зачем ты рисовал в кружке? – доброжелательно повторил Папа.

И тут я заметил, что Папина любимая кружка изнутри была разрисована тем, что в нашем доме называлось словосочетанием «каляка-маляка»...

Нормальная такая каляка-маляка.

Жалко только, что не цветная.

– Я не рисовал! – ответил я.

– Тогда кто? – уже не очень доброжелательно спросил Папа.

– Не знаю! – ответил я.

– Ладно! – угрожающе сказал Папа, – раз ты не знаешь, будем разбираться вместе.

На Семейном Совете.

Семейный Совет в составе Папы, Мамы, Бабушки, Дедушки и Дяди (они же Старшие Родственники) был назначен на ближайший вечер и проходил в Большой Комнате.

Большая была больше Маленькой на две десятых метра, но всё равно называлась Большой.

Видимо, потому, что в ней обитали Самые Старшие Родственники (Бабушка с Дедушкой) и вынужденно примкнувший к ним раскладушечник Дядя...

Редкими заседаниями Семейного Совета обычно руководила Бабушка.

Однако на сей раз эта роль досталась Папе.

Вернее, он сам себе её присвоил.

Как инициатор нынешнего Семейного Совета.

Как его идейный вдохновитель.

Впрочем, остальные Старшие Родственники (в лице Бабушки) перечить даже и не пытались...

Все Старшие Родственники (кроме Папы), будучи массовой и хором, расположились рядом – спина к спине – на застеленном кусачим ковром диване.

А меня посадили в центре Большой Комнаты на табуретку, ради такого случая временно передислоцированную из кухни.

Вокруг меня, периодически меняя радиус движения и неся свои неоспоримые аргументы в массы, вышагивал солирующий Папа:

– Кто рисовал на обоях каляку-маляку в Маленькой Комнате и был пойман с поличным? Серёжа!

Кто, когда стоял в углу за то, что рисовал каляку-маляку, был обнаружен рисующим каляку-маляку на тех же обоях? Серёжа!

Кто рисует всюду и везде исключительно каляку-маляку? Серёжа!

Какому взрослому человеку взбредёт в голову рисовать каляку-маляку, да ещё в кружке другого взрослого человека? Никакому!

Кто рисовал в кружке? И зачем?

Ответ напрашивается сам: наш с Вами Младший Родственник Серёжа! Из хулиганских побуждений!

Но всего неприятнее то, что рисовавший в кружке каляку-маляку Серёжа не желает признать этот очевидный факт, попросить прощения у своих Старших Родственников и пообещать всем нам – впредь – не рисовать в кружке!

Ни простыми карандашами, ни цветными, ни красками!
Ни-ког-да!..

Старшие Родственники укоризненно смотрели на меня, ожидая, когда я признаюсь и всё прочее по списку.

Я же — то молчал, как партизан, то твердил, размазывая по щекам и глотая обильные слёзы, что каляку-маляку в кружке не рисовал.

Наконец, так ничего толком и не добившись от Младшего Родственника, подуставшие Старшие Родственники оставили меня в покое.

А дня через два Папа вдруг опять обнаружил, что кто-то нарисовал в его кружке каляку-маляку.

И всё началось по-новой.

Меня увещевали, стыдили, теснили к позорному столбу...

Долго. Упорно. Самозабвенно.

И – наконец – добились желаемого.

Обессиленный чужим напором и уже сомневающийся в своей непогрешимости – сквозь слёзы и сопли – я со-

знался, что рисовал в кружке каляку-маляку и попросил за это прощения, искренне пообещав ничего подобного никогда больше не делать.

А ещё через пару дней Папа вновь обнаружил, что в его кружке нарисована каляка-маляка.

И я снова, плача, сознался.

И снова попросил прощения.

И снова пообещал так больше никогда не делать...

И меня – как водится – снова простили.

Но – каляки-маляки-то из Папиной кружки всё равно никуда не исчезли!

Их ежедневно стирали ластиком и хозяйственным мылом, содой и пемзой.

А каляки-маляки – вроде вырастающих взамен отрубленных голов сказочного персонажа Змея-Горыныча – возвращались назад, на дно и внутренние стенки любимой Папиной жёлтой кружки...

Правда, меня трогать и тормозить по этому вопросу Старшие Родственники (в лице Папы) перестали.

Прошло ещё немного времени – и Папа – между делом – за какой-то общесемейной трапезой сообщил об окончании кропотливого и длительного расследования дела «О рисовании каляк-маляк в кружке».

Было установлено, что постоянное возникновение каляк-маляк внутри кружки напрямую связано с процессом подготовки к употреблению и собственно поглощением Папой горячего чая.

Короче, когда долгорастворимый сахар в эмалированной кружке с горячим чаем размешивался ложкой (или вилкой) – то на дне и по бокам кружки образовывались трудносмываемые разводы (или царапины), внешне очень напоминающие не что иное как нарисованные простым карандашом каляки-маляки.

Что Папа всем нам наглядно продемонстрировал чуть позже.

Уже за чаепитием.

7. ЗАСЛУЖЕННЫЙ КЕФИРЩИК РЕСПУБЛИКИ

Дедушка был Большой Начальник.
Но почти у каждого большого начальника тоже бывает начальник.

Вот и у Дедушки он был.

А если точнее, то была.

Поскольку начальника звали Валентина Фоминична.

Это – в глаза. А за глаза – просто Фоминична.

Что Фоминична – женщина крутая (в том, ещё давнишнем значении слова) – я знал из Бабушкиных с Дедушкой домашних разговоров, при которых порой мог нечаянно оказаться (совсем не у всех тогдашних больших начальников и квартиры были большие)...

Правильнее сказать, даже не из разговоров, а из их обрывков, ведь едва заметив моё присутствие неподалёку от себя, Бабушка и Дедушка всякий раз в мгновение ока сворачивали с этой магистральной (как я понимаю сейчас) темы и переходили на какую-нибудь другую, менее животрепещущую...

Что Фоминична женщина крутая, я как бы знал, но напрямую меня это никак не касалось.

Никаким боком.

Напротив, со мной она всегда вела себя подчёркнуто вежливо, уважительно, дружелюбно.

Мне очень нравилось с ней общаться.

По-моему, ей со мной тоже.

Я встречался с Валентиной Фоминичной довольно часто.

И в гости она к нам неоднократно приходила, и вместе на подмосковную лыжную базу (которая в дни праздников становилась своеобразным Домом Отдыха Руководящих Работников) мы регулярно выезжали, и на даче потом много лет соседствовали...

Любила Фоминична держать в поле зрения жизнь своих ближайших подчинённых.

Любила (и умела) быть в курсе их семейных дел.

Причем старалась в этих делах — по мере возможности — принимать активное творческое участие.

Как правило — с очевидной пользой для противной (приятной!) стороны..

Бабушка очень хотела, чтобы я вечером за пару часов до сна выпивал чашку кефира.

И многожды пыталась преуспеть в организации нужной для здоровья ребёнка ежевечерней процедуры.

Всё безуспешно.

Ребёнок не желал пить кефир.

Ни кисловатый, естественного магазинного вкуса.

Ни подслащённый с помощью сахарного песка в домашних условиях.

Никакой.

Категорически.

Даже наличие симпатичных, притягательных, похожих на медали, зелёных крышечек из фольги на кефирных бутылках мало что меняло...

Информация о Бабушкиных организационных неудачах посредством Дедушки достигла Валентины Фоминичны, которая, как признанный организатор, сразу же нашла способ решения кефирного вопроса.

Нужно было объявить социалистическое (а какое ещё?) соревнование.

Длиною в квартал.

С целью привлечения ребёнка к систематическому питью кефира.

Причем это должно было быть не просто соревнование, а соревнование по питью кефира!

Кандидатура первого участника состязания у жюри (или как его там?), возглавляемого Валентиной Фоминичной, сомнений предсказуемо не вызвала.

Что до соперника юного спортсмена — практически на безальтернативной основе — им стал Дедушка.

Во-первых, согласно генеральной идее Валентины Фоминичны, для поддержания длительной турнирной

интриги мне требовалась серьёзная конкуренция со стороны опытного, закалённого жизнью бойца.

Во-вторых (весьма приятная неожиданность!), именно закалённый жизнью боец проживал на той же самой жилплощади, что и юный спортсмен, а это позволяло соревноваться ежевечерне, без вынужденных перерывов и простоев.

В-третьих – как посчитала прозорливая Валентина Фоминична – кефир штука полезная не только для ребёнка, но и для взрослого пятидесятилетнего мужчины, коим тогда являлся Дедушка.

В качестве приза подразумевалось нечто.

Что за нечто, похоже, не слишком знали и сами организаторы турнира, надеющиеся, впрочем, в течение трёх месяцев это нечто придумать.

Ближе к награждению.

А там уж торжественно вручить победителю.

На старт! Внимание! Марш!

Валентина Фоминична, прибывшая к нам в гости, дабы перерезать ленточку на кухне, ленточку благополучно перерезала, тем самым дав отмашку — и мы с Дедушкой начали каждый вечер пить кефир.

Кто быстрее – наперегонки.

Главным судьёй определили Бабушку (кого ж ещё?), которая специально купленным в магазине «Спорттовары» секундомером фиксировала наши результаты, ежевечерне определяя победителя этапа, а заодно личные рекорды каждого участника.

После чего результаты вносились в таблицу соревнований, приклепленную изнутри к двери Маленькой Комнаты.

Иногда побеждал я. Иногда – Дедушка. Но чаще всего случались ничьи.

В кефирных баталиях прошла заключительная часть осени и первый месяц зимы.

Наконец, положенный Валентиной Фоминичной на состязание квартал истёк, и нужно было подводить итоги.

Тут организаторы (голосом главного судьи) объявили, что в течение недели, оставшейся до подведения окончательных итогов борьбы, участники трёхмесячного поединка продолжают пить кефир.

Правда, не на время, а так, ради удовольствия...

Обе стороны-участницы не возражали.

Торжественное подведение итогов кефирной дуэли предусмотрительно назначили на 1 января, приурочив к встрече Нового Года

Лучше всего для этого мероприятия, по мнению Валентины Фоминичны, годилась вышеупомянутая лыжная база.

Она же Дом Отдыха Руководящих Работников.

Планам Валентины Фоминичны суждено было сбыться.

На той знаменательной встрече Нового, 1965-го года, помимо Валентины Фоминичны со всей её семьёй (мужа Александра Ивановича, двух их дочерей, обоих зятёв), среди прочих разных присутствовала и вся наша:

Мама, Папа, Бабушка, Дедушка, Дядя и я.

Причём, я впервые встречал Новый Год не в лежачем одиночном положении, а в застольно-сидячем, вместе со своими Старшими Родственниками (и с кучей других взрослых).

Дедушка и Александр Иванович, облачённые в синие брюки на подтяжках, нейлоновые белые рубашки и картонно-бумажные гусарские кивера (при этом их лица практически целиком покрывали одинаковые карнавальные маски, состоящие из очков, носов и усов) с большим успехом исполнили то ли тирольский танец, то ли танец маленьких лебедей.

А Дядя на пару с дочкой другого большого начальника (по совместительству, нашего московского соседа сверху) продемонстрировали коллективному взору несколько шокированной публики настоятельно входящий в моду, но вроде бы ещё официально запрещённый твист.

Короче, общий праздник явно удался.

Включая праздник на моей отдельно взятой улице, который достиг своего апогея в момент торжественного награждения победителя и призёра длительной кефирной битвы.

Валентина Фоминична собственноручно осчастливила меня настоящей почётной грамотой, в которой значилось, что мне присуждается первое место в соревновании по питью кефира, а также присваивается почётное звание «Заслуженный кефирщик республики» (почему – сразу – не Советского Союза?), с вручением Малого Ордена Ленина. (Почему не Большого – я даже не спрашиваю...)

Малый Орден был сделан из нижней части значка, на котором ясно угадывался профиль вождя мирового пролетариата.

Верхняя же часть Малого Ордена практически ничем не отличалась от верхней части Дедушкиных военных медалей и точно так же цеплялась к груди.

Или к чему-нибудь ещё...

Я потом, однажды, через пять месяцев, даже надел этот Малый Орден на грудь.

Тогда как раз отмечалось двадцатилетие победы Советского Союза в Великой Отечественной Войне — и мирная Бабушка, крайне противящаяся милитаристским играм единственного внука, уступив моим настойчивым уговорам, сшила мне солдатскую почти защитного цвета пилотку, а в придачу к ней гимнастёрку.

Из того же материала.

Дома играть в войну Бабушкиными усилиями мне — как правило — не разрешали.

Хотя иногда мне всё же дозволялось строчить из игрушечного автомата и в домашних условиях.

Главным условием было – не целиться в живых людей...

Другое дело — детский сад.

Там — игра в войну наряду с футболом на одной третьей части общего участка (две другие принадлежали дру-

гим группам), огороженной забором территории с беседкой, являлась основной мальчишеской забавой.

Порой мне приходилось становиться и фашистским офицером, что меня отнюдь не огорчало.

Я умел найти в этой роли свои плюсы, подспудно чувствуя, что соперживать можно и врагу.

Который тоже – человек..

Но – к моей военной форме.

Бабушкиного кроя и шитья.

Бабушка вообще много шила.

Даже, в начале пятидесятых, когда Дедушку уволили и чуть не посадили, она своими портняжными умениями около года семью кормила..

А мне любила шить вещи синие и с оттенками голубого, полагая, что в них мои серые глаза становятся васильковыми.

Так вот, о моей военной форме.

Она создавалась, имея в виду быть мной надетой на двадцатую годовщину Дня Победы.

Так всё и вышло.

К пилотке я прицепил всамделишную красную звёздочку, купленную Дедушкой в «Военторге».

А Мальй Орден Ленина отправился мне на грудь...

Но это приключилось со мной уже после встречи Нового Года, во время которой, занявшему второе место в соревновании по питью кефира Дедушке, тоже досталась грамота, и тоже присвоилось звание.

Только немного скромней, чем у меня – «Кефирщик Российской Федерации второй степени».

И вместо нагрудного знака Дедушка получил Большую Серебряную Шоколадную Медаль.

Действительно, громадную.

Запакованную в серебристую фольгу.

Другой такой Медали (или хотя бы отдалённо на неё похожей) я в жизни не видел.

А эта чуть позже перекочевала ко мне.

Я её долго хранил в моём ящике Папиного Письменного Стола.

Пока — в конце концов — не съел...

По завершении соревнования кефирщиков я ещё какое-то время каждый вечер продолжал пить кефир, постепенно переходя на менее регулярное его потребление.

Через год прекратилось и оно, чему Бабушка почему-то не противилась.

8. КОГДА ПРИДЁТ МОРЯК...

– Когда придёт моряк, мы отправимся на художественную выставку, а пока ты у меня в гостях, я спою тебе украинскую народную песню, – обратилась ко мне Другая Бабушка.

Другая Бабушка открыла фортепьянную крышку, прикоснулась руками к чёрно-белым клавишам и запела низковатым, почти мужским голосом.

При этом двойной подбородок на её одухотворённом умеренно усатом лице нежно дрожал, придавая дополнительную вибрацию песенному звучанию.

Другая Бабушка любила рассказывать, как раньше, после окончания гимназии, пела в настоящей украинской капелле.

И вообще считала себя человеком, приобщённым к различного рода искусствам.

Ведь регулярно посещала консерваторию, ездила в кинолекторий, печатала на машинке профессиональным журналистам и писателям.

Даже вроде самому Шолохову.

Или его литературному секретарю...

Пишмашинка у Другой Бабушки была дореволюционная, знаменитой фирмы «Континенталь», с русской алфавитной клавиатурой, переставленной взамен иностранной.

Пишмашинка вместе с Другой Бабушкой, Другим Дедушкой, а также с их первенцем – Другим Дядей и турецкой ручной кофемолкой прибыла на берега Москва-реки в начале тридцатых, навсегда покинув черноморскую Одессу.

Просто Другого Дедушку вызвали на новую работу.

Назначив каким-то мелким начальником внутри разрастающегося аппарата Главной Партийной Газеты...

Другая Бабушка поехала с ним – молодым, подающим надежды мужем.

А не со своими многочисленными (в том числе и старыми) родственниками, которых за пару лет до того местные власти практически вынудили покинуть проводящую очередную (слава Богу, на сей раз бескровную) чистку Страну Советов...

Другой Дедушка с перерывом на войну, проведённую на фронтах Великой Отечественной, оставшуюся часть жизни так и проработал в аппарате Главной Партийной Газеты.

Начальником средней руки.

Или заместителем начальника чуть более крупного масштаба...

Проживая с предвоенных лет до заслуженной смерти (она у всех заслуженная) в двух смежных комнатах пятикомнатной ведомственной коммуналки.

С женой и тремя детьми, одним из которых был Папа.

Будущий идеолог хрущёвского периода Ильичёв, жившей в том же доме, в такой же пятикомнатной, правда, отнюдь не коммунальной квартире и совсем не в том подъезде, чем Другой Дедушка и компания, порой позволял себе отдохнуть от государственных дел.

Это известие неизменно вторгалось в жизнь Другого Дедушки.

Грубо её корректируя.

В обличии домработницы будущего создателя Новой Программы Партии, нажимающей нужное количество раз

кнопку общего дверного звонка, дабы отозвались владельцы двух смежных комнат...

Они отзывались.

И увидев в дверях домработницу Дору, знали заранее, что она скажет.

А произносила она одну (и только одну!) фразу:

– Сам на рыбалку собрался...

В переводе на русский общеупотребительный это означало неизбежную необходимость немедленно из рук в руки передать домработнице лучший (и единственный!) плащ Другого Дедушки.

Ибо рыбу товарищ Ильичев ловил исключительно в плаще Другого Дедушки.

Прочие варианты будущим творцом Морального Кодекса Строителя Коммунизма даже не рассматривались...

Зато главный редактор еженедельника «Футбол» Мартын Иванович Мержанов никогда в звонок не звонил.

Просто оставляя в почтовом ящике Другого Дедушки свежий номер своего детища.

Еженедельно.

В течение лет.

И зим...

Я застал Другого Дедушку.

Хотя виделись мы нечасто.

Его последние годы, прошедшие по больницам и санаториям, совпали с первыми моими...

Другая Бабушка, дожившая почти до девяноста пяти, в моём дошкольничестве также общалась со мной лишь по праздникам и в дни, когда меня было не с кем оставить.

Чтобы попасть из нашего дома в гости к Другой Бабушке, требовалось перейти через Очень Большую Дорогу.

Наш дом находились (да и находится) строго напротив того, в котором обитала Другая Бабушка.

Из окна Большой Комнаты, кухни или ванной окна Другой Бабушки и один из её двух балконов просматривались как нельзя лучше.

Вот я порой и устремлял туда взгляд юного естествоиспытателя...

Если я оказывался у Другой Бабушки, первым делом она куртуазнейшим образом предлагала мне снять верхнюю одежду в прихожей.

– Разоблачайся! – величественным полубасом произносила она, иногда имитируя посильную помощь.

Следом снятые вещи отправлялись на вешалку, где среди постоянно висящих неизменно привлекал моё внимание светлый потёртый овчинный полушубок Другого Дедушки, пришедший на нём с войны, а теперь иногда использующийся в качестве одеяла.

Любил я им накрываться, да позволяли мне редко...

Взамен снятых мной валенок с галошами или ботинок, Другая Бабушка выдавала мне чупяки – мягкие овечьи тапочки.

Чупяки мне нравились, потому что в них было удобно скользить по длинному широкому коммунальному коридору – в сторону кухни и обратно.

Немного приволакивая ноги и представляя себя всамделишным конькобежцем.

Каким-нибудь знаменитым чемпионом вроде Виктора Косичкина, Евгения Гришина, Антса Антсона, Валерия Каплана...

В сторону кухни с балконом, где, помимо четырёх столиков, находился, встроенный в стенку мусоропровод.

В нашем доме такого не было – и мусор мы выбрасывали на дворовую помойку (это у нас называлось – вынести ведро)...

А между этажами стояли совсем иные — эмалированные зелёные ведёрки, покрытые разноцветными крышками.

На этих ведёрках красовались бумажные наклейки, с всеподъездно тиражированной надписью: «Для пищевых отходов» (это у нас называлось — для свинок)...

Другая Бабушка и кормила меня иначе, чем кормили дома.

Коронным здешним блюдом считалась жареная картошка с яичницей.

Причем еда приносилась из кухни и подавалась к столу в огромной чугунной сковородке, для которой на буфетной полке имелась специальная крутобокая массивная подставка из железа.

Мне же приносили жареную картошку, залитую яйцом («картошечка с яйцом» – так это здесь называлось) в маленькой аккуратной сковородочке и – тоже! – позволяли прямо с неё есть, ещё дымящуюся.

Напрочь игнорируя такой жанр как мелкая тарелка.

И подставочка своя для сковородочки наличествовала.

И вынималась она – тоже — из вышеупомянутого буфета.

У нас дома жареную картошку не готовили: либо – отварную, либо – пюре, в крайнем случае – отварную Бабушка чуть поджаривала.

А – тут...

И стихи какие-то другие читала мне Другая Бабушка:

*– Каспар Шлих, куря табак,
Нёс под мышкой двух собак!*

После чего меня так и подмывало курить спички, которые у Другой Бабушки лежали не в бумажном коробке, как у нас, а в маленьком серебряном коробочке.

Коробочек она от меня не прятала и курению спичек не препятствовала. . .

Сказки Другая Бабушка тоже читала другие.

Наизусть.

Из книжки «Чтец-декламатор», которую проштудировала от корки до корки в своём давнишнем южнорусском детстве, с гимназией и украинской капеллой.

И с двойной красивой фамилией Поляк-Молдавская, полученной по факту рождения.

Очень смешно.

Потому, что после того, как Другая Бабушка вышла замуж, фамилия Поляк-Молдавская превратилась в Бело-русец...

– Когда придёт моряк, мы отправимся на художественную выставку, – похоже, похвасталась мне Другая Бабушка – и запела какую-то другую песню.

Под аккомпанемент пианино отечественного производства.

Взятого напрокат...

«Что за моряк?

И когда он придёт?

И зачем ему художественная выставка?» – пронеслось у меня в голове, но – всё-таки – я постеснялся спросить это у Другой Бабушки.

И не решался спросить много лет.

И не спросил.

Ведь в один прекрасный младшешкольный день догадался, кто такой этот загадочный моряк: Марьякльна, сотеатралка, совыставочница (и прочее, и прочее) Другой Бабушки, соседка по ведомственному дому, вдова академика архитектуры.

9. АДЕНОИДЫ И ГЛАНДЫ

Не сказать, чтобы я в детстве много болел.

Скорее, наоборот: мало и коротко.

Из инфекционных детских болезней меня осалила только одна – через несколько недель после того, как, вернувшись вечером из детского сада, я сообщил Старшим Родственникам, что у Алёши дома заболела свинка...

Болел я мало.

Когда вдруг со мной это случалось, Мама не шла на работу и вызывала мне врача на дом.

Чтобы врач появился в тот же день, надо было сначала – причем обязательно утром, до полудня! – сходить (или

съездить) в поликлинику и записаться там в специальном журнале, который так и назывался: «Вызов врача на дом».

Вызов врача по телефону тогда ещё не практиковался.

Днём (реже – вечером) приходил врач.

Раздевшись, первым делом направлялся в ванную комнату, где тщательно мыл руки с мылом.

Далее он спрашивал чайную ложечку для осмотра горла пациента – и, естественно, получал её, заранее подготовленную к его приходу.

Следом доктор (как правило – женщина – тётя-врач) беседовал со Старшим Родственником (как правило – с Мамой) и осматривал больного, не обделяя беседой и его (меня – то есть)...

А по результатам анамнеза и осмотра – доктором делались диагностические выводы, озвучивались рекомендации и выписывались рецепты.

Большого всего мне, естественно, нравилась сладкая микстура от кашля.

«Капли датского короля» – как её называла Мама.

Порой меня, простуженного, мазали скипидаром.

Горчичники же ставили всегда.

И на грудь, и на спину.

Без газеты в качестве прокладки.

А наградой за мужество терпения было Мамино чтение во время того, как я держал горчичники (так это у нас называлось)...

Я любил, чтобы Мама читала мне Гайдара.

И ещё мне нравилось, что Гайдар и скипидар отлично рифмуются...

Болея я действительно мало.

Однако носоглотка моя не внушала доверия.

Ни участковому педиатру, ни поликлиническому отоларингологу.

И чем дальше, тем больше.

Где-то с моих пяти стали они на пару пугать Старших Родственников необходимостью операции.

Мол, аденоиды надо вырезать – и все проблемы сразу рассосутся.

Проблем особых видно (и слышно) не было, но врачи становились настойчивей и настойчивей.

Старшие Родственники на первых порах вежливо сопротивлялись двуединому напору, а потом сообразили записать меня к профессору.

На консультацию.

Спустя несколько месяцев консультация состоялась.

Вердикт профессора был конкретнее некуда: надо вырезать!

Старшие Родственники им всё-таки не удовлетворились – и отыскивали по разным местам ещё некоторое количество ухогорлоносовых профессоров.

Дабы сравнить их мнения с уже записанными в моей медицинской карте.

Даже возили меня к некоему светилу в платную (единственную в Москве!) поликлинику имени Семашко (первого советского наркома здравоохранения).

Но вердикт – неизменно – был один и тот же: надо вырезать!

Причем – чем раньше, тем лучше!

Старшие Родственники вынужденно смирились – и начали мне периодически рассказывать, как это здорово – аденоиды вырезать.

Чик-чик – и готово!

Вдобавок мороженое после операции дают...

Действительно, на заре подобного рода операций пациентам давали мороженое.

Для убыстрения процесса заживления...

Подоспело время моего укладывания в больницу.

Но мне об этом Старшие Родственники сказали как-то обтекаемо.

То ли ложишься, то ли не ложишься, а просто идёшь на очередную консультацию.

Скорее всего, так они пытались смягчить очевидно однозначную и не подлежащую корректировке информацию.

Короче, мы с Бабушкой прибыли в больницу, которая находилась там же, где и наша районная поликлиника.

В том же здании.

Только подъезды разные.

Но и больничные подъезды мы с Бабушкой к тому времени уже несколько раз посещали.

Документы отдавали, с заведующим отделением разговаривали...

Поэтому я надеялся, что и на сей раз всё пройдет примерно в том же режиме.

Бабушка меня не разубеждала...

Однако довольно скоро я догадался, что меня хотят оставить в больнице – и, плача, принялся просить Бабушку так бесчеловечно со мной не поступать.

Бабушка пообещала, а сама испарилась, передав меня с рук на руки медсестре приёмного покоя.

На самом деле описываемая сцена происходила несколько иначе: медсестра силой отрывала ревущего и брыкающегося меня от пытающейся в нерешительности к лестнице Бабушки.

Пока не оторвала.

В общем, Бабушка меня обманула.

Второй раз в жизни.

Первый возник года за полтора до моего попадания в больницу.

Тогда меня по грандиозному благу устроили в новый детский сад, неподалёку от нашего дома (старый-то располагался довольно далеко, меня туда возили на Дедушкиной служебной машине или на троллейбусе).

И вот Бабушка повела меня в новый детский сад.

Якобы исключительно в ознакомительных целях.

А дальше всё разыгрывалось точно так же, как в уже описанной сцене в больнице.

С той лишь разницей, что в роли медсестры выступала детсадовская воспитательница...

Попадание в больницу пришлось на зиму – и в больнице был карантин.

В переводе с отечественного больничного языка оттепельного советского периода это означало, что всё пропущенное сквозь сито приёмного покоя вместе с поступившим на лечение (или операцию) больным, а также дополнительно принесённое следом в качестве разрешённых передач родственниками и прочими – домой к выздоровевшему не вернётся.

Оставшись навсегда в стенах больницы.

Правило касалось и произведённых руками пациентов рисунков, слепленных ими в палатах пластилиновых фигурок, всевозможных иных поделок.

Даже в знак дружбы подаренный однопалатником значок, или свою же собственную домашнюю игрушку – было нельзя уносить из больницы выписавшемуся...

Палатные окна выходили на больнично-поликлинический дворик – и почти всё время я старался проводить перед ближним к моей кровати окном, сидя на подоконнике.

В ожидании Дедушки.

Либо другого Старшего Родственника.

Потому что в первый день моего недельного заточения (хотя первоначально речь шла всего лишь о трёх днях), повинаясь то ли тонкому душевному порыву, то ли надежде на чудо, я тупо уставился в окно – и вдруг – отчетливо – с третьего этажа – увидел Дедушку, сиротливо стоящего внизу.

Не помню, кричал ли я, призывая Дедушку увидеть меня ответно, дабы забрать домой, но руками жестикулировал точно.

Дедушка заметил меня в огромном окне старинного казённого здания – и вместо того, чтобы забрать домой, спрятался за широкое, облепленное снегом дерево...

Медсёстры и – особенно! – нянечки злостно запрещали сидение на подоконнике, считая сие занятие непристойной вольностью.

Но я всё же исхитрился просиживать перед окном.
Часами.

Для меня это был тот последний рубеж, который я сдать не мог.

И не сдал...

Ежедневно кто-нибудь из Старших Родственников приносил мне передачу, слабо отличающуюся от передач, которые получили мои разновозрастные (от 4 до 11 лет) соседи по палате: бутылочный яблочный сок, зефир, упакованный по три штуки в прямоугольные картонные фасовки – сквозь целлофан коих просвечивали белые и розовые зефиринки (между двумя одноцветными – всегда! – одна иноцветная), альбом для рисования, цветные карандаши...

Вечером накануне операции лечащий врач дал мне знать (или дала?), что пить воду категорически запрещается.

Наверное, именно поэтому ночью мне захотелось пить.

Нестерпимо.

Сколько-то времени я продержался, но жажда брала своё.

И взяла, заставив меня выпить стакан кипячёной воды из коридорного титана, до которого я добирался крадучись.

Пряча под полой больничной пижамной куртки (байковую пижаму, предварительно забрав все мои носильные вещи, выдали мне ещё в приёмном покое) фаянсовую больничную кружку.

А утром была операция, в ходе которой меня, прикрепленного ремнями к хирургическому креслу, пытающегося при этом извиваться и ревущего благим матом (несмотря на упреждающий укол заморозки) рвало кровью, пополам с водой...

В результате этой успешно проведённой операции – вырезали мне не только аденоиды.

Но и гланды.

Отдельно аденоиды тогда уже не вырезали.

И мороженого не давали.

На выписку Бабушка принесла мне новый шерстяной костюмчик, синий в белую узкую вертикальную полоску, привезенный бабушкой из туристической поездки по освобожденной им двадцать лет назад Чехословакии...

Да, моя операция прошла успешно.

Так считали врачи.

Правда, болеть я меньше не стал.

Впрочем, и больше – тоже...

Однако из ребёнка, с момента рождения соответствующего нижнему весовому пределу нормы, за пару лет превратился в почти толстяка.

Предоставив Папе возможность в шутку называть меня перекормышем.

А в качестве иллюстрации к моему будущему утрированно показывать (Маме и мне), как я стану возить пузо на тележке, по ВДНХ, при входе в павильон «Свиноводство» демонстрируя прогуливающейся публике выдающиеся (вперёд) собственные достижения.

Всё это Папа регулярно и прodelывал (не забывая комментировать).

С нескрываемым (для себя) удовольствием.

Вплоть до моего шестого класса.

10. ЮНЫЙ ДИНАМОВЕЦ

Мне было лет шесть или вроде того, когда меня решили водить в бассейн.

Чтобы ребёнок научился плавать, а заодно приобщился к регулярной физкультуре, попутно оздоровившись...

Бассейнов тогда (даже в Москве) ещё толком не строили, но, по счастью, мы жили довольно близко от уже построенного – бассейна «Динамо».

Впрочем, купить абонемент в тамошний лягушатник считалось делом почти безнадежным.

Только не для Дедушки.

У него был знакомый, который работал в спортивной редакции всесоюзного радио, и к тому же носил звание судьи международной категории по водному поло...

Короче, абонемент был благополучно куплен – и меня принялись по три раза в неделю туда водить (а чаще возить) – бассейн находился в двух троллейбусных остановках от нашего дома и в двух с половиной от моего детского сада...

Тренер мне достался громогласный и немногословный.

Как правило – во время занятий – он молча ходил вдоль бортика бассейна, облаченный в белую коротко рукавную футболку с динамовской сине-белой эмблемой, тренировочные синие брюки с широкими белыми лампасами и зелено-рыжие отечественные вьетнамки...

Порой он что-то коротко выкрикивал. Что конкретно – разобрать поначалу мне было трудно. А потом я и не пытался...

Длина лягушатника равнялась девяти метрам, ширина – трём, глубина – то ли семидесяти, то ли девяноста сантиметрам.

Народу же дошкольного и младшешкольного собиралось в лягушатнике – как сказали бы нынче: выше крыши...

Может, в таких условиях кто-то плавать и научился.

Только не я.

О чём честно и несколько виновато признался Старшим Родственникам по окончании срока действия абонемента, включавшего в себя трёхмесячный курс обучения.

Старшие Родственники меня выслушали, задали какие-то вопросы, получили на них какие-то ответы, а очень скоро я узнал, что принято решение о продолжении моих занятий плаванием.

До победного конца, то есть – по крайней мере – до того времени, когда я научусь нормально держаться на воде...

Судья международной категории по водному поло в очередной раз не подкачал – и я в сопровождении Бабушки был отправлен на повторный курс обучения, в тот же лягушатник, и как выяснилось чуть позже – к тому же тренеру....

Тренер, неожиданно для моего восприятия умудрившийся узнать меня ещё в вестибюле, сразу же напряжённо прогромыхал:

– Зачем ты тут?

– Купили абонемент! – ответил я.

– Ну-ну! – прогрохотал тренер неопределенно, хотя, похоже, его это здорово задело.

Как только новая группа разделась и сгрудилась перед лягушатником, тренер обратился – одновременно и ко мне, и ко всем новичкам:

– Вот он – сюда уже ходил... Плавать здесь учился... А теперь вам покажет, чему я его научил... Давай!

И – через мгновение – я оказался, стоящим по грудь в бассейновой воде лягушатника.

Один-единёшенек. Впервые в жизни....

Нужно было проплыть девять метров.

А прежде мне удавалось от силы полтора....

Господи! – вблизи неотвратимо приближающегося разоблачения подумал я, – и поплыл, беспорядочно суча всеми четырьмя конечностями....

И – весьма удивился, когда, спустя несколько секунд – вдруг – воткнулся резиновошапочной головой в противоположный край лягушатника...

– Вот, – пророкотал тренер, обращаясь к группе, – и вы так будете. Как он!.. Я учил!..

Меня же поманил пальцем. А после того, как я вылез на бортик, молча повёл в соседний с лягушатником – семнадцатиметровый бассейн.

Мы прошли по внутреннему перешейку, разделявшему бассейны – и вблизи семнадцатиметровика тренер снова пробасил:

– Давай!

И тут я с ужасом понял, что от меня требуется очередное спортивное плавание на дальность.

Каким образом удалось мне справиться с этими семнадцатью метрами, я не знаю.

Просто зажмурил глаза, задержал дыхание – и очнулся лишь, когда, уже, нахлебавшись воды и выдохшись окончательно, всё-таки доплыл до противоположного края бассейна.

Тренер снова поманил меня пальцем, предлагая вылезти наружу.

Я с огромной радостью подчинился.

– Не твой бассейн! – прогудел тренер – и мы пошли дальше (причем ноги мои еле плелись) – через мужскую душевую, приведшую нас к самой большой здешней – ватерпольной бассейновой ванне.

В ней обычно тренировались (а реже играли матчи) ватерполисты, которых сейчас не наблюдалось...

Кстати, о ватерполистах.

Иногда после занятий в лягушатнике мне удавалось упросить забиравшего меня из бассейна Старшего Родственника, чтобы мы хоть несколько минуточек понаблюдали с настоящей деревянной трибуны за могучими дядьками в матерчатых маленьких шапочках на завязках...

Между прочим, и плавки у ватерполистов тогда были матерчатые, на завязках.

Чёрные, синие или красные (под цвет шапочек), с белыми каёмочками по низу.

Да и почти у всех были такие плавки.

У меня – в том числе...

– Давай! – продудел тренер, когда путь от среднего динамовского бассейна до самого большого был нами пройден.

И я догадался, что живым я сегодня домой не вернусь.

Поскольку большой бассейн славился не только длиной, но и глубиной: здесь, кроме ватерполистов, тренировались и прыгуны в воду...

Но сколько-то десятков метров кролем на груди, а правильнее сказать, весьма вольным стилем я всё-таки осилил.

А тренер куда-то делся.

Вернее всего, отправился в лягушатник, к своей новой группе.

Когда он вернулся, я был ещё жив, потому что всё это время судорожно цеплялся за лёгкий, с нежным звуком вибрирующий под моим весом и смешно шлёпающий по воде, но – без вариантов – спасительный (для меня) горизонтальный канат, отделяющий одну плавательную дорожку от другой...

Тренер поманил меня пальцем, а по дороге назад разразился привычно громогласной, но неожиданно продолжительной речью, смысл которой сводился к тому, что абонемент надо вернуть в кассу, где отдадут потраченные на него деньги, потому как отныне я член секции плавания спортобщества «Динамо», называюсь «юный динамовец», занятия бесплатные, следующая тренировка послезавтра, нужно обязательно принести две маленькие фотографии: одну для пропуска в бассейн, вторую для удостоверения «юного динамовца»...

За семейным ужином я поделился со Старшими Родственниками сегодняшними моими приключениями, опустив некоторые незначительные подробности.

Через пару дней было принято следующее решение: хождение в бассейн приостанавливается.

Плывать-то ребёнок научился.

А оздоравливаться можно и другими способами.

В том числе – домашними...

Меня такой поворот событий вполне устраивал.

Тем более, что я совсем не хотел быть «юным динамовцем».

Ведь ещё с четырёх лет я страстно болел за «Спартак»!..

11. ВОКРУГ ФУТБОЛА

Папа болел за ЦСКА, Дедушка и я за «Спартак», Дядя за «Динамо».

Почему-то считалось, что и Бабушка болеет за «Динамо».

А что Мама ни за кого не болеет.

Впрочем, я подозревал, что Мама испытывает тайные симпатии к «Динамо».

Речь шла в первую голову (идеально круглую, как мяч!) о футболе.

Кстати, когда меня поначалу длинноволосого и мелкокурчавого, стали стричь в парикмахерской, всякий раз после стрижки, мама любовно проводила рукой по моей голове и ласково произносила одно и то же слово: – Футбол!

Хотя стригли меня под полубокс...

В мужском зале парикмахерской, находящейся в доме, который кто-то называл Ажурным, а кто-то Кружевным... Футбол вошёл в мою жизнь рано.

Можно сказать, влетел в открытый ближний угол детской души...

Уже с четырёх лет я был ярым спартаковцем, смотрящим по телевизору и слушающим по радио все футбольные трансляции.

У Дедушки наличествовал служебный пропуск, обеспечивающий проход в ложу прессы на матчи высшей лиги чемпионата СССР по футболу.

Вернее, два пропуска.

Один для прохода на Центральный стадион «Динамо», на Северную Трибуну, а другой – в Лужники, на БСА – Большую Спортивную Арену.

Дедушка почти всегда, если шёл на футбол, брал меня с собой.

На «Динамо» мы ходили значительно чаще.

Ибо жили в двадцати минутах ходьбы...

Пропуск был на предъявителя, поэтому я ходил на футбол не только с Дедушкой.

Случалось, что с Папой, случалось, что с Дядей.

В зависимости от того, какие команды играли...

Да и сам я в футбол играл (как правило – с Дедушкой).

Дома в качестве мяча мы обычно использовали воздушный шар, из тех, что приносились Старшими Родственниками с первомайских демонстраций или покупались мне во время народных гуляний.

Играли в незахламлённом идеально прямом и даже не слишком узком коридоре.

Воротами (Дедушкиными) служила обитая дерматином внутренняя часть входной двери (снаружи – дверь была целостно деревянная, с висящим на ней синим типовым, при свисающем снизу замке почтовым ящиком «для писем и газет»).

А моими — находящаяся ровно напротив — дверь Маленькой Комнаты.

Порой дверь Маленькой Комнаты оставляли открытой – и моими воротами тогда становился дверной проём, который я защищал самозабвенно...

Если Дедушка брал меня на прогулку, я обязательно прихватывал с собой мяч, чтобы мы могли «постучать» друг другу в каком-нибудь подходящем местечке.

На худой конец — во дворе или в примыкающем к нашему дому скверике.

Или на аллее Стадиона Юных Пионеров, который находился к нашему дому даже ближе, чем стадион «Динамо».

На СЮПе – как и на «Динамо» – было большое футбольное поле, окружённое гаревой дорожкой и секторами для прыжков и метаний.

И трибуна на три, что ли, тысячи зрителей.

Иногда на поле играли в футбол.

Иногда в регби.

Но регби меня совсем не интересовало.

Куда пойти?
На футбол!
Либо в цирк!..

Альтернативных вариантов в моём дошкольном детстве не предусматривалось.

Цирк возник по причине знакомства в доме отдыха «Плёсково» с Неким Работником Союзгосцирка.

Тому в «Плёскове» понравилось.

Мне в цирке – тоже.

Как следствие – я бесщётное количество раз ходил в цирк. С Бабушкой.

В ложу дирекции.

Благодаря Некому Работнику, исправно выдающему нам контрамарки (или что-то вроде).

А тот регулярно ездил отдыхать в «Плёсково».

Благодаря Дедушке, исправно достающему ему путёвки.

В цирке меня больше всего занимало, как играли в футбол.

Клоуны.

Или медведи.

... Из Маленькой Комнаты открывался вид на ипподром.

Там, внутри гигантского бегового круга, кроме дистанции конкура да прочих спортплощадок, располагалось и поле для игры в футбол.

Футболисты – такие маленькие издалека – играли, а я смотрел на них из окна.

Тожe такой маленький.

Как ни посмотри...

Вообще футбол привлекал меня во всех своих формах и обличиях.

Я мечтал о настольном футболе, где жёстко закреплённые за своими позициями игрушечные футболистики забивали голы в миниатюрные ворота.

Короткими ударами по крохотному блестящему шару светлого металла.

Посредством нажатия противоборствующими людскими сторонами на специальные тугие крючки – спусковые механизмы, приводящие в движение нижние конечности статичных трёхцветных фигурок..

Я мечтал о настольном футболе – и однажды получил его в подарок.

Я вообще любил, когда мне дарили мячи.

Кроме них, признавая за игрушки лишь разнокалиберных плюшевых медведей да похожих друг на друга человекообразных обезьян..

И – ещё железную дорогу с вагончиками.

Играя в неё, я вспоминал о настоящей железной дороге. Только детской.

Про которую мне рассказывали Старшие Родственники.

И планировали как-нибудь меня туда сводить..

Моим любимым мультфильмом был «Необыкновенный матч», рассказывающий о футбольной встрече команды Фабрики Мягких Игрушек с командой, составленной из твёрдых, жёстких, но беспринципных игрушек-хулиганов.

Мягкие победили жёстких.

В упорной борьбе.

Я даже настоял, чтобы мне купили книжку, сделанную по мотивам этого мультфильма.

А довоенную кинокартину «Вратарь» про Антона Кандидова мы смотрели с Дедушкой в кинотеатре Динамо», который находился под Северной трибуной стадиона.

Перед началом сеанса какой-то зритель, садясь на соседнее деревянное кресло, нечаянно прищемил мне палец.

О чём, постеснявшись, я ни сказал до конца фильма.

Ни соседу, ни Дедушке..

Впрочем, сосед об этом так и не узнал.

А Дедушка, узнав, не ругал меня вовсе..

Правда, Дедушка был тем единственным Старшим Родственником, который обещал мне «здать ремня».

За моё плохое поведение.

Многokrатно.

Но так своё обещание и не сдержал.

Вернее, однажды он всё-таки вытащил из встроенного (в стену туалета) шкафа Дядин школьный ремень середины пятидесятых и предложил мне оголить пятую точку.

Я с ужасом повиновался – и приготовился претерпеть муки...

Но Дедушка, видно, спохватился.

Хотя и ударил мне по мягкому месту кожаной частью ремня.

Очень слабенько.

Ради проформы.

Чтоб только совсем не обмануть ожидания горячо любимого внука...

А вот пупликами – шумными, эксцентрически обставленными поцелуями в область пупка (и в другие телесные области) Дедушка одаривал меня регулярно, вызывая ответную благодарную щекотку.

«Делать пуплик» – так это у нас называлось...

Папа мне рассказывал о футболе пуговичном – была такая мальчишеская игра в его небогатом на дары и разнообразия послевоенном детстве.

Футболистами в пуговичном футболе выступали самые обыкновенные пуговицы, мячиком являлся малюсенький шарик из воска для натирки полов, а полем становился огромный кусок твёрдого картона.

Причем абы какой картон здесь не годился.

Опытным путём игроки выяснили, что лучшее поле для игры в пуговичный футбол – это картон второй категории с комбината «Правда», где работали родители большинства юных футболистов-пуговичников.

Я видел тогдашнее игровое поле.

И даже играл на нём в пуговичный футбол с Папой.

Он принёс своё старое коричневое, размеченное по стандартам настоящего футбола картонное поле, всё же найденное им в глубине тёмной комнаты (чулана) той коммуналки, в которой Папа жил, будучи мальчиком и юношей.

А две команды пуговичных футболистов, аккуратно сложенные в специальные металлические мини-тубусы вместе с кучкой восковых, не прилипающих к поверхности картона мячиков, до поры хранились в ящике Папиного Письменного Стола...

Пуговицы для игры тоже подходили не всякие: требовались имеющие достаточную толщину, чтобы прочно стоять на картоне во время удара по восковому мячу.

На дороге подобные пуговицы практически не валялись, поэтому Папе и его друзьям приходилось выискивать их повсюду.

Выменивать, даже иногда брать без спросу из домашних материнских шкатулок или самовольно отрезать с лучших (и зачастую единственных) отцовских костюмов...

Пуговицы (а по-здешнему: игроки) не были безымянными.

У каждой (каждого) имелась фамилия или кличка.

И – обязательно! – персональное место на площадке, своё постоянное игровое амплуа...

Естественно, пуговичные игроки являлись собственностью их владельца, совмещавшего в одном лице должности тренера и директора команды.

Короче, всякий мальчик, занимающийся пуговичным футболом, весьма напоминал своеобразного кукловода на манер Карабаса-Барабаса.

Пуговицам же отводились роли послушных кукол...

Футбол не отпускал меня, усаживая за телевизор или вовлекая в то, что люди, равнодушные к нему, определяли скучно-безликим словосочетанием «гонять мяч».

Помню, впервые оказавшись на даче в Салтыковке, в начальные часы пребывания там – я из окна второго этажа (шёл мелкий дождик) увидел ребят, игравших на участке (так это у нас потом называлось) в футбол – и прибежал поближе: посмотреть.

А они, которые были намного старше – сами! – пригласили меня сыграть с ними, доверив место в воротах.

Почему-то играли баскетбольным мячом, ещё допотопным.

Даже не ниппельным, а со шнуровкой.

От воды тот разбух, отяжелел, затвердел.

Глухо и плохо он отскакивал от почвы, состоящей из промокшей смеси вытопанной травы и неглубоко взрыхлённой земли...

Удар, пришедшийся в створ ворот (потом я узнал, что наносивший его шестнадцатилетний парень занимался в ФШМ – Футбольной Школе Молодёжи при Лужниках), располагавшихся между стволами двух корабельных сосен, отразил, но моя левая рука в запястье под тяжестью мяча не выдержала и хрустнула.

Был субботный вечер, а следом ночь с субботы на воскресенье, которую я провёл, не сомкнув глаз от боли.

Наутро Старшие Родственники повезли меня на машине в Москву, в Морозовскую детскую больницу.

Откуда, к вечеру я и возвратился на дачу.

С переломом лучезапястного сустава и с обвивающим шею бинтом, который поддерживал наложенный мне на руку до локтя гипс.

Годом позже, там же, на даче, мы смотрели английский футбольный чемпионат мира по телевизору.

Соседи по участку (на нём помещалось аж четырнадцать двухэтажных дач) телевизоры из Москвы не привезли – посему приходили смотреть наш.

Чтобы всем было видно, Дедушка выставлял телевизор, стоящий на подоконнике первого этажа экраном – к толпящимся перед нашей дачей соседями.

Стульев, табуреток и скамеек, выданных мужскому народу Бабушкой, явно не хватало.

Ближайшие соседи приносили свои.

Дальние довольствовались местами стоячими...

Первый раз советское телевидение вело репортажи с чемпионата мира по футболу.

Первый (и последний) раз сборная Советского Союза вышла в полуфинал этого наипрестижнейшего планетарного турнира.

Первый раз я почувствовал необходимость поделиться с кем-то собственными ощущениями от увиденного.

В письменной форме.

Бабушка мне выдала Дедушкин пустой блокнот в красном твердокаменном переплёте и толстый начальственный (опять же Дедушкин) синегрифельный карандаш.

И я написал отчёт о матче СССР – КНДР.

На пяти блокнотных страницах.

Целых семь безумных предложений.

Крупными корявыми печатными буквами, с невероятным количеством ошибок...

Блокнот потом потерялся.

А символ чемпионата мира по футболу 1966-го года – симпатичный британский львёнок Вилли – остался в моём сердце и на цветной картинке-закладке в Папиной компактной научной картотеке, хранящейся внутри Папиного Письменного Стола...

Тогда же, в моё последнее дошкольное лето, на дачу к Дедушкиной начальнице Валентине Фоминичне привезли погостить какого-то узбекского мальчика из Ташкента, города, пострадавшего в конце весны от сильнейшего землетрясения.

Мальчик был на пару лет старше меня – и увлекался футболом, болея, естественно, за ташкентский «Пахтакор».

И мы сыграли с мальчиком в футбол.

И я победил.

С разгромным счётом.

А ещё высокий длинноногий узбекский мальчик увлекался бегом – и по совету Валентины Фоминичны (а может, по личной инициативе) предложил мне сбегать наперегонки.

На всю длину далеко немаленького участка – от забора до – нет, не до обеда – до забора...

Пробежать следовало метров 200.
Валентина Фоминична взмахнула рукой, как флажком,
дав нам старт – и мы одновременно припустили.

Во весь опор.

Не жалея сил.

И я его обогнал.

Метра на полтора.

Очень удивившись.

Потому что боялся, что позорно проиграю.

Я его обогнал – и был обессилен.

Но это уже не имело значения.

Ведь я его обогнал!

А он, отставший от меня на полтора метра, задыхаясь
и переходя на плач, вдруг сказал, что мы договаривались
бежать не от забора до забора – нет!– от забора до забора и
обратно...

Из последних сил я попытался возразить.

Но мальчик не хотел меня слушать.

И мы побежали назад.

Вернее, поплелись.

Потому что бежать уже не могли.

И он доплёлся метра на полтора раньше меня.

Впрочем, на месте старта, обернувшегося финишем,
никто нас не ждал...

А ещё в то же лето, там же, на даче в Салтыковке, учил
меня Папа кататься на трёхколёсном велосипеде.

Называлась красная машина «Школьник» – и мне это
льстило.

Сидя в седле, я почти уверенно нажимал педали — и
ехал.

Зигзагообразно.

Поддерживаемый за седло семенящим сзади Папой.

Папа обещал, что седло не отпустит.

Но – всё-таки — отпустил.

А мне — не сказал...

Когда я это понял – я упал в салтыковскую траву.

Правда, не сразу – метров через десять...
... Папа болел за ЦСКА, Дядя за «Динамо», мы с Дедушкой за «Спартак».
Когда «Спартак» проигрывал, я плакал.
Горько, долго, безутешно.
Впоследствии мои безутешные плачи коснулись и проигрышей сборной.
А вот радости от выигрышей «Спартака» и сборной я почти не испытывал.
Воспринимая их как что-то само собой разумеющееся.
Болельщиком я стал в четыре года.
Меня заразили Старшие Родственники.
О чём я теперь весьма сожалею, ибо излечиться удалось лишь отчасти.
Зато мой сын абсолютно свободен от этой мировой заразы...

12. ДЕД МОРОЗ

Я тогда ходил в старшую группу детского сада.
Вернее, меня туда водили Старшие Родственники.
Водить было, к счастью, недалеко: через Очень Большую Дорогу, и ещё через одну, поменьше.
Детский сад, принадлежавший Союзу Художников, располагался во дворе кооперативной кирпичной хрущёвской одиннадцатиэтажки.
Пайщиками же кооператива являлись члены московского отделения вышеупомянутого Союза, преподавательский состав ведущего педагогического ВУЗа столицы и музыканты, в основном, представляющие могущественный симфонический оркестр.
Впрочем, количество обитающих в доме разномастных мастеров кисти, карандаша, фломастера, резца (список можно продолжить) было несоизмеримо с количеством педагогов и примкнувших к ним исполнителей.

А у некоторых особо отличившихся художников даже свои весьма габаритные мастерские имелись.

Самым верхним стеклянным этажом неизменно бросаясь в глаза тем, кто впервые оказывался в этом престижном районе Москвы.

Ну и всякой падкой на гигантизм окрестной малышне. . .

Первый же этаж уличной стороны дома украшали огромноростые витрины на манер ушедших в небытие Окон РОСТА.

Сатирические, годящиеся для журнала «Крокодил» плакаты отдельных членов МОСХа и стихотворные подписи к ним, сложенные государственно ангажированными рифмоплётами, предсказуемо бичевали отечественное пьянство, тунеядство и пороки капиталистического общества.

Плюс к тому – часть площади первого этажа была закреплена за выставочным залом.

С регулярно обновляющейся экспозицией.

В силу вышеперечисленных причин описываемый дом у нас назывался словосочетанием Дом Художников.

Редкие в тогдашней (да и теперешней) столице доги и эрдельтерьеры, выгуливаемые (на поводках) их элегантно одетыми владельцами, ежеутренне встречались мне по дороге в детский сад.

Чуть чаще попадались на глаза трусящие в намордниках рядом с хозяевами бульдоги и боксёры, а также безнамордниково семенящие таксы да болонки. . .

В детский сад меня устроили по грандиозному благу.

Притом что сам блатмейстер, регулярно исполняющий партию первой скрипки в оркестре под управлением Юрия Силантьева и активно совмещающий в себе уйму других социально полезных обязанностей, был карликово мал.

Перед тем как меня перевели в старшую группу детского сада, я некоторое время провёл в средней, которую посещал без особого рвения.

А на первых порах – и вовсе – с очевидным отвращением.

Видимо, привыкая к новым обстоятельствам жизни.

Так прошёл год, завершившийся поездкой с детским садом на дачу, в Тарусу.

Там я освоился, научился плавать (пока – руками по дну), потихоньку становясь верховодом в средней группе, которая по приезде назад автоматически превратилась в старшую...

Сохранилась фотография, где я в белой майке с разорванной бретелькой и в невесть каким образом ко мне попавшей то ли морской, то ли авиационной синей пилотке – заговорщицки приобнимаю за подручное плечо тогдашнего моего ближайшего приспешника, с голым торсом и в тривиальной панамке.

Будущего соцреалиста и заслуженного художника...

Почувствовав во мне силу вожака, обратила на меня пристальное внимание и девчачья половина детсадовской группы.

Да так, что, не прилагая почти никаких усилий, я мог (оправданно!) считать моей практически любую из одногруппниц.

Больше никогда, в следующие годы жизни не было у меня столь ошеломляющего и долговременного (около двух лет) успеха у женщин.

Пусть маленьких, но всё-таки...

Это вдохновляло, радовало, держало в тонусе.

Порой даже толкало на авантюры.

Скажем, зимой, о которой пойдёт речь, я вместе со своей Главной Любовью Того Времени самовольно покинул пределы детского сада, ради экскурсии в соседний двор, где построили Большую Горку.

Моя Главная Любовь Того Времени гарантировала мне отличное катание с Большой Горки, ведь сама жила в этом дворе.

И, возвращаясь домой из детского сада, не упускала возможность разок-другой-третий скатиться с Большой Горки (наша-то детсадовская той в подмётки не годилась)...

Когда мы по сугробам (так нам казалось интереснее, причем я был без шапки-ушанки и залихватски размахивал ей) добрались до соседнего двора, Большая Горка оказалась занята.

Мальчиком в серокоричневой импортной социалистической куртке с капюшоном, разрезанным молнией надвое – так, что он лежал на мальчиковых плечах, вроде воротника матроски, только воротника, открывающего любопытствующему взору цигейковую подкладку...

– Знакомьтесь! – сказала Моя Главная Любовь Того Времени, одновременно обращаясь и ко мне, и к мальчику в куртке – это Мой Первый Любовник!

Похоже, мы с мальчиком оба не слишком ожидали подобного представления.

А Моя (Наша) Главная Любовь Того Времени – как ни в чём не бывало – забралась на Большую Горку – и стала раз за разом съезжать с её деревянно-льдистой поверхности.

Мы с мальчиком потихоньку пришли в себя – и тоже последовали примеру Нашей Главной Любви.

Чтобы по-настоящему встретиться друг с другом почти через год.

В первом «А» классе спецшколы с преподаванием ряда предметов на английском языке...

В первом «А» классе, где мне не пригодится почти ничего из школьно-письменных принадлежностей, входящих в состав симпатичного деревянного ящичка под названием «Подарок первокласснику», преподнесённого мне в день окончания детского сада его руководством.

Не подойдёт, потому что перьевыми ручками тогда в первом классе уже не писали.

И тетрадей в косую линейку не использовали...

И дневник не требовался...

Когда я освоился в новом детском саду, плакать я на его территории перестал.

Напрочь.

Помню лишь одни мои страстные слёзы – реакцию на слова приехавшего осматривать нас окулиста.

– Надо носить очки! – строго произнесла тётя-врач – и в глазах моих свет померк.

Не хотел я носить очки – и всё тут!..

Игровая комната детского сада считалась игровой с перерывом на приём пищи (здесь, ближе к огромным окнам с фрамугами – стояло несколько столиков, сидя за которыми, детсадовцы завтракали, обедали, полдничали).

И дневной послеобеденный сон.

На время сна игрушки компактно складывались совместными усилиями детсадовцев и воспитательницы.

В самой дальней части комнаты.

А из кладовки нянечкой (техничкой) доставались раскладушки.

Для того чтобы спустя пару часов отправиться обратно.

Дневной сон в детском саду едва ли какой детсадовец жалуется.

Особенно, если детсадовец опытен и уже второй год посещает старшую группу.

Вот и я мёртвый (или тихий) час обычно просто переждал, лёжучи в закреплённой за мной и поставленной на определённое место в комнате, скрипучей раскладушке.

Но только не в тот день, о котором сейчас, наконец, пойдёт речь.

Близился Новый Год – и детсадовцы под началом музыкальной руководительницы Розы Марковны уже разучивали праздничные песни и танцы.

Да и вообще: предпраздничные ощущения витали в воздухе.

Всё это вместе взятое (вкуче со многим другим) и привело к тому, что я вдруг поймал себя на том, что сочинил две стихотворных строчки.

Я страшно поразился и очень обрадовался.

Но – целиком — на стихотворение пришедшее ко мне двестише явно не тянуло.

Тогда я начал целенаправленно придумывать продолжение.

Надеясь, что там недалеко и до окончания.

И стихотворения, и послеобеденного сна.

Как ни удивительно – так и получилось: и стишок, и тихий час завершились практически одновременно.

Оставалось не забыть сочинённое до прихода Мамы.

Чтобы она записала.

Сам я, конечно, тоже мог.

Но понимал, что эта задача для меня слишком длительна и утомительна.

В ожидании Мамы я всё время повторял про себя праздничный стишок, а заодно и вносил в него некоторые дополнительные правки.

Окончательный вариант звучал так:

ДЕД МОРОЗ

Дед Мороз! Дед Мороз!

Привези игрушек воз!

Целый воз игрушек!

Целый воз хлопушек!

Ёлочка сверкает

Золотым дождём!

Всех ребят мы угощаем

Вкусным пирогом!..

Правда, я до конца не решил: окончательно-окончательный это вариант или окончательно-предварительный.

Меня смущало два места в моём стихотворении.

Рифма «дождём-пирогом» не казалась мне совершенной.

В запасе у меня находилась ёлочка, сверкающая «золотым огнём», что с точки зрения рифмы выглядело лучше.

Однако с точки зрения смысла меня больше устраивало «золотым дождём».

Хотя, если честно, дождь, который я имел в виду (такое елочное украшение) был, серебряным.

С небольшими вкраплениями зелени...

Да и «вкусным пирогом» нравилось мне не слишком.

Впрочем, запасной вариант – «сладким» – нравился ещё меньше...

Мама за мной вскоре пришла – и первым делом я заставил ее записать моё стихотворение.

Благо и ручка, и блокнот у Мамаы в сумке водились всегда.

А через несколько дней – шла уже последняя декада декабря – меня пригласил в гости мой новый друг по детскому саду.

Он жил в том же доме, что и детский сад.

Нужно было только выйти из двери детсада, завернуть за угол и войти в ближайший подъезд.

Что мы вместе с нашими мамами и сделали...

Втиснулись в лифт.

Поднялись на нужный этаж.

А там уж и до квартиры было рукой подать.

В смысле, ногой...

Ну, и начали мы играть с моим новым другом.

И хорошо так играли.

И призы, между прочим, вручались знатные: золотые шоколадные медальки на ленточках.

Чтобы удобнее на шею вешать.

Я уже выиграл штуки три таких медальки, когда в комнате появилась Мама и сказала:

– Только что звонила Бабушка – и просила быть дома – как можно скорее: нас там ждут...

Кто ждёт?

Зачем?

Почему нужно немедленно срываться с места и менять чудесное времяпрепровождение неизвестно на что?

Ответы на эти вопросы я от Мамаы так и не получил.

Ни в чужой прихожей, когда мы одевались, ни по дороге домой.

А дома ждал меня Дед Мороз.
Вместе с внучкой своей, Снегурочкой.
Ждал, чтобы персонально поздравить с наступающим
Новым Годом – первый и, возможно, последний раз в моей
жизни.

Поздравить и торжественно преподнести «целый воз
игрушек, целый воз хлопушек»!

А конфеты и прочие сладости в качестве подарков
мною никогда не воспринимались...

О чём Дед Мороз, видимо, знал.

Поэтому мне их и не привёз.

13. ШКОЛЬНИЧЕК...

Мою коляску держали на первом этаже.

У соседей.

Притом что жили мы на пятом.

Коляски тогда были тяжёлые, а лифта в доме ещё не
было.

Вот и договорились Старшие Родственники (в лице
Бабушки) с соседями о такой услуге.

Перед прогулкой коляску брали, после – возвращали.

Лифт как жанр возник в нашем доме через несколько
лет.

Помню – как я рвался к лифту – сквозь Бабушкины
руки – тцась помешать Маминому отбытию в очередную
длительную командировку...

Помню – как не желал спускаться к лифту по ступень-
кам (лифт останавливался только перед междуэтажными
площадками), чтобы идти с Мамой в театр, смертельно
обиженный на неё за то, что она постриглась...

Помню – как летел к лифту, держа в руках тяжёлые
санки, направляясь на единственную зимнюю прогулку с
папой, когда он растормошил пьяного человека, спящего в
опасной близости от железнодорожных путей.

А следом, поддерживая одной рукой (в другой была верёвка, тянущая санки, гружённые мной) долго водил его по окрестностям, чтобы – в конце концов – привести к нужному дому и нужной квартире...

Помню – как Мама стаскивала к лифту мой красавец-велосипед «Школьник», на котором под Маминым приглядом я катался перед рестораном «Бега».

По гладкоасфальтовому безмашинному, похожему на плац, прямоугольному пятаку, где весной и осенью шумно, с нетрезвыми подбаянными утренними песнями, провозжали в армию, и который почему-то назывался словом «круг»...

Помню – как я с Мамой и Папой степенно, по-взрослому, вышагивал к лифту, предвкушая семейный поход в кафе «Молодёжное», где на какое-то время разрешили играть джаз, и где Папу выбрали членом совета кафе...

... Первым делом во всех восьми подъездах шестизэтажного дома появились прозрачные стеклянные, просматриваемые – насквозь – с обеих сторон – встроенные лифтовые шахты.

Далее – поставили лифты (по штуке на подъезд), которые первоначально могли везти людей и грузы только вверх, возвращаясь к месту старта порожняком.

Так продолжалось несколько лет.

Наконец – лифт модернизировали, в результате чего он стал — и поднимать, и опускать.

И народ, и добро народное...

Основной домовый массив был сработан в конце двадцатых, а двухэтажная надстройка (пятый и шестой этажи) добавилась незадолго до войны.

Эту надстройку заселили Руководящими Работниками вкуче с их семьями.

Первоначально Дедушке дали квартиру в другом подъезде (будущий наш — к тому времени ещё не достроили)...

Да и в нашем Дедушке первоначально выделили совсем другую квартиру.

Удобную.

Просторную.

С двумя, что ли, балконами.

Но Бабушка настояла, чтобы Дедушка от неё отказался.

В пользу той, которая стала нашей.

Менее просторная и удобная.

Зато без балконов.

Чтобы маленькие дети оттуда ненароком не вывалились...

Материализуя Бабушкино желание, светившая Дедушке трёхкомнатная квартира моментально превратилась в двухкомнатную.

Окна Большой Комнаты, кухни и ванной, где на крючке с утра до вечера висела Дядина раскладушка, выходили на Беговую улицу.

А окна Маленькой – почти на финишный створ Центрального Московского Ипподрома – так, что можно было следить за бегами – не только рысистыми, но и собачьими.

Порой на ипподроме устраивались и человеческие кроссы – забеги на круг, длиною в одну сухопутную милю.

Или даже проводились автомобильные гонки.

Отсюда же, из окна Маленькой Комнаты по советским праздникам скопом смотрели салют, который тогда средства массовой информации не догадались ещё величать фейерверком.

Видно было хорошо.

Несмотря на то, что артиллерия была из района, прилегающего к Софийской набережной, расположившись в самой непосредственной близости от Кремля.

Салют я неоднократно смотрел и оказываясь на Софийской набережной, где в одной комнате коммуналки с высочайшими потолками жила Бабушкина старшая сестра – баба Маня.

А в соседнем подъезде, в другой комнате такой же коммуналки, жила внучка Бабы Мани, по совместительству – моя троюродная сестра, моложе меня на год.

Вот с нами, малолетними дошколятами, Баба Маня зачастую и сидела.

Тем более, что Бабушкина работа – если мерить московскими расстояниями – находилась рядом, в четверти часа ходьбы...

А ещё баба Маня, единственная из всех Бабушкиных сестёр и вообще – окружающих меня представителей рода человеческого – была женщина религиозная.

И никакие хрущевские нападки на церковь её, бабу Маню, от регулярных посещений церкви не отвратили.

И от обрядов церковных.

Вроде бы даже баба Маня, когда меня, совсем маленького, однажды по причине очередной занятости Старших Родственников закинули к ней на однодневную побывку, взяла да в храме окрестила...

В чём через какое-то время Бабушке и призналась.

Законопослушная беспартийная советская Бабушка в ответ вроде бы промолчала — и мой крестильный крестик остался у Бабы Мани.

На вечное хранение...

Салют смотреть доводилось мне и будучи на Красной площади.

В честь пятидесятилетней годовщины Октябрьской Социалистической Революции (или октябрьского переворота – как сказали бы теперь) – залпов назначили сверх обычной нормы — ровно по количеству лет, прожитых неодушевлённой юбиляршей.

Мама, Папа и я стояли на воспетом безумными поэтами булыжнике (пролетариата?), в пятидесяти юбилейных шагах от Мавзолея, окружённые плотным живым кольцом из разновозрастных детей и взрослых.

И одна девочка лет тринадцати после каждого залпа маниакальным шёпотом повторяла:

– Смерть Мао Цзе Дуну! Смерть Мао Цзе Дуну!

Как рефрен и молитву.

Впрочем, это будет потом, в моём школьном детстве...

А в дошкольном — мавзолее В.И. Ленина, выстояв предварительно четырёхчасовую очередь, я посетил.

Вместе с Мамой, которая работала в специальном НИИ — и под страшным секретом, по дороге домой после посещения, разочаровавшего нас обоих, мне сообщила, что исключительно благодаря учёным из их института немощные мощи вождя, пусть отдалённо, но всё-таки соответствуют стандартам качества (нормам ГОСТА?)...

Но вернёмся на предвоенную Беговую, где четырёхлетняя Мама регулярно, два раза в неделю, смотрела детские передачи.

По телевизору.

Одному из нескольких десятков на Москву.

На весь огромный СССР.

Тогдашний наш дом хоть и был оснащён газовыми плитами и колонками, но теплоцентраль на Беговой аллее ещё даже не спроектировали.

В коридоре квартиры, доставшейся Дедушке и его семейству, прямо на стене, вблизи кухни — имелась печка, а во дворе базировались крепкие бревенчатые сараи.

Внутри которых жильцы держали другие брёвна — дрова.

В мои дошкольные годы по-прежнему крепкие сараи использовались для иных нужд: по большей части, для хранения собираемой кем ни попадя макулатуры...

Во время войны, когда Дедушка был на фронте, а Бабушка с Мамой и Дядей в эвакуации — квартиру оккупировали какие-то средние военные чины.

Впоследствии — выбитые Бабушкой с исконно нашенской территории...

За годы проживания они сожгли весь паркет, пустили на стельки, варварски изрезав, практически все семейные фотографии и зачем-то сняли с петель кухонную дверь.

Вернее всего, тоже пустив на растопку.

Старшие Родственники в силу так и не проявившихся для меня обстоятельств новой дверью кухню обнесли,

поэтому, когда Бабушка на кухне что-то жарила, она меня туда жёстко не пускала.

Боялась, что обожгусь.

Играя в прихожей, я строго-настрого обязывался никогда без спросу не переходить порога кухни.

Только на время еды.

По её окончании от меня требовалось произнести придуманную Бабушкой фразу:

– Спасибо! Можно выйти из-за стола?..

Без спросу я вообще почти ничего не делал.

Но тут была своя (моя!) хитрость.

Обилие Старших Родственников позволяло в случае отказа одного из них – обращаться за разрешением к другому.

Ну, а если отказывал тот, в запасе имелось ещё несколько.

На худой конец годился и Дядя, которому едва перевалило за двадцать...

Вдобавок, Бабушка прятала от меня спички.

Предлагая и остальным Старшим Родственникам поступать также.

К тому же спички в доме – на всякий случай – в целях конспирации – с Бабушкиной подачи спичками не назывались

И постоянного места хранения (от меня) у спичек – опять же – в целях конспирации и камуфляжа — не было.

Поэтому Папа, который как-то раз вознамерился перепрятать спички в отсутствие Бабушки – оставил ей на видном месте такую вот пояснительную записку:

*Это, это, это –
На верхней полочке
Кухонного буфета!..*

Я читать ещё не умел.

Даже по слогам...

... Мою коляску держали на первом этаже.
Ведь на пятом у меня была собственная кроватка.
Она стояла посредине Маленькой Комнаты.
Я лежал в кроватке – и тарасил глаза на Маму с Папой.

А они глядели на меня.
И Папа сказал Маме:
– Смотри, какой он серьёзный!
Давай будем звать его Школьник..

ХЭППИЛОГ

Бабушкино Серёженчик я с собой не ассоциировал.
Мне было два года – и на сакраментальный вопрос:
– Как тебя зовут!
Я отвечал неизменно:
– Сиддей!
Серёжа или Серёженька меня категорически не устраивало.

Тогда у Дедушки возник вариант Сергейчук, автоматически потянувший за собой Папино Сергейгек.

Мамино Серёжик-Ёжик почему-то воспринималось мной в штыки.

После моего первого посещения зоопарка (под водительством Мамы с Папой), где я катался на пони, смотрел на хищников и кормил бегемота, Папе взбрело в голову поинтересоваться:

– Сергей! Кто тебе сегодня в зоопарке понравился больше всех?

– Водобей! – честно ответил я, рассмешив Старших Родственников.

Тогда Дедушка стал называть меня Сергейчик-Воробейчик.

А Мама всё равно звала Серёжик-Ёжик.

И меня это уже не раздражало...

Даже нравилось!
Вы спросите:
– Почему?
Нет, вы не спросите.

P.S. В дошкольном детстве я больше всех других сказок любил сказку Андерсена о стойком оловянном солдатике.

Некоторые современные психологи утверждают, что любимая дошкольная сказка определяет последующий жизненный сюжет человека.

А некоторые предполагают, что этот сюжет закладывается ещё раньше, в перинатальном состоянии.

P.P.S. При всём здешнем разнообразии человеческих типов (и архетипов) – мы (человечество) довольно легко делимся лишь на дошкольников и пубертатников.

Дошкольники лучше.

И мне они значительно ближе.

Вы спросите:

– Почему?

Спрашивайте!

Себя – тоже...

ПРИЛОЖЕНИЯ К «ЗАПИСКАМ ДОШКОЛЬНИКА»

1

– Дюб-дюб-дюб!

Что в переводе с моего младенческого означало:

– Пить!

Так за мной правдиво записала Мама.

Папа же, вспоминая, всегда произносил иначе:

– Дюба-дюба!

С ударением на первом слоге.

Так Папе нравилось значительно больше...

2

Обычно люди сначала зевают, а уже следом – засыпают.

Я же, будучи младенцем, спал и зевал одновременно.

– Спит и зевает! – с восхищением восклицал про меня

Папа.

«Спит и видит!» – сказать обо мне так Папе в голову не приходило.

Видимо, потому что спал я с закрытыми глазами...

3

Мне было меньше трёх — и я в одиночестве смотрел (чёрно-белый) телевизор.

Такая лафа мне выпадала нечасто.

Обычно до телевизора меня допускали редко и дозированнойно.

В сопровождении кого-нибудь из Старших Родственников.

Но порой случалась и на старуху проруха.

Это происходило только тогда, когда моя моложавая Бабушка работала на своей сложносменной работе и просто физически не могла обеспечить осуществление тотального контроля над ситуацией (читай: над всеми остальными Старшими Родственниками)...

Так вот, сидел я перед маленьким телевизором в Большой Комнате и очень внимательно смотрел трансляцию взрослого спектакля – пьесы Горького «На дне».

В классической постановке МХАТа имени его же.

Впрочем, возможно, это был и «Егор Булычов».

Или что-то другое вроде...

Мимоходом возникнув рядом, Папа не преминул саркастически поинтересоваться:

– Ну, что, брат, пьеса-то про кого?

Ответ мой (потом записанный Мамой в записную книжку, специально приспособленную под сыновьи перлы) привожу дословно:

– Это пьеса про богатых и бедных!

Про помещиках и капиталистах!..

4

– Есть такая опера «Борис Брунов» безуспешно, со слезами на глазах, уверял я, почти трёхлетний, приязненно смеющихся Старших Родственников.

После собственнорушного прослушивания по радио оперы Мусоргского «Борис Годунов»...

5

Эта советская песенка из музыкального кинофильма мне очень нравилась.

Поэтому я её часто пел.

Точнее, исполнял двухстрочный отрывок.

Причём вместо правильных слов:

«По пятам за ней ходил,

Глаз влюблённых не сводил», –

У меня получалось так:

– Капитан за ней ходил.
По-турецки говорил!

Вроде бы совсем не нарочно получалось.

Но только так.

Не иначе...

Капитан был неизвестно какого ранга.

А был ещё некто рангом определённо поменьше капитана.

Поэтический матрос.

Моряк Спичкибряк.

Который «растянулся, как червяк»...

С печки бряк, в смысле...

6

Эту песню про почтальона часто передавали по всесоюзному радио.

В исполнении драматического актёра Олега Анофриева.

Нравилась она мне тоже.

Только начало припева слегка смущало мои уши.

Вопиющей своей безграмотностью.

С точки зрения московского русского (языка):

«Отворите скорей

Почтальону дверей!..»

Лишь будучи младшим школьником, я сообразил, что слышать ушам следовало «почтальон у дверей».

А не то, что они (Папа называл их «локаторы») ошибочно улавливали...

7

– Пить! Пить! Пить! –
Кричал котёнок,
Когда несли его топить! – то ли пел, то ли декламиро-
вал Папа.

– И что – им истопили печку? – ужасаясь, недоумевал я.

8

В дошкольничестве я считал, что девочки существа осо-
бые: не едят и не ходят в туалет.

Я был в этом абсолютно уверен.

Даже, несмотря на то, что мои детсадовские однокласс-
ницы каждый день завтракали, обедали и полдничали у
меня под боком.

Да и на горшках мы частенько рядышком сживали...

9

Будучи старшим дошкольником, когда окончательно
вырасту, я мечтал стать капитаном.

Капитаном команды КВН какого-нибудь института...

10

В старшем дошкольничестве купили мне выходной,
практически взрослый костюм, состоящий из комбиниро-
ванного пиджака и длинных серовато-зеленоватых в ис-
корку брюк со стрелками.

Я тогда очень любил ходить с Бабушкой в цирк – и
чрезвычайно часто там оказывался.

Впервые увидев меня в этом костюме, Папа сказал:

– Ты, брат, теперь всем незнакомым можешь говорить,
что ты настоящий карлик из Госцирка!..

11

Достаточно часто и в отсутствии, и в присутствии
Старших Родственников я вертелся перед зеркалом в на-
шей прихожей, гримасничая и приговаривая:

– Я клоун советской детворы! Хи-Хи!
Причём Хи-Хи являлось одновременно и звукоподражанием смеху, и прозвищем клоуна...

12

Дедушка очень любил делать мне пУплик, а я очень любил, когда Дедушка мне его делал.

Вы спрОсите:

– Что такое пУплик?

– Ну, это что-то вроде нежно-хулиганского щекотно-подфыркивающего Дедушкиного поцелуя вблизи пупочка.

Адресованного персонально мне: внуку-дошкольнику...

13

Выйти из нашего подъезда можно было как во двор, так и на улицу.

Войти внутрь — и с улицы, и со двора.

Вход-выход через двор был открыт круглогодично.

А уличный — только с последних чисел апреля по средину октября.

Когда погода, по мнению жэковского начальства, позволяла...

Некто невидимый отпирал подъездную дверь в сторону улицы — и на полгода парадное действительно становилось парадным.

Какая же возникала радость от предоставленной миром возможности после долгого сонного перерыва, наконец, выйти в свет через парадный подъезд!

Мой путь к школьным знаниям 1 сентября шестьдесят шестого — тоже стартовал отсюда...

ПЕСНИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

(рассказы и эссе-мемуары)

ВОСТОК-2

Я окончил первый класс.

И Старшие Родственники решили отправить меня в
подмосковный пионерский лагерь.

Вместо привычной, горячо любимой дачи.

На одну июньскую смену.

Лагерь был от Дедушкиной работы.

Маленький, трёхотрядный.

По возрасту я, естественно, попал в третий.

И начались мои тоскливые лагерные денёчки.

Которым я вёл счёт.

А ещё грела тайная надежда: вдруг меня заберут раньше
положенного срока.

Мне этого не обещали, но я хорошо помнил, что оба
раза, когда я ездил на дачу с детским садом, то возвращался
домой раньше.

На Дедушкиной персональной машине.

С Бабушкой.

Правда, тогда обещали.

И в первый раз очень быстро забрали.

Уже через пару недель после приезда.

Слишком жалко я смотрелся...

Во второй же – хоть и забрали формально раньше, однако
всего лишь за несколько минут до общего отъезда.

А вот автобусы, на которых детсадовцам предстояло двинуться в обратный путь, прибыли из Москвы, даже опередив пожаловавшую за мной Бабушку.

Я – помнится – очень переживал и на неё обижался...

Лагерь именовался «Восток-2».

В честь космического корабля, пилотирувавшегося Германом Титовым.

Но — кроме названия – ничего космического в лагере не наблюдалось.

Всё выглядело предельно приземлённо, однотонно, маловыразительно.

И домики, где мы спали, и огороженная забором территория, и уличные краны с водой, под которыми перед сном требовалось мыть ноги.

И линейки, и костры, и походы, и кружковая работа.

И столовая еда.

И необходимость справлять нужду в пропахшем хлоркой деревянном многоочковом сортире, куда я не мог заставить себя войти в течение недели.

Начальной недели здешней двадцатичетырёхдневной жизни.

Что меня угнетало и мучило дополнительно.

Даже редкие вспышки запрещённого административной футболом не радовали.

Играть в него было практически негде.

Ведь на волейбольной площадке играли в пионербол.

А других спортивных сооружений в лагере не водилось...

*«Восток» – пионерлаг,
Где ты – с тоской по дому.
Линяло-красный флаг –
Всегда готов –
К подъёму...*

*Родительского дня
Дождаться нету мочи...
Не запад – западня.
И – спёртый запах ночи...*

К спёртому запаху примешивался и запах зубной пасты.
И её вкус.
Как правило – запах и вкус детской зубной пасты
«Ягодка».
Которой друг друга мазали ночью.
Пионеры.
И примкнувшие к ним октябрята.
Внутри своей спальни.
Или, влезая – сквозь открытые окна – в чужую.
А ещё «Восток-2» познакомил меня с русским матом.
О существовании коего я прежде и не подозревал...
Но всё когда-нибудь кончается.
Подошёл к концу и мой пионерлаговский срок.
И я вернулся домой.
На одном из трёх, следовавших мини-колонной, автобусов.
В сопровождении вожатых.
Вместе со всеми пионерами и октябрятами.
Многие из которых вернулись лишь на малюсенькую пересменку.
А я вернулся домой, чтобы впервые отправиться к морю.
К Балтийскому.
Так решили Старшие Родственники.
Отправился туда вместе с Мамой.
На поезде.
Через неделю у неё — как раз — начинался отпуск.
Целиком и без остатка предоставленный мне.
Фактически в качестве компенсации.
За все мои односменные мнимые приобретения и очевидные моральные потери.

ПИОНЕРСКИЕ КАНИКУЛЫ

После того, как между первым и вторым классами я еле выдержал одну смену в пионерском лагере «Восток-2», отправляться в другие пионерлагеря у меня ни малейшего желания не возникало.

И с этим моим желанием Старшие Родственники, к некоторому моему изумлению, считались.

Лето за летом – целиком и полностью – я с радостью проводил на даче.

Там у меня были и постоянные друзья, и любимые развлечения.

Бабушкин диктат, конечно, тоже был.

Но не такой уж смертельный...

А на весенние каникулы с той же Бабушкой я несколько раз ездил в подмосковный дом отдыха «Плёсково», где мне ещё с дошкольной поры очень нравилось.

В частности, тем, что с детьми туда категорически не пускали...

Притом что их туда, конечно, возили.

Однако в ограниченном количестве.

Достаточно, впрочем, для того, чтобы я мог с кем-нибудь из привезённых кратковременно закорешиться...

На зимние же каникулы в «Плёсково» мне попасть всё никак не удавалось.

Хотя хотелось.

Потому что ежегодно, начиная с 30-го декабря и кончая 10-ым января, взрослый дом отдыха превращался в пионерский лагерь.

И вот однажды (я тогда учился в четвёртом классе) такая возможность мне всё-таки обломилась.

В том смысле, что предоставилась.

Это Дедушка (видимо, с подачи Бабушки) выхлопотал нам две путёвки в зимний пионерлагерь «Плёсково».

Одну для меня, вторую для Мамы.

Сие, правда, во время первой переключки, порядком озадачило нашу отрядную вожатую.

Носившуюся взад-вперёд по коридору корпуса, стучавшую во все комнаты и безответно выкликавшую пионерку Лену Белорусец..

Но потом – сквозь предновогодний дневной сон – я вслушался в застенно-задверные выклики – и разбудил Маму.

Через пару минут она благополучно вернулась в наш двухместный номер без всяких удобств – и больше к нам уже никто не притыкался.

На протяжении всего двенадцатидневного срока зимней пионерской смены..

КАК МЫ ХОДИЛИ В ЭКСПЕДИЦИЮ...

К походу в экспедицию мы готовились.

Долго.

Почти месяц.

Всей семьёй.

Вечерами, в кухне, после ужина, Мама вслух читала список, а мы выбирали, какие вещи надо обязательно взять.

И Мама обводила их в списке кружочками.

С каждым вечером кружочков в нашем списке становилось всё больше и больше.

Папе требовалось одно, Бабушке другое, мне (на сладкое) третье, Дедушке четвёртое, Маме пятое...

Было уже не слишком ясно, как мы это всё донесём?

И когда пойдём?

Потому что воскресенье для похода не подходило...

Впрочем, кто пойдёт в экспедицию, было известно заранее.

Мы собирались в экспедицию тщательно и упорно, стараясь заранее продумать любую мелочь.

Ведь в экспедицию мы отправлялись впервые.

И вот, наконец, день был выбран – и мы пошли.

Точнее, поехали.

Потому что все отмеченные Мамой кружочками в списке вещи, мы бы в руках всё равно не унесли.

А очень хотелось.

И Старшим Родственникам, и мне.

Мы поехали в экспедицию.

На Дедушкиной персональной машине.

Бабушка и я.

Следовало доехать до дома напротив.

Там располагалась экспедиция.

Специальная Книжная Экспедиция, где руководящие работники и члены их семей раз в месяц могли купить хорошие книжки.

Без очереди.

Которые в обычном книжном купить было невозможно.

Даже с очередью...

Шёл конец шестидесятых.

В экспедицию мы ходили ещё не раз, всегда возвращаясь домой с купленными книгами.

А потом, когда Дедушки уже не стало, Бабушка просила меня, чтобы я регулярно ходил в экспедицию.

Нужно было выкупать периодически выходящие в свет тома, составляющие двухсоттомную подписку на «Всемирную литературу».

И я ходил.

И выкупал.

Правда, не столь регулярно, как это себе мыслила Бабушка.

В результате пару томов из всемирки я благополучно проворонил...

ДОМ ОТДЫХА БОЛЬШОГО ТЕАТРА

В Дом Отдыха Большого Театра я приехал на двадцатом троллейбусе.

Вместе с Мамой.
Затратив полчаса маршрутного времени.
Именно столько нам потребовалось, чтобы добраться
от нашей остановки – Второй Боткинский проезд.
– Серебряный бор, конечная! – объявил в шелестящий
микрофон водитель.
Бабушка и Дедушка нас уже ждали.
Мы немного прошли пешком по самой широкой, глав-
ной здешней улице, с голубыми, качающими воду колон-
ками, перед зелёными дощатыми дачными заборами.
А чуть погода – свернули налево.
После чего почти сразу выяснилось, что дальше мож-
но не идти.
Потому что мы на месте...
В Серебряном бору я бывал и раньше.
Сюда мы ездили гулять.
Иногда.
В какой-нибудь (вдруг упавший с неба) погожий де-
мисезонный день.
На Дедушкиной персональной служебной машине.
Выезжая на ней – по самой главной здешней улице –
прямо к берегу текущей внизу Москва-реки.
Мы с Дедушкой играли в футбол.
Или смотрели, как в него играют взрослые.
На вытоптанной спортплощадке внутри лесопарковой
зоны, с кривоватыми бессеточными воротами, сваренны-
ми из неопрятных труб.
Перекус происходил вблизи стоящей на берегу – плос-
кой мордой к Москва-реке – «Волги»...
Бабушка вынимала припасённые бутерброды с моей
любимой докторской колбасой и большой китайский тер-
мос с подслащённым (специально для меня) грузинским
чаем.
Я предпочитал его пить из белой пластмассовой тер-
мосной крышки (хотя чашки Бабушка брала с собой).
И – о чудо! – Бабушка мне позволяла...

Или зимой – по воскресным утрам – на сине-жёлтом троллейбусе, заполняющимся по дороге, приезжали мы сюда с Мамой – кататься на лыжах.

И я выбирал горы с несколькими естественными трамплинчиками.

И многократно, держа палки за спиной, скатывался вниз, совмещая плавное скольжение с полётами, от которых заходило сердце...

Дом Отдыха Большого Театра возник в жизни нашей семьи сравнительно недавно.

Дедушкин сослуживец, живший на той же улице, что и мы, был женат на солистке Большого Театра.

Они часто ездили в этот Дом Отдыха на выходные: совсем близко, а какая красота!

Во всех смыслах!

Действительно, живописность, комфортабельность, уютность, даже домашность.

И потрясающее питание.

Ничего вкуснее нигде и никогда я не ел.

Чем тамошние обеды.

И ужины.

Нигде так раскованно, уверенно, безошибочно не играл в популярный тогда бадминтон.

Нигде не чувствовал себя так здорово, спокойно, умиротворённо.

Только здесь, в маленьком тихом Доме Отдыха Большого Театра, где бывал-то всего считанное количество раз, навещая Бабушку и Дедушку...

А тот, первый, в майский праздничный день, когда мы приехали сюда с Мамой, и Бабушка с Дедушкой встретили нас на троллейбусном круге, вплотную примыкающим к русской природе, я запомнил.

Потому что из-за отсутствия автоматической ручки рискнул написать домашнее сочинение шариковой.

Хотя нам, четвероклассникам, писать шариковой ручкой до пятого класса категорически запрещалось...

Рискнул написать – и получил пятёрку.

И с ней – заработанное право писать шариковой ручкой все оставшиеся до окончания начальной школы сочинения...

А ещё запомнил потому, что назад, из Дома Отдыха, мы с Мамой возвращались на «Волге».

Нет, не на Дедушкиной служебной и персональной.

На единоличной собственной машине.

За рулём оной сидел её владелец – знаменитый (своим голосом) на весь Советский Союз диктор Левитан.

Юрий Борисович.

Также, как Дедушкин сослуживец, Левитан жил на другой стороне нашей улицы – вот Дедушка, которому Левитан – тоже – был сослуживец, даже приятель – и попросил его нас подвезти.

Когда тот собрался в город.

А может, это предложил сам Левитан...

ПУТЁВКА В АРТЕК

Путёвка в Артек досталась мне по благу.

Так получилось, что я дожил уже до двенадцати с лишним лет, а на Чёрное море никогда не ездил.

Все вокруг дети ездили.

Все, но не я.

Так получилось, что не получалось...

Если в старшем дошкольничестве и самом младшем школьничестве я ещё спал и видел себя купающимся в далёкой от дома солёной тёплой водичке, то класса с третьего проникся полным безразличием к этой теме.

Но Бабушка чувствовала, что я несправедливо ущемлён – и она, Бабушка, здесь явно недоработала.

Да и люди что о нашей семье подумают: даже ребёнка на юг вывезти не могут...

В общем, Бабушку такая ситуация мучила.

И Бабушка периодически подмучивала Дедушку.

Зудя над ухом своё, Бабушкино...

А тут наметилась поездка во всесоюзный пионерский лагерь Артек.

От Дедушкиной работы.

В Артек посылали лучших пионеров и школьников (по крайней мере – так декларировалось).

Вот и от Дедушкиной работы (сверху пришла разнарядка) должны были поехать лучшие: юные дикторы – ведущие утренней двадцатиминутной радиопередачи «Пионерская зорька» (по будням она выходила в эфир ежедневно, кроме четверга, в 7.40).

А также юнкоры – юные корреспонденты той же «Пионерской зорьки».

В количестве трёх человек.

Вот одним из этих трёх юных я и оказался.

По благу.

Который в моей жизни присутствовал с дошкольной поры.

К перманентному наличию блага я хоть и привык (даже иногда, в крайних ситуациях, на него уповал), но комфорта особого в его окружении не чувствовал.

Напротив, там, где что-то делалось по благу, очень часто возникали всевозможные нестыковки и накладки, ощущаемые мной как неловкости.

Причем неловко я начинал себя чувствовать заранее, ещё до возникновения нестыковок и накладок, предугадывая их будущее появление и сопутствующие им сложности.

Короче, ехать в Артек я отнюдь не рвался.

И потому, что вообще лучшим себя не считал, и потому, что ни юным диктором, ни юнкором не являлся.

Да и благу как способ отношения с миром недолюбливал...

И даже информация о том, что поездка захватывала большую часть мая, вырывая меня из школьной действительности почти на месяц раньше положенного срока, в качестве радостной вести мной не воспринималась.

Я попытался вежливо увернуться.

Но Старшие Родственники (в лице Бабушки) меня пристыдили, сказав, что о путёвке в Артек мечтает каждый советский ребёнок, а заевшийся я, которому она преподносится на блюдечке с голубой (или золотой) каёмочкой, позволяю себе воротить носом, выказывая вопиющую неблагодарность проявившему чудеса социалистической предприимчивости Дедушке...

Анализы в районной поликлинике были (успешно) сданы, по их результатам обменная карта получена – и в урочный час (он же – послеурочный для моих, остающихся при школе одноклассников) — я размыто причалил к Дедушкиной работе, откуда с ещё двумя юными будущими артековцами и одним сопровождающим взрослым перепрыгнул на отправной пункт номер два.

Причем в качестве сопровождающего подвизался отец единственной девочки из нашей, волею судеб возникшей, пионерской ячейки – радиожурналист, ехавший в Крым отдыхать.

Девочка (это я сообразил отнюдь не сразу) к юным дикторам и к юнкорам имела отношение вроде моего, в смысле – не имела ни малейшего.

А вот мальчик имел.

Самое прямое, будучи настоящим юным диктором.

И большим проказником (что выяснилось несколько позже)...

Теперь наша группа, называемая почему-то «Москва-Эвакобаза», насчитывала уже одиннадцать человек.

В этом составе мы и прибыли на Курский вокзал, где загрузились в скорый поезд дальнего следования.

И благополучно добрались до Симферополя.

А могли бы и не слишком...

Потому что юный диктор (меня старше на класс) дорогой придумал игру, которая заключалась в том, чтобы телесно вылезать из окна вагона – и висеть за его пределами, параллельно движению скорого поезда...

Впрочем, я в этой игре не участвовал.

Хотя юный диктор своим хорошо поставленным звонким голосом меня довольно активно подначивал.

Естественно, ни один (из двух) сопровождающих при этом вопиющем безобразии не присутствовал (интересно, где они оба находились всё это время?..)

Короче, мы добрались до Симферополя – и вскоре высадились на территории всесоюзной школьной здравницы – пионерлагеря Артек, поделённого на двенадцать, что ли, лагерей, в некоторых из которых наличествовало по несколько дружин.

Нам обломился лагерь «Кипарисный», одноклассниковый, двенадцатиотрядный...

Весь вечер, до глубокой ночи, всех приехавших из разных мест нашей необъятной родины по этим двенадцати отрядам и распределяли.

Проводя заодно и что-то вроде собеседования для выяснения некоторых подробностей из жизни опрашиваемых личностей.

В частности, администрацию интересовало, за какие достижения человека сюда отправили, премировав путёвкой.

Я подслушал несколько интервью и сильно встревожился, не очень понимая, что отвечать на вопросы, дабы не быть разоблачённым уже на этом этапе.

Всегда готовый (как-никак пионер) к наихудшим вариантам развития событий, я предположил, что вдруг администрация обладает упреждающими сведениями о том, кто я (вернее, за кого себя выдаю), а опрос – не что иное, как последнее и решительное сито...

И если администрация действительно в курсе официальной версии по поводу моего пункта приписки – то врать себе дороже.

С другой стороны – отвечать подробно и внятно – тоже опасно: могут в силу экзотичности моей легенды вцепиться и не отпустить до конца смены.

Держа на виду, посылать в радиоузел зачитывать местные тексты, мучить заучиваньем дурацких речёвочек, прилагающихся в числе обязательных дополнений ко всем торжественным случаям, заставляя выступать перед простыми отличниками с рассказами о жизни радио, да мало ли что ещё...

Вдобавок и шансы меня разоблачить при подобных раскладах значительно увеличиваются: хоп – и проколовшийся дилетант пойман – между делом – на непрофессионализме...

Впрочем, кто я в точности: юный диктор или юнкор – такая информация до Артека вряд ли раньше меня докатилась.

Поэтому лучше прикинуться юнкором, но предельно скромным, не выпячивающим себя на фоне прочих «рыцарей пера» (цитата из тогдашней песни про юнкоров)...

Когда дошла до меня очередь быть опрашиваемым, на чётко сформулированный вопрос о цели приезда в Артек я ответил намеренно косноязычно и не совсем внятно.

Меня вежливо переспросили.

Я по-прежнему был невнятен, лепеча что-то о том, что послан вроде бы для того, чтобы поделиться по возвращении (с кем – я умалчивал, прикрываясь косноязычием) впечатлениями о поездке.

Наконец от меня отстали и определили в десятый отряд, где – как выяснилось чуть погодя – никого из тех, с кем я успел познакомиться, едучи из Москвы, не оказалось.

После беседы меня отправили в баню, предварительно забрав мои вещи, а взамен выдав поношенные выстиранные артековские: от нижнего белья до двух видов пионерской формы, с прилагающимся пионерским галстуком и пилоткой.

Была ещё байковая красная пижама.

А накануне первых физкультурных занятий возникли хлопчатобумажные отечественные тренировочные костюмы, здесь почему-то называющиеся словом «трико».

Трико были чёрные и синие.

Мне досталось синее, облачившись в которое, я отправился на стадион – заниматься лёгкой атлетикой.

Секцией лёгкой атлетики руководил лагерный физрук, чьей спортивной специализацией был бокс.

Поэтому в наши индивидуальные самостоятельные тренировки он особо не вмешивался.

Разве что иногда, по просьбе кого-нибудь из нас, включал висевший у него на груди секундомер, чтобы засечь время пробегания контрольного отрезка.

Предоставленный самому себе, я оккупировал сектор для прыжков в высоту – и стал пробовать прыгать стилем «перекидной».

– Как? Нормально? – спросил я однажды у физрука.

– Нормально! – приветливо ответил физрук.

Между прочим, именно с подачи физрука мне чуть позже удалось посмотреть телевизионную трансляцию товарищеского прощального матча динамовского вратаря Льва Яшина.

В кабинете замдиректора, среди узкого мужского коллектива заинтересованных взрослых.

Правда, примчался я туда тоже чуть позже, пропустив два, быстро забитых нашими (сборная «Динамо») гола.

А вот Яшин от сборной мира не пропустил.

Это сделал заменивший его Владимир Пильгуй...

Разбег подбирать я не умел, представление о толчке, махе и технике перехода через планку имел относительное, что не помешало мне выиграть и первенство отряда, и первенство дружины.

Заодно я дважды победил и в беге на 60 метров.

Физрук обмолвился, что на торжественной линейке по случаю окончания смены, до окончания которой оставалась ещё уйма дней, победителей и призёров первенства лагеря наградят почётными грамотами.

Как я ждал этого награждения!

И дождался.

Получив за день до отъезда красивую грамоту с напечатанным внутри текстом, сообщающим о том, что я занял первое место в соревнованиях по бегу на 60 метров.

Что мне было абсолютно безразлично.

Про дорогие моему сердцу прыжки в высоту в грамоте не было написано ни единого слова.

Я бросился к отрядному физоргу (не путать с лагерным физруком!), мол, разберись, это по твоей части, само-му-то мне неловко к физруку обращаться...

Мол, на чужое и не претендую вовсе, однако моё, законное, честно завоёванное, причём в полном объёме, хотелось бы домой увезти, чтобы Старшим Родственникам и всем прочим показать.

Или – рассказать.

Предъявив особо любопытствующим документальное подтверждение в виде двух почётных грамот.

Иначе ведь не поверить право имеют...

Да и вообще – дорого как память!

Отрядный физорг взял мою красивую грамоту и пообещал сходить к физруку, разобраться.

В смысле – возвратиться от него с двумя красивыми грамотами.

Так мне это виделось.

Но к физруку физорг не сходил.

А на моей красивой грамоте, после напечатанных слов о победе в спринтерском беге – как курица лапой – накарябал: «и за первое место в прыжках в высоту».

И зачем-то расписался.

Тоже – как курица лапой.

Теперь вместо двух честно заработанных грамот у меня не было ни одной.

Хоть сколько-то нормальной.

Кстати, о курице.

Её в меню здесь почему-то величали «кура»...

Да и вообще кормили, на мой вкус, весьма средне.

Зато ругались матерно.

Это я не про обслуживающий персонал.
Это я про лучших пионеров и школьников.
И дрались.
И я тоже.
Дважды.
Сначала в спальне десятого отряда.
С юным сахалинским штангистом.
Из-за Сталина.
Вернее, из-за роли и места тирана в истории государства советского.
Дрались самозабвенно.
То, входя в клинч, то расходясь для секундной передышки, то катаясь по полу, то пародируя боксёрский поединок..
А когда он ударил ногой, я укусил штангиста за палец.
Легко травмировав его до конца лагерного срока..
Другая драка состоялась в уличной уборной.
С пионером комсомольского возраста, который пригласил меня туда поговорить.
Где без предварительного стартового сигнала врезал мне так, что я стукнулся башкой об унитаз и на пару минут отключился.
Эта была первая в моей жизни проигранная драка.
По всем статьям..
Кстати, о статьях.
Всё-таки аукнулось мне моё дутое юнкорство.
Старший вожатый (сам!) подошёл с просьбой написать пару заметок для лагерной стенной газеты.
Просьба означала приказ.
– Сейчас разоблачат! – с ужасом подумал я, принимаясь за путевую журналистику, о коей не имел никакого представления.
Это меня и пугало, суля вполне реальную (по моим оценкам) опасность вменить мне в вину гипотетические нарушения общих норм писания заметок – и – как следствие – обвинить в самозванстве.

Я тогда ещё не догадался, что никаких норм и правил в литературе (даже такой) не существует.

И приятно расслабился, когда меня сначала не поймали за руку, а потом не схватили за шкуру, чтобы показательно высечь перед (пионерским) строем.

Замалчиваемое лжедикторство тоже стрельнуло.

Как раз в тот момент, когда я приятно расслабился.

Из чеховского ружья.

Отдыхающий по соседству в Крыму наш сопровождающий решил навестить свою дочку, пионерку восьмого отряда.

Администрация не возражала, но в качестве ответной услуги пожелала получить от нашего сопровождающего его выступление в зале библиотеки, с рассказом о нужной и важной профессии радиожурналиста.

Наш сопровождающий, естественно, согласился.

Прихватив с собой семиклассницу-дочку и меня, наш сопровождающий вальяжно продефилировал между кипарисами до здания библиотеки.

Где я брал для прочтения спортивные повести Льва Кассиля.

Наш сопровождающий хотел ещё присовокупить к группе юного диктора, но тот в свойственном ему стиле мероприятие грубо пробросал..

Наш сопровождающий интересно, живо и отчасти смешно рассказывал жидкой публике о работе радиожурналиста.

И вдруг тыкнул пальцем в меня, сообщив, что о работе юного диктора никто не лучше не расскажет, чем юный диктор, то есть я..

Пока я брёл со своего места к месту пытки, я всё-таки (частично) успел сообразить, какую тактику ведения боя на выживание (не иначе) мне имеет смысл выбрать.

И начал с того, что я никакой не юный диктор, а юнкор – юный корреспондент радиопередачи «Пионерская зорька», работа которого сводится к писанию заметок о школьной жизни.

Но наш сопровождающий от меня так просто не отставал.

Ему почему-то нужно было, дабы все присутствующие на встрече с ним, радиожурналистом-международником, услышали от меня о том, как работают юные дикторы...

К счастью, ещё в годину старшего дошкольничества мне довелось один раз увидеть, как работают радийные дикторы.

Взрослые.

Дедушка меня привёл в аппаратную, аккурат, во время записи.

Похоже, для того, чтобы в майском Артеке семьдесят первого я смог выпутаться из очередного идиотского положения.

Доставшегося мне вместе с путёвкой.

По благу...

Кроме драк, в Артеке пышным цветом цвели и кражи.

Пёрли всё и у всех.

У меня тоже.

В частности, деньги из тумбочки.

Жалкий остаток от суммы, потраченной за день до этого на покупку дефицитного толстенного русско-английского словаря (его англо-русский аналог мне подарили раньше), рассчитанного то ли на 60, то ли 75 тысяч слов.

Покупка состоялась в ходе экскурсии по Южному Берегу Крыма, когда нам предложили купить памятные сувениры.

Вот я и купил.

А на ковбойскую шляпу денег уже не хватило.

Зато хватило с лихвой на то, чтобы тихо перекочевать в карман к шарящему по тумбочкам пионеру...

Впрочем, отъезд маячил отнюдь не за горами, хотя огромный Аю-Даг и пытался заслонить собой светлое будущее.

Отъезд не только брезжил, но и стремительно приближался.

В ожидании автобусов до Симферополя бедовый прожжённый народ смачно ревел в голос, обнимался и обменивался домашними адресами для грядущей переписки.

Видимо ничего лучшего, чем эта поездка в Артек с его морем, куда запускали по свистку и по свистку же, через три минуты выводили на берег, в их бедных внешних жизнях не было.

Я болтался где-то рядом с этим, налетевшим, как смерч, плачем, ощущая себя грубым нечувствительным механизмом на фоне всеобщей волнообразно передающейся элгии...

Чужак чужаком, я болтался где-то рядом, даже зачем-то написал крупными буквами свой домашний адрес среди полусотни прочих, на большущем ватманском листе, прикрепленном к доске объявлений лагерной администрации.

В болоньевой куртке на голое тело (ковбойки в тючке возвращенной мне одежды – увы – не наблюдалось) и техасах, из которых за месяц успел вырасти, где-то по соседству автономно разгуливал я, вынужденный имитатор-приспособленец, полушпион отсутствующей мировой державы...

Хоть на самом деле стоял особняком в предвкушении неминуемого, неотвратимого отъезда.

Ночью в поезде я никак не мог уснуть.

Такого за мной прежде не водилось.

С тех пор же завелось – и не отпускает по сей час.

Напрочь разучился я спать в поездах.

Не говоря уже о других видах транспорта...

Встречавшие меня Мама и Папа к потере ковбойки отнесли на удивление равнодушно.

А я-то, дурак, предполагал, что мне придётся оправдываться...

Через два месяца, когда я отдыхал (от Артека!) на даче, Мама, приехавшая меня навестить, привезла письмо, которое пришло на наш московский адрес.

Письмо было из Свердловска от девочки Тани – майской пионерки девятого отряда дружины «Кипарисная» лагеря «Кипарисный».

Сколько я ни силялся – вспомнить её лицо мне так и не удалось..

СТАДИОН ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

1

Уже второй год подряд — каждое утро — я прихожу сюда плавать.

А раньше – давным-давно – приходил сюда бегать.

И – прыгать..

Здесь, в том же самом здании, где сейчас престижный сетевой фитнес-центр, был один из первых московских легкоатлетических манежей, в котором, после тяжёлой автомобильной аварии, восстанавливался и тренировался прославленный Брумель.

Я приходил бегать и прыгать в манеж, начиная с шестого класса.

Гулять же сюда, на Стадион Юных Пионеров, меня приводили за ручку ещё в дошкольном детстве.

И — привозили.

Ещё в коляске.

А когда я вырос, я гулял по этим аллеям уже со своим сыном.

В те дни, когда не сидел в симпатичной зелёной будочке при въезде на стадион.

В той будочке, которой давно нет.

Но, впрочем, всё по порядку.

2

В моём дошкольном детстве название «Стадион Юных Пионеров» целиком произносили только водители троллейбусов.

Объявляя следующую остановку.

Прочие окрестные граждане ограничивались аббревиатурой СЮП.

К СЮПу вели разные маршруты.

Но главный вход горделиво глядел на Ленинградский проспект.

Вправо и влево – на одинаковом расстоянии от главного входа – намеренно бросались в глаза многоцветно-пастельные мозаичные панно с изображением молодых футболистов различных амплуа, каких-то других физкультурников и внушительная надпись из крупных буквенных значков, составляющих полное наименование архитектурно-спортивного объекта. . .

На территории СЮПа (который превратился в СЮП лишь в тридцатых) физкультурно-спортивная жизнь кипела и бурлила практически с первых лет последнего века прошлого тысячелетия.

С объяснимыми перерывами на октябрьскую революцию и отечественную войну.

В моём дошкольном и младшешкольном детстве СЮП являл собой небольшой уютный стадиончик с полнometражным травяным футбольным полем, вокруг которого вилась легкоатлетическая беговая дорожка, сначала – гравевая, а потом, примерно с конца шестидесятых – резинобитумная.

За воротами, совсем исчезнувшими в мои школьные годы (было время – только футбольными, было время – только регбийными, было время – и теми, и этими) располагались сектора для прыжков и толкания ядра.

Трибуна была одна, весьма вместительная, с деревянными скамейками.

Зимой футбольное поле с беговой дорожкой и секторами заливалось водой посредством чёрных плюющихся шлангов, надолго превращаясь в каток – причем не только для массового катания, но и для серьёзных тренировок, а также соревнований союзного масштаба.

На СЮПе среди других детских спортивных секций работали секция конькобежного спорта и секция ОФП – Общей Физической Подготовки – зимой обычно тоже пытающаяся заниматься коньками...

Коньки – и беговые, и хоккейные, и фигурные, и гаги – точили на специальном станке, в подтрибунном помещении стадиона, в крохотной комнатке, рядом с огромной мужской раздевалкой и вполне просторной душевой.

Ещё ниже, в подвале, помещался баскетбольный зал.

За пределами игрового поля – вдоль его боковой линии – зал, выстланный линолеумом, был сплошь утыкан разнокубатурными нишами, использующимися для упражнений с отягощениями: всевозможными гантелями, штангами, грифами, железными блинами.

В отдельных нишах обитали тренировочные снаряды – конь и козёл, иногда оттуда извлекаемые, а в одной из ниш безвылазно царило стандартное гимнастическое бревно...

Баскетбольные и волейбольные наружные площадки, примыкающие друг к другу, зимой сравнительно легко переоборудовались в хоккейные коробки.

Но клюшек для канадского, с шайбой, хоккея, середине шестидесятых в спортивном магазине на Ленинградском проспекте почти никогда не наличествовало.

Зато в продаже фигурировали клюшки для хоккея русского, с мячом, стремительно тогда из моды выходящего...

Каучуковые светло-чёрные шайбы (и нормальных размеров, и половинчатые) считались товаром дефицитным, поэтому разновозрастные мальчишки, носясь поперёк площадки, кто в коньках, кто в бурках, кто в валенках – играли – как правило – прыгучим теннисным мячиком.

А по вечерам, при искусственном освещении и паре настоящих хоккейных ворот, съезжались и сходились играть команды взрослые.

Богатый многотысячный оборонный завод, растянувшийся на всю Ходынку, мог себе позволить проводить здесь межцеховые турниры, облачая своих станочников, чертёж-

ников, техников, инженеров в дорогостоящую яркую хоккейную экипировку.

В другом конце СЮПа, вроде бы неподалёку от Дома Sports, где обитали секции гимнастики, акробатики и шахмат, как-то обособленно торчало неказистое одноэтажное жёлтое здание – крытый искусственный каток, на котором проводила занятия секция фигурного катания, куда очень трудно было записаться.

Однако люди везли детей со всей Москвы, впечатлённые первыми советскими победами в этом западно-выкрутасно-музыкальном, чуть приоткрытом для широких масс «оттепелью», зимним олимпийским видом спорта..

Мне было года три, когда во время прогулки по стадиону Папа предложил мне заглянуть в жёлтый (или бледно-розовый?), странноватой формы, домик.

А может, я попросил Папу туда заглянуть.

Мы зашли – и с ходу выяснилось, что тренер в цветастом свитере и облегающих строгих брюках – Папин хороший знакомый.

Он взял меня на руки – и со мной на руках стал красиво ездить по льду, показывая мне каток, а меня юным фигуристам..

В глаза мне со всех сторон бил яркий свет, поэтому я почти ничего не рассмотрел.

Но к миру волшебства приобщился.

Тренеру я приглянулся – и он предложил, чтобы через год я стал у него заниматься.

Я не возражал.

Старшие Родственники тоже.

Оставалось только раздобыть фигурные коньки самого маленького размера.

Тренер обещал помочь – и сдержал слово.

Коньки-снегурочки мне были куплены.

Радостный, я ходил на коньках по квартире, предвкушая, как через год по три раза в неделю буду на них кататься при свете слепящих глаза праздничных прожекторов.

Но через год коньки мне оказались малы...

А ледовый дворец – место тренировок многих фигуристов-сборников – соорудили позже, между велосипедным треком и легкоатлетическим манежем.

Велосипедный бетонный трек, на котором занималась велосипедная секция и проводилась половина всех союзных состязаний (вторая – на знаменитом тульском треке) был тогда единственным в Москве, являлся гордостью СЮПа и постоянно заполнял собой голубые (они же – чёрно-белые) экраны отечественных телевизоров.

Попасть на трековые трибуны, несмотря на то, что я к этому стремился всячески, мне удавалось крайне редко: обычно входы (а их существовало величайшее множество – по всему овалному светло-жёлтому периметру) бывали перекрыты тёмными чугунными решётками, закрытыми на массивные коричнево-серые замки.

Был ещё на территории стадиона летний гимнастический городок, с параллельными брусками, турниками, окружёнными для удобства приземления свежими опилками.

Кажется, порой туда выносили даже батут, на котором взлетали в небо члены акробатической секции.

А вот городошной площадки на самом стадионе, кажется, не было.

Зато она точно была – буквально – в двух шагах от него, на продолжении Грушевой аллеи, тоже аллее, ведущей – напрямиком – к больнице имени Боткина...

3

Когда я учился в начальной школе, Старшие Родственники неоднократно пытались приобщить меня к занятиям активным спортом – и тем самым отвлечь от излишне активного просмотра спорта по телевизору.

Ближе всего к дому находился Стадион Юных Пионеров с его не различными секциями.

Но ни одна из них меня не интересовала по-настоящему, ибо мне нужен был один лишь футбол.

А секции футбола на СЮПе тогда уже не было.

Да и принимали в футбольную секцию лет с десяти-одиннадцати.

Вот меня и пытались приткнуть куда-то ещё.

Мама и Бабушка кропотливо обрабатывали Дедушку, чтобы он задействовал свои могучие связи – и, наконец, вынудили его заняться моим устройством в какую-нибудь из сюповских секций.

В назначенный срок я (третьеклассник) с Бабушкой, Дедушкой и вещами (спортивной формой – белый верх, чёрный низ и чешки) очутились в кабинете то ли директора, то ли замдиректора Детско-Юношеской Спортивной Школы Центрального Стадиона Юных Пионеров.

Он скептически осмотрел мою полноватую фигуру, присвистнул, после чего отвёл меня в гимнастический зал с изобилием огромных зеркал, демонстрирующих всем окружающим моё отражение – ещё более толстое, на фоне мелких и узких тел юных гимнастов...

Продержался я в этом зеркальном окружении недели две.

Потом, когда я учился в четвёртом, на СЮПе открылась секция Общей Физической Подготовки, куда меня записала Мама.

Осенью и весной два раза в неделю офепешники играли в футбол, что меня устраивало абсолютно.

А зимой (наш тренер был мастером спорта по конькобежному спорту) учились кататься на коньках, что давалось мне с большим трудом (правильнее сказать – не давалось вовсе)...

Тем более, что Папа постоянно твердил (мне и Маме) про мой слабый голеностоп, в него, в Папу, у которого это – единственное слабое место...

Был момент в сентябре моего пятого класса, когда я уже стал подходить по возрасту для футбольной секции – и Дедушка меня в неё (классическим образом) устроил.

На стадион «Динамо», к бывшему полузащитнику сборной СССР Виктору Царёву, без всякого энтузиазма вос-

принявшему моё появление у него в группе в обход осуществлённого им и его помощниками набора молодняка.

Под неодобрительным взглядом Царёва я дважды за неделю сыграл в поле и один раз постоял на воротах.

В отсутствии чуть припозднившегося законного вратаря.

Который на глазах у Дедушки с разбегу перемахнул через метровый железный заборчик, отделявший тренировочное поле от лениво глазающей вокруг или праздно прогуливающейся мимо публики.

После чего я посчитал за лучшее молчаливо ретироваться.

4

Пока я, пионер десятого отряда лагеря «Кипарисный» дружины «Кипарисная», пребывал в майском Артеке, выигрывая все отрядные и дружинные соревнования по короткому бегу и прыжкам в высоту, мои одноклассники записались в секцию лёгкой атлетики Стадиона Юных Пионеров.

Причем, по стечению обстоятельств, это оказалась группа столь любимых мной, изначально (с первого взгляда) пленивших (вот именно!) меня – прыжков в высоту.

В Артеке я, повинуясь невесте откуда взявшемуся наитию, попробовал прыгать в высоту – не привычным всем тогдашним школьникам «перешагиванием», а «перекидным», увиденным мной по телевизору.

Толком не зная, как им прыгают, даже не умея подобрать разбег, я сразу взлетел над планкой на метр тридцать, что превышало мой личный рекорд «перешагиванием» аж на 15 сантиметров.

Может быть, я рискнул бы опробовать и «фосбюри-флоп», тоже уже виденный мной по телевизору, но местом для приземления на аккуратном стадиончике дружины «Кипарисная» служила восьмидесятисантиметровая горка взрыхлённого песка.

Впрочем, даже если бы в яме лежали поролоновые маты, я вряд ли стал бы прыгать стилем «фосбюри-флоп» (которым, к слову, прыгали практически все высотницы из дружественной нам сюповской девчоночьей группировки), ведь очень ценил рекордсмена мира Валерия Брумеля, а Брумель прыгал исключительно «перекидным»...

Второго сентября далёкого года, после школы, в хлопчатобумажном синем спортивном костюме и в китайских кедах я прибежал на первую мою легкоатлетическую тренировку.

А может, это были отечественные полукеды.

Хотя, вернее всего – советские «спортивки» – лёгкие двухцветные кожаные тапочки на твёрдой подошве – предтечи сменивших их меньше, чем через год, более долговечных и удобных кроссовок.

День стоял тёплый и ласковый – в такие дни легкоатлеты пёстрыми стайками высыпали на стадионные дорожки и сектора, предпочитая их занятиям в душноватом от упругих рездоровых плит манеже.

Я прибежал заниматься прыжками в высоту к тренеру, который слыл ярым приверженцем «перекидного», хотя сам в молодости прыгал «волной» – как ещё рекордсменка мира среди женщин румынка Иоланда Балаш и наш, мужской и советский, уже экс-рекордсмен Юрий Степанов...

Тренер (за глаза – шеф) был настоящим адептом «перекидного», невзирая на то, что пресловутый «фосбюри-флоп», названный так в честь своего создателя, олимпийского чемпиона Мехико американца Дика Фосбюри (слово «флоп» – звукоподражательно имитировало русское «хлоп» и указывало на мягкое приземление) к тому времени довольно резво распространялся по всей земле.

Включая одну шестую часть мировой суши, где прыгуны-высотники, наконец-то, заполучили счастливую возможность приземляться не в мокрый травмоопасный песок, а на поролоновые подушки (именно ими были оборудованы сектора для вертикальных прыжков в сюповском манеже).

Или – завершающей фазой прыжка – максимально комфортно валиться («флописты» это делали спиной) на тугие горы из гигантских брезентовых зелёных мешков, доверху набитых обрезками бело-жёлтого импортного поролона и втиснутых в каркасные деревянные, с железной окантовкой, границы двух параллельных ям для приземлений на открытой арене СЮПа..

Зелёные мешки с поролоновыми обрезками, стойки, на которые ставилась планка, сама планка, ядра, копыя, барьеры, набивные мячи (они назывались медицинболы), прочие спортивные снаряды хранились над просторами баскетбольного зала, в подтрибунной кладовой.

Оттуда, предварительно выклянчив у несговорчивой кладовщицы, на себе мы их пёрли, чтобы туда же, ей же, обязательно вернуть по окончании двухчасовой тренировки.

Меня – буквально завораживало такое упражнение: планка одним концом клалась на максимально поднятую высоту барьера (106,7 см.), а другим ставилась на поверхность сектора – её нужно было преодолевать, толкаясь одной левой и приземляясь на другую правую...

Упражнение называлось «пируэт».

– Координейшн! – по-английски корректировал мои прыжки элегантный подтянутый шеф, имея в виду мою своеобразную координацию движений...

Если шёл дождь, по широким щербатым старым ступеням мы взбирались на верхний ярус трибун, покрытый продолговатой вычурной ампирной крышей-недобашенкой – и тренировались на полуоткрытом воздухе, делая рывки или совершая прыжки-многоскоки...

Теперь я прибежал сюда четыре-пять раз в неделю.

До капитального обживания манежа оставался, может быть, месяц...

5

Наша сюповская группа «высотников» выглядела разновозрастной, но однородной – в том смысле, что являлась сугубо мужской.

И все прыгали (или учились прыгать) «перекидным». Даже незаметно затесавшиеся в группу два барьериста. Даже одна девушка из педагогического училища, заботливо пригретая под крылом внешне бесстрастным и невозмутимым шефом.

Все – кроме почти двухметрового Андрюхи Тестова, у которого «перекидным» прыгать – просто не получалось.

Зато получалось «флопом» (он проще в исполнении) – и как!

Принося повсеместные медали и призы на чемпионатах Москвы и первенствах Центрального Совета Общества «Труд», за который выступали воспитанники СЮПа.

В белых майках и зелёных трусах (мне их покупала Мама в спортивном магазине, а дома, по моей просьбе, зелёные сатиновые спортивные трусы с двойной резинкой превращала в трусы с широкими подшивными разрезами – для большей свободы движений)...

И в казённых ношеных шиповках.

Мне мои первые, спросив размер, выдал шеф через полгода после начала занятий.

Вместе с нагрудным номером, который, будучи прикреплённым к майке, закреплялся за тобой на всё время учёбы в ДЮСШ – Детско-Юношеской Спортивной Школе.

Под ним – белым, с большими чёрными цифрами в центре и маленькими красными буквами СП – Стадион Пионеров – вверху и внизу – ты призван был теперь выступать (за СЮП) на всех крупных московских стартах, где участвовали и другие спортобщества: «Спартак», «Динамо», «ЦСКА», «Локомотив», «Буревестник», «Трудовые резервы».

А ещё – бесчисленные районные ДЮСШ...

Но подобных состязаний в течение года бывало немного, от силы четыре-пять.

За неделю до очередного главного столичного соревнования шеф исключал из тренировки любимый им (и нами) контактный баскетбол.

– Впереди Москва! – по-антикомиссарски провозглашал шеф.

Наши ноги, руки и тела он берёт для самых важных стартов.

Довольно часто первенства и кубки Москвы (и на воздухе, и в закрытых помещениях) проводились на СЮПе.

Там, под открытым спокойным небом, на самом излёте мая, состоялось моё первое первенство Москвы, ознаменовавшееся для меня сразу кучей личных рекордов.

Кучей – потому, что мы, юноши младшего возраста, выступали в различных многоборьях, а не в отдельных видах.

Там, на Маминых глазах (она стояла за невысокой стадионной оградой, метрах в двадцати от прыжкового сектора) я впервые взял полутораметровый рубеж.

Там же, на СЮПе, но уже в манеже я в первый (и – увы – в последний) раз оказался призёром (вторым) на зимнем кубке Москвы среди юношей младшего возраста.

Будучи тринадцатилетним, старшим среди младших, я намеревался летом добыть золото.

Соревнования по четырёхборьям (которых – из всей уймы легкоатлетических видов – устроители собрали штук 50) проходили на твердобитумном, практически асфальтовом, покрытии стадиона «Локомотив».

В моём четырёхборье (100 метров с барьерами, прыжок в высоту, 60 метров гладких, толкание ядра) я объективно выглядел сильнейшим.

Однако в начальной же дисциплине – барьерах – лидируя в забеге с огромным отрывом, я воткнулся шиповкой в шлагбаумную планку последнего десятого дистанционного барьера – и с ходу рухнул на эту безумную дорожку.

Правда, сразу поднялся – и всё равно финишировал первым.

Но мой результат аннулировали, посчитав, что я то ли коснулся барьера рукой, то ли, падая, выкатился на соседнюю дорожку...

Три остальных вида четырёхборья (оно разыгрывалось в два дня) я выиграл.

Невзирая на изрядно ободранные колени и бёдра.

В результате – с итоговой суммой очков, набранных за три вида, я занял седьмое место.

Среди сорока четырёх участников...

6

В нашей группе тренировались и новички, и спортсмены старших разрядов, и даже один мастер спорта, рекордсмен Москвы в своём возрасте.

Окончившие школы и поступившие в институты (серьёзные, технические, вроде Физтеха, МИФИ, МАИ) связи с СЮПом тоже не теряли.

Некоторые – и вовсе – приводили на СЮП своих однокурсников, новоиспечённых московских вузовцев, отныне проживающих в студенческих общежитиях – тех ребят, кто занимался прыжками в высоту по старому местожительству.

Скажем, наш мастер спорта, учившийся тогда в МАИ, притащил как-то на занятия симпатичного скромного парня, приехавшего в столицу вроде бы из Саратова.

Парень прыгал на два метра ровно.

Естественно, «перекидным»...

А потом, лет через пятнадцать, он взлетел гораздо выше, сделавшись советским космонавтом.

Или российским.

Я видел (и слышал) его интервью по телеящику...

Так вот, кто-то из выпускников школы (и спортшколы) ещё имел право выступать за СЮП (или за «Труд») в соревнованиях юниоров.

Понятие «юниор» расшифровывалось как «юный игрок олимпийского резерва».

Конечно, это шло от лукавого.

И не только из-за того, что лёгкая атлетика спортивной игрой не являлась.

Расшифровку я увидел, просматривая журнал «Спортивная жизнь России», который не входил в круг моего постоянного чтения.

В отличие от журнала «Лёгкая атлетика», который мне выписывала Мама – и который я читал с настоящим упоением.

Особое внимание уделяя статистической рубрике.

Хотя тщательно до скрупулёзности изучал попадающие на глаза кинограммы прыжков великих мастеров (да-да!), вырезая их из журнала и складывая в папочку вместе со своими наградными вымпелами, медалями, грамотами.

Мы и на занятиях порой шли в подтрибунье – там, в потайной комнатке, впотьмах, шеф на складном киноэкране демонстрировал нам кинограмму прыжка Брумеля на 2.28.

Попутно разбирая особенности его техники...

Ребята из нашей группы прозвали меня «ходячая энциклопедия», ведь я знал все имена, современные и давнишние, все результаты, был в курсе, кто каким стилем прыгает или прыгал...

Настольными моими книгами тогда были учебник по лёгкой атлетике для институтов физкультуры, «Книга тренера по лёгкой атлетике», а к ним в придачу – автобиографические воспоминания легендарного Валерия Брумеля («Высота») и Виктора Алексеевича Лонского, заслуженного тренера, уникального специалиста по прыжкам в высоту («Что вам сказать про высоту»).

В провинциальном, даже не областном Бердичеве, стоящем на речке Гнилопять, в бывшем костёле, где когда-то Оноре де Бальзак венчался с княгиней Эвелиной Ганской, разбегаясь между колоннами, «перекиднысты» тренера Лонского брали свои первые высоты.

Заоблачные высоты брали выпестованные педагогом Лонским ученики, те, кого он – собственноручно – без предварительного отбора – брал с ленивой, картавящей улицы – не подающих никаких надежд, малорослых, порою калечных...

Заоблачные высоты брали подросшие, выросшие мальчишки Лонского.

На главных турнирах Союза, в далёких международных поездках...

7

Под Подольском, рядом с деревней Курилово, у Стадиона Юных Пионеров имелся свой спортивный лагерь, куда каждое лето по устной рекомендации шефа и по безусловному собственному желанию я отправлялся на две смены.

От СЮПа нас везли на нескольких, следующих друг за другом автобусах – юных легкоатлетов, гимнастов, фигуристов, велосипедистов, конькобежцев.

Прочие секции к тому времени уже, похоже, вымерли...

Чудесная узенькая речка с водопадом, над которой базировался наш временный хлипкий приют, носила звонкое наименование Моча.

С ударением на первом слоге.

А комаров – на удивление – здесь не водилось.

Вообще.

Два ряда одноэтажных домиков, радиорубка и концертная эстрада-веранда – посредине, столовая с хозблоком, медкабинет с изолятором и душевые кабинки – в левом отдалении, а ещё – дышащий на ладан, пропахший хлоркою, обозначенный кривыми буквами «М» и «Ж» объект по дороге к верхней, олимпийской базе сборной страны – таков он был, сьуповский спортлагерь.

На отряд (группу по специализации, а не по возрасту) – свой домик, с общей спальней и вожатской (тренерской) комнаткой, примыкающей к просторной застеклённой мелкими стёклами террасе.

Наш домик – ближний к единственному, годами протоптанному, спуску.

Линейки – редко, почти никогда.

Да и то – вечерние, с вручением грамот по итогам соревнований в конце второй смены.

Либо с чем-то соизмеримым по значению.

Утренняя зарядка, чаще в виде пробежки, когда шеф бежит впереди, задавая нужный темп.

Двухразовые тренировки на верхней базе, где отличный, приспособленный под лёгкую атлетику стадион, с тартановым покрытием.

А в лесу – сбоку от стадиона (там мы бегаем утренние кроссы) – побитая временем битумная дорожка, с ямой для прыжков в длину и тройным.

Мы тренируемся рядом со сборниками – и это нас нисколько не смущает.

Мы делим с ними дорожки и прыжковые сектора.

Иногда общаемся.

Помню, высокий белокурый Генка Бабаев демонстрировал на бис кому-то из олимпийских чемпионов прыжок в длину стилем «флип» – горизонтальным сальто вперёд..

Тогда «флип» только возник, введённый в практику мировой лёгкой атлетики знаменитым американским десятиборцем (надо же – забыл его фамилию!), улетевшим таким экзотическим образом под восемь метров.

Потом, причем довольно быстро, «флип» высокие чины из международной федерации упразднили, посчитав излишне травмоопасным..

Ухоженные баскетбольные (под прозрачными щитами) и волейбольные площадки всегда свободны.

Но мы играем только в баскетбол – ведомые шефом с его мохнатым торсом и столь же мохнатой спиной – в два кольца – полуголые против «маечников»...

Футбол шеф не любит – и запрещает в него нам играть, мотивируя тем, что мы должны беречь наши ноги.

Правда, пару раз мне удаётся пренебречь запретом – и сыграть.

На другом берегу есть футбольное поле с воротами, на которые порой натягивают сетку.

Я играю – и забиваю четырежды (в том числе – мяч с пенальти) – и слава обо мне мгновенно разлетается по части округа, добираясь и до ушей шефа.

Густобровый лысоватый шеф смотрит на меня строго, но встреча с вожатыми соседнего пионерлагеря уже назначена.

И я вновь играю.

И забиваю – ударом с центра поля.

И мы проигрываем со счётом 1:2...

И ещё раз я не подчиняюсь шефу, уехавшему в Москву по делам и наказавшему нам не участвовать в «Дне бега».

Никто из наших и не собирался.

Кроме меня, которому почему-то не терпелось пробежать кросс на время.

И вот – воскресенье.

И старт забега на 600 метров – вдоль берега – метров 200 с гаком, через футбольное поле – и назад, на финиш.

Со мной в забеге оказываются какие-то незнакомые ребята, я даже не знаю их спортивной специализации.

И они, эти ребята, со старта уносятся – как сумасшедшие.

Бег только начался, а я – последний, в десяти метрах от бешено рванувшей основной группы.

Я вижу, что если не прибавлю – то отстану безнадежно.

И прибавляю изо всех сил.

И к середине дистанции достаю основную группу.

И, не задерживаясь в ней, обхожу её.

Но ещё ведь бежать назад...

Я добежал, придя первым.

И никакой радости не испытал.

Только невозможность дышать,

Только марево перед глазами.

Только желание поскорей умереть.

Чтобы так больше не мучиться...

А потом, лёжа на траве, я приходил в себя.

И всё-таки пришёл.

И поплёлся в спортлагерь...
Нечто подобное уже случилось со мной.
В суюповском манеже.
Раньше года на полтора.
Я тогда впервые должен был бежать двухсотметровку –
ровно круг – от старта до финиша.
И никого из своих соперников тоже не знал, не представлял их возможностей.
И – своих.
И – рванул под стартовый выстрел, чтобы занять место у бровки, и – понесся.
И после победного финиша, обессиленный совершенно, задышающийся, кулем упал на поролоновые маты в прыжковом секторе, с которых меня не стали сгонять...
Эти два забега что-то во мне перевернули.
Теперь, выходя на старт любой беговой дистанции, превышающей 100 метров, я себя сдерживал, стреноживал и щадил.
Что не мешало мне выигрывать школьные состязания.
Впрочем, о победах в более крупных соревнованиях пришлось забыть.
Навсегда.
Лишь однажды (я учился тогда в десятом) на районных соревнованиях (опять же – проходивших на СЮПе) я сумел так выстроить свой пятисотметровый бег, что стартовые полдистанции пробежав замыкающим, а на заключительной половине спокойно, уверенно, по одному, съел всех, кто находился впереди, исключая обособленного лидера...
Единожды шефом нам было позволено сходить на верхнюю базу, чтобы практически в пустом кинозале посмотреть привезённое (тематическое) кино – фильм «Право на прыжок» по книжке Брумеля, с артистом Мартыновым в главной мужской роли и Татьяной Ицыкович (будущей Васильевой) в главной женской...
А ещё один – посмотреть по цветному телевизору (целиком, наплевав на ужин) легкоатлетический матч «СССР-США»...

Вечерами в спортлагере танцы – больше похожие на индивидуальные тренировки по развитию различных групп мышц.

Те, кто не танцует – сидит на скамеечках и пьёт парное молоко из полулитровых банок.

Или из московских молочных бутылок.

За молоком (по 15 копеек за пол-литра) ежевечерне снаряжаются (пустыми банками и бутылками) разрозненные экспедиции – в деревню Курилово, на другой берег узкой и прозрачной Мочи...

Как в лагере пионерском – здесь существуют родительские дни.

Только все дни – родительские.

Когда родители могут – тогда и приезжают.

Вот и ко мне Мама с Папой приезжают, когда могут, привозя традиционные лакомства: клубнику, черешню, вкусную полукопчёную колбасу...

И детективы ироничного болгарского писателя Богумила Райнова.

Суровый шеф вообще-то добр и отпускает, если тебе нужно – домой, на побывку.

Я ездил к Бабушке на шестидесятилетие, на дачу.

И побывка длилась десять дней.

А чтобы моё место не простаивало (и койка не пролёживала) я его (и её) заранее, с согласия шефа, отдал на эти дни одному из наших студентов...

Здесь, под Подольском, я не колеблясь ни секундошки, первым рискнул всеми имеющимися в моём чемодане майками и футболками, чтобы только на каждой из них был расположен прыгун в высоту, преодолевающий планку.

Разумеется, «перекидным»...

Ибо Андрияха Тестов откуда-то притащил соответствующий трафарет и несколько баллончиков с нитрокраской...

Тренируемся мы не только на верхней базе, но и у себя в спортлагере.

Оборудуем прыжковый сектор прямо на эстраде-веранде, рядом с нашим домиком.

На веранде можно прыгать с места (предварительно размахивая вперёд-назад маховой ногой), с шага, с двух шагов, с трёх...

– Координейшн! – привычно, по-английски, обращается ко мне шеф...

Если же зарядил дождь – прыгать вполне комфортно и на застеклённой террасе нашего домика, перед комнаткой шефа – я это придумал – и всем вроде понравилось.

Я здесь отработываю новую для себя технику перехода через планку – «нырком» – таким особенным экономным кувырком, может быть, позволяющим прибавить к результату несколько сантиметров...

Каждый год в самом конце второй смены на верхней базе проводились наши скуповские соревнования – первенства спортлагеря.

На тартановых дорожках и секторах – лучших тогда в стране.

И каждый год на этих соревнованиях я устанавливал личные рекорды по прыжкам в высоту.

После шестого класса – 1 метр 55 сантиметров (между прочим, третий мужской разряд)...

После седьмого – 1 метр 65 сантиметров.

После восьмого – 1 метр 75 сантиметров.

Я эту высоту, соответствующую нормативу второго мужского разряда единой всесоюзной спортивной классификации, преодолел с третьей, последней попытки – и удобная (для телесного её огибания, «облизывания») планка нового поколения на стойках не шелохнулась.

Выше головы не прыгнешь...

Я и не прыгнул, ведь метр семьдесят пять был мой тогдашний рост.

Даже на дюйм больше...

8

Поколение дворников и сторожей, частью которого я вынужденно (или осознанно?) оказался, не могло не привести мои стопы к Стадиону Юных Пионеров, где, рядом с центральным входом, на воротах, как бы специально для меня примостилась невзрачная табличка, сообщающая о том, что стадиону срочно требуется сторож.

И привело.

И я стал этим сторожем.

Тоже на воротах.

Как здесь по-спортивному говорили – вратарём.

Правда, на воротах других, со стороны Беговой улицы.

Правда, не в одночасье.

Потому что сперва, в течение квартала, я был сторожем Ледового дворца.

Я охранял его через ночь.

Ночь – я, ночь – никто...

А потом освободилось место на воротах.

Под которое меня и брали.

Теперь я работал двадцать четыре часа в сутки.

После чего трое суток отдыхал.

Такой вот график...

Моя зелёная будочка, моё спартанское прибежище почти на три года жизни, была по-своему уютна.

Хотя в лютые морозы продержаться в ней больше двадцати минут кряду было задачей сверхсложной.

Даже с распахнутой настежь дверью.

По причине африканской жары...

Отсюда, с дежурства, в один из таких январских вечеров я рванул к жене в роддом, когда она мне позвонила и попросила срочно привезти касторки.

Чтобы успеть родить мне к завтрашнему дню рожденья сына...

Касторка, переданная мной через больничную нянечку, жене не потребовалась.

Она родила сама, к запланированному (ею) подарочному сроку, без помощи провоцирующего средства.

А меня, мнительного и боязливого, в моей зелёной будочке намертво сморило, практически отрубилло на всё время её родовых схваток.

Несмотря на дикую жару внутри и привходящие обстоятельства снаружи...

Работа моя заключалась в том, что я должен был впускать и выпускать машины.

Но не все.

Только стадионные, из специального списка, лежащего под тусклым выщербленным плексигласом кривоногого письменного стола, с двумя телефонами на нём.

Когда я заступал на вахту, я присовокуплял к этому настольному набору и два термоса – с чаем и пельменями, ведь в дневное время отлучиться не представлялось возможным.

А за ширмой у меня хранилось ржавое ведро, приспособленное мной для насущных организменных нужд.

Зимой эти нужды справлялись как бы мягче, поскольку в ведро я набирал окрестный уличный снег...

Сидя за письменным столом, обложившись учебниками (открывать ворота приходилось не так уж часто), в тетрадах в клеточку, я действительно писал.

Контрольные институтские работы.

Жене.

Которой было совсем не до них.

Своё же я писал, пристроившись на облезлой дерматиновой банкетке.

Или в погожие дни, вынося потрёпанный крепкий стул на пятачок перед будочкой.

Но вообще-то на работе я читал.

Литературные журналы времён перестройки...

Поздно вечером мне надлежало покидать свой пост, чтобы часов до семи, растянувшись на превращённых в ложе, съёмных кресельных подушках, охранять одинокое никому не нужное подтрибунье.

Впрочем, правила порой менялись – и бывало, что я оставался в будочке и на ночь.

Иногда меня на рабочем месте проводывали.

Жена с подрастающим сыном.

Даже Папа однажды навестил, когда моё дежурство пришлось на Новый год...

А когда я ещё охранял Ледовый дворец, ко мне как-то пожаловал дорогой друг-товарищ и практически брат (будущий поэт Василий Ломакин) с тремя бутылками вина, изготовленного по особым технологиям.

Мы выпили только две, нечеловечески вкусные, и решили почтить своим присутствием свободный от фигуристов ночной лёд.

И почтили, отметившись кратковременными свистоплясками...

Как же чудовищно плохо нам было с утра.

Обоим.

Вот что значит вино, изготовленное по особым технологиям...

К самому концу семидесятых на футбольное сноповское поле уложили полиграсс – синтетическую траву, сделал СЮП олимпийским объектом.

В восьмидесятом здесь прошла часть программы (вторая – на соседнем «Динамо») соревнований по хоккею на траве, после чего Стадион Юных Пионеров стал привлекать на регулярной основе людей с летними и демисезонными клюшками.

Причем, по большей части – людей женского пола.

Их крутилось вокруг великое множество, хоккеисток на траве.

А мало-мальски симпатичных среди них почему-то не водилось...

Стадионом заправляла властная деспотичная дама по фамилии Морозова.

«Боярыня Морозова» – так её звал подневольный народ.

Она действительно напоминала героиню картины художника Сурикова.

Особенно, когда выезжала на своём персональном «Москвиче» новой модели из ворот стадиона.

Или в них въезжала, неприступно-величественная, со мной никогда не здоровающаяся...

Кабинет её находился в несколько диссонирующем с местной архитектурной реальностью здании, внешне стилизованном под старинную церквушку.

Был я в этом кабинете.

И когда устраивался на работу, и когда подписывал заявление об уходе.

Члену профессионального комитета московских литераторов, куда я вступал, запрещалось совмещать литературную деятельность с какой-либо службой.

9

Советский Союз уже разваливался.

СЮП тоже приходил в упадок, постепенно сдавая позиции.

Мы с сыном здесь периодически гуляли: бродили по аллеям, собирали каштаны, бегали по искусственной траве с мячом...

*Молодящийся стадион,
Хоть обшарпан со всех сторон.
В клубном небе – разлитый пар
Да бензиновый перегар.
Баскетбольной площадки нет.
И хоккейной “коробки” нет...
На рездоровом на плато –
Там – за плату – стоят авто...
Ржавых балок лихой табун,
Перекрытья былых трибун...
Подчиняясь живой канве,
По искусственной по траве
Чумовые мячи стучат.
Вереницы окрестных чад,
Не прибившихся ко двору,
Продолжают свою игру.*

*Продолжают в течение лет,
Дополняющих наш сюжет.
Как песочницы – на кону –
Сектора для прыжков в длину...*

10

Спустя годы, когда сын вырос, и на Стадионе Юных Пионеров начало вырастать (и почти в мгновение ока выросло) многофункциональное стеклобетонное (или как его там?) здание: интуристовская гостиница, офисно-магазинно-оздоровительный комплекс с подземным гаражом, немыслимыми разноярусными перемышками соединённые в гигантский архитектурный ансамбль...

Но прежде снесли велосипедный трек.

И зелёную будочку-сторожку.

А легкоатлетический манеж переоборудовали в сетевой фитнес-центр.

11

Моя легкоатлетическая история давно закончилась.

Но ещё долго на полке встроенного шкафа нашей домашней прихожей лежал мой самый первый счастливый нагрудный двадцать девятый номер с большими чёрными цифрами в центре и маленькими красными буквами СП – Стадион Пионеров – вверху и внизу.

Зарытый под махровыми полотенцами, пододеяльниками, простынями, наволочками и менее счастливым, несмотря на всю свою кажущуюся сказочность, номером 33, который мне выдали позже...

А сегодня эти (поданные) знаки я прочитал.

Совсем иначе.

Буквы СП – Союз Писателей.

Цифра 29 – в нумерологии число 11.

Число, соответствующее мне.

И – очередной, настоящей главке.

Однако – продолжение следует...

МЯЧ И ПЛАНКА

1. Мяч с ромбами

Мяч мог быть любим.

На худой конец годился круглый воздушный шар (длинные – никак не подходили из-за полётных характеристик, поэтому с ходу отметались).

А в любой мяч я играл где угодно.

В квартире, понятно, тоже, бия мячами всевозможных размеров по стенам, полу, потолку.

Не исключая двери и шкафы...

Это не очень-то устраивало Старших Родственников.

И тогда я предложил, де, мол, повесьте мне баскетбольную корзину в передней.

А я буду туда попадать всеми имеющимися у меня мячами.

По очереди.

Без регулярного обстукивания прочих горизонтальных и вертикальных поверхностей...

И Дедушка пообещал купить, чтобы повесить.

И сдержал слово.

И привёз настоящее баскетбольное кольцо, которое сам укрепил над входной дверью.

На баскетбольный щит, правда, места не осталось.

Но никто баскетбольный щит покупать и не собирался.

Да и договорённость сторон его появления не предусматривала.

Теперь я забрасывал свои мячи (сколько было) в баскетбольное кольцо.

По очереди.

Используя вместо щита прямоугольник стены, довольно удобным образом нависающий над входной дверью.

Все другие домашние поверхности мной честно игнорировались.

Я был уже школьником, ответственным человеком, и тоже держал слово!

Итак, дома отныне я играл только в баскетбол.

А во дворе, естественно, лишь в футбол.

Причем отнюдь не в нашем дворе, где спортивной площадки не наблюдалось.

И даже не в соседнем, перед двумя жёлтыми малоэтажными домишками, где она имелась.

Играл я во дворе дома напротив.

Не потому, что там жила Другая Бабушка – нет.

Потому что там жили знакомые ребята, учившиеся со мной в одной школе.

Английской, внутри Хорошёвского городка.

Который лет за двенадцать до моего рождения построили пленные послевоенные немцы..

А ребята из моего двора и двора соседнего (знакомые мне лишь в лицо) учились совсем в другой школе, рядом с Ленинградским проспектом, на улице Скаковая.

Во двор я прибегал не один – с мячом под мышкой.

Мяч был или резиновым (двух-трёх различных модификаций, трёх-четырёх различных цветов на выбор, я больше ценил кремовый)), ещё ребячьим, регулярно (раз в сезон – как минимум) обновляемым и обычно покупаемым (при физическом и финансовом участии Мамы) в магазине «Динамо», в двух метровских остановках от одноимённых метро и стадиона.

Или – уже кожаным, ниппельным, юниорским, первоначально ярко-рыжим.

Мечтой же моей главной было заполучить настоящий мяч, которым играют мастера: с чёрными и белыми ромбами по своему круглому накачанному (ручным насосом) телу...

Но такой мяч продавался лишь в магазине «Пять колец» на Красной Пресне.

Причём очень редко.

А стоил целых шестнадцать рублей!..

Я, конечно, просил его мне купить.

И Дедушку, и Маму (тех, кто теоретически мог меня услышать...)

Но как-то вяло, неуверенно, обречённо, отлично понимая, что шансов стать счастливым обладателем мяча с ромбами у меня нет.

Практически никаких...

Я прибежал с мячом под мышкой во двор дома напротив несколько месяцев.

А потом мне надоело.

Потому во дворе этого дома не жил никто из моих одноклассников – только ребята из параллельного.

Постепенно вызрело решение переметнуться в другой двор, где нашёлся бы хоть кто-то свой (взамен от случая к случаю умильно наблюдавшей за мной с кухонного коммунального балкона Другой Бабушки)...

Окончательно решение оформилось после того, как на большой перемене, играя на уличной площадке перед школой с «бешниками», мы уверенно их победили...

Теперь я прибежал с мячом под мышкой во двор, до которого бежать надлежало минут десять.

А у ребят из этого двора водились друзья в нескольких соседних.

И в одном из них обитал мальчик, у которого папа раньше играл за дублирующий состав московского «Спартака».

Даже три матча за основной проведший!...

И номера, настоящие спартаковские номера(!) с той, игроцкой поры, у него сохранились.

Все – от вратарского (№1) до самого (левого) крайнего (№11)...

Вот мы команду и сколотили.

И соперника для матча нашли.

На его поле.

Во дворе, с двумя воротами.

Почти друг напротив друга...

И сгоняли в результативную ничью: 3:3.

В красных футболках, с фетровыми белыми номерами на спинах...

Мне Мама номер пришивала.

А на даче, за сколько-то лет до этого мы тоже играли костюмированный матч: сборная СССР – Сборная Бразилии.

Бразильцы в только появившихся тогда в советских промтоварных магазинах хлопчатобумажных синих тренировочных костюмах, с нашитой спереди надписью: Бразилия.

Русскими буквами.

И мы, сборная СССР, в белых майках, с красными социалистическими буквами на груди, в чёрных сатиновых трусах...

Я продолжал играть в дворовый футбол и в домашний баскетбол.

Помню, как в одиночестве возился с мячом в чужом дворе.

Жонглировал им, чеканил.

И вдруг ощутил, что вместе с пупырчатым резиновым мячом, отлетевшим ввысь от моей головы, я тоже оказался в небе – и увидел себя внизу, неодушевлённого, игрушечного.

И с отстранённой лёгкостью почувствовал, что меня на земле нет.

И, несмотря на эту невесомую отстранённость, испугался, что схожу с ума...

Да, я продолжал играть в дворовый футбол и домашний баскетбол.

Стуча мячами, сообразно обстоятельствам...

А между тем, в душу мою уже постучалось новое спортивное увлечение: прыжки в высоту, увиденные мной по телеку.

И мне очень хотелось попрыгать в высоту.

Но на нашем школьном стадиончике сектора для прыжков в высоту не существовало..

Зато для прыжков в длину – да.

Вот я и (без разминки, в школьной форме) решил прыгнуть.

В длину.
Раз невозможно было в высоту.
Я разбежался.
И планка оказалась под ногой (пусть для начала та-
кая)...
И оттолкнулся, чтобы полететь.
И сломал толчковую ногу...
А на следующий день Дедушка, возвратившийся с ра-
боты позже обычного – видимо, желая порадовать болез-
ного – принёс мне футбольный мяч, о котором я столько
времени мечтал.
С чёрными и белыми ромбами (на самом деле – шес-
тиугольниками)...
Нежно пахнувший свежей кожей.
Пока нога моя была загипсована, я лежал.
И пролежал так месяца полтора.
С мячом в обнимку.
Мечтая о полётах над планкой.

2. Полёты над планкой

Планка могла быть любой.
Даже сборно-разборной...
Когда никого не бывало дома, я доставал (из шкафа в
туалете) пылесос и соединял планку из его двух колен.
Планку я укладывал на спинки стульев.
А вместо поролоновых матов использовал новую Ба-
бушкину с Дедушкой двуспальную кровать.
И один раз, приземляясь после прыжка, я услышал, как
новая кровать подо мной жалобно хрустнула...
Я снял с неё все три тяжёлых подушки – и с прискор-
бием обнаружил, что одна из дощечек, составляющих ре-
шётчатый кроватный каркас, проломилась.
Мне не оставалась ничего иного, как прекратить прыж-
ки в Большой Комнате.

Я положил назад подушки, поставил стулья на место и разобрал свою планку-двухколенку...

Теперь мне приходилось прыгать в Маленькой Комнате, приземляясь на жестковатую узенькую софу...

Летом, на даче – в качестве планки – я задействовал Бабушкину бельевую верёвку.

При этом ямой для приземления служило скошенное Бабушкой, высушенное солнышком и сложенное мной (в копну) сено...

Сначала я просто прыгал в высоту.

Естественно, «перекидным»...

Но потом мне пришло в голову, что можно попробовать – и с шестом.

Рано утром, пока все спали, я отправился в ближайший лесок – и (каюсь!) срубил там, позаимствованным в кладовке Дедушкиным топориком, молодое ореховое деревце.

Под самый корешок...

И притащил его на участок.

Освобождённый от зелёной листвы и мелких веточек, юный, подающий надежды представитель лесного орешника очень скоро превратился в пружинящий легкоатлетический снаряд.

Шест я брал в руки.

Неоднократно.

А разбег мой начинался с верхней ступеньки дачного крыльца...

Даже серия фотографий, подтверждающая сей факт, имеется: я в красной футболке (на чёрно-белых снимках), со спартаковским фетровым номером на спине, отталкиваясь от своего деревянного шеста, успешно перелетаю через бельевую Бабушкину верёвку.

То лето я ещё поровну делил между мячом и планкой.

Периодически гоняя с ребятами в футбол или умело перекидываясь в «подлавочник» – когда-то придуманную мной футбольную игру для беседки, внутри которой нет стола, зато есть примыкающие к сторонам лавочки.

Каждый участник, сидящий на отдельной лавочке-скамеечке, стремится забить как можно больше мячей под лавочки всех остальных седаков, под свою же лавочку пропустить голов как можно меньше...

А следующим летом у ворот дачного участка остановилась машина-пятитонка.

Чтобы сбросить гору песка.

Для каких-то строительных нужд.

В результате песок так и пролежал целое лето.

Прямо перед воротами участка.

Никому не нужный.

Кроме меня.

Приехав на побывку из спортивного лагеря, я соорудил здесь свой персональный сектор для прыжков в высоту.

Естественно, «перекидным»...

И бельевая Бабушкина верёвка здесь мне уже не потребовалась.

Потому что у меня имелась собственноручно сделанная планка.

Ещё прошлым летом.

Правда, тогда она выступала в роли шеста...

Во время учебного года я не только тренировался у себя на Стадионе Юных Пионеров.

И не только участвовал в соревнованиях.

Но и посещал соревнования как зритель.

В одиночку.

Иногда – вместо школы...

А соревнования были взрослые.

Чаще всего они проводились в спартаковском легкоатлетическом манеже имени братьев Знаменских, известных бегунов-стайеров – Серафима и Георгия.

На Стромынке, недалеко от метро «Сокольники».

«Открытый чемпионат Советского Союза в закрытых помещениях» – это название, скорее, обволакивало, умиротворяло, вводило в медитативный транс.

Чем смешило...

На некоторые соревнования (особенно, международные) пройти бывало трудно, практически невозможно – билетов не хватало.

Однако всякий раз ситуация выстраивалась так, что внутри спартаковского зимнего стадиона я всё же проникал.

Порой кто-то могущественный сжаливался надо мной и проводил, порой кто-то продавал лишний билетик с рук, порой в последний момент «выкидывали» бронь...

Однажды, в день моего самого первого похода в манеж братьев Знаменских (с Мамой, на матч СССР-США) мы попасть на престижное состязание не смогли и понуро брели назад, к метро.

Но тут встретили Мамину подругу и нашу бывшую соседку, которая работала на телевидении.

И Мама упростила её (авторство безумной идеи принадлежало мне) отправиться с нами к манежу, внедриться туда по телевизионному пропуску, отыскать внутри знакомых телевизионщиков (операторов с камерами туда нагнали предостаточно), чтобы вещающие со Стромынки бравые останкинцы нас провели...

И Мамина подруга прошла внутрь.

И отыскала там (своих знакомых!) телевизионщиков.

И они всех нас провели!

Хотя Мамина подруга покинула закрытое помещение манежа почти сразу.

Отправившись по своим делам.

От которых мы с Мамой её столь бесцеремонно оторвали...

А вот в Лужники, на Большую Спортивную Арену, я всегда проникал без билета и без чьей-либо помощи.

Знал я одно местечко, приглядел (когда упреждающе, разведчески обходил стадион по огромному периметру), где всего-то и нужно было – зависнув – как над планкой – перемахнуть через оградительный полутораметровый барьерчик.

Я и перемахивал.

Регулярно.

Отнюдь не ради экономии денег (детский билет стоил 10 копеек).

Из – очень подходящее словосочетание! – спортивного интереса..

В те же Лужники, на Северное Спортивное Ядро, я приезжал тренироваться.

В середине августа.

Когда спортлагерные смены уже становились памятью, а тренировки на Стадионе Юных Пионеров ещё не возобновлялись.

Приезжал, чтобы прыгать в высоту.

В никем не занятом прыжковом секторе.

С отличным тартановым покрытием.

Планка нового поколения (не лёгкого металла – как у нас на СЮПе – более стоворчивая в случаях, если её чуть заденешь при огибании) верно дожидалась меня.

Упруго трепещет от ветра.

Покорно лёжа между стоек.

На тартане.

Перед подушками для приземления.

Комфортными, синими.

С иностранными буквами, обозначающими фирму-изготовительницу на подушечных боках..

Я приезжал на Северное Спортивное Ядро.

Чтобы прыгать в высоту.

И прыгал.

В чехословацких кроссовках.

В тех самых, в которых приезжал.

Шиповки у меня, конечно, были.

Дома.

Казённые, снюповские.

Но шиповки беговые – не прыжковые – без шипов на пятке.

А пяточные шиповки заполнить тогда не представлялось реалистичным.

И всё же – в конце концов – на излёте моей короткой спортивной жизни – я их высмотрел (своим дальнорко-астигматизменным зрением) на полке обувного отдела спортивного магазина.

И выписал.

И побежал за деньгами (в кроссовках).

И купил.

Пяточные шиповки.

Для метания копья...

В которых отпрыгал весь свой десятый, выпускной, класс.

В которых прыгал на вступительном экзамене в институт физкультуры.

Которые потом четверть века праздно валялись в нашей прихожей.

Бессчётное количество раз жена предлагала мне их выбросить на помойку.

Дабы не захламывать обувной отсек во встроенном коридорном шкафу.

Я держался.

И выбросил только после того, как мы развелись...

ДВА ДНЯ

1. День птиц

Большая перемена – не такая уж и большая.

Особенно, когда решение надо принимать мгновенно.

Выбор был невелик: либо на урок биологии, где, откуда ни возмись, вдруг вылезла контрольная (перед нами как раз был урок у параллельного класса – и «бешники» нас об этом проинформировали), либо в младшие классы с подготовленным докладом о пернатых (оказывается, сегодня в школе отмечался День птиц).

Пара минут на то, чтобы выбрать, у меня всё-таки имелась – и я выбрал – нет – не контрольную (здесь шансы на благоприятный исход отсутствовали напрочь)), а доклад (к нему я, естественно, не готовился).

И тут же, в коридоре, сообщил, что подготовил доклад – я на секунду замялся – про филина, да, про него, про птицу филин...

Я сообщил это юной практикантке из педагогического института, которую прикрепили к нашему классу в качестве классного руководителя на время её педагогической практики в школе.

Наша школа называлась спецшколой.

Английской.

Причём в подзаголовке её наименования (согласно униформенной табличке при входе) значилось: с преподаванием ряда предметов на английском языке.

В реальности, кроме почти ежедневных уроков английского (они начались со второго класса), других дисциплин, ведущихся по-английски, не существовало.

Помимо возникшей уже в средней школе биологии.

И добавившихся в старших классах (правда, взамен упразднённой иноязычной биологии) английской литературы да технического перевода – сокращённо «техпера»...

«Преподавание биологии на английском языке» – так назывался факультет в Государственном педагогическом институте имени Ленина.

Именно его студентки становились нашими регулярными практикантками.

В течение нескольких лет подряд.

К счастью, дозировано.

Примерно два месяца в году.

До сих пор живо помню эту вопиющую профанацию с обязательной раздачей перед уроком в кабинете биологии учащимся бумажных листочков, на которых предварительно писались (практикантками, под копирку) анатомические, физиологические и зоологические термины по-английски.

При наличии транскрипции и русского перевода.

А руководила студенческой практикой молодящаяся странноватая рыжая тётушка – эдакая зычноголосая крашеня «бабушка с веслом», проживающая в кооперативном доме, неподалёку от нашей школы.

В том же подъезде, где обитало несколько моих одноклассников.

На том же этаже, где жил мой друг Пётр Высоцкий.

Который дружил не только со мной, но и с Андреем Золотухиным.

Тоже из нашего класса,

Однако из соседнего (с Высоцким) дома.

Так вот, высокого Высоцкого тётушка знала.

А маленького Золотухина нет (хотя на уроках в нашем классе изредка посиживала)...

Что не помешало экзальтированной особе, однажды случайно встретившей выходящего на её этаже из лифта и вежливо поздоровавшегося с ней Золотухина (он направлялся к Высоцкому) ответно его приобнять, приласкать и прочувствованно выдохнуть:

– Петя, как ты порос!..

Высоцкий и Золотухин (в алфавитном порядке так) не только вместе обучались английскому.

Азы французского они постигали тоже вместе.

Беря еженедельные уроки у энергичной остроумной учительницы из французской спецшколы.

Когда она заявила давать им первый урок и узнала фамилии своих новых учеников, девушка аж присвистнула от удовольствия и радостно, задорно-ритмически молвила:

– Ничего себе компашка!

Вся Таганка собралась!..

Между прочим, когда Золотухин выходил из лифта и встретил возле него руководительницу практики, он на-

правлялся к Высоцкому отнюдь не в (праздные будничные) гости.

А шёл заниматься еженедельным французским...

Кстати, о птичках.

Точнее, об одной из отряда птичьих.

О филине.

Про которого я собирался делать доклад в младших классах.

И про которого, кроме того, что он птица, знал не слишком много.

Ухает, ведёт ночной образ жизни, поэтому прекрасно видит в темноте, долго живёт, наряду с совой считается символом мудрости.

Всё.

Ещё я предполагал за филином возможные брачные отношения с совой, однако полной уверенностью в этом не обладал.

За сорок пять минут каждому докладчику надлежало обойти два первых, два вторых и два третьих класса.

Почему-то два четвёртых в акции задействованы не были.

На что я и обратил внимание устроителей акции в лице нашей практикантки.

Попутно сострив, что День птиц-то проводится не для галочки...

– Хорошо! – любезно кивнула головкой биологиня, – останется время – зайдёшь в четвёртые классы.

Этого, собственно, я и добивался.

Семь минут, отведённые на доклад, при увеличении окучиваемых классов – моментально ужимались до пяти.

А точнее – даже – до трёх с половиной: пока поздоровался, пока попрощался, пока рассказал, что птицы несут яйца и улетают на юг, пока прошёлся по коридору от одного класса до другого, пока то, пока сё – вот и время выйдет всё!..

Короче, мой расчёт полностью оправдался.

Схема подачи материала, предложенная мной аудитории, действовала безотказно.

И на отстранённо-приятных учеников, и на их очень симпатичных (мне), индифферентных учителей...

Если же у особо любознательных младшеклассников вдруг возникали вопросы, вроде того, сколько пищи съедает за день филин? или сколько километров пролетает в течение суток? – я спокойным уверенным, благожелательным тоном умудрённого опытом – нет – не филина, человека – отвечал, что филины бывают разных типов – и в зависимости от обстоятельств, собственных параметров, а также множества иных объективных и субъективных факторов выстраивают свой дневной пищевой рацион, либо набирают свой суточный километраж...

– Хорошо! – по окончании урока, посвящённого Дню птиц, удовлетворённо сказала мне и всем остальным докладчикам наша юная практикантка.

Что на самом деле означало отлично.

По биологии.

С занесением в классный журнал успеваемости...

2. День юного героя-антифашиста, или политинформация

День сегодня – как выяснилось – был отнюдь не простой, не рядовой, не среднестатистический.

День, оказывается, был Днём юного героя-антифашиста.

Даже вроде его памяти...

На всей территории Советского Союза.

И сопровождался прямой трансляцией по всесоюзному радио торжественной пионерской (или как её там?) радиолинейки, посвящённой этому неординарному событию.

И эта самая линейка требовала быть услышанной всеми советскими школьниками.

И начиналась ровно в 8 часов 30 минут по московскому времени.

Будучи приуроченной к началу первого урока...

А первым уроком в расписании значилась у нас физика.

Её преподавал седовласый степенный строгий армянин с тяжело произносимым именем-отчеством и мало-понятной гортанной речью.

Что особенно бросалось в уши во время объяснения нового материала.

Я поначалу пытался разобраться в его кавказском русском с целью вычленения полезной учебной информации, но, в лучшем случае, вся моя энергия уходила на то, чтобы понять каждое отдельное его слово, смысл же предложений и словосочетаний при этом, от меня ускользая, терялся окончательно...

Народ (одноклассники) в общей массе физику недолюбливал, однако физика почему-то уважал.

Так вот, радиолінейка, посвящённая Дню юного героя-антифашиста, началась ровно со звонком на первый урок.

К большой радости народа.

Впрочем, довольно скоро, минут через двадцать, радиолінейка пафосно завершилась.

К большому народному разочарованию.

Я бы даже сказал, к огромному негодованию народных масс.

Народ, уже расслабившись, размякнув и посчитав, что сегодняшний урок физики к физике не будет иметь никакого отношения, не желал подвергаться фронтальному опросу.

Столь любимому, в принципе, уважаемому народом, физиком...

И тут я понял, что ситуацию надо спасать.

И меня вдруг осенило.

Я встал и молча направился к доске.

Под остолбенелыми взглядами одноклассников.

Под недоумённым взором физика.

У доски я резко развернулся на 180 градусов и по-ленински приподнял правую ладонь, как бы одновременно пытаюсь поприветствовать и успокоить народные массы, а заодно до значительной степени инородного физика.

Мхатовская пауза выдержалась сама.

– Политинформация! – внятно и отчётливо произнёс я волшебное, всем всё проясняющее слово.

Было очевидно (по крайней мере – должно было быть очевидно для физика), что – это более чем органичное и заранее продуманное продолжение программы мероприятия важного общегосударственного значения.

И я начал делать политинформацию.

К которой, естественно, не готовился.

Я напряг волю и память, в результате чего из меня почти плавно полилась советская газетно-телевизионная политинформация.

В ней вперемешку, без всякого порядка и разбора присутствовали генеральный секретарь коммунистической партии, председатель президиума верховного совета СССР, премьер-министры, рязанские доярки, ливерпульские докеры, вьетнамские партизаны, чукотские оленеводы, чилийские заключённые, узбекские хлопкоробы, американские безработные, донецкие шахтёры...

Последних я приплёл, вспомнив название популярного футбольного клуба.

Короче, я – как мог – тянул время.

И протянул его до конца.

До конца первого урока.

Звонок прервал поток моего красноречия на полуслове.

На маленькой перемене народ (мужская его часть) крепко жал мне руки и грубовато ударял по плечам, а девочки (по-женски) благодарно и нежно заглядывали в глаза...

Строгий физик формально никак не прореагировал на мой импровизированный демарш.

Но постепенно мы заметили, что к нашему классу вообще, и к любому из нас в частности – он стал относиться гораздо лучше, чем прежде.

Хорошо.

Только хорошо и отлично.

Лишь такие оценки по физике стоят в наших аттестатах зрелости...

ИНСТИТУТ ФИЗКУЛЬТУРЫ

(сочинение на тему)

1. Поступление

Классе в девятом, несмотря на то, что мои спортивные достижения пошли на убыль, стало предположительно ясно, что поступать я буду в ГЦОЛИФК – Государственный Центральный Ордена Ленина Институт Физической Культуры.

Аргументов «за» было множество.

Во-первых, я всё-таки это дело любил.

Во-вторых, это дело до известной степени любило меня, периодически подбрасывая спортивные награды городского и районного масштаба.

Что давало мне кое-какие объективные шансы на поступление.

В-третьих, в институте физкультуры имелась военная кафедра.

А значит, успешное поступление в инфизкульт не только освобождало от армии на годы учёбы, но и сулило реальную возможность вообще избежать военной службы.

В самом крайнем случае – оттрубить положенное, уже будучи офицером.

Поступление же в педагогический областной, на факультет физического воспитания – от солдатчины по окончании – увы – не освобождало.

Налиествовал ещё филиал смоленского института физкультуры в подмосковной Малаховке, но с ним была та же история...

Дополнительная сложность заключалась в том, что поступать следовало с первого раза.

Потому что второго, запасного, жизнь для меня не предусмотрела, отправив на школьную скамью почти восьмилетним...

Итак, я собирался поступать в инфизкульт.

Куда, надеялся, поступить всё же легче, чем на факультет журналистики МГУ.

А институт физкультуры в моём тогдашнем представлении о нём мог в дальнейшем приобщить меня к спортивной журналистике.

Тем более, что я прочитал в газете «Советский спорт», что в тбилисском институте физкультуры открылась кафедра спортивной журналистики.

Правда, Тбилиси и Москва – это «две большие разницы» – как говорят в Одессе...

Впрочем, созданный в Грузии прецедент оставлял шансы на возникновение аналогичной кафедры в столице нашего, тогда объединенного, государства.

При этом, на всякий случай, Дедушка меня познакомил с несколькими журналистами из радиостанции «Юность», под кураторством которых я самостоятельно соорудил радиоочерк, проникнувший в эфир за пару недель до моего последнего школьного звонка.

Очерк был посвящён заслуженному тренеру России по плаванию, который, по совместительству, являлся сыном одной из бывших Бабушкиных сослуживиц.

Параллельно с тем как я брал у него интервью, он давал мне уроки плавания в открытом бассейне «Дельфин», куда надлежало приезжать к семи утра, из другого конца уже почти необъятной столицы.

Уроки плавания мне требовались для того, чтобы – точно! – лучше плавать.

Ну а лучше плавать мне нужно было для того, чтобы поступить в институт физкультуры.

Ведь на тамошнем Дне Открытых Дверей, который мы посетили с Мамой, ответственные трибунные люди сообщили, что первым экзаменом у всех абитуриентов, вне зависимости от их спортивной специализации, станет экзамен по плаванию.

Плавал я хорошо, но медленно.

А хорошо – в том смысле, что продержаться на поверхности воды мог достаточно долго.

Всё остальное, применительно к плаванию, обстояло не так оптимистично.

Во время моих последних зимних школьных каникул заслуженный тренер России провёл со мной серию тренировок, в результате которой я – в буквальном смысле – нахлебался воды на всю жизнь вперёд, а заодно понял, что экзамен по плаванию в институт физкультуры будет представлять для меня определённые сложности.

Однако понадеялся, что сложности окажутся разрешимыми.

Благодаря Дедушке, в это время усиленно изыскивавшему блат в малознакомой для него среде.

Дедушка тогда был не только большой начальник, но и депутат.

И руководил районной комиссией по культуре, где секретарём подвизалась активная дамочка, чей муж работал в инфизкульте на кафедре футбола.

Я же собирался поступать на кафедру лёгкой атлетики, ибо занимался на Стадионе Юных Пионеров (СЮПе) именно ею.

Кафедра футбола, конечно, не была кафедрой лёгкой атлетики, но это было уже что-то.

Ведь институт, хоть назывался центральным и представлялся со стороны огромным организмом, в действи-

тельности являл собой нечто противоположное, скорее, походя на междусобойчик.

Короче говоря, нужные концы соединились друг с другом, в свете чего выяснилось, что блат у нас есть.

Даже два...

Прежде чем сдать документы, следовало пройти собеседование.

И оно было достойно пройдено, выразившись в десятиминутном вальяжном разговоре (Дедушкином, в моём присутствии) с крупногабаритным заведующим кафедры, вяло напиравшим на то, что самое важное – это серьёзно подготовиться по общеобразовательным предметам.

При этом он как бы ненавязчиво намекал на то, что сдача экзамена по специализации должна осуществиться расслабленно и нежно, практически сама собой...

Упреждающая подготовка по физике имитировалась в течение всего моего десятого класса.

Мама договорилась о репетиторстве.

С учительницей физики.

Из школы рабочей молодёжи.

Туда я и ходил на занятия.

Раз в неделю.

Унося домашние деньги и принося назад зияющую в голове торичеллиеву пустоту.

Так Маме было спокойнее...

После собеседования требовалось пройти медкомиссию.

И она тоже была пройдена.

Документы я сдал одним из первых, взамен получив картонный прямоугольный квиточек со штампиком «допущен в бассейн».

Это меня встревожило, ввиду известных отношений со спортивным плаванием.

Но в воздухе витали слухи о том, что экзамена по плаванию опасаться не стоит.

Потому как он не состоится вовсе.

По причине планового отключения воды в арендуемом институтом бассейне в Центре Водного Спорта на улице Ибрагимова.

Через месяц, накануне экзаменов, стало окончательно ясно, что слухи оказались правдой, а квиточек липой...

Экзамен по специализации состоял из двух подэкзаменов.

В первый день надо было пробежать сто метров (я выбрал в качестве специализации стометровку, ибо выбрать её мне посоветовали те, кто взялся продвигать мои интересы в поступательной гонке)...

А во второй – отработать четыре вида многоборья, которые, по идее принимаемых, призваны были показать миру меру общефизической подготовки абитуриентов.

Я вышел на старт стометровки – и сразу же резинка на моих верных зелёных сюповских трусах предательски лопнула.

Запасных трусов на экзамен я не взял...

Бежать же в плавках представлялось чрезмерно эпатажным – и я стал клянчить трусы во временное пользование у окрестных бегунов.

Но они, будучи бегунами – и выглядели соответствующим образом – комплекцией напоминая легконогих и воздушных созданий.

Не то, что я.

Отыскать трусы подходящего размера представлялось делом, близким к невозможному.

Но – в конце концов – одна пара на меня с трудом – всё-таки – налезла.

Я бежал в заключительном забеге, в чужих трусах, которые мне жали, больше заботясь о том, чтобы они, белые и без разрезов, не лопнули по швам.

Чем о результате.

Неудивительно, что он оказался несколько ниже тройки, мне в итоге поставленной.

Второй легкоатлетический день прошёл для меня значительно успешнее первого.

Я даже показал третий результат в прыжках в высоту среди всех, сдающих вместе со мной многоборный экзамен, представителей бега.

Последний вид – тысяча метров, правда, дался мне тяжело – к финишу я приплёлся последним.

Сознательно экономя силы.

Конечная четвёрка, поставленная мне по совокупности всех испытаний дня, выглядела вполне логично.

Оставалось сдать химию, физику и сочинение.

В вышеперечисленном порядке.

Перед экзаменом по химии вторая группа моих продвигателей под руководством известной мне персоны (первая обеспечивала получение пары в уже оставшейся позади специализированной части) проинструктировала меня, указав (пальцем) на того преподавателя, который должен был меня экзаменовать.

Однако неожиданно-негаданно образовалась какая-то сложносочинённая путаница – и я попал совсем к другому экзаменатору.

Как мне объяснили потом – ему в задачу вменялось диаметрально противоположное: заваливать не подстрахованных блатом представителей народного потока.

Со мной он проделывал именно это – заваливал.

Но некоторое понятие о химии как науке из школьной программы я вынес.

По истечении получасового опроса с пристрастием – мой заваливатель ограничился «тройкой», жирно вписанной в мой экзаменационный лист.

Весьма растерянным и подавленным вышел я после столкновения с экзаменационно-химическим прессом.

В холл, где ждал меня Дедушка.

Во время вступительных экзаменов примыкающие к входным дверям дежурные старались оградить стены института от посторонних.

К этой группе лиц относились родители и прочие родственники абитуриентов.

Но Дедушку всегда пропускали.
На вопрос дежурных:
– Вы родитель?
– Я водитель! – продуманно, в рифму, отвечал Дедушка, обезоруживая этим нехитрым приёмом назначенных гонителей.

Естественно, я не стал утаивать информацию о моём экзаменационном фиаско.

Дедушка несколько погрузтел и посоветовал мне раньше срока не расстраиваться.

И – серьёзно готовиться к физике.

Пока я готовился к физике (лёжа на диване и бессмысленно листая учебник), вторая бригада помощи лихорадочно пыталась выправить ситуацию.

Вырвать (из бдительных рук секретаря комиссии) для меня другой экзаменационный лист не удалось.

Но все возможные меры контроля за двумя оставшимися экзаменами были приняты.

Физика прошла без сучка без задоринки.

Пятёрка перепала мне, даже несмотря на то, что ответ типовой задачи (в принципе, решённой мной правильно) был крайне далёк от искомого.

Сочинение собрало всех абитуриентов в институтском актовом зале, куда к имеющимся стульям – наташили кучу столов.

Из соседних аудиторий.

Со мной за одним примостился мастер спорта Щеглов.

Мы с ним бежали в одном забеге.

И познакомились.

После финиша...

Мастер спорта Щеглов писал сочинение по роману Горького «Мать».

А я на свободную тему, сформулированную абсолютно устраивающем меня образом: «Сущность профессии тренера».

Я довольно быстро написал.

Набело.

Однако сдавать написанное не торопился.

Стеснялся выделяться на фоне, старательно водящих шариковыми ручками по бумаге спортсменов и физкультурников...

Мастер спорта Щеглов, заметив, что я освободился, попросил меня проверить грамотность его черновика.

Я нехотя согласился.

Первое, что я увидел, повергло меня в шок.

В качестве эпиграфа значилось: «Человек – это звучит громко! (Горький)».

Я продолжил чтение.

Ошибок было немного.

Поразмыслив, я указал мастеру спорта Щеглову на все, мной замеченные.

Включая смешно перевернутую цитату.

Я, конечно, мог этого не сделать, попытавшись таким способом устранить опасного конкурента в борьбе за место в списке принятых по специализации «лёгкая атлетика».

Только мастера спорта Щеглова приняли бы в любом случае.

Потому что мастера спорта на беговых дорожках инфизкульты не валялись...

Помаявшись ещё четверть часа, я всё-таки понёс сдавать своё четырёхстраничное сочинение старшему преподавателю кафедры русского языка.

Кафедра русского языка обучала его азам иностранных студентов, приезжающих в Советский Союз по обмену между социалистическими странами.

А заодно проверяла русскоязычные сочинения соотечественников на вступительных экзаменах.

Я протянул листочки и намеревался уже покинуть место сдачи, но старший преподаватель кафедры русского языка поманила меня пальцем и прошептала на ухо:

– Я от (она произнесла фамилию известной мне персоны).

Оставьте мне вашу ручку.

Встречаемся через четыре часа.

В нижнем холле перед столовой...

Когда через четыре часа мы встретились, она похвалила моё сочинение, вернула мне ручку и сказала, что исправила одну стилистическую ошибку...

Итак, получив очередную, вторую по счёту пятёрку, я недобрал полтора балла.

Это выяснилось дня через три.

И очень меня смутило.

Совершенно не смутив группу моей поддержки.

– Всё будет нормально! – сообщил мне с их слов Дедушка, держащий руку на пульсе – однако придётся подождать.

– Сколько? – спросил я.

Не спросив:

– Чего подождать?

– Мне дадут знать, – обтекаемо ответил Дедушка.

– А что мне говорить людям, если спросят, поступил ли?

– Говори, что поступил...

Мои одноклассники и прочие знакомые интересовались, как прошли мои экзамены.

Я всем отвечал одно:

– Нормально.

Меня приняли...

А между тем, настало первое сентября – и все студенты-первокурсники отправились учиться.

Я же сидел дома в ожидании того, чем разрешится история моего поступления.

Через Дедушку до меня доходили сведения, что всё штатно – и единственное, что от меня требуется на данном этапе – это не забирать документы из приёмной комиссии.

Я и не собирался.

В ожидании обещанных изменений прошло ещё месяца полтора.

И вдруг возникла новая информация, сводящаяся к тому, что на дневное отделение меня всё-таки не приняли.

Зато очень скоро примут на заочное.

Откуда – после первой сессии – помогут перевестись на дневное...

Оказывается, мои благодетели время зря не теряли, а придумали соорудить что-то вроде дополнительного списка зачисленных.

Он делался ради меня, но – по факту – имел в виду ошастливать ещё человек пятнадцать – тех, кто сдал экзамены, не был принят, а документы забрать поленился...

Теперь я знал, чего жду: списка, который ректор всё не удосуживался подписать.

Тут известной мне персоне пришло в голову, что для удобства моих отношений с инфизкультуром надо, чтобы я в нём не только учился, но и работал.

У известной мне персоны, во вверенной ей (ему) структуре – как раз – образовалась свободная вакансия техника, открывшая записи в моей трудовой книжке.

Вакансия была у него, однако её передали по доверенности (так это называлось) в ЦЛТС – Центральную Лабораторию Технических Средств, где я и очутился.

А недели через две ректор наконец подписал нужные бумаги – и я официально влился в отряд (не путать со стройотрядом) советского студенчества.

Относясь к заочной его форме.

Это долгожданное событие случилось на предпоследней декаде ноября.

За пару с лишним месяцев до моей первой сессии.

2. Основная часть

Чтобы студента-заочника допустили к сессии, он должен сдать контрольные работы, а потом они должны быть зачтены.

Вот и я должен был, чтобы...

Предполагается, что студент-заочник, опираясь на множество источников, пишет самостоятельную работу обзорного порядка по какой-то не слишком широкой теме.

В реальности студент-заочник обычно «сдувает» свою контрольную (или курсовую).

Причем зачастую пользуясь минимумом источников.

Чаще всего одним.

Вот и я списал мою первую контрольную у старой знакомицы по Стадиону Юных Пионеров.

В дальнейшем ставшая опасной рецидивисткой, она поступила на год раньше меня – и контрольная (они после проверки возвращаются студентам) у неё сохранилась

Темы за год не поменялись, поэтому я с лёгким сердцем переписал красивым почерком её работу.

Используя для этого (приспособленную) двадцатичетырёхстраничную тетрадь в клеточку.

Почти все оставшиеся до момента окончания института контрольные я писал в его читальном зале.

Во время моего рабочего дня.

Выкраивая по академическому часу в течение недели-полтора.

Не забывая – в качестве заключительного аккорда – указать «список использованной литературы».

В преданном тетрадной бумаге списке – литературы, которую при написании контрольной использовал я, не наблюдалось.

Никогда.

Таков был мой всегдашний принцип.

Ибо сохранял в тайне тот источник (в крайнем случае – два), откуда черпался мной весь материал по теме.

С курсовыми было несколько сложнее.

Но они появились позже, когда мои связи и знакомства внутри института, где очень многие его очные сотрудники были его заочными студентами, расширились.

На работе в Центральной Лаборатории Технических Средств работы для меня не было.

Сначала – просто никакой.

Я приходил с утра – и весь день занимался ничегонеделаньем.

Тупо сидя среди людей, с большинством из которых меня и познакомиться-то не удосужились.

Притом что писать контрольные на рабочем месте мне было неловко.

Да и самих контрольных на первых порах было мало-вато...

Правда, иногда я всё-таки писал.

Стихи.

В уме...

Потом, когда я с людьми познакомился, время проходило за праздным трёпом, либо за вынужденным отсматриванием кассет забугорной эстрады посредством первых забугорных же видеоманитофонов, либо за кручением педалей на велоэргометре, опять же вынужденным, по просьбе моих, тестирующих всех и вся, солабораторников...

Уже по завершении зимней сессии, на время которой я ушёл в оплачиваемый учебный отпуск и которую сдал относительно успешно, меня приметил кандидат технических наук доцент кафедры биомеханики Уткин, научный руководитель лаборатории.

Он писал докторскую диссертацию – и, пользуясь своим служебным положением, а заодно полнейшим безразличием к происходящему со стороны заведующей лабораторией, отправил меня на поиски статей по интересующим его темам.

В Политехническую библиотеку.

Он-то хотел – в Ленинскую.

Но там отказали, сославшись на отсутствие у меня высшего образования.

Сделанное от инфизкульты письмо действия не возымело – и я пополнил число посетителей читального зала библиотеки рангом ниже.

Куда и внедриться было проще.

Приезжая к открытию, я проводил там время до обеда, пролистывая журналы и выискивая в них ключевое слово – «квалиметрия».

Доцент Уткин писал докторскую по проблеме количественного анализа качества.

Естественно, речь в ней шла о спорте.

А вот о моём переводе на дневное отделение института речь уже не шла.

Выяснилось, что перевод возможен лишь по окончании первого курса.

Да и удобнее было работать (так как я работал), совмещая это дело с учёбой (так как я учился)...

Без особой потери сил и времени, уходящих на чтение и писание совсем другого толка.

К тому же кое-какие деньги завелись.

Единственное, что тяготило по-настоящему – висящий над головой дамоклов меч легендарной советской армии...

Но и тут удалось добиться легальной отсрочки, дабы в дальнейшем, уже через несколько лет, вообще снять с повестки дня сей животрепещущий вопрос.

Впрочем, об этом не здесь, а в рассказе «93 ж»...

Пока же подросла моя вторая экзаменационно-зачётная сессия (вперемешку – экзамены и зачёты), запомнившаяся поездками не только на Сиреневый бульвар, где располагалось новое, непропорционально удлинённое, возведённое по проекту архитектора Бориса Иофана, здание инфизкульта, но и на улицу Казакова, где в старинных залах с колоннами ещё базировалась институтская кафедра анатомии.

Через несколько лет в канун московской Олимпиады достроили медико-биологический корпус – и она перебралась туда.

На экзамене по анатомии мне удалось списать два вопроса из четырёх.

Про пронацию и супинацию я мог ответить лишь посредством движения руки, относительно похоже имитирующей эти процессы движения ноги.

Про матку (которую так и не сумел отыскать среди общей кучи выложенных для наглядной иллюстрации человеческих органов) я помнил только, что она есть женский кроветворный орган...

Короче, полученной тройке я был рад несказанно!

Вообще – как ни удивительно – начальный курс дался мне тяжелее в сравнении с последующими (хотя всё равно без излишнего напряжения).

За первые две сессии я схлопотал пару трояков.

Ровно столько же, сколько за все оставшиеся годы здешней игры в учёбу.

Мне пришлось приспособливаться к бытующим здесь нормам и правилам.

И на это потребовался цикл длиной в год.

Несмотря на мои свежие, школьные, не выветрившиеся из головы, плюс прочие – по сусекам набранные, подспудно набираемые и в нужный момент рефлекторно привлекаемые общегуманитарные знания.

Кстати, ещё одним аргументом в пользу поступления сюда – являлось моё предположение о том, что знаний и представлений о мире спорта, почёрпнутых мной из телевизионных трансляций, регулярного чтения газеты «Советский спорт» и вдумчивого перечитывания (начиная с шестого класса!) учебника «Лёгкая атлетика» для институтов физкультуры, купленного в магазине «Спортивная книга» на Сретенке, может быть почти достаточно, чтобы неформально добраться до получения «синего» диплома.

По окончании орденоносного ВУЗа я мог без ошибки добавить, что и для получения «красного»...

Но задачу получения «красного» диплома я перед собой не ставил.

Задача, хоть и включала в себя слово красного цвета, – формулировалась принципиально иначе: «Взять малой кровью!».

Что, в конечном счёте, полагаю, удалось.

Второй курс запомнился сдачей (а точнее, пересдачей) лыжной десятикилометровой гонки на время.

На дворе стоял весенний месяц март, приближающийся к своей середине.

Приближаясь к ней, он растапливал снега не только на московских улицах, но и на территории лыжной базы института, в размытых границах парка «Сокольники».

В общем, погода для лыж была малоподходящая.

А если для лыж и подходила, то исключительно для водных...

На пересдачу собралось человек шесть.

Мужскую часть представляли мы с безымянным адыгейцем.

Имя-то у него, конечно, имелось, но я его не знал...

Доцент кафедры лыжного спорта отправился отмечать дистанцию пятикилометрового круга опознавательными флажками.

Задолжники вместе с немолодой ассистенткой пожилого доцента безуспешно прождали его возвращения в течение получаса, после чего женское начало дало старт – и наша великолепная шестёрка бросилась на сдачу норматива.

Не удовлетворившись компанией адыгейца и четырёх представительниц слабого пола, я уверенно и с большим отрывом возглавил десятикилометровую гонку.

И примерно в полутора километрах от старта наткнулся на доцента кафедры лыжного спорта.

Бездыханно лежащего поперёк растекшейся лыжни...

Через минуту меня догнал адыгеец, которого я оставил с доцентом, а сам помчался назад, на лыжную базу – сообщить о случившемся.

Гонку, по умолчанию, прекратили.

Адыгейцу и четырём тихоходным девушкам предложили на следующий день участвовать в перебежке.

А мне (видимо, как проявившему себя особо) зачли гонку.

Пригласив на устную часть экзамена, куда имел право пожаловать лишь сдавший практический норматив...

Зачёт по конькам (на коих я кататься не умел вообще, и который тоже подразумевал, кроме теоретической части, сдачу практического норматива) принёс мне очередную поблажку. Своего катка у института физкультуры не было, а за аренду льда заплатить забыли. Правда, потом очнулись и заплатили...

Практический норматив по плаванию подразумевал необходимость проплыть 25 метров кролем на груди (чтобы продемонстрировать владение техникой), спасти утопающего (подставного) и в качестве апофеоза осилить 400 метров любым выбранным стилем.

Я выбрал кроль на спине.

И плыл крайне неторопливо.

Народ давно финишировал, а я находился где-то на середине пути.

Молодая преподавательница – как выяснилось – формалисткой не являлась и скомандовала:

– Вылезайте!

Надеюсь, это у вас получится быстрее!..

А история с коньками завершилась так: второй поток (каждый заочный курс сдавал зачётно-экзаменационные сессии, будучи разделённым на два разновременных потока) на коньках, по слухам, катался.

Но меня это уже не коснулось – я свой зачёт получил раньше, примкнув к потоку первому...

Или всё было чуть иначе: забыли заплатить, когда сдавал первый – и я примкнул ко второму...

Тут важно другое: начиная с третьего курса, я окончательно разобрался во всех хитросплетениях жизни заочного факультета – и научился их приспособливать с выгодой для себя.

Под собственной выгодой я подразумевал экономию времени и сил, традиционно шедших на писательство и чтение.

Возможность сдать сессию в два приема сильно разгрузала (в том числе и морально).

Плюс позволяла, беря оплаченный отпуск и заранее планируя свои действия, исходя из расписания двух потоков, перераспределять время так, чтобы в жизни возникали дни, совершенно свободные от посещения института.

Высший пилотаж заключался в том, чтобы дни укладывались в серии.

Помню, что однажды, накануне Нового года, мне удалось предпраздничная серия, составившая подряд девять рабочих дней.

Которые для меня оказались нерабочими.

И – безучебными..

В многотиражной газете инфизкульты с предсказуемым лозунговым названием «На старт!» я впервые увидел свои стихи напечатанными.

Типографским способом.

На листочке формата А-4, как сказали бы теперь..

Руководил спортивной газетой сильно пожилой, вечно курящий дядечка сморчкового типа — по слухам, бывший воркутинский прокурор.

А в литсотрудниках у него ходил длинноволосый очкастый мужик, немного похожий на знатного анархиста батьку Махно.

Анархист любил стрельнуть у меня рублик, другой, третий.

Чтобы потом мучительно, месяцами, отдавать.

Как-то раз я встретил его рядом со своим домом и понял, на что анархисту требовались мои скромные рублики.

Тот был игрок.

Играющий не где-нибудь – на бегах..

Трёхгодичное общение с газетой «На старт!» принесло мне не только несколько печатных публикаций на её разрозненных страницах, но и диплом об окончании двухгодичных курсов рабочих корреспондентов при московской организации Союза журналистов.

В такой причудливой форме материализовав мою странную школьную задумку о светящем мне факультете спортивной журналистики...

Впрочем, твёрдые красные корочки этого свидетельства жизнью востребованы не были.

И уже не будут...

Благодаря первой моей работе в ЦЛТС – я познакомился с некоторыми весьма любопытными и колоритными личностями.

Муж одной замечательной полудиссидентки, иногда всё же появлявшейся на рабочем месте, несмотря на кучу прочих неотложных дел, оказался доцентом кафедры гимнастики, меломаном и ценителем запрещённой русской художественной литературы.

Вследствие нашего с ним знакомства — выполнение практических нормативов по гимнастике с некоторых пор прекратило доставлять мне практические сложности.

Доцент мне в этом очень помогал.

Может, из человеколюбия.

А может, видел во мне будущую звезду запрещённой русской литературы...

Туда же, в ЦЛТС – от случая к случаю захаживал поэт-переводчик, член профессионального комитета литераторов.

В отличие от меня, дозировано горбятящегося на диссертацию доцента Уткина, он поставлял материалы для диссертации заведующей лабораторией, занося их с периодичностью раз в декаду.

Постепенно мы с ним сошлись – и он добровольно взял на себя что-то вроде дистанционной опеки надо мной, с его точки зрения недостаточно внятно ориентирующимся в ареале мировой художественной литературы.

Встречались мы редко, ибо к тому времени, как стали общаться по интересам, он всё реже возникал на территории института, а я, хоть и продолжал бывать там почти ежедневно, но был уже приписан к Службе Слабых Токков, покинув славные ряды ЦЛТС.

Поэт-переводчик предложил мне такую схему общения, когда с периодичностью раз в декаду, в строго назначенное время, я отзванивал ему на домашний телефон и отчитывался за прочитанное по его наводке.

Он меня покровительственно выслушивал, давал новые рекомендации, включавшие имена и названия.

После чего мы прощались до моего очередного урочного телефонного звонка.

Его переводы из Шарля Пеги были опубликованы в одном из двухсот томов раритетного и престижного тогда издания «Всемирная литература».

А на фоне нашего периодического телефонного контакта и многих прочих вводных поэт-переводчик со знанием многих языков переводил тогда «Алису в Зазеркалье».

Которую обещал мне презентовать по выходе в свет...

Несколько раз мы всё же встречались – и в институте, и у него дома.

Однажды он даже отвёл меня в ЦДЛ, чтобы я отдал собственные стихи в Комиссию по работе с молодыми литераторами.

А однажды уже я попросил его представить меня почтеннейшей публике на моём первом литературном вечере, прошедшем в общежитии МГУ, выпускником факультета математической лингвистики коего и был мой литературный куратор.

И поэт-переводчик не отказался...

Вечер состоялся как раз в тот момент, когда я был в отпуске.

А в отпуск я отправился из-за смены руководства в Службе Слабых Токов, где числился монтером самого низкого, первого разряда.

Именно числился – по причине того, что руки мои с детства к ручному труду приспособлены не были.

Однако с рук это мне сходило...

Я честно сказал об этом начальнику, взявшему меня туда по протекции доцента кафедры гимнастики.

Начальника такой поворот дел не смутил – и я неорганично вмонтировался в пьющий рабочий коллектив, ответственный за работу местной телефонной станции и электронных часов.

Но через пару лет начальника подсадили – и пришедший ему на смену – сразу же решил меня уволить по моему желанию.

– Хорошо! – согласился я – только сначала отгуляю положенный мне отпуск за прошлый год – и протянул ему заявление.

Он был вынужден подписать.

На следующий день я принёс ему заявление на другой отпуск.

Для сдачи очередной сессии.

Которое он тоже был вынужден подписать...

А за те два месяца, пока я находился в отпусках, нового начальника успели с должности убрать.

Теперь моим начальником оказался новый новый начальник, который на самом деле был старый старый...

Потому что трудился здесь начальником ещё до того начальника, который взял меня на работу.

Старый старый начальник все эти годы через суд добивался своего восстановления на прежней должности.

И добился — аккуратно, когда я легально тянул время, совмещая это со сдачей зачётно-экзаменационной сессии...

Старый старый начальник в отличие от предыдущего увольнять меня не собирался.

Наоборот, он перевёл меня на должность техника с зарплатой на двадцать рублей больше – и поручил заниматься всей технической документацией Службы Слабых Токов.

Теперь я ваял письма в различные инстанции и сам же их в эти инстанции отвозил.

Выяснилось, что инстанций огромное количество – и впервые за время физического нахождения в институте физической культуры я стал получать деньги за работу, к которой действительно прикладывал руку...

Старый старый начальник был доволен мной, я – им, но через год меня позвали трудиться мастером участка отделения оперативной полиграфии – и я дал согласие, принесшее мне вдобавок ежемесячную десятку вкупе с возможностью иногда тайно ксерокопировать запрещённую литературу или чужую курсовую...

Впрочем, так продолжалось всего одиннадцать месяцев, после чего я триумфально возвратился в Службу Слабых Токов.

Теперь я назывался монтёром связи шестого (высшего!) разряда и получал на двадцать рублей больше, чем в отделении оперативной полиграфии.

Монтёр связи высшего разряда был не в ладах с отвёрткой, зато относительно грамотно строчил письма в многочисленные советские инстанции.

А с отвёрткой, в синем рабочем халате и со стремянкой, примерно в то же самое время бродил я по Хорошевскому городку, который построили пленные немцы.

Бродил вместе с другом своим, будущим поэтом Василием Ломакиным, облачённым в такой же халат и таскающим в руках мемориальную доску, им самим втайне от всех (кроме меня) изготовленную на химфаке МГУ.

Вернее, доску (очень скромных размеров) он где-то позаимствовал, а на химфаке её обработал реактивами на предмет несения информативности.

Мраморная доска (протравленная серым по серому) почти невидимо сообщала, что «здесь жил великий русский поэт Николай Заболоцкий».

Камуфлируясь под работяг, мы с другом несколько раз пытались прикрепить доску к дому, где и вправду проживал поэт и его семья.

Но доска прилаживаться к стене дома не захотела.

Как мы ни старались...

Чуть раньше, в том же проверенном халате, однажды в субботу, выкрадывал я из кабинета проректора МГУ по АХЧ (Административно-хозяйственной части) телефонный справочник.

Дело в том, что мой старый старый начальник мечтал сделать телефонный справочник института физкультуры по образу и подобию МГУшного.

Экземпляр МГУшного справочника начальник дал мне на ознакомление, а я его умудрился в тот же день потерять.

Вот и пришлось, облачившись в принесенный с собой халат и пожертвовав первой половиной выходного, просить телефонный справочник у секретарши чужого проректора.

Представившись ей сотрудником Службы Слабых Токов МГУ.

Просить, обещая вскорости отдать, и прекрасно зная заранее, что этот экземпляр телефонного справочника назад, в приёмную проректора по АХЧ не вернётся никогда...

Благо опыт камуфляжника у меня имелся, ведь красная повязка дружинника на рукаве являлась гарантированным пропуском на отдельные столичные культурные мероприятия.

Скажем, на просмотры внеконкурсной программы московского международного кинофестиваля в лужниковский дворец спорта я проникал только так...

Работа монтером иногда меня кормила.

В буквальном смысле – иногда.

В буквальном смысле – кормила...

В институтской столовой.

За бесплатно.

Тамошний повар так распорядился.

Зная, что я работаю в Службе Слабых Токов монтером, повар надеялся на мою помощь.

Если у него вдруг сломается телефон...

Я знал, что я в таком деле помогу повару вряд ли.

Поэтому бесплатной едой не увлекался.

Да и телефон у повара, по счастью, работал, как часы...

Служба Слабых Токов объединяла людей очень разных, да и пьющих по-разному.

От запойных алкоголиков до алкоголиков ежедневного розлива...

Один относительно регулярно принимающий на грудь и крепко закрученный на колёсах монтер, подрабатывал тем, что шил джинсы.

Из материала заказчика.

Весьма виртуозно.

Перед Олимпиадой, когда Москву вычищали от полукриминальных элементов, его поймали, арестовали, велели показать карманы собственноручно пошитых брюк...

Куда предварительно подбросили изрядную дозу наркотиков.

А потом устроили над ним показательный суд.

В актовом зале института.

Чтобы отправить бывшего монтера на пять лет в колонию строгого режима за хранение и распространение наркотических средств...

В Службе Слабых Токов со мной работал некто Трофимыч. – чуть ли не единственный, кто не пил совсем, и вдобавок увлекался туризмом.

Когда-то, много лет назад, задолго до моего рождения, он служил радистом на Стадионе Юных Пионеров.

Стадион Юных Пионеров нас объединил – и в частности помог мне справиться с экзаменом по физиологии.

Потому что радист и турист Трофимыч издавна был полноправным представителем рабочего класса в институтском профкоме, зная в инфизкульте всех преподавателей со всех кафедр.

И зачёт по специализации я тоже получил при непосредственном участии Трофимыча, передавшего купленную мной бутылку старшему преподавателю кафедры лёгкой атлетики, правоверному сталинисту, грозившему мне грядущим незачётом в случае, если я не сбрую бороду...

В результате – с матёрым сталинистом мы отношения наладили – и бутылку – через год – накануне экзамена по специализации я передавал ему уже сам, без посредничества Трофимыча, – из рук в руки...

Как-то раз для зачёта по биомеханике от меня потребовалось предоставить график на миллиметровой бумаге.

Чертил я – мягко говоря – ужасно.

Причем с линейкой чертить у меня получалось значительно хуже, чем без..

Вот тут и пригодилась Бабушка, инженер-связист – умелые руки.

Был ещё предмет под названием «Спортсооружения», из недр коего я вынес лишь архитектурно-спортивный термин «Нормальное спортядро СССР».

Нормальное спортядро СССР представляло собой четырёхсотметровую легкоатлетическую беговую дорожку вокруг почти стометрового футбольного поля, за обоими воротами которого располагались сектора для прыжков.

С общественными дисциплинами я справлялся сам, выезжая на школьном багаже и на гипотетическом представлении о том, что примерно мог сказать любой из Ильичей.

Историю КПСС у меня преподавала двухметровая старуха по фамилии Поднебеснова, персонифицированно ценившая меня в контексте окружающего меня студенчества.

Научный атеизм принёс мне ожидаемую пятёрку после моего циничного заявления о том, что советские космонавты, избороздившие просторы космоса, Бога там так и не обнаружили.

Текущий экзамен по какой-то из политэкономий я сдавал почему-то в одиночестве, достаточно пикантной незнакомке в звании «доцент».

Мы сидели друг напротив друга, нежно соприкасаясь коленями, и болтали отнюдь не ногами.

Через полчаса двустороннего щебетания доцент вознамерилась выставить мне оценку «отлично».

Правда, пикантная доцент вознамерилась оценить высшим баллом кандидатский экзамен по истории КПСС (или научному коммунизму?).

А вовсе не студенческий по какой-то из политэкономий...

Две производственные практики – одна в спортклубе «Москвич», другая в средней школе не оставили о себе в памяти ничего, кроме того, что уйму времени съело заполнение белых (и непушистых) журналов...

Что до государственных экзаменов – они миновали спокойно и взвешенно.

Физиология оказалась понятной и легко запоминающейся наукой.

Трёхлетний курс которой я усвоил всего за неделю.

Спокойствию и взвешенности не помешало даже то, что госэкзамен по научному коммунизму (или истории КПСС?) я сдавал в разных ботинках – нет – не один левый, другой правый, а один чёрный, другой коричневый...

Ботиночное разноцветье бросилось мне в глаза лишь по возвращении домой.

3. Вместо заключения

В место заключения, слава Богу, я не попал.

Я сам выбрал это место – вместо заключения в любом другом.

Настоящее сочинение написано мной добровольно и абсолютно самостоятельно.

Его объём значительно превышает объём контрольной работы и полностью соответствует объёмным требованиям, предъявляемым к работе курсовой.

А единственным источником, которым я пользовался, и который держать в тайне от читателя смысла не вижу – является моя собственная жизнь.

Советская армия с её военной формой и стреляющим вооружением интересовала меня лишь в дошкольном и младшешкольном детстве.

Поступить на дневное отделение мне не удалось, а попасть в доблестные ряды защитников (и нападающих) не улыбалось.

Знающие люди подсказали, что за отсрочкой надо идти в психоневрологический диспансер.

Тем более, что формальный повод для этого – увы – имелся: смерть Мама в третьей четверти моего десятого класса...

После нескольких посещений диспансера отсрочка на полгода была обеспечена.

С диагнозом «реактивная депрессия».

Ещё несколько посещений дали отсрочку ещё на полгода.

С тем же диагнозом.

Однако требовалось нечто принципиально иное.

Единственным выходом представлялось вынужденное укладывание на стационарную экспертизу в санаторное отделение психиатрической больницы.

Санаторное отделение встретило меня истошным матерным ором, привязанного (жгутами) к больничной койке человека – ему вкалывали аминазин...

Вообще же на койко-местах санаторного отделения мирно (в смысле – не слишком буйно) соседствовали алкоголики, шизофреники, претендующие на комиссование солдаты-срочники и мы – потенциальные призывники, а пока что лица с приписными свидетельствами, без военных билетов...

Основой основ в отделении считалась трудотерапия.

Всем больным (и к ним приравненным) полагалось значительное время на протяжении каждого дня просидеть казённые пижамные штаны в красном уголке, занима-

ясь складыванием по контуру картонных зефирных коробочек.

Для изначально неумелых рук такая работа выглядела чрезмерно сложной, поэтому я от неё всячески увивал...

Старшая медсестра настаивала на моём добровольном участии в трудотерапии.

Я в ответ – на моём конституционном праве это дело пробросать...

Она апеллировала к Папе, меня регулярно навещавшему.

Обходя почему-то стороной Бабушку и Дедушку, посещавших меня с аналогичной целью не менее регулярно...

В течение всего срока больничного пребывания я был вынужден (следуя домашней легенде) озвучивать несовместимые с армейской службой симптомы нездоровья, жаловаться на бессонницу и вселенскую тоску.

В качестве мер, призванных изменить ситуацию, отделенские врачи мне прописывали таблетки, которые я засовывал в рот, чтобы в нём донести до унитаза...

Правда, один раз таблетки я всё же принял, дабы иметь внятное представление о том, как они на меня действуют.

Действовали они – как я убедился по итогам эмпирического воздействия – просто ужасающе.

Будучи в сумасшедшем доме, под влиянием проглоченной дозы циклодола, я вдруг понял, что схожу с ума...

Сколько-то часов я чувствовал себя настолько неподвижно, что просто не мог найти себе место, но потом действие препарата – всё-таки – прекратилось.

Ночами я неприкаянно бродил по больничному коридору, имитируя свою, не поддающуюся даже медикаментозному лечению, бессонницу.

Меня водили к психологу, где я должен был тасовать по разделам карточки, похожие на карточки лото, с изображениями каких-то предметов.

Интересовались мотивами, которыми я руководствовался, отдавая предпочтение той или иной карточной классификации.

Я припомнил, что имею отношение к стихотворчеству – и попытался втюхать психологу в качестве ответа на один из вопросов собственные строчки побезумнее..

Чуть порывшись в памяти, я нараспев произнёс:

– Не то, чтоб непонятно, неуютно –
Душа заключена в квадрат-ненастье,
Где каждый угол еле дышит, будто
Разрезан биссектрисой на три (!) части..

Видимо, желаемого я добился, приведя психолога в кратковременный ступор.

Заведующей санаторного отделения была восьмидесятишестилетняя старушка.

Звали её Ревекка Лазаревна.

Или как-то вроде.

Пару раз она вызывала меня к себе в кабинет, где мы с ней индивидуально беседовали о якобы моих (сочинённых мной) симптомах.

А в моё отсутствие она однажды капитально пообщалась с Бабушкой и Дедушкой, почему-то напрочь проигнорировав личный контакт с Папой..

Последний наш с ней разговор за полнедели до моей выписки выдался предельно откровенным.

– Такой хороший дедушка! Такая хорошая бабушка! – распекала меня Ревека Лазаревна, – а внук с нашей статьёй – это ж ой да боже ж мой – как ему плохо!.. Заграница ему – нет, выгодная работа ему – нет, партия ему – таки – тоже – нет!..

– А 8.б?! – парировал я (знающие люди меня научили, что эта статья даёт лишь одно ограничение, заключающееся в запрете управлять транспортным средством)..

– Такой хороший дедушка! Такая хорошая бабушка! И такой глупый внук их! – гнула своё престарелая дочь Сиона – он ещё благодарить Ревекку Лазаревну будет..

Короче, три недели экспертизы принесли мне очередные полгода отсрочки от армии с тем же диагнозом «реак-

тивная депрессия» и очевидную ясность того, что реактивная депрессия не может длиться вечно.

А стало быть, у меня и у Старших Родственников есть всего полгода на то, чтобы изобрести другой способ, бесповоротно отметающий даже малейший шанс на мой призыв под знамёна...

И – потрясающий способ – хоть так не бывает! – был моментально найден.

Буквально – через неделю.

Почти буквально – в мгновение ока...

Вернее, нашёлся сам в лице врачихи с Дедушкиной работы, ближайшая подруга которой оказалась медсестрой глазного кабинета военкомата.

Того самого, где я состоял на учёте.

Со зрением в моей жизни издавна существовали некоторые очевидные проблемы (дающие теперь определённые возможности для некоторых медицинских манёвров).

Ещё со старшей группы детского сада, когда окулист обнаружил у меня дальнозоркий астигматизм и прописал очки для постоянного ношения.

Впрочем, очки я не носил.

Или надевал эпизодически, чтобы рассмотреть, что там на доске...

Процесс подбора очков для меня подразумевал предварительное закапывание атропина в глаза – только тогда расширялись зрачки, позволяя в них смотрящим – делать какие-то внятные выводы, касающиеся моего зрения.

Обычно мне закапывали атропин – и предлагали часок, ожидая, посидеть на стульчике в коридоре.

И только следом – осматривали с объективностью и с пристрастием...

А здесь была проведена целая серия атропинизации, растянувшаяся на неделю и предсказуемо принесшая нужные (всем участвующим сторонам) результаты.

Через три дня по окончании курса атропинизации, в атмосфере, далёкой от торжественной, мне вручили воен-

ный билет со статьёй 93ж (если я правильно рассмотрел буквенную часть своим, по-прежнему невооружённым, зрением) – официально признав за мной статус рядового, необученного, годного к нестроевой службе.

И лишив – путём отбора – утратившего силу (и могущество) приписного свидетельства, которое, начиная с девятого класса, я был обязан «всегда иметь постоянно при себе» – как любой допризывник...

ПОДПИСКА О НЕВЫЕЗДЕ...

В мае 83-го полетели мы с моим учителем, московским поэтом и переводчиком Леонидом Тёминым в Тбилиси.

Откуда Леонид Самойлович – увы – так и не вернулся...

Но всё по порядку.

Леонид Самойлович к моменту нашей майской поездки уже много лет из-за инвалидности был практически прикован к дому.

А в те редкие моменты, когда покидал его пределы, делал это на костылях, при помощи сопровождающего.

Тем более провожатый требовался в случае долговременной отлучки...

Им я и выступил.

Хотя летел в Грузию не только ради этого.

У Леонида Самойловича значилось в планах познакомиться меня и с чудесным неповторимым городом, и со своими друзьями – грузинскими поэтами.

Ну и по-настоящему приобщить к переводческой работе.

Хотя некоторое количество подстрочников, любезно подобранных мне моим старшим другом, к тому времени я уже превратил в (относительно) художественные переводы...

Они (наряду с переводами самого Леонида Тёмина и благодаря его усилиям) даже вошли в свеженькие тоненькие книжки Бориса Гургулиа и Александра Шанидзе, выпущенные Общегрузинской Коллегией По Художественному Переводу.

Как-то так она именовалась...

Но – ближе к теме.

Леонид Самойлович был перехвачен мной на перекрёстке моей родной Беговой, куда на такси привезла его собственная мама, Ева Фридриховна.

Здесь мы с Л.С. поймали другую машину – и рванули в аэропорт.

Полёт в шумноватом окружении сборной СССР по водному поло прошёл успешно – и к середине дня мы оказались в самом центре Тбилиси, в гостинице «Иверия», где нам был заказан двухместный номер.

А часа в четыре мы вместе с дочкой бывшего наркома госбезопасности Грузии – яркой оппозиционеркой пианисткой-аккомпаниатором Медеей Зоделава и её приятелями по музыкальному театру балериной и кларнетистом – уже расслабленно сидели за ресторанным столиком на знаменитой Мтацминде – горе Давида.

Пили сухое вино.

Ели восточные кушанья.

Разговаривали.

Часов пять.

Или шесть.

После чего спустились с горы на фуникулёре – и пешком (благо идти было недалеко, даже на костылях) вернулись в гостиницу.

Легли спать.

Однако вскоре я проснулся от грохота.

Это Леонид Самойлович упал в ванной комнате.

Я помог ему добраться до постели.

И окончательно успокоился, когда понял, что он заснул.

Но он так и не проснулся.
Ни к восьми, ни к девяти.
Я начал его тормошить.
Он всё равно не просыпался.
А к нему уже шли люди, прознавшие о его прилёте.
В частности, появился поэт Анзор Салуквадзе.
Мы попытались разбудить Леонида Самойловича вдвоём.

Безуспешно.

Тут в номере возникла Медея – ведь вчера мы договаривались отправиться на совместную экскурсию по городу.

Она возникла, дабы взять бразды правления ситуацией в свои твёрдые пианистические руки.

Ведь «Скорая» не смогла поставить диагноз...

Весь врачебно-консультационный Тбилиси был поднят Медеей на ноги и поставлен на уши.

В общем, Леонид Самойлович очутился в лучшем тамошнем госпитале с подозрением на инсульт.

Я же застрял у Медеи, в многокомнатной (частично – ещё наркомовской) гостеприимной квартире, где почти мирно сосуществовало несколько поколений семьи Зоделава...

Когда, через полтора суток, поздно вечером, я вновь появился в номере «Иверии», меня там ждали.

Правильнее сказать, ждал.

Оперативник из райотдела милиции.

Куда он меня на «Жигулях» и доставил.

Мной там занималось человека три-четыре.

Посменно.

То мягко, тот жёстко, то просто угрожающе...

Перекрёстный милицейский допрос длился до девяти утра.

И закончился тем, что с меня взяли подписку о невыезде.

Ибо я доблестными районными органами подозревался в том, что нанёс гражданину Тёмину Л.С. тяжкие теле-

сные повреждения в области головы, повлекшие за собой пролом костей черепа и кровоизлияние в мозг...

Тем временем из Москвы прилетела дочь Леонида Самойловича Таня.

А через несколько дней, когда стало очевидно, что ситуация вокруг (внутри) Леонида Самойловича, похоже, непоправима – вызвали в Тбилиси и Еву Фридриховну...

Я её встретил в аэропорту, куда по настоянию Медеи и Тани приехал улететь домой.

Даже, несмотря на данную мной накануне подписку о невыезде.

Вроде как первый секретарь Союза писателей Грузии легендарный Нодар Думбадзе обещал с тбилисской милицией всё утрясти...

Возвратившись в Москву, в течение двух недель, ежедневно звонил я Медее.

Справлялся о самочувствии Леонида Самойловича.

Он умер 26-го мая.

В день своего пятидесятилетия.

Ровно тридцать лет назад...

ПРО ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ВЕЧНЫЕ ОПЕЧАТКИ...

Первой моей публикацией была публикация не на бумаге.

А на плёнке.

Очерк для радиостанции «Юность».

Самостоятельно мной сварганенный.

От названия до последней точки.

Только склеивала плёночные кусочки за меня, неумелоручкого, мой первый редактор – Галина Ершова.

Назывался очерк очень по-советски: «До завтра, товарищ тренер!» – и под мелодичную тихую фоновую музыку (тоже, естественно, не моя работа) рассказывал о некоем

заслуженном тренере России (даже не СССР) по плаванию, сыне одной нашей знакомой...

В эфире радиостанции «Юность» очерк прозвучал в мае семьдесят шестого, за неделю до моего последнего школьного звонка...

А заодно дал отсчёт моему литературному стажу, который в Советском Союзе определяло время первой публикации.

И от которого (отчасти) зависела сумма будущей пенсии.

Впрочем, эта схема давно уже приказала долго жить...

Очерк мой прозвучал по радио.

В отличие от прочих двух, чуть более поздних, осенних.

Борис Маркович Боровский, впоследствии теннисный комментатор, а тогда редактор радиостанции «Юность», отвечающий за спортивную тематику (Галина Ершова меня перенаправила к нему) – очередные мои очерки забраковал.

Хотя они были ничуть не хуже первого.

Ещё какое-то время я безуспешно пытался записать на «репортёр» – выданный мне под расписку переносной магнитофон – материал, который бы устроил редакторов из молодёжной редакции всесоюзного радио, а потом сдал «репортёр» назад, в комнатку на первом этаже Радиокomiteта.

Стихи мои тоже на радио никого не привлекали.

Ни ту же радиостанцию «Юность», ни передачу для старших школьников «Ровесники», ни какие-то иные программы с менее запоминающимися наименованиями.

Несколько второстепенных газет, куда я обратился, пытаюсь заинтересовать их собой как поэтом, меня проигнорировали, а роман с культовым тогда журналом «Юность» растянулся на тринадцать лет.

Если считать с первого моего появления на пороге редакции до напечатанной тридцативосьмистрочной, что ли, подборочки...

Именно оттуда, из редакции журнала «Юность», находившейся тогда в одном доме с рестораном «София», вблизи метро «Маяковская», стихи мои перекочевали в редакционный портфель незадолго до описываемого события возрождённого (он не выходил несколько десятков лет) журнала «Литературная учёба».

В реальности, Николай Георгиевич Новиков, не видя для меня места на страницах «Юности», передал бессмысленно валяющуюся у него кучку моих стихотворений Евгению Львовичу Храмову, зашедшему в «Юность» вычитать вёрстку своей готовящейся публикации.

Ну и деловито совместивший это с просьбой дать ему какое-то количество стихов действительно молодых авторов с целью возможной публикации в новом журнале, ориентированном на молодых литераторов.

Просьба была с ходу удовлетворена – и стихотворная кипа перед редакционным портфелем «Литературной учёбы» некоторое время проболталась в портфеле у Храмова. . .

В «Литучёбе», расположенной на седьмом этаже только что выстроенного стеклобетонного небоскрёба (Новодмитровская улица, дом 5-а), «братскомогильной» коллективной подборкой молодых (и максимально к ним приближенных по возрасту) поручили заниматься Татьяне Александровне Жилкиной, которая мной не пренебрегла – и взяла два стихотворения.

В общей массе составивших двадцать строк.

И включивших в себя одну опечатку.

«... открываю снова

Ящичек для писем и газет», – так значилось в авторском оригинале.

В результате изящное «ящичек» пришло к читателям, превратившись по дороге в свою полную, хотя и более короткую форму – «ящик».

Была там и другая опечатка.

По головотяпству авторской стороны.

Поэт Леонид Самойлович Тёмин, мой учитель, друг и Новикова, и Ряшенцева, любезно перепечатавший на своей машинке мои стихи, сначала попавшие в «Юность», а потом в редакционный портфель «Литучёбы» – случайно поменял местами два слова.

А я, будучи в эйфории от его любезности, умудрился перестановки не заметить.

Поэтому есть смысл процитировать эти стихи.

Между прочим, печатавшиеся лишь однажды, в журнале «Литературная учёба, в его пятой книжке за 1981-ый год.

Я совсем не получаю писем.

Да и сам, признаться, не пишу.

Я уже не воздухом дышу –

Ожиданьем неидущих писем.

Писем нет. И снова писем нет.

И откуда, право, ждать иного.

Но – с волнением открываю снова

Ящичек для писем и газет...

Не моли удачу, не лови.

Ей доверься, как почтовой тайне.

Жизнь всегда – сплошное ожиданье.

Жизни. Счастья. Чуда. И Любви...

«Литучёба» выходила шесть раз в год, посему пятый номер появился лишь к середине осени.

Тираж у журнала по тем временам был невелик: 25 тысяч экземпляров...

И – кроме распространения по подписке – продавался в киосках «Союзпечати».

Но в киоск (да и то – отнюдь не в каждый) завозили от одной до трёх штук...

Вот я и ходил по Москве, скупая журнальные книжки со своей первой поэтической публикацией в центральной прессе.

В течение нескольких дней ходил.

Пока, наконец, не успокоился..

А до первой поэтической публикации в центральной прессе состоялись ещё первая поэтическая публикация в многотиражной прессе и первая переводческая – в прессе республиканской.

Многотиражная пресса в моей жизни была представлена газетой института физкультуры с предсказуемым названием «На старт!».

И первые мои стихотворные строки там появились в самом конце декабря тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

Мне и восемнадцати не исполнилось.

Однако сотрудничать с газетой «На старт!» оказалось делом для меня малоинтересным.

Волей главного редактора, по слухам, бывшего колымского прокурора Бориса Михайловича Ешурина, мне предписывалось сатирическим пером бичевать студенческие и столовские недостатки.

В обмен на перманентное бичевание — однократно позволив напечататься как лирику.

А ещё раза три-четыре Ешурин спровоцировал меня наляпать рифмованные агитки, посвящённые физкультуре и спорту: про комплекс ГТО, в частности..

Первоначально, голодный до публикаций, я на такие условия шёл, но года за два плотного сотрудничества морально иссяк и физически дистанцировался.

С публикацией же переводческой вышло так.

Приближался двадцать шестой съезд КПСС – и Леониду Тёмину из Тбилиси переслали подстрочник стихотворения Нодара Гурешидзе «В дни, когда созывается съезд...».

Нужно было его срочно перевести для русскоязычного журнала «Литературная Грузия».

Вот Леониду Самойловичу и пришла в голову идея:
пусть переводчиком выступлю я.

По крайней мере, попробую себя в этом качестве.

Под его визуальным присмотром.

При его посильной помощи.

Я сбегал за пивом.

И мы приступили.

Леонид Самойлович прихлёбывал пиво, а я складывал
словоблоки.

Порой он забирал у меня инициативу – и целиком
штамповал панегирическую строфу.

А строф этих было, мама родная!..

Страницы на три.

Формата А-4...

Так – шумно, задорно, продуктивно, доставляя друг
другу бурную щенячью радость, как бы резвяся и играя, мы
жонглировали идеологическими идиотизмами – и часа за
три клиническое стихотворение перевели.

Общими усилиями.

Впрочем, Леонид Самойлович захотел, чтобы един-
ственным переводчиком значился я.

Он сказал, что это мудрый тактико-стратегический ход
и удобная возможность внедрить персонально меня в не-
плохо оплачиваемые переводческие кадры..

Да и в связи с этой моей переводческой «работой» стал
в перспективе брезжить своеобразный триптих – мои пер-
вые печатные выступления в разных ипостасях (многоти-
ражная пресса не в счёт)..

Кроме стихов в «Литучёбе» и «датского» перевода в
«ЛитГрузии», ещё намечалась публикация книжной рецен-
зии в журнале «Физкультура и спорт».

Рецензия была на киевскую книжку, которая по-рус-
ски называлась «На байдарке за здоровьем».

Однако, написанная по-русски и изданная скромным
республиканским тиражом, книжка вышла на украинском
языке.

Причём авторы, переведя её на украинский, не стали об этом распространяться и представили рукопись в украинское издательство как сочинение, созданное по-украински...

Ибо это значительно укорачивало путь к печатному станку...

Одним (из двух) авторов книжки являлся Юрий Шанин, друг Леонида Тёмина, приславший ему эту книжку в подарок.

Без всякой задней мысли.

А задняя – уже пришла в голову Леониду Самойловичу, решившему совместить пару интересов: шанинский и мой.

Я, формально связанный с миром спорта, открывая для себя новый жанр, должен был написать рецензию на изданную в Киеве книжку.

С тем чтобы потом опубликовать эту рецензию в Москве...

Вопрос опубликования Леонид Самойлович взял на себя.

В конце концов, материал вышел в журнале «Физкультура и спорт».

Когда институт физкультуры я уже окончил и подпись под рецензией (а я подписался «студент ГЦОЛИФК Сергей Белорусец» соответствовала действительности только наполовину)...

Хотя первым делом Леонид Самойлович позвонил в популярнейший тогда Клуб 12 стульев «Литературной газеты» – на шестнадцатую полосу «ЛГ».

С неё, иронико-юмористической, каждую среду начинал своё чтение «Литературки» среднестатистический советский интеллигент эпохи развитого социализма...

В «Литгазету» на шестнадцатую полосу Леонид Самойлович позвонил ещё и потому, что Шанин считался её регулярным автором, да и сама книжка, о которой шла речь в рецензии, была написана стилем весьма ироническим (я

её читал в русском эквиваленте, специально для меня при-
сланном).

Кстати, в рецензии на киевскую книжку – я предлагал перевести её на русский, дабы выпустить в Москве тиражом, достойным столичного издательства..

Но Виктор Веселовский – главный администратор Клуба «ДС» – особого энтузиазма на предмет рецензии не проявил.

Вот тогда-то и вылез вариант с обращением в ежемесячный журнал «Физкультура и спорт».

Чтобы вдобавок попытаться там напечатать и мою стихотворную подборку..

Которую сразу же пообещали напечатать – и обещали в течение трёх лет.

В ответ на любой мой звонок.

Через три года мне стало всё равно – и я звонить перестал..

Однако «Литературная газета» с её шестнадцатой полосой в моей жизни всё же вскоре возникла.

Клуб «12 стульев» объявил конкурс для молодых писателей, претендующих на места студийцев Клуба «молодых табуреток» – литературной студию при отделе сатиры и юмора «Литературки».

От поэтов требовалось выслать по почте три-четыре стихотворения.

В конкурсе я принимать участие не собирался.

Но, как-то прогуливаясь с приятелем Мишей Пресняковым, мы вдруг завели речь об этом конкурсе.

Вернее, Миша завёл речь, смысл которой сводился к тому, что, если даже я захочу в конкурсе поучаствовать, всё равно отборочное сито не пройду.

– Пройду! – сказал я.

– Не пройдёшь! – повторил Пресняков.

– Пройду, – сказал я, – только там есть условие: стихи должны быть отпечатаны на пишущей машинке, а машинки – как ты знаешь, у меня нет.

Пишмашинки у меня действительно тогда ещё не было.
Бабушкина «Континенталь» переехала ко мне спустя год.
– Хорошо! – сказал Миша, – я сам напечатаю твои стихи (у него дома пишмашинка имелась, но с чуть более мелким, чем общепринятый, шрифтом).

– Валяй, если не лень! – согласился я.

– Только давай поспорим на шоколадку! – резюмировал Миша.

Я не возражал.

И мы пошли к нему

И он при мне, с моего голоса, напечатал четыре стихотворения.

И пообещал отправить по почте.

И сказал, что отправил.

После чего – на много месяцев установилась гробовая тишина.

А как-то днём раздался звонок в мою дверь.

Я прикинул: открывать или не надо?

Хоть у меня и наличествовал военный билет с глазной статьёй, не подлежащей пересмотру в течение пяти лет, однако расписываться за повестку в военкомат мне не очень хотелось.

Всё же я рискнул дверь открыть.

И мне моментально предложили расписаться.

К счастью, не за военкоматскую повестку, а за адресованную мне телеграмму.

Телеграмма призывала срочно позвонить Яхонтову или Хорту в отдел сатиры и юмора «ЛГ».

Я тут же это сделал – и узнал, что моё стихотворение «Пустой автобус часа пик» уже заверстано на полосу первого набора «молодых табуреток»...

Правда, сие не имело никакого отношения к набору в литературную студию.

Видимо, история со студией ограничилась лишь её идеей.

Что и позволило Михаилу Преснякову не озаботиться отдачей честно проигранной мне шоколадки...

Примерно тогда же я впервые посетил отдел «Сатира энд юмор» газеты «Московский комсомолец», которым заправлял Лев Новожёнов – будущая телезвезда конца девяностых – начала двухтысячных.

В подчиненных у Льва Юрьевича значился поэт Игорь Иртнев, тоже к тому времени ещё не успевший притянуть к себе известность и славу.

Нынче же с Игорем мы иногда встречаемся на посиделках в Русском ПЕН-центре, а Лёва с внучкой недавно приезжал на переделкинский костёр «Здравствуй, Лето!» в рамках Фестиваля детской литературы имени Чуковского, придуманного мной...

Ну и – несколько подробнее про опечатки, коих в моей литературной жизни было предостаточно.

Тем более, что на шестнадцатой полосе «ЛГ» (где у меня в мои публикации тоже порой вкрадывались опечатки) имелась специальная рубрика, им посвящённая, с остроумным заголовком: «Очепятки»...

Очень красивая опечатка, я бы сказал, высокоштиливая, довольно органично вторглась в ткань стихотворения, призванного быть отруганным на страницах «Литературной учёбы» середины восьмидесятых.

Меня опять тюкали за оторванность от народных масс и отдельность собственного мира, а в качестве примера, иллюстрировавшего этот тезис, использовали одно из трёх моих стихотворений, опубликованных в молодёжном сборнике «Багульник» издательства «Современник».

Причем вместо слова «торил», по ошибке употребив слово «творил».

Цитирую безошибочный текст:

*Ночь словно встала на пуанты, –
И звёзд не стало.
Но звёздный свет настольной лампы
Горел устало.*

*Сей бледный свет звезды келейной,
Свечи домашней
Торил свой путь узкоколейный
В свой час всегдашний.*

*На скудный циферблат настенный
Взирал с прищуром,
И умещалась часть Вселенной
Под абажуром.*

В сборнике «Багульник» это стихотворение оказалось напечатанным – как нужно.

А каноничность одного из двух других, до известной степени, пострадала.

Каким-то непостижимым образом вторая строфа поменялась местами с третьей.

Прочитую тот вариант, который читателю пока на глаза не попадался.

ТИХИЕ ПЕРЕУЛКИ

*Тихие переулки –
Центра верная стража,
Потайные шкатулки
Городского пейзажа.*

*Рядом с грохотом улиц
Вы чуть-чуть на отлёте,
Понемногу сутулясь,
Аккуратно бредёте.*

*Вы совсем не торопки,
А степенны, скорее.
Ваши пешие тропки –
Как ходы галереи...*

*Тихие переулки –
Центра верная стража,
Потайные шкатулки
Городского пейзажа.*

Ещё несколько курьёзных случаев.

Один пришёлся на журнал «Юность», превративший в девяносто третьем году моё восьмистишие в два самостоятельных четверостишия, идущих, правда, друг за другом.

Вот это восьмистишие:

*Голых веток небесная графика
На решётке окна кристаллической.
Кофе женского рода – «Арабика» –
В кофемолке визжит электрической.*

*Дни фактурны – как в детстве и юности.
Жизнь привычно редка на пророчества.
Никуда ей от этой этюдности
Не уйти. А ведь явственно хочется...*

А в третьем номере «Юности» за восемьдесят девятый год, в рецензии на молодёжный сборник «Стихи этого года», выпущенный годом раньше издательством «Советский писатель», Татьяна Бек похвалила меня за короткое стихотворение, состоящее, по её мнению, из двух строк.

И даже эти нерифмованные строчки – «Вновь мимо нищей прохожу старухи, / не за неё испытывая стыд..» – процитировала.

На самом деле строчки являлись окончанием рифмованного восьмистишия..

В подборке же, вышедшей в журнале «Сельская молодёжь» посерединке девяностых, вообще сподобились поставить дату написания стихотворения, изначально находящуюся под ним, между строчками..

И самые свежие случаи из практики.

В моей книжке «Магический квадрат» трижды стихотворения были объединены в диптихи.

Причём два раза из трёх, в конечном итоге – диптихи составились не совсем из тех стихотворений, которые в них изначально входили...

Несмотря на неоднократные вёрстки.

А в третьем номере журнала «Дружба народов» за 2008-ой год стихотворению «Тая сквозную подоплёку», оказавшемуся не на своём месте и не со своим номером внутри «Магического квадрата», опять от жизни досталось.

Хотя восьмистишие шло отдельно, не будучи включённым в диптих.

Камнем преткновения явилась игра слов в двух заключительных строчках.

У меня там поминался румынский писатель и культуролог Мирча Элиаде, а люди в «ДН» решили, что речь идёт об «Илиаде» – поэме Гомера.

И Элиаде стал писаться «Илиади» (именно в этом падеже, с «и» на конце, что согласно правилам русского языка – грубейшая ошибка!..)

В общем, «Дружба народов» мне удружила.

По полной...

Когда я увидел журнальную книжку с моей бумажной публикацией, я вежливо попросил, чтобы ошибку исправили в интернет-версии, вывешенной в «Журнальном зале».

Просил я месяца три (по-прежнему вежливо) – и надо мной сжалились.

В слове «Илиади» убрали кавычки...

Вот оно, это многострадальное стихотворение,

*Тая сквозную подоплёку,
День обезличивает лица, –
И ты бредёшь по солнцепёку,
Который бесконечно длится, –*

*И отвечаешь жизнью всюю
За явь нездешнюю во взгляде, –
И не читаешь «Одиссею»,
Предпочитая Элиаде...*

ЛИТИНСТИТУТ

В литинститут я поступать не собирался.

Более того: не хотел.

Не из снобизма.

Просто не представлял себя в нём.

Начинал представлять – и ничего не получалось.

Литинститут был, но меня в нём не было...

Однако будущая описательница семейных кремлёвских историй, а тогдашняя востребованная поэтесса, доцент кафедры творчества Литературного института имени Горького Лариса Васильева считала иначе.

И – как раз – набирала очередной курс.

И в составе своего семинара желала видеть меня, который вовсе не горел желанием стать студентом литинститута.

И попытался аккуратно увернуться.

Но низкоголосая и отчасти последовательная Лариса Николаевна хотела меня видеть рядом собой именно в этом качестве.

И в конце концов я не нашёл сил и аргументов, чтобы эффективно сопротивляться.

Ведь Лариса Николаевна на тот момент являлась единственным человеком из мира литературы, который пытался мне покровительствовать.

Хоть как-то.

Она пригласила меня поучаствовать в своём семинаре на восьмом всесоюзном совещании молодых писателей.

Она разрешила сослаться на неё в моих походах по местам, гипотетически способным меня опубликовать.

Однако эти места со своей стороны поначалу абсолютно не имели в виду ничего подобного...

Да и потом – снятый мной тамошний урожай – выглядел не слишком убедительно (три стихотворения в коллективном сборнике издательства «Современник», два стихотворения в альманахе «Поэзия»).

А то одно место, куда я попал по наводке мэтрессы, и где мне приветливо улыбались, обещая вот-вот дать подборку в печать (я искренне не понимал, каким образом, ибо мои стихи явно шли вразрез с литературно-идеологической политикой журнала) меня так и не опубликовало.

Никогда.

Но искренне порадовало.

Даже празднично повеселило.

Через пять лет после первого моего визита к лучшему другу Сергею Бобкову, в день появления на свет моего сына Арсения, я получил по почте официальный ответ из журнала «Молодая гвардия», подписанный заведующим отделом поэзии Евгением Юшиным.

Формулировка была впечатляющая:

«Отказать от публикации!» писал столь же благожелательный, как Бобков, Женя Юшин.

С Ларисой Васильевой меня познакомил муж моей первой учительницы, кинорежиссёр студии имени Горького Валерий Михайловский.

Он показал ей мои стихи – и она захотела со мной встретиться.

А до Ларисы Васильевой Валерий Исаевич отдавал мою подборку на прочтение другой поэтессе – знаменитой женщине-фронтовичке Юлии Друниной.

Которая встретиться со мной не пожелала.

Потому что её не устроила моя гражданская позиция.

Вернее, Юлия Владимировна в ней не разобралась.

У меня там (в подборке ей отданной) в качестве паровоза (то есть – стихотворения, способного потащить за собой в печать и остальные стихи) лежало и работало очень мне нравящееся:

*И я, заморожен, смотрел
На книжицу «Воениздата» –
И видел:
Беженцы,
Солдаты,
Санбат,
Бомбёжка.
Артобстрел.*

*И – общей памятью – во мне –
Как бы – высвечивались даты...*

*...А книжица «Воениздата»
Была совсем не о войне...*

Мне казалось (да и до сих пор кажется), что две строфы про книжицу «Воениздата» своей лирической интонацией несли в себе ту меру гражданственности, которую я мог (не опасаясь за последствия) открыто предъявить военнизированному миру...

Видимо, так показалось и Александру Щуплову, опубликовавшему этот стишок в «Книжном обозрении» в 1986-ом году.

К тому же, по итогам года «И я, заморожен, смотрел» вместе с другим моим стихотворением – сонетом «Любой из нас по-своему прочтёт» (между прочим, написанным по заданной всем студийцам одного ЛИТО общей первой строчке) получили третье место на конкурсе стихов о книге, организованном еженедельником «Книжное обозрение» и всесоюзным обществом книголюбов.

Мне даже диплом лауреата по почте прислали...

А вот поэтессу Друнину в восемьдесят втором мой стишок насторожил.

Ибо, по ощущению военной и послевоенной поэтессы никак не прояснял мою гражданскую (на самом деле – антивоенную) позицию...

Кстати, чуть раньше Друниной, в пятом номере журнала «Литературная учёба» за 1981-ый год критик Михаил Числов в послесловии к коллективной подборке молодых поэтов, куда просочилось и два моих стихотворения, переданных в «ЛУ» из редакции «Юности», тоже ко мне дышал неровно, и примерно по тому же поводу:

«Сергей Белорусец находится ещё в самом начале поэтического пути. Лирический герой его стихотворений – очень юный и очень чистый молодой человек, только вступающий на порог взрослой жизни. Ему ещё предстоит проснуться от некоторого младенчества и обрести твёрдую гражданскую поступь».

Впрочем, Друнина, хоть и не выказала желания со мной познакомиться (чтобы рассчитывать на наше возможное знакомство в дальнейшем, мне нужно было сперва проявить гражданско-военную позицию), но просила мне передать, что, похоже, стихи я буду писать всю оставшуюся жизнь...

Прежде чем быть вызванным на экзамены в литинститут, требовалось пройти, так называемый, творческий конкурс.

В День Весеннего Равноденствия Лариса Васильева назначила мне встречу.

На том месте, где сейчас находится Храм Христа Спасителя.

А тогда там располагался пятидесятиметровый открытый бассейн «Москва».

У одного из павильонов я и встретил уже искушавшуюся поэтессу.

И мы вместе, на метро приехали в литинститут.

Чтобы сдать мои стихи на конкурс.

И сдали.

Вернее, Лариса Николаевна сдала.

Сама.

Собственноручно...

И полгода я жил под прессом предстоящих экзаменов.

Заранее чувствуя, что всё сложится непросто.

Хотя первый этап в виде творческого конкурса был пройден мной без всяких осложнений.

О чём свидетельствовал вызов на экзамены, вынутый мной из почтового ящика в июне тысяча девятьсот восемьдесят пятого года.

Теперь нужно было сдать документы.

В Приёмную Комиссию.

И тут вылезли первые сложности.

Документы принимать не хотели.

Потому что у меня не оказалось характеристики с места работы.

Дело в том, что к тому времени я ушёл на «вольные хлеба» и числился литературным секретарём у поэта Николая Новикова, сотрудника отдела поэзии журнала «Юность».

Литературное секретарство, работая щитом, официально прикрывало меня от возможных государственных обвинений в тунеядстве...

Идею заделаться литературным секретарём подсказал мне в восемьдесят втором мой учитель, поэт Леонид Тетмин, умерший через год, в день своего пятидесятилетия...

Николай Георгиевич был другом Леонида Самойловича – и оказал дружескую услугу.

Чтобы некто мог стать литературным секретарём члена Союза советских писателей, писателю для начала было необходимо запастись гонорарными справками за последние три года.

Наличие справок подтверждало, что средний ежемесячный доход потенциального работодателя (не меньше 300 рублей) позволяет ему нанять литературного секретаря.

Наименьшая же зарплата литсекретаря составляла 70 рублей в месяц.

К тому же облагалась налогом в размере 11 рублей.

Вот эти 11 рублей я и платил ежемесячно государству, чтобы легально откупиться от его декларированных нападков и притыков.

Регулярно отправляя почтовые переводы на положенный адрес.

От имени своего нанимателя.

Который не платил мне ничего.

Потому что литсекретарём у него я только числился...

Кстати, через некоторое время вышло некоторое послабление: сверху разрешили заключать договоры на полставки.

С тех пор и до завершения моей карьеры фиктивного литсекретаря я отправлял государству каждый месяц лишь по 5 рублей 50 копеек...

Но перенесёмся в лето восемьдесят пятого.

Характеристику я у Николая Георгиевича взял, а в Профессиональном комитете наёмных рабочих и коммунально-бытовых предприятий, где все литературные секретари состояли на учёте (вместе с домработницами и личными шофёрами) мне поставили подпись профсоюзного начальства и печать.

Однако Приёмную Комиссию литературного института это не умилоствовило.

В анкете я указал, что являюсь членом ВЛКСМ, поэтому на характеристике должна была присутствовать (кровь из носа!) подпись секретаря моей комсомольской организации...

Я числился в комсомольской организации по месту жительства, которую возглавлял дворник Андрей – выпускник философского факультета МГУ...

Я нашёл его на обслуживаемом им дворником участке и разжился недостающей подписью.

Необходимые (кому?) формальности были соблюдены – и документы у меня, наконец, всё-таки приняли.

С третьего или четвёртого раза...

Экзамены стартовали в конце августа.

Обязательным для всех абитуриентов индивидуальным собеседованием.

А всего абитуриентов, из первоначально подавших на конкурс нескольких тысяч, набралось примерно по два с лишним человека на место.

Чтобы принимающей стороне удобно было управлять процессом и маневрировать.

Градаций (тайных и явных) наличествовало множество.

В частности, например, декларировалось, что у абитуриентов со средним и средним специальным образованием – один проходной балл, а у людей с высшим – иной, более высокий.

Контингент же поступающих выглядел весьма разношёрстно: от простоватых деревенско-поселковых (или фабрично-заводских) девчат и пареньков до изысканных эрудитов, интеллектуалов и эстетов.

Впрочем, последних почти не наблюдалось...

Итак, экзамены стартовали индивидуальным собеседованием.

И оно было мной с блеском провалено.

Приёмной Комиссии я очевидно не глянулся.

Да и ответы мои её явно не устроили.

– Чем занимаетесь?

– Литературой и литературной подёнщиной.

– Кто из наших современных поэтов вам ближе других?

– Пожалуй, Юрий Левитанский.

– А Николай Рубцов?

– Нет, не близок..

– Что так?

– Да как-то так..

– А что вы скажете о его стихотворении «Паровоз»?

– Не помню у него такого стихотворения..

– А в армии почему не служили?

Тут я замялся, потому что из головы вдруг вылетело почему...

К тому же я сразу и безошибочно почувствовал, что тон вопросов, задаваемых мне, весьма далёк от нейтрального, тем более – от благожелательного.

И я поступил, как поступал крайне редко.

И уже очень давно к тому времени так не поступал.

И – забегая вперёд – скажу, что в литинститут (видимо, благодаря и этому тоже) – в конечном счёте – не поступил...

Обычно я пытался максимально смягчать свои отношения и с представителями социума, и со всеми прочими встречными.

А здесь позволил себе отвечать ровно в том же тоне, каким задавались вопросы...

– Серёжа! Вы себе всё испортили ещё на собеседовании! – сказала мне потом, когда я уже не поступил, низкоголосая и складноречивая Лариса Васильева.

Вслед за собеседованием, прошедшим в субботу, в понедельник мы писали сочинение.

Одна из трёх тем меня устроила абсолютно.

«Роман Александра Фадеева «Разгром».

Роман я читал.

И что надобно о нём написать, знал хорошо.

Но получил «удовлетворительно».

Выяснить – в силу каких причин? – я даже не пытался.

Далее значилась отечественная литература в связке с русским языком.

По литературе меня экзаменовал пожилой дядечка.

Тот самый, который на собеседовании интересовался, что я думаю о стихотворении Николая Рубцова «Паровоз».

После моих правильных ответов на вопросы билета, дядечка опять у меня поинтересовался, что же я думаю о стихотворении «Паровоз».

На этот раз мой ответ выглядел намного внятнее, ведь я не поленился пролистать все рубцовские книжки, дабы выяснить, что стихотворения с таким названием у него нет.

Зато наличествовало другое – про поезд...

Программное для автора.

По мнению исследователей его стихотворчества.

Что я и поведал экзаменатору.

А он предпочёл со мной согласиться.

Русский тоже никаких каверз не подбросил, что – в совокупности – привело меня к заслуженной оценке «отлично».

Очередным предметом вблизи маячила история СССР...

На консультации за день до экзамена с прискорбием выяснилось, что дело придётся иметь с Владимиром Васильевичем Мальковым – заведующим кафедрой, про которого ходили всякие неприятные слухи.

Да и сам он ходил неприятно.

Его длинные ноги в светлых брюках со стрелками, прямые негнувшиеся длинные ноги, совершающие огромные механические шаги, один в один напоминали движения открывающейся и закрывающейся крокодильей пасти.

Да и аллигаторской пасти самого заведующего кафедры, перманентно готового к труду и нападению...

А говорил Мальков с кафедры вещи совсем архаичные.

Сполна себя исчерпавшие за десятилетия безжалостной человеческой эксплуатации.

Особенно, если иметь в виду, что слово «перестройка» уже было произнесено.

С более высокой трибуны.

Оратором иного ранга...

– Литературный институт – это идеологический кадровый ВУЗ, товарищи абитуриенты! В него будут зачислены только те из вас, кто является активным носителем наших взглядов и подходит нам по всем статьям! – вещал неугомонный Мальков со своей (скоро его оттуда вышибут) кафедры...

Это было грубейшее фактическое искажение.

Ведь даже замысливался литературный институт (в связке с Союзом советских писателей) для другого.

В решающей степени, чтобы объединённые общими обстоятельствами творческие массы легче удерживались в поле зрения компетентных органов.

Благодаря определённым усилиям отдельных выходцев из той же среды...

Экзамен по истории вроде бы начинался удачно.

Мальков где-то задерживался – и я рискнул попробовать проскочить, пока он в аудитории отсутствовал.

Но не тут-то было: только я поднял руку, демонстрируя свою готовность прошествовать к экзаменаторскому столу, как в дверях возник товарищ Мальков.

Он сел строго напротив, посмотрел в мой экзаменационный лист, заглянул в какие-то свои бумажки, после чего обратился ко мне:

– Слушаю вас, Сергей Миронович!

– С вашего позволения, Сергей Маркович. Сергей Миронович – это Киров, – обречённо уточнил я.

Оба доставшиеся мне в билете вопроса я знал.

Первый был посвящён образованию социалистической системы и Варшавскому договору.

Я и понёс:

– По окончанию Второй мировой войны...

– Когда она окончилась? – перебил меня Мальков.

– В 1945 году, в сентябре.

– Какого числа?

– Второго! – ответил я, – сегодня ровно сорок лет как она это сделала (действительно, на дворе стояло 2 сентября...)

– Каким событием? – с пристрастием допытывался Мальков.

– Разгромом империалистической Японии...

Примерно так выглядел наш диалог, включивший в себя и второй вопрос билета (юношеские годы жизни, учёбы, ссылки и конспиративной работы Владимира Ильича Ленина).

Пока неутомимый аллигатор Мальков мурыжил и съедал меня одного, человек пятнадцать абитуриентов отстрелялись на параллельной позиции...

В общем, поставил он мне пару.

Довольно удивительную тем, что процентов на восемьдесят вопросов я ответил правильно..

Ребята, присутствовавшие в аудитории по мере моего ответа, а потом обступившие меня после того, как я покинул аудиторию, были крайне озадачены случившимся.

И посоветовали мне подать на апелляцию.

Я и подал.

Написав заявление в Апелляционную Комиссию с просьбой о пересмотре оценки по истории СССР.

Естественно, в сторону увеличения..

А когда через три часа я вежливо вторгся в кабинет, где заседала Апелляционная Комиссия, то узнал (в лицо), что её председателем является вlepивший мне двойку Мальков..

Уже на следующий день у меня сложился такой стишок.

С популярным тогда политическим словосочетанием в последней строчке.

*Пускай меня отверг литинститут
В лице мальковской пары по истории,
Я объявляю этот «неуд» – «уд»
В своём одностороннем моратории..*

Но всё-таки окончить литинститут мне удалось.

Так в него и не поступив..

И не получив диплома о его окончании.

Ибо именно я написал практически все контрольные (кроме самых творческих) за жену, которую – в отличие от меня – тогда приняли.

Правда, она женой мне ещё не была.

Да и сдавала историю СССР она совсем не Малькову.

А вовсе Иванову.

В соседней аудитории..

СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ...

Так было принято во второй половине последнего века предыдущего столетия.

Молодые писатели совещались.

Со старшими товарищами по литературному делу.

Первое всесоюзное совещание молодых писателей организовалось почти сразу после войны, а там уже – пошло-поехало...

Совещания практиковались любые-всякие: городские, областные, региональные, республиканские...

Предположительно (впрочем, с некоторой долей сомнения и скепсиса), на заре своего существования их официальными участниками становились лучшие из лучших.

Но к тому времени, когда молодым писателем сделался я, официальными участниками молодёжных совещаний, форумов и слётов (особенно – всесоюзных) – как правило – значились самые слабые с литературной точки зрения.

Однако отдельные представители сильных тоже просачивались.

Правда, по большей части, в качестве участников неофициальных.

Иначе – вольнослушателей.

Возможно, такое положение вещей усугублялось тем, что совещания проводились под (материнским?) крылом ЦК ВЛКСМ – стало быть, идеологические (а отнюдь не литературные) обстоятельства предсказуемо выходили на первый план.

И определяли всё.

Включая правильно подобранный кадровый состав...

Что до возрастного ценза, то он ограничивался тридцатью пятью годами.

Хотя в этом отношении устроители подобных мероприятий обычно проявляли мягкотелость, лояльность и либерализм, позволяя оставаться молодыми и тем, кому было немного за сорок...

Кроме регулярных (раз в год или раз в несколько лет) совещаний молодых, круглогодично работали всевозможные литературные объединения (сокращённо: ЛИТО).

Они функционировали при газетах, журналах, институтах (учебных и научных), библиотеках, домах культуры...

Причём зачастую ориентировались не только на молодёжь.

Примерно полгода (с регулярностью один раз в неделю или две – не помню) я посещал занятия в студии «Новая магистраль» под руководством легендарного Григория Михайловича Левина.

Отца-основателя и бессменного руководителя «Магистрали» ещё старой, давшей стране и миру несколько весьма известных писательских имён.

Год спустя после тихого ухода из «Новой магистрали» я почтил своим полуторамесячным присутствием занятия молодёжного семинара при московской писательской организации.

Этим семинаром руководили Вадим Сикорский и Сергей Мнацаканян.

Впрочем, там же, в доме Аксаковых на Сивцевом Вражке, был и другой, ведомый Юрием Ряшенцевым, который потом, через много лет, давал мне одну из двух требуемых рекомендаций для вступления в Союз писателей Москвы.

Вторую (в реальности – она была первой) я взял у Николая Новикова, долгое время работавшего бок о бок с Ряшенцевым в отделе поэзии журнала «Юность» – самого популярного и многотиражного молодёжного журнала эпохи пятидесятых – восьмидесятых.

Кстати, в восемьдесят девятом году, когда я впервые там напечатался, журнальный тираж составлял аж три миллиона сто тысяч экземпляров!..

Так вот, может, кому-то постоянные хождения в литературные кружки, в литобъединения, посещения семинаров и совещаний требовались как действительно необходимая питательная окружающая среда и школа повышения

писательского мастерства, но я всегда отправлялся в подобные места вынужденно.

Сначала не мог отказать людям, радеющим за меня и стремящимся мне таким образом помочь.

А в дальнейшем – надеялся извлечь некий рациональный, практический смысл – в виде полезных знакомств и публикаций.

Однако, будучи человеком инертным и непубличным, данные вылазки позволял себе достаточно редко.

Довольствуясь собственными, ни с кем из мэтров и сверстников ни сверяемыми представлениями о том, что хорошо, а что не очень.

Применительно и к литературе, и к жизни...

Если же вдруг я всё-таки оказывался на каких-то литературных и околотекстурных посиделках-обсуждениях, то всегда возвращался с них разбитый, больной, душевно обескровленный...

Всем вышесказанным и объясняется моё относительно активное участие лишь в двух советских совещаниях молодых писателей.

Но зато не в простых совещаниях, а во всесоюзных...

На восьмое всесоюзное совещание молодых писателей (Москва, май восемьдесят четвёртого) я попал благодаря поэтессе Ларисе Васильевой, которая совместно с Надеждой Кондаковой, Робертом Виноненом и Арво Метсом руководила работой одного из тамошних поэтических семинаров.

Совещание проходило в более чем двадцатипятиэтажном здании из стекла и бетона: журнальном комплексе издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», на Новодмитровской улице.

Притом что и открытие (на нём я очутился в силу важной технической необходимости), и закрытие (его я тоже ошастливил своим присутствием и даже купил в фойе свою фотографию, отснятую неким фотокором на открытии) состоялись в шикарной (для того времени) интуристовской гостинице «Орлёнок».

Хотя, нет, вру: фотокарточки продавались в фойе молодоговардейского небосрёба...

А добрёл ли я до закрытия – не помню...

На открытии я не мог не присутствовать, ибо туда почему-то позволялось пройти без пригласительного билета, а в журнальный комплекс – увы и ах! – попасть без этого розового квиточка было проблематично.

Вот Лариса Васильева мне и сказала, своим низким медленным голосом:

– Серёжа, поймите меня в «Орлёнке» – я дам вам пригласительный билет.

Он действителен на все последующие дни работы совещания.

И я поймал поэтессу Васильеву, хотя сие далось мне ой как нелегко.

Сперва её долго не наблюдалось вовсе, потом она вдруг возникла в президиуме, откуда незаметно испарилась.

Как только я заметил, что назначившая мне встречу в этом месте женщина покинула сцену – я бросился в вестибюль.

И обнаружил мэтрессу именно там, разговаривающей с весьма элегантною дамой и юной, не привлёкшей моё внимание ничем, девушкой.

Дама через два с лишним года стала моей тещей, а девушка в тот же двадцатшестиградусный июльский субботний денёк – законной женой...

Но в мае восемьдесят четвёртого обо всём этом я не имел ни малейшего представления.

Кстати, одет я был в польский светло-зелёный летний костюмчик джинсового покроя, в котором очень любила потом щеголять моя жена.

Когда забеременела...

Пригласительный билет из рук поэтессы Васильевой перекочевал в мои, что дало мне возможность с чувством глубокого удовлетворения покинуть гостиницу «Орлёнок».

Не дожидаясь окончания торжественной до помпезности церемонии...

Назавтра в утреннее урочное время я оказался на Новодмитровской улице в уже вошедшем в повествование здании из стекла и бетона, где впоследствии бывал многожды.

Да и до сих пор бываю, ведь здесь живёт «Мурзилка». Давно и посейчас...

А тогда, почти тридцать лет назад, по дороге к молодогвардейскому небоскрёбу я встретил Элеонору Васильевну Степченко, редактора из детского издательства «Малыш», куда к тому времени был отчасти вхож.

В «Малыш» я забросил пару десятков стихотворений, претендующих на то, чтобы сойти за детские.

Одно из них и сошло.

Став моей первой публикацией не для взрослых.

В календаре для октябрят «Звёздочка».

За что госпоже Степченко СБ (Спасибо Большое!).

От СБ (Сергея Белорусца).

Точнее даже – Сердечнейшая Благодарность...

Публикацию эту я видел мельком.

В нашей детской районной библиотеке имени Фурманова.

А купить так и не удалось.

Календарь для октябрят «Звёздочка» в советское время считался дефицитным товаром...

Итак, я проник в здание из стекла и бетона.

Перед лифтами толпился народ.

И я принял единственно верное решение: идти пешком.

Вверх.

На десятый этаж.

А может, на двенадцатый...

Наш семинар состоял из нескольких официальных участников (их было около десятка – в основном, они представляли национальную поэзию) и четырёх русскопишущих руководителей (удивительно, но факт: и Роберт Ви-

нонен – заведующий редакцией «Поэзии народов СССР» издательства «Советский писатель», и верлибрист Арво Метс – литсотрудник журнала «Новый мир» слагали свои стихи по-русски).

Все остальные втиснувшиеся в отданную под семинар какую-то редакционную комнату – их насчитывалось никак не меньше двух дюжин – представляли сами себя вкупе со своими виршами.

Внедрившись в число вольнослушателей путями на манер моего...

Изрядное количество «семинаристов» после развала могущественной сверхдержавы сделали членами различных писательских Союзов.

А некоторые даже успели проскочить и до...

Назову тех, кого помню: Елена Сойни, Сергей Щербатов, Александр Самарцев, Марина Кулакова, Ирина Моисеева, Михаил Попов, Михаил Шелехов, Анатолий Устьянцев, Сергей Надеев, Сергей Соловьёв, Игорь Меламед, Юрий Юрченко, Наталия Рожкова, Кира Езерская, Игорь Тюленев, Вячеслав Васин, Ричард Недоводин, Андрей Галамага...

Между прочим, пробивной и всезнающий киевлянин Андрей Галамага, приобретший в те лета деревянный домик возле подмосковной железнодорожной станции Кокошкино, научил меня способу беспроектного проникновения в ЦДЛ.

Куда попасть через главный вход не члену СП было весьма проблематично.

Особенно, ближе к вечеру.

Но не для Галамаги.

И с некоторых пор для меня.

Следовало обогнуть ЦДЛ на 180 градусов – и с улицы Воровского (теперешней Поварской) войти в так называемый «Дом Ростовых», где базировался секретариат Союза Писателей СССР и сидели консультанты по национальным литературам.

Оттуда – через потайную дверь – можно было почти
прямоком попасть в ЦДЛ...

А верхние вещи легко укладывались в сумку.

Ведь даже зимой ходил я тогда в синей невесомой япон-
ской куртке.

Купленной мне по благу в последний школьный год –
и честно прослужившей лет двадцать с гаком.

Что ещё было на восьмом совещании из того, что за-
помнилось?

Симпатичный мне своими стихами Борис Маслов из
другого семинара познакомил меня с компактной девуш-
кой, воодушевлённо представив её:

– Поэтесса из Донецка, Наташа Хаткина, очень хорошая!

– Сергей Белорусец, из Москвы, – дежурно ответил я.

– Как? – удивлённо и растерянно переспросила Ната-
лья Хаткина.

– Сер-гей Бе-ло-ру-сец по слогам повторил я.

Хаткина прохмыкала в ответ что-то маловразумитель-
ное, оставаясь в необъяснимом ступоре.

Увидев это, я аккуратно дистанцировался.

А довольно скоро у другой Бабушки – проездом – ос-
тановился наш родственник из Одессы – и в разговоре по-
мянул донецкую поэтессу Наталью Хаткину.

Оказывается, девушка приходилась мне пятикородной
сестрой.

Если я, конечно, правильно посчитал...

Все три дня на совещание я приходил пешком.

И пешком же поднимался на нужный этаж, сдружив-
шись на этой почве с Александром Самарцевым.

В его компании это делалось веселее.

А когда мы шагали по лестнице вниз, компания разра-
сталась.

И уже человек десять, соединённых временем и мес-
том, дружно спускались по узкой лестнице гуськом...

В официальные участники девятого всесоюзного мо-
лодёжного совещания пробиться мне ожидаемо не удалось.

Правда, нельзя сказать, что я так уж активно туда пробивался.

Обозначил несколько телодвижений в нужном направлении – и убедился, что это невозможно.

Чтобы молодого столичного писателя послали на все-союзное совещание, он должен был получить туда рекомендацию.

По итогам московского.

А чтобы оказаться официальным участником московского, москвичу (или жителю Подмосковья) нужно было сдать свои произведения на конкурс.

Обязательно вкупе с рекомендациями от литературных журналов, издательств, членов Союза Писателей.

Я заручился двумя рекомендациями от двух находящихся на одном этаже редакций, с которыми потихоньку сотрудничал («Русской советской поэзии» и «Поэзии народов СССР») «Советского писателя» – главнейшего литературного издательства на территории Союза.

И сдал – единым блоком со стихами – на пресловутый творческий конкурс.

Результат – предсказуемо отрицательный – меня несколько не огорчил.

Но идею всё же поучаствовать в совещании я не оставил.

Тем более, что для её воплощения в жизнь мне не пришлось предпринимать никаких финтов и маневров: Аркадий Каныкин и Эдуард Балашов – мои работодатели из редакции «Поэзии народов СССР» издательства «Советский писатель» – были назначены руководителями поэтико-переводческого семинара, куда я безболезненно внедрился.

На девятое (последнее) всесоюзное совещание молодых писателей, проходившее в мае восемьдесят девятого, нас возили на автобусах.

От «Дома Ростовых» до какого-то подмосковного комсомольского комфортабельного местечка, весьма приспособленного для такого рода мероприятий.

Писательский молодняк вволю резвился на своей, почти безразмерной, площадке...

Время гласности и перестройки сопутствовало внелитературным выходкам и легальным эскападам официальных и самозванных представителей разных округов и уголков нашей необъятной родины.

И устроители из ЦК ВЛКСМ тоже лицом в грязь не ударили, пригласив для расслабляющего поздневечернего выступления длинноногих очаровательных стриптизёрш.

А чтобы страждущие работники пера и пишущей машинки зряшно не волновались о том, как добраться назад, в Москву, график движения автобусов крайне любезная администрация, по-моему, здорово перекроила.

Я наблюдал стайку прелестниц лишь в кулуарах.

Те же, кто с дрожанием в членах лицезрели шоу из огромного зала, смогли прилюдно сбросить очередную личину (и не только её) с канонически собирательного образа советского человека – бесполого строителя коммунизма...

Я и сам в те дни ощущал себя кем-то вроде объекта повышенного внимания, перманентно ловя на себе разноцветные окрестные взгляды.

Дело было вот в чём.

Буквально за десять дней до совещания у меня вышла подборка (одна колонка, объёмом менее сорока стихотворных строчек) в «Юности» – единственная хоть сколько-то молодёжная публикация в пятом номере самого популярного отечественного молодёжного журнала того времени.

О тогдашнем гигантском тираже, так называемого «тонкого» журнала я написал ещё в начале этого повествования...

А перед подборкой под грифом «Дебют» – как полагалось – имелась маленькая чёрно-белая фотография дебютанта.

Сделанная Володи́ей Юдановым через неделю после моего провального поступления в литинститут.

Так вот, на меня смотрели сотни (если не тысячи) голодных, алчущих немедленного признания глаз.

И завидовали мне столь ощутимо, что хотелось поскорее исчезнуть из их поля зрения.

Дабы не чувствовать себя виноватым в своём трудном локальном успехе.

Мне было абсолютно ясно, что даже столь долгожданная публикация в столь видном месте, к сожалению, кардинально изменить течения моей литсудьбы не в силах.

На то, чтобы напечататься в «Юности» мне потребовалось тринадцать лет.

Добавлю к слову, что «Новый мир», который я начал завоевывать в начале девяностых, покорился после одиннадцати лет моих безрезультатных попыток.

А в тот самый момент, когда я пишу настоящие воспоминания, мне позвонила редактор отдела поэзии журнала «Знамя» Ольга Ермолаева и сообщила, что и этот литературный «толстяк» тоже дозрел до моей публикации.

Если таковая случится в оговоренные Ольгой Юрьевой сроки (случилась, в №12 за 2012-ый год) – можно будет с удовлетворением констатировать, что в ряды «знаменосцев» я полноправно вольюсь спустя семнадцать (практически восемнадцать) лет обивания редакционного порога...

На девятое молодёжное совещание мы ездили на пару, вместе с поэтом Сергеем Надеевым.

Сидя с ним рядом, в соседних автобусных креслах.

Мы познакомились ровно пять лет назад, на совещании №8.

А тут, в первый день, на открытии девятого мы столкнулись – и я помог Серёже пройти внутрь.

Что любопытно, открытие опять проходило в гостинице «Орлёнок», куда на сей раз без «ксивы» (Надеев, у которого её не было, употребил это слово для обозначения пригласительного билета) проникнуть было крайне затруднительно.

Зато в последующие дни, при входе в автобусы, а также по приезде никто пригласительных билетов и даже вульгарных документов, удостоверяющих личности, у литературской массы не спрашивал.

Я подговорил Надеева отправиться со мной к Балашову (он теперь руководил редакцией «Поэзии народов СССР», сменив на этом посту Винонена) и Канькину – в надежде на дополнительно внимание и перспективы получения переводческих заказов.

Из наших сосеминарников я запомнил Михаила Мельниченко, Елену Крюкову, Александра Кердана и его тёзку Шаталова, – тогда он работал литсотрудником в газете «Вечерняя Москва» (его телевизионная передача «Графоман» и вялая скандальная слава были далеко впереди).

Здесь, на совещании, образовался надеевско-шаталовский журнально-издательский альянс, приведший к выходу в свет журнала «Глагол», каждая из книжек которого книжкой и являлась.

Лимоновкая коронка «Это я – Эдичка», по-моему, была издана в рамках «Глагола».

По-моему, ею «Глагол» и начинался...

На совещании я рад был вновь повстречать киевлянина Андрея Толчанова – поэта и музыканта-альтиста (его группа называлась «Андреевский спуск»), с которым нас дружно не приняли в литинститут.

Андрюша тогда, в восемьдесят пятом, даже звонил мне, чтобы проститься перед отъездом.

Но в восемьдесят девятом нам – симпатизирующим друг другу – толком пообщаться не удалось.

Рядом с Андрюшей всё время была никому ещё не известная поэтесса Ирина Ермакова...

Встречался в кулуарах вальяжно прохаживающийся и уже успевший мелькнуть в телевизоре куртуазный маньерист Дмитрий Быков.

Относительно поджарый...

Лично мы познакомились позже, в начале девяностых...

Итоги совещания ошеломили всех.

Раздача слонов одновременно и обрадовала, и подавила.

Неодушевлённые слоны с непостижимой лёгкостью и неслыханной щедростью раздавались направо и налево.

Никогда ничего подобного Союз советских писателей не видел, не знал и себе не позволял.

Даже я должен был обогатиться на годичную именную стипендию.

О чём загодя сообщил мне Аркадий Каныкин.

Но, похоже, именно на меня одного именной стипендии в последний момент и не хватило...

Аркадий Иванович, видимо, чувствуя неловкость от произошедшего, спустя несколько месяцев предложил мне издать поэтическую книжку в «Советском писателе».

За свой счёт.

В качестве своеобразного бонуса...

Было ясно, что у ориентированной на издание за счёт государства и лежавшей а Совписе с 1986-го года, шансов на издание – никаких.

Огромное количество людей приняли тогда в члены Союза писателей.

Ещё больше рекомендовали туда же...

Всё это очень напоминало вакханалию и пир во время (приближающейся) чумы.

По слухам, задним числом был составлен дополнительный список принятых в Союз, вроде бы примостившийся в ящике письменного стола у секретаря СП Кобенко.

Или у Колова.

Или у самого Юрия Верченко...

Вроде бы в этом списке была и моя фамилия...

Между тем, миновало два года – и Советского Союза не стало.

А Союзов писателей – наоборот – постепенно стало много...

Хотя перед этим, на излёте своего существования, в конце августа девяноста первого, Союз советских писателей принял в себя ещё сотню молодых.

Списком.

Но в нём моей фамилии не было...

В девяносто третьем журнал «Юность», уже руководимый Виктором Липатовым, предпринял попытку молодёжного совещания.

Пригласили и меня.

С Юрием Ряшенцевым (которого я знал очень давно, с конца семидесятых) было интересно.

Рад я оказался и знакомству (а потом и многолетнему общению) с одарённой Таней Риздвенко, как-то сразу ко мне прибившейся...

Практического же проку, скажем, в виде публикации в журнале или издания общего сборника участников совещания не материализовало.

Вообще по итогам всех молодёжных совещаний, в которых я участвовал как молодой писатель, мне удалось напечатать порядка семи стихотворений.

Причем одно из них напечаталось в молодогвардейском альманахе «Истоки», будучи выбранным редколлегией, состоящей из самих участников совещания.

Редколлекцией временной, с ограниченным сроком полномочий, распространявшихся лишь на выпуск №22.

Естественно, что такая вольница могла случиться лишь на девятом всесоюзном...

Летом девяносто четвёртого в писательском доме творчества «Переделкино», куда вместе с женой мы регулярно приезжали навещать семилетнего сына, прошедшего там сорок восемь оплаченных продаж «Капитана Пронина» дней, под присмотром бабушки-прозаика, встретился нам Александр Михайлович Ревич.

Замечательный поэт, волшебный переводчик, возглавлявший тогда Приёмную Комиссию Союза писателей Москвы.

Союза, образовавшегося в качестве альтернативы Михалковскому, когда Сергей Владимирович поддержал перестройщиков-янаевцев, которых отъявленные либералы смачно окрестили «путчистами»...

В общем, Ревич послушал меня и сказал:
– Серёжа, берите рекомендации у двух, хорошо знающих ваше творчество писателей.

Делайте ксерокопии ваших главных публикаций, в двух экземплярах.

И тащите в Приёмную Комиссию Союза.

Вот их рабочий телефон...

Правда, сказал это Ревич не сразу, в Переделкине.

Значительно позже, по телефону, в мае девяносто пятого.

Когда денег у нас не было никаких.

Даже на ксерокс.

А жетоны на метро, приобретённые заранее, были.

Я и поехал к Володе Юданову, надеясь, что он поможет мне в ксерокопировании.

Мне казалось, что у него есть на работе ксерокс.

Но – то ли я ошибся – и ксерокса на работе у Вовки не было, то ли ксерокс по какой-то причине не работал.

Что делать? – я не знал.

В отличие от Володи.

Он странно так, почти плачуще, на меня глянул – и протянул денег, чтобы я смог оплатить услуги оператора ксерокса.

– Я занесу сдачу! – благодарно протараторил я, – а потраченное на ксерокс верну, когда у меня будет.

– Пусть сдача останется у тебя, – мягко ответил Володя – и возвращать ничего не нужно. – Прими как подарок в связи с будущим членством, что ли, – добавил он уже другим, разухабисто-ироничным, тоном.

Ксерокс находился в трёх минутах ходьбы от Вовкиной работы...

Маем я сдал документы в Приёмную Комиссию.

Однако летом она отдыхала.

В начале сентября раздался телефонный звонок от Ревича.

Он предложил нам с женой поучаствовать в молодёжном писательском совещании, которое через несколько недель собирался проводить Союз писателей Москвы.

У меня – как раз – умирала девятиночтетырёхлетняя бабушка.

Другая Бабушка.

В коммуналке дома напротив моего.

Сгорала...

И денег не было никаких, чтобы ей хоть чем-нибудь облегчить уход из этого мира.

Или оплатить достойный уход за ней...

Молодёжное совещание под названием «Встреча трёх поколений» состоялось в ЦДЛ и уместилось всего в несколько часов.

А по его итогам – решением секретариата – меня и ещё двадцать пять человек приняли в Союз.

Даже ждать заседания Приёмной Комиссии не пришлось...

Уже в новом, третьем тысячелетии, в 2008-ом, что ли, году обратился ко мне Кирилл Владимирович Ковальджи, руководитель интернет-журнала молодых писателей России «Пролог» с просьбой написать нечто вроде напутствия современным юным труженикам пера и бумаги (на самом деле – компьютера и «мышки»)...

И я написал.

МОЛОДЫМ ПИСАТЕЛЯМ

Почти каждый писатель когда-то был молодым писателем.

Вот и я им тоже был. И довольно долго.

Сначала – в советские времена.

Потом – в постсоветские, иначе – российские.

Скажу честно: особой радости (кроме радости творчества и самопознания) мне роль молодого писателя не ставила.

Ни в эпоху Брежнева. Ни в семилетку Горбачёва. Ни в ельцинский период...

Полагаю, что и сейчас мало что в этом смысле изменилось...

Хотя сама жизнь очевидно меняется – и тут уж сомневаться не приходится.

Да она и должна меняться...

А задача молодого писателя (и человека, причем – без разницы – молодого или старого), изменяясь вместе с ней (и помимо неё), приближаться к себе самому.

К тому образу себя, ради которого здешний огород и городится...

Шансы-то даются. Всем и каждому. Всегда и везде...

ПЕСНИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Ну да – оксюморон.

Хотя речь пойдёт о песнях и в буквальном смысле.

В основном, о песнях неспетых.

Однако написанных.

И вообще об акынстве как о способе написания.

Посредством ретроспективного акынства пойдёт эта речь...

Мой сын Арсений, с которым мы родились в один день, учился в той же школе, что и я.

Три начальных класса.

Причём, посещая первый и второй классы, он ходил в тот же детский сад, что и я.

Именно так.

Потому что было такое веянье: мол, малыши, будучи людьми привычки, чувствуют себя комфортнее и спокойнее, когда сохраняются реалии их дошкольной жизни.

А не вырываются с корнем.

Вот и водили мы нашего ребёнка и в школу, и в детский сад – однофлаконно...

И сошлись с родительницей Светой – мамой Алика.
Наткнувшись на неё в школьном вестибюле за пару дней до начала занятий.

На подступах к информационному стенду со списками учеников всех одиннадцати классов.

Впрочем, у Алика имелся и папа, которого мне показали по первой программе телевидения, за несколько недель до первой формальной с ним встречи первого сентября...

Усадив на нашей кухне перед старым чёрно-белым телевизором, у которого к тому времени фурчичила лишь одна программа.

На другие тогда уже переключаться не получалось.

Даже с помощью пассатижей...

Короче, некие силы (из высших?) усадили меня перед играющим (и поющим) ящиком, когда шла по нему «Утренняя почта».

И увидел я там (понятно, и услышал) незнакомого бородатого парня, фамилию и внешность коего легко запомнил.

У меня в принципе хорошая память на внешность и на фамилии.

На телефонные номера – тоже.

Записные книжки как жанр возникли в моей жизни, когда мне было уже больше тридцати.

А до этого всё умещалось здесь – в памяти...

Я и стихи свои все помнил.

И отдельные чужие...

Так вот – памяти моей в совокупности с аналитикой вполне хватило на то, чтобы сообразить, кто у Светы муж, а у Алика папа.

Аликов Папа писал музыку для песен.

Сам их и пел.

Но репертуар требовал расширения.

Возможного лишь при наличии под боком того, кто рискнул бы подобрать к имеющейся музыкальной основе свои слова.

Устраивающие композитора-исполнителя.

Сначала (совсем чуток) Света говорила о каких-то мужниных гастролях, возводя вокруг его образа легенду о локальной востребованности, но вскоре прониклась, расслабилась и поделилась информацией, что Аликов Папа сейчас устраивается на работу.

В продуктовую палатку,
В Марьине, на самом краю Москвы.
Где будет сидеть круглосуточно.
Раз в три дня.

Или в зависимости от количества сменщиков и взаимной с ними договорённости...

А выступление по телевизору, и ещё одно (надо же – я и его видел!) были проплачены спонсором.

Потратившимся в придачу на видеоклип.

Но, похоже, этим ограничившимся и – в результате – окончательно улетучившимся...

Так Аликов Папа – лауреат и дипломант предроссийских конкурсов песни в Сочи и в Ялте (на одном из них он разделил второе место с Леонидом Агутиным), едва успев с нами познакомиться, принялся усердно трудиться в марьинской продуктовой палатке.

Сутки через трое.

Или по договорённости со сменщиками.

А я стал писать Аликову Папе тексты песен.

И написал штук двадцать.

Лет за пять нашего плотного контакта, обеспеченного, по большей части, Светиными коммуникабельностью и неутомимостью (поющий Аликов Папа в повседневной жизни прилично заикался, перекладывая все контакты с социумом на круглые Светины плечи...).

И одна из наших песен с Аликовым Папой даже оказалась проданной.

Популярному некогда солисту вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы» Сергею Беликову, рискувавшему официально сообщить окрестной жизни о том, что именно он является автором музыки.

На авторство стихов к песне «Возвращение», вошедшей в беликовский альбом «Последний звонок» и неоднократно звучавшей в различных эфирах уходящего на глазах второго тысячелетия, заслуженный артист республики не покушался.

А ещё три песенных текста Света и Аликов Папа у меня купили.

По десять тысяч рублей за каждый.

И каждого из трёх текстов хватило на неделю жизни.

На неделю нашей общей семейной жизни, с её всегдашними (в течение лет!) гречневой кашей, картошкой, подсолнечным маслом и хлебом...

Ни о чём сверх этого набора мы тогда и не помышляли.

Разве что о том, чтобы лишний (далеко не лишний) раз очутиться в гостях у Светы и Аликова Папы.

В хлебосольной (ай да эпитет!) коммуналке на Ленинградском проспекте.

Или принять их у себя.

Вместе с продуктами, которые они с собой притаскивали, входя не только в наши неухоженные двери, но и в наше положение.

И деньги к нам тоже приходили.

На один, два, три дня.

На неделю, на декаду...

Вначале это страшило и подавляло.

Но постепенно мы привыкли.

Было весело и даже интересно: откуда в следующий раз к нам явятся денежные знаки?

А сами мы жили под знаком придуманного мной рекламного слогана:

«Будет день – будут деньги!..».

С некоторых пор я подвизался в качестве копирайтера и версификатора – Володя Юданов предложил заняться.

Случалось, копирайтерство приносило не только мелкие деньги, но и радость творчества.

Например, к водке «Кольма» я придумал слоган:

«Новый этап вашей жизни».

А к серии крепких настоек Торгового Дома Колесник слоган «Наш Дом – наша крепость!» родился в темпе речи (моей), после чего Володя Юданов прослезился (от смеха) и протянул мне пятидесятидолларовую бумажку.

На ещё не снесённой тогда гостинице «Россия» должно было висеть моё:

«Живите долго!».

С очевидной помощью Александра Сергеевича Грибоедова спроворил я Нижегородскому Масло-Жировому Комбинату слоган для майонеза «Провансаль»:

«Смесь французского с нижегородским!»

Циничная эксплуатация народных традиций вкупе с наработанным умением встроить это в современные реалии привели меня к придумке бренда «Вкуснотеево».

Для продукции молокозавода из воронежской области...

Довольно смешная история вышла со стихотворным буклетом в стиле Маяковского, который я писал для галереи «Обрами и повесь!».

Я выдал очень хороший текст.

Володя Юданов посмотрел — и крайне заинтересованно попросил сделать ещё лучше.

Я вложил в буклет всего себя – и сделал «лучше не бывает».

Вовчик аж дрожал от неконтролируемой радости.

А сам отдал в печать первый вариант.

Что-то, видимо, по дороге перепутав.

До моего портфолио буклет добрался месяца через два.

Только тогда Володя узнал о накладке.

От меня.

Но было уже поздно...

Наиболее регулярными и предсказуемыми были мои журнально-газетные гонорары.

Остальные наши материальные приобретения носили спонтанный характер.

Обычно ограничиваясь предельно скромной суммой.
За мои эпизодические выступления в детских библиотеках.

За Кирины хаотичные музыкальные уроки (в том числе – родному племяннику, старше её на два года)...

За наши родственные отношения (Другая Бабушка порой делилась двадцатидолларовыми бумажками из пяти сотен, привезенных ей ещё в восемьдесят девятом младшим братом-американцем, с которым они не виделись лет шестьдесят...).

Впрочем, материализовывались и нерядовые поступления.

Скажем, увидел я в «Литературке» объявление о конкурсе на создание учебников нового поколения, объявленного Фондом Сороса (я сослепу прочитал: Фонда Спроса) и почти силком заставил жену написать музыкальный учебник, принёсший нам долговременный и многоступенчатый денежный грант.

Или та же Кира, по окончании курсов быстрого чтения, неожиданно для самой себя приняла участие во все-российских состязаниях их выпускников – и заняла второе место, дающее право на денежный приз.

Второе место после человека по фамилии Кирпа, которого (он предстал перед знатоками и телезрителями в академической мантии и академической шапочке) с помпой потом показывали в ворошиловской передаче «Что? Где? Когда?»

Зачем?..

Или я (СБ – Спасибо Большое Анне Михайловне Младковской) познакомил Киру с Натальей Васильевной Нечаевой – руководителем Федерального Научно-Методического Центра имени академика Занкова – и та предложила Кире соавторство в написании «Азбуки».

Что с лихвой окупилось.

Через годы...

Или я, отправившийся играть в телевизионную игру «Сто к одному» – и попавший в одну пару с никому тогда

не известной будущей телеведущей первого канала Ариной Шараповой.

Отправившийся играть в детскую игру для взрослых – и в результате выигравший огромное шоколадное яйцо.

В золотой фольге (красиво упакованное, оно потом подсластило Арсюше какой-то невеликий праздник...).

Правда, выиграл я этот весьма тяжёленький трофей отнюдь не в миксте с нетеннисной Шараповой, а в дуэте с другой, внешне мало примечательной тётечкой...

Потому как целый блок записанных передач, среди которых оказалась и наша с Ариной, телевизионщики решили переснять по причине замены ведущего.

Это улыбчивый кавээнщик Александр Гуревич вышел играть вместо артиста театра имени Вахтангова Юрия Шлыкова...

А на работу постоянную устроиться мы не могли.

Даже мыть полы на почте Киру не взяли.

Хотя вакансию свободную имели.

Глянули на жену и молвили:

– Не для вас это, девушка!

Я же со своей подагрой – бывало – месяцами лежал пластом – и – максимум – мог добраться: до туалета...

На фоне постоянного нашего безденежья непостижимым образом коммунальные платежи нами всегда вносились вовремя.

В долг при этом мы ни у кого не брали.

Потому как заранее не знали, когда сумеем отдать.

А когда один раз всё-таки взяли, поиздержавшись после покупки двух кроватей на мебельной фабрике, через три дня грянул дефолт...

Тут мы напряглись – и деньги, взятые в валюте, в ней, американской, возвратили.

В те же три дня.

Иногда предназначенные нам деньги – в буквальном смысле – падали с неба (сторублевая бумажка на починку унитаза...).

Иногда – вульгарно валялись под ногами (один раз – пять долларов, два раза по десять...).

Как-то меня пригласили писать русский текст для церковных песнопений.

В американскую протестантскую миссию.

В связи с приездом знаменитого закордонного пастора.

Б.Г. – так они его сокращённо звали.

И вдруг, на мгновение, мне показалось, что переводящиеся с английского на русский песни будут адресованы приезжающему Борису Гребенщикову...

За тексты янки платили в долларах, оплачивая (по нижнему тарифу) каждый час работы, заключавшейся в тупом сидении на территории протестантской миссии, расположенной в спальном московском районе...

Слагались мной и прочие многочисленные песни для чтения.

Совершенно бескорыстно слагались.

На протяжении десятилетий слагались они.

Никаких денег – как правило – не дающие.

Зато строить (свои миры) и жить (в них) помогающие.

*Из года в год мы жили на мели,
Вкушая от щедрот небесной манны.
К нам приходили мыши.
Но ушли.
Поскольку заявили тараканы...*

*Они с пол-оборота завелись,
Бесчисленные могикане блочной
Реальности.
А мы смотрели – ввысь –
Сквозь трещины лепнины потолочной...*

КОТОПЁС И ДРУГИЕ ПРОЧИЕ

Котопёс.

Это слово придумал я.

И фактически, и юридически приоритет за мной.

Моё стихотворение под таким названием было опубликовано в сентябре девяностого на детской полосе газеты «Московский комсомолец», которую задумала и воплотила в жизнь журналистка Ольга Богуславская.

Там же, на этой полосе, оказалась и фотография моего трёхлетнего Арсения в сопровождении несколькострочного Олиного текста, посвящённого Арсюше.

Мы познакомились летом в подмосковном Доме творчества писателей «Малеевка», куда я приезжал навещать своих – и Арсюша очаровал журналистку, в основном, занимавшуюся судебными очерками.

Что до «Котопёса» – иностранный мультсериал с тождественным моему заголовком к тому времени ещё на отечественных телеэкранах не появился.

Мой же «Котопёс», будучи эффектно проиллюстрированным художником Василием Храмовым и проданный нами издателям весной девяносто второго, в течение четырёх месяцев нас кормил.

В смысле – мою семью, поскольку Васины аппетиты отличались в разы.

Впрочем, книжка так и не вышла.

Хотя попыток её выведения в свет (и со стороны авторов, и со стороны издателей) было предпринято множество.

Однажды некий издатель-нетривиал почти реализовал план разместить нашего с Васей Котопёса (Василий упёрто именовал его Котопсом) на полиэтиленовых пакетах...

В девяносто четвёртом я написал сценарий для телепередачи «Спокойной ночи, малыши!», где главными героями выступали художник Василий Храмов и нарисованный им Котопёс.

Часть стихотворения про коего тоже прозвучала по телеящику.

А потом Вася гулял – и несколько рисунков для книги где-то посеял.

Рисовать же новые, взамен, ему было лениво.

Ибо художнический энтузиазм Василия, первоначально вдохновлённого моей текстурой, к той поре уже практически иссяк.

Тогда же, в начале девяностых, должна была возникнуть моя детская книжка «День наоборот» (я даже видел её оригинал-макет с иллюстрациями), но – увы и ах! – с выходом в свет «Дня наоборот» всё получилось с точностью до наоборот...

Так же, как и с детским календарём на манер календаря для октябрят «Звёздочка», который мы пытались синтезировать совместными усилиями в издательстве «Мозаика-Синтез».

С главным редактором журнала «Семь гномов», симпатичной и приветливой Анной Михайловной Младковской.

По похожему сценарию разворачивалась история издания (а точнее, неиздания) моей книжки в той же «Мозаике» (она же «Синтез»).

Издательство, представленное главным редактором Альфиёй Дорофеевой, выплатило мне пятидесятидолларовый аванс, но рукопись от этого в книжку не превратилась...

Параллельно разворачивались начавшиеся чуть раньше и закончившиеся в конечном итоге аналогичным образом сюжеты, посвящённые выходу в свет (то есть – невыходу) моих взрослых и переводческих книжек.

Вот вкратце эти истории.

Володя Юданов сначала добился от Саши Корсунского и его кооператива «Квадрат» спонсорства, следом сумел достать замечательный рулон голубой бумаги, привезённый нами ему на хранение в школу при Третьяковке, где Володя тогда преподавал художественный дизайн.

Имелась принципиальная договоренность (моя) с издательством «Прометей» – флагманом книжного издания за свой (или спонсорский счёт).

И тут возникла возможность издать ещё одну мою стихотворную книжку, в «Советском писателе».

Между прочим, деньги на мою книжку (мы зашли в сберкассу на Беговой и переложили их с его книжки на мою) я занял у одноклассника и друга – Андрюши Золотухина, впоследствии преобразовавшегося в поэта Василия Ломакина – адепта обцененной лексики и номинанта-шортлистера (двукратного!) премии имени Андрея Белого.*

А долг я Андрейке до сих пор не вернул.

Потому как выяснилось, что непонятно, сколько должен.

Из-за великой быстроты обесценивания денежной массы...

Меньшей частью дензнаки ушли на техническое обеспечение так и не состоявшегося издания.

Однако, в основном, я и моя семья их вынужденно проели, когда в Азиопе была дикая инфляция, а Золотухина по соседству не было, ибо он уже проживал на диком западе, в Америке...

Если честно, эти, одолженные совсем на иное, средства спасли нас от голода!

Как бы продержались без них?..

Но – назад, к Юданову.

Я поинтересовался у Володи, готов ли он заняться очередным книжным оформлением и не помешает ли работа над одной моей книжкой работе над другой?

Володя был тогда готов – и методом фотографии, в изысканном чёрно-белом стиле, в конце концов, оформил книжку, названную автором «Нелирический пейзаж».

Но сделал это, аккурат, к тому времени, когда «Советский писатель» реализацию идеи о выпуске книг за авторский счёт уже свернул.

* Уже трижды шортлистера и единожды лауреата.

А наша с Володей первая книжка тоже так и осталась проектом.

Вернее всего из-за своего названия – «По мере жизни»...

Ещё несколько лет, приезжая к Вовке по иным делам, я видел огромный рулон голубой бумаги, стоящий в комнате, примыкающей к преподавательскому кабинету.

Как говорится: «За двумя зайцами погонишься»...

Впрочем, почти через двадцать лет Володя – креативный директор дизайн-фирмы «Ё-программа» и преподаватель Академии печати – по собственной инициативе (и с творческим участием своих студенток-дипломниц) оформил, проспонсировал и вывел в свет мою первую (пока единственную) поэтическую книжку «Магический квадрат».

Ну и – совсем чуток – о переводной эпопее.

Самое крупное и престижное литературное издательство в СССР – «Советский писатель» – включало в себя уйму различных редакций.

В частности, редакцию «Поэзии народов Советского Союза», куда я оказался вхож благодаря работавшему там и хорошо ко мне относящемуся Аркадию Ивановичу Каныкину.

Можно сказать, что Каныкин мне доброжелательно покровительствовал, за что ему респект и уважуха – как сказала бы сегодняшняя молодёжь...

Задача перед не владеющим языком оригинала переводчиком сверху ставилась предельно ясно: из ужасающего, не имеющего даже транскрипции, подстрочника, сделать приличные среднестатистические русские стихи.

Причем ни стихотворный размер оригинала, ни количество в нём строк и строф, ни система рифмовки в виду работодателями не имелись.

Поэтому на деле всё зависело от изобретательности, версификаторских умений и оперативности переводящего.

Трёхлистовые книжки Касыма Нурбадова (с туркменского) и Тургуналы Молдобаева (с киргизского) были

мною сварганены в лучших переводческих традициях, культивируемых отечественной школой перевода национальной поэзии.

Но из-за болезненного слома Советского Союза до печатного станка так и не добрались.

Кстати, книжка Касыма Нурбадова, успевшего в знак уважения преподнести мне восточный кинжал, оформлялась Пашей Коростылёвым, однокурсником Володи Юданова по архитектурному институту.

А мы с огромноростым Пашей в школьные годы прыгали в высоту.

Зачастую через одну планку, ведь ходили (прыгая) в легкоатлетических одноклассниках по Стадиону Юных Пионеров..

Да, трёхлистные мои переводческие книжки до стадии печатного станка так и не добрались.

Но деньги за них в бухгалтерии «Советского писателя» мне всё-таки выплатили.

После долгих безрезультатных просьб и неожиданно сработавшего письменного заявления.

Правда, в условиях набиравшей ход инфляции, эти деньги (для советского человека весьма внушительные) обесценились раньше, чем попали мне в руки..

А вот книжка моя, вышедшая в девяносто втором году моя книжка-малышка с английскими рифмами «Улица – A street», напечатанная на обрезках рулонной типографской бумаги (каждый экземпляр представлял собой полуметровую, довольно широкую ленту, которую, по идее издателя, дети с помощью родителей или самостоятельно должны были превращать в книжку-раскладушку, осваивая технологический процесс фальцевания) в руки ко мне попала.

Даже дважды.

Впервые в год своего издания.

Вместе с нечеловечески скромным гонораром за себя.

А вторично – пару лет спустя, когда мне позвонил Миша Зайцев, автор знаменитого мультсериала про капитана Пронина.

Позвонил и поинтересовался, сколько килограммов моей книжки мне требуется?..

Оказывается, Зайцев, гуляючи по своему лесопарковому Ясенеvu, набрёл на какой-то овраг, где бесхозно валялась моя, сброшенная туда, книжка.

Книжка-малышка с английскими рифмами.

Похоже, большая часть её тиража...

Зайцев унёс домой килограмма полтора бумажных обрезков.

Со стихами и картинками для детей.

– Надо ли ещё пойти за книжками? Пока не пошёл дождь? – играя словами и смыслами, заботливо спрашивал ехидный Зайцев.

– Спасибо, нет! – со смешанным чувством ответил я.

И был прав.

Полтора килограммов моей книжки-малышки мне хватило на всю оставшуюся жизнь...

ПРО ПРОНИНА

«Капитан Пронин, внук майора Пронина» – так назывался первый анимационный фильм про капитана Пронина, снятый Михаилом Зайцевым на останкинской мультистудии.

Далее последовало ещё несколько («Капитан Пронин в космосе», «Капитан Пронин в Америке», «Капитан Пронин в театре») – и таким образом – сложился первый российский анимационный сериал.

Потому как все предыдущие мультсериалы – были советскими.

Да и «Капитан Пронин, внук майора Пронина» задумывался ещё на излёте советской системы, внутри которой какие-то вещи в силу каких-то обстоятельств казались невозможными для прямого воплощения и требовали обходных путей...

Скажем, начинающий режиссёр, а также художник-мультипликатор Михаил Зайцев не имел право называться вдобавок и сценаристом.

Хотя и сценарий, и сама его идея принадлежали именно Мише.

Сценаристом должен был быть профессиональный литератор.

И Миша обратился ко мне, который с февраля восьмидесяти девятого им уже являлся, будучи принятым в члены литературского профкома.

К тому времени заканчивалась вторая пятилетка нашего с Мишей знакомства – и мы вяло симпатизировали друг другу.

Вот Миша мне и позвонил с просьбой стать соавтором сценария, а в титрах значиться как его единственный автор.

Мне не очень хотелось заниматься незнакомым мне делом, но Миша проявил настойчивость – и я поучаствовал в работе над сценарием.

Не сказать, что активно, но несколько впоследствии вошедших в отснятый фильм шуток родил я.

Помню две.

– Я говорю из коматозного состояния! – фразочка расколотого Прониным нехорошего бармена, звонящего по телефону своему преступному шефу,

– Куколка на проводе! – а это начало телефонного разговора мафиозной блондинки с тем же преступным шефом в милицейских погонах.

Был ещё рифмованный рекламный слоган, грубо пропагандирующий курение и возвещающий об этом с фасада отеля «Верблюд»:

*CAMEL пачками куря,
Время проведёшь не зря!*

Но в таком виде слоган в кадр не влезал.

Посему оказался укороченным, войдя и в кадр, и в фильм с купюрами:

SAMEL куря,
Живёшь не зря!

И принесся – в конечном счёте – некоторое количество других купюр: денежных.

Переданных мне изобретательным Зайцевым в метро.
Из рук в руки.

При обстоятельствах, вполне гениально срежиссированных Мишей.

На станции «Площадь Ногина» («Китай-город» только брезжил) он вышел из вагона – и – нет – не двинул вдоль перрона, а молча протянул мне свёрнутую в тоненькую трубочку фольгу.

После чего зашёл внутрь вагона и отчалил.

А я остался стоять.

В полнейшем недоумении...

Почему деньги пришли ко мне (даже приехали) таким непрым путём?

Очень просто.

На очередном витке работы над мультяшкой, когда СССР уже приказывал долго жить, вдруг выяснилось, что у Миши возникло легальное право значиться в титрах единственным автором сценария.

Для дальнейших Мишиных дел сие имело смысл – и на этот раз Миша обратился ко мне с просьбой снять моё имя из титров.

Я с лёгким сердцем согласился...

Тем более, что на заключительном этапе Мишиного вкальвания – буквально – за пару дней до сдачи фильма – объявился популярный тогда исполнитель Сергей Лемох, с которого Миша рисовал злодейского робота-трансформера.

Объявился, дабы на основе двух моих куплетов (на музыку композитора Тараса Буевского) сбачать свои.

На свой же собственный мотивчик.

Объявился в самый-самый последний момент, «на флажке».

Когда Зайцев считал, что договорённость о появлении Лемоха оным дезавуирована.

В одностороннем порядке.

Без оповещения противной стороны.

Интересы дела требовали пропустить Лемоха с его песенкой в кадры...

Не сказать, что я сильно переживал...

Бувевский же, помнится, изрядно расстроился.

Одной полуфразой я поучаствовал во втором мультипликационном Пронине – в космическом.

А к сценариям прочих и компьютерной игре фонтанирующего Зайцева никакого отношения уже не имел.

Зато имел, и весьма прямое – к затеянной Мишей книжке.

Книжке про Пронина.

Которую мы принялись потихоньку создавать.

Для начала превратив сценарий первой мультяшки в полноценное художественное произведение.

Правда, во всех смыслах художественным наше детище сделалось, когда к нему пришлось рисовать картинки.

Впрочем, до этого было пока далеко...

Произведение двух авторов – в реальности – являлось произведением трёх.

Третьим, закадровым, выступала моя жена Кира.

Именно она, в основном, расписывала и доводила до ума зайцевскую прозу.

С моей последующей заключительной правкой.

Я же занимался стихотворной частью нашей пронианы.

Кстати, вставив туда и выкинутые из мультика Лемохом (по паспорту Огурцовым) куплеты про нашего героя:

Так и знай, преступный клан:

На твоём пути – как штык –

*Пронин-младший – капитан,
Супер-гипер-боевик!*

*Обеспечит высший класс,
Пресекая рецидив,
Пронин-младший – сыщик-ас,
Супер-гипер-детектив!..*

А заодно я придумал начальную составляющую книжного названия – «Супермент».

И уже в новом тысячелетии, когда кое-что из написанного нами про Пронина всё-таки удалось напечатать не только на лазерном принтере, я разразился нижеприведённым, ориентированным на широкий круг заинтересованных лиц, текстом:

Информация о книге

Пародийно-детективная книга «Супермент, или Воспоминания о капитане Пронине», созданная в соавторстве Михаилом Зайцевым и Сергеем Белорусцем, была начата в 1994-ом году.

Тогда была написана её первая часть, которая в значительно сокращённом виде (6 произведений из 13) под названием «Триллеры о капитане Пронине» была опубликована издательским домом «Техника – молодёжи». Это произошло в 1996-ом году.

Журнальный (сокращённый) вариант повести «48 часов из жизни капитана Пронина» был напечатан в 9-ом номере журнала Союза писателей «Кольцо А».

Остальные произведения, вошедшие в рукопись «Супермент, или Воспоминания о капитане Пронине» нигде и никогда не печатались.

Рукопись написана на базе первого российского мультсериала, снятого по собственной идее одним из авторов

рукописи и состоящего из четырех серий, последняя из которых появилась в 1995-ом году.

Капитан Пронин – внук майора Пронина – современный Иванушка-дурачок, выходящий победителем из любых переделок и неизменно остроумно решающий самые сложные задачи. По сути дела, капитан Пронин – первый оппонент образу супермена, оккупировавшему поле отечественной массовой культуры. И оппонент принципиальный: этот супермен (а точнее, суперменТ) на протяжении всего повествования никого не убивает, побеждая всех встреченных на пути злодеев (для чего ему не раз приходится покидать пределы родины и выезжать в самые разные страны мира); пьёт он отнюдь не виски, а можайское молоко, он не изменяет жене и свято чтит вскормившего его героического советского дедушку, осуществляя таким образом непрерывную связь времён. Образ капитана Пронина вполне способен представлять лицо нового российского массового героя: идейного борца за справедливость, который при этом простой и добрый малый, способный стать примером для подростков и тинэйджеров.

Кроме капитана Пронина – в книге выведены ещё несколько сквозных персонажей: проницкий «доктор Ватсон» – сначала натуралист, а потом младший лейтенант и лейтенант милиции Коленкин, вор Свистунов, в конце концов вставший на путь исправления, жена капитана Пронина, его всем известный (в основном – по анекдотам) дедушка и несколько второстепенных персонажей.

При всей мифологичности героя, книга является всё-таки мягкой пародией на разные жанры отечественной и импортной массовой культуры; это жанр, который приглашает посмеяться над собственными «фирменными» изюминками и штампами.

Предисловие к «мусоросборнику» написано классиком советского детектива, одним из легендарных братьев Вайнеров – Георгием Александровичем. Вот оно:

НЕЗАВИСИМАЯ ЭКСПЕРТИЗА

“Благодарю авторов за весёлое удовольствие, доставленное чтением “Капитана Пронина”.

Это сочинение весёлое, щедрое и непародийно увлекательное.

Приятно сознавать, что авторы снова подтвердили мысль, которую я много лет подряд прокламирую – возможности детектива безграничны, даже если он выступает в ипостаси чисто иронической”.

Георгий Вайнер.

А теперь некоторое количество уточнений и пояснений.

Строго говоря, мультфильмов про капитана Пронина было снято не 4, а 5.

Пятый – «Возвращение кота Леопольда» (его, зазнавшегося и сбившегося с пути, возвращал миру наш капитан) – делался в безденежном девяносто третьем знаменитым кинорежиссёром Константином Бромбергом (автором «Приключения Электроника» и «Чародеев») как новгородный дешёвый телевизионный капустник из нарезок всех предыдущих серий про кота Леопольда и капитана Пронина.

Двухсерийное «Возвращение» было показано дважды.

По первой программе.

Зайцева привлекли в сценарную группу – и по его наводке мне досталось писание песенного текста.

Положенного на музыку композитором Игорем Ефремовым.

Пронин у нас назывался «супермент», а Леопольд – стал зваться «суперкот».

СУПЕРКОТ

В тираж не вышедший кумир,

Телегерой, мультизвезда, –

Опять выходит он в эфир.

Спешите видеть, господи!

*Сам Леопольд во всей красе
По телевизору идёт.
А Леопольда знают все:
Он – супер-супер-суперкот!*

*Он много намотал на ус –
И стал повадками не тот.
Его дразнили: «Подлый трус!»
А нынче кличут: «Суперкот».*

*Рождённый для широких масс,
Наш фильм надежду нам даёт,
Что вышел всё-таки у нас
Не суп с котом, а суперкот!..*

Композитору Ефремову очень не понравилось слово «кличут» и он требовал от меня взамен какого-то другого, более, как он изъяснялся, «литературного».

Я его искренне не понимал..

Полученные мной сто долларов за песенный текст ушли на покупку домашних тапочек и ежедневную окрестную семейную жизнь.

А предисловие у брата Вайнера (младшего) я взял в Перedelкине, в Доме творчества писателей.

Летом девяносто пятого.

Сунув рукопись ему в собственные руки.

После обеда, перед входом в столовую

И получив рукописный ответ там же, после ужина..

Причем путёвка в Дом творчества была приобретена мной на деньги от продажи «Пронина».

Второй по счёту.

Но вовсе не последней.

Впрочем, имеет смысл начать с первой.

Которая (опять же, очень кстати) позволила съездить в Перedelкино и летом раньше.

Не мне.

Тёще и сыну...

В апреле девяносто четвёртого, сразу же после того, как мы (авторский коллектив) наваяли первую книгу, я ринулся её пристраивать.

И в первом же месте – пристроил.

Это было новое издательство («Багира»), располагающееся в костёле на Малой Грузинской.

Аккурат, напротив того дома, где последние годы жизни проживал Владимир Высоцкий, и где обитал профессиональный комитет московских литераторов, в котором я тогда состоял.

Ринулся я в «Багиру» без всяких протекций, что называется «с улицы», прочитав информацию об издательстве в «Литературной газете».

За рукопись я попросил три тысячи долларов (сумма весьма приличная по тем временам...).

А сторговались мы на двух с половиной.

Через неделю.

Уже в присутствии Зайцева.

Причем деньги за первую книгу мы должны были получить в обмен на книгу вторую.

Срок на писание коей определился как полтора месяца.

Некоторые намётки второй книги у нас (у Миши, естественно) наличествовали – и договорённость оказалась выполненной.

Обеими сторонами.

Мы получили финансовое содержание, а также договорённость о том, что вторая наша книга будет оплачена по той же цене.

В обмен на третью.

Через два с половиной месяца.

Наши оппоненты обогатилось эксклюзивным правом на издание первой (трёхлистовой) книжки любым тиражом в течение одного года.

Деньги за вторую рукопись того же объёма мы тоже получили.

Но уже с трудом.

Хотя третья рукопись, в конечном итоге так и не оплаченная, была нами сдана в издательство вовремя.

Вообще с третьей рукописью получилось интересно.

Она задумывалась и делалась как кэвээновский учебник для подростков.

При всей весёлости и находчивости текста ответы на тамошние вопросы (зачастую – совершенно безумные) в реальности существовали.

Но авторы правильные ответы не указывали.

Специально.

Интригуя читателей.

А потом сами умудрились забыть ответы на некоторые из этих совершенно безумных вопросов.

Причем забыть окончательно и бесповоротно...

«Багира» нашего «Пронина» так и не издала – и мы стали тыркаться по другим адресам.

И ещё раз продали наше детище.

Уже с Мишиными картинками (это было условие покупателя рукописи), над которыми Зайцев корячился четыре месяца.

Не разгибая спины.

И опять наши потенциальные издатели завладели эксклюзивным правом на издание «Пронина» любым тиражом в течение одного года.

И опять не смогли этим правом рационально воспользоваться.

В третий раз до денег не дошло (мы решили поменять схему общения с издательским миром), зато дошло аж до второй вёрстки.

До второй вёрстки первой и второй книжки под одной обложкой.

Чем, собственно, всё в третий раз и завершилось...

Однако одна третья часть пронинианы всё-таки вышла в свет.

Ещё через год.

Наш общий гонорар составил семьсот пятьдесят экземпляров книжки.

А наша книжка, наш чёрно-белый рисованный мусороборник с цветной обложкой преподнёс нам неожиданный сюрприз.

От которого Миша в ужасе схватился за голову.

Я же предпочёл рассмеяться и заверить мнительного Зайцева, что этот сюрприз нам только на пользу.

Дело было в красочной обложке, на которой значилось:

Супермент

Триллеры о капитане Пронине

новый русский милиционер сражается и побеждает

Однако на красочную обложку вкралась красноречивая опечатка: слово русский было написано с тремя буквами «с»!..

Впрочем, это настолько соответствовало стилистике (духу и букве!!!) книжки, что во всех своих тогдашних многочисленных интервью (больше всего меня устроило опубликованное в «Книжном Обзрении» и озаглавленное мной «Храни меня, мой полисмен!») я говорил о вкравшейся опечатке (ошибке!) как о заранее спланированной акции.

Тем более, что на первой безобложечной странице авторство между нами было поделено так:

М. Зайцев

при кое-каком участии С.Белорусца

...Весьма органично подтверждая правдивость моих басен.

Кстати, М.Зайцев к моменту создания первого варианта сценария про капитана Пронина был абсолютно не в курсе того, что майора Пронина придумал советский писатель Лев Овалов.

Правда, Миша был в курсе, что книжка с похожим названием в природе существует.

В отличие от среднестатистического представителя народных масс, считавшего (и считающего по-прежнему) майора Пронина героем двух-трёх популярных некогда анекдотов.

В народном сознании таких героев, пожалуй, было двое: майор Пронин и поручик Ржевский.

Притом, что и бравый поручик – тоже вовсе не порождение анекдота, а персонаж пьесы «Давным-давно» драматурга Гладкова, по которой Эльдар Рязанов снял свою «Гусарскую балладу»...

Я Мишу слегка просветил на предмет присутствия в советской литературе Льва Овалова, но сам читал «Рассказы майора Пронина» и «Рассказы о майоре Пронине» в далёком пионерском детстве.

Поэтому, кроме наименований циклов, мало что помнил.

Когда Зайцев всё же решил прочитать оваловского «Пронина» (это было после того, как мы сложили нашу пронианину), он поразился несказанно.

Оказывается, «доктор Ватсон» при капитане Пронине, сначала натуралист, а впоследствии милиционер Коленкин очень уж напоминает собой не слишком знаменитого капитана Виктора Железнова, «доктора Ватсона» при всем известном майоре.

Даже тем, что бескорыстно отдал своё горячее сердце поэтической музе.

Между прочим, мы с Мишей, адекватно оценив коленкинское геройское бескорыстие, безвозмездно отдали натуралисту копирайт на все стихи, вошедшие в единственную нашу вышедшую книжку про Пронина...

А среди по сей день не напечатанных типографским способом коленкинских творений есть и такое:

*Милиционерская я рать, –
Грязь готов с планеты убирать!
Я, Коленкин, автор этих строк –
Сам же мусор, сам же и совок!..*

И ещё одна любопытная, возможно, завершающая деталь.

В декабре девяносто девятого я приехал на Конгресс Интеллигенции.

Из города на Москве в город на Неве.

Незадолго до этого наша с Зайцевым повесть про Пронина была опубликована в литературном журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А».

В кулуарах конгресса я неожиданно встретил брата Вайнера (старшего) и подарил ему номер с повестью, предварённой уже упомянутым предисловием брата Вайнера (младшего...).

ЭПИГРАММЫ

ЭНД

ЭпиГрамоты...

Первую эпиграмму я сочинил почти случайно.

Вечно фонтанирующий Зайцев внедрялся в какой-то очередной телемультипроект и тянул меня за собой.

Для ознакомительной встречи с некой телевизионной дамой по имени Оксана Дворниченко нужно было написать что-то (что угодно!), что могло бы её заинтересовать.

Хотя лучше всего было написать нечто, хоть как-то связанное с мультипликацией.

Я и написал.

Эпиграмму.

На известного режиссёра-мультипликатора Юрия Норштейна.

Который всё собирался снять фильм по гоголевской «Шинели».

И всё откладывал.

Вот она, эта эпиграмма:

*Знаем, у Вас благородная цель.
Мультигигант по натуре,
Юрий Борисыч, снимите «Шинель»!
В помощь озябшей культуре...*

Сразу же – до кучи – у меня родилось ещё несколько.
В частности, на Эдуарда Шеварднадзе:

*Всё рабочее времечко
Призван внешне сношаться...
Это он самый – Эдичка.
Эдуард Шеварднадзе...*

И – Юрия Никулина:

*Он по фильмам нам знаком
И по цирку на Цветном.
Очень даже ничего
Анекдоты от него!..*

Следом написалось ещё несколько.

И эра эпиграмм на этом то ли благополучно закончилась, то ли до поры прервалась...

Однако примерно десятилетие спустя возникла новая эра – эра Почётных ЭпиГрамот.

Чуть подробнее о том, к чему она оказалась приурочена.

В самом конце прошлого тысячелетия редакционная коллегия Литературного журнала «Кольцо А» Союза писателей Москвы во главе со своим бессменным главным редактором Татьяной Кузовлевой приняла решение о вручении ежегодных премий журнала по разным номинациям.

А уже в самом начале нынешнего – премии были впервые вручены...

В Малом зале ЦДЛ.

Я придумал неологизм, обозначающий название жанра – и взялся писать Почётные ЭпиГрамоты (что-то сред-

нее между эпиграммами и почётными грамотами), которые вручались лауреатам вместе с дипломами и небольшим количеством дензнаков...

Впрочем, Почётных ЭпиГрамот достаивались не одни только лауреаты, но и те, кто имел непосредственное отношение и к журналу, и к работе Союза писателей Москвы...

Эта приятная традиция (вручение премий и Почётных ЭпиГрамот) длилась около десятилетия.

Довольно много писателей удостоились Почётной ЭпиГрамоты.

Но лишь одной – Римме Казаковой – удалось стать обладательницей аж двух Почётных ЭпиГрамот в свой адрес.

Правда, было это совсем в разные годы.

А теперь слово самим Почётным ЭпиГрамотам.

Но прежде – моё тогдашнее обращение (февраль – 2001).

ОБРАЩЕНИЕ ВОКРУГ “КОЛЬЦА”

*Журналов издают кругом немало,
У каждого название на лбу!
Кто выбрал это имя для журнала, –
Во многом предсказал его судьбу...*

*“Кольцо”, твои дороги – не прямые
(Прямые – у кольца – да никогда!)
От “А” до “Я” проходят путь иные.
Ты следуешь путем от “А” до “А”.*

*Случаются, к несчастью, остановки.
Бывают опоздания, увы...
Но все пятнадцать номеров – обновки
Среди вещей писательской Москвы...*

*Кольцо есть символ верности.
Везде тут
Читается метафора кольца...
Здесь – даже! – под одной обложкой едут
(И в свет выходят) парные сердца!..*

*Тираж твой мал. (Теперь уж – меньше тыщи...)
Ты – не Чапай, однако ж на коне!
Жизнь смотрит на тебя во все глазищи
И говорит: “Кольцо, Кольцо, ко мне!”*

*Что жизнь без номинаций и ранжиров!
В любой игре приятно победить...
Грядет пора – места для пассажиров –
Согласно их делам определить!*

*Почти под самым носом час раздачи
Слонов – и зайцам точно не пролезть
Сегодня в победители.
Тем паче:
Здесь – безбилетных нет,
Хоть где-то есть...*

*ЛАУРЕАТАМ ОТ ЛИЦА
ИХ РАСКРУТИВШЕГО «КОЛЬЦА»...*

ИВАНУ БЕЛОКРЫЛОВУ

*Средь разноцветия людского,
Где всех оттенков нам не счесть, –
Нет б е л о к р ы л о г о т а к о г о.
Другие, может быть, и есть...*

СЕРГЕЮ БУРТЯКУ

*У «Кольца» имеется костяк.
Это, разумеется, Буртяк.
Не один, понятно.
Хоть крепка
И надёжна проза Буртяка.*

*МАРИИ ВАТУТИНОЙ,
автору стихотворной подборки
«Сквозные темы»*

*Она сама
И с нею все мы
Её письма
С к в о з н ы е т е м ы...*

АННЕ ГЕДЫМИН

*Дюймовочке среди фемин,
Стихи Вам сделались малы...
Прозаик Анна Гедымин
Достойна славы и хвалы!..*

*АЛЕКСЕЮ ГЕЛЕЙНУ,
автору рассказа «Ошибка»*

*Мы ценим Гелейна-прозаика шибко.
Нам очень по нраву такая О ш и б к а...
А также относимся благоговейно
К писаниям критика. Тоже Гелейна...*

ЕВЕ ДАТНОВОЙ

*В ней прародительница-мать –
Как тайна бытия земного...
Нельзя ей премию не дать –
Ни дать, ни взять, она – Датнова!..*

*ДЕБЮТАНТАМ –
Елене Бариновой, Алексею Рафиеву,
Александрю Рылову, Сергею Саложину,
Евгению Тарану*

*Сдаётся нам, вы вряд ли знали,
Когда пускались на дебют,
Что нынче в ЦДЛском зале
Вам нечто за него дадут...*

*КИРЕ ЕЗЕРСКОЙ,
автору стихотворения
«Домашняя работа»
(«Встроить небо в квартиру...»)*

*В с т р о и т ь н е б о в к в а р т и р у,
Не разрушив квартиры,
Встроить небо в квартиру,
Это небо не скомкав, –
Вот работа для мира,
Вот работа для Киры,
Вот работа для нас
И для наших потомков...*

АЛЕКСЕЮ ЕФИМОВУ

*Стишок болтается, что сумка на плече, –
Его Лиричество не может жить иначе...
Ефимов пишет в ироническом ключе.
Но этот ключ – всегда – без права передачи...*

АНДРЕЮ ЖИТКОВУ

*Мы ощущаем Вашу притчу
Как настоящую добычу.
Добычу мудрости и света
Из недр фактуры и сюжета...*

АЛЕКСЕЮ ИВАНОВУ

*Между слов и строчек вечность сея,
К нашим душам хочет он пробиться...
Проза Иванова Алексея –
В высшем смысле – Чистая Страница!..*

НАТАЛЬЕ КЛЕВАЛИНОЙ
автору рассказа «Семь зеркал»

*Перечень побед и поражений –
Общий список. Нет ему конца.
С е м ь з е р к а л. А сколько отражений!
У любого сердца и лица!..*

ИРИНЕ КОВАЛЁВОЙ

*За Ваше поэтическое слово,
Способное притягивать сердца,
Спасибо Вам, Ирина Ковалёва,
От нашего (и Вашего) «Кольца»!..*

ВИКТОРИИ ЛЕБЕДЕВОЙ
автору рассказа «Победа»

*Что ж, у Вас такое кредо,
Очевидное для глаза.
И сама-то Вы – П о б е д а,
И – название рассказа...*

ЕВГЕНИЮ ЛЕСИНУ

*Шёл я лесом. Навстречу – Лесин.
Шёл я полем. Встречаю опять его же...
Он поэт, этим и интелесин.
Он же критик. И тем интелесин тоже.*

АНАТОЛИЮ ПОЛЯКОВУ
автору повести «Доброе слово»

*Злободневные дела
Прорастают Д о б р ы м С л о в о м,
Ведь добро сильнее зла –
Здесь на поле Поляковом!..*

РОМАНУ СЕНЧИНУ
автору рассказа «Эфир»

*Заслуженными лаврами увенчан
За явно состоявшийся Э ф и р
Талантливый прозаик Рома Сенчин –
Наш соучастник, он же – пассажир!..*

ИРИНЕ СУГЛОБОВОЙ
автору поэтической подборки
«Каждый охотник...»

*Словно заклинанья, эти фразы:
То почти надрывны, то тихи...
У иных – охотничьи рассказы,
А у Вас – охотничьи стихи!..*

НИКОЛАЮ УСТЬЯНЦЕВУ

*Он всякой лакировки чужд.
Хрестоматиен. Но не глянец...
Певец насущных наших нужд –
Прозаик Николай Устьянцев!*

НАДЕЖДЕ БОЛТЯНСКОЙ

*Воздушна и трепетна вся,
Как бабочка в небе дрожит –
И свет свой высокий неся,
Н а д е ж д о й над миром кружит!..*

*ДРУГИЕ ЭПИГРАММЫ,
НО ТОЖЕ ЧАСТЬ ПРОГРАММЫ*

*ЕВГЕНИЮ ВЕСНИКУ, писателю,
народному артисту СССР*

*Чародей, кудесник и словесник,
Всенародный наш et cetera...
Сам Евгений Яковлевич Весник –
Лучший Весник мира и добра!..*

РИММЕ КАЗАКОВОЙ, поэтессе

*Ребёнок вдохновенья, Вы
В одном лице – поэт и муза.
Плюс Первый секретарь Союза
Писателей всяя Москвы!*

*КИРИЛЛУ КОВАЛЬДЖИ, поэту,
бывшему главному редактору издательства
«Московский рабочий»*

*Постоянно до чтения охочий,
Мягко выбравший «да» вместо «нет»,
Он – по штату –
Московский рабочий,
По вселенскому духу – поэт...*

БОРИСУ КРУТИЕРУ, юмористу-афористу

*Где конкуренты? Нету их.
Он в афористике – премьер.
Наикрутейший из крутых –
Уже с рожденья Крутиер!..*

ЕЛЕНЕ ИСАЕВОЙ
И ГАЛИНЕ НЕРПИНОЙ
(лауреатам премии «Венец» Союза писателей Москвы)

Лауреатам других регалий,
В свой черёд не сбежавшим из-под «Венца» –
Прекрасной Лене, чудесной Гале –
От взявшего их в оборот «Кольца»!..

АЛЕКСАНДРУ СЕБЕЛЕВУ

За техобеспечение наше
(Журнал имеется в виду)
Спасибо Себелеву Саше.
Всё на мази. Мы на ходу!..

ОЛЬГЕ САВЕЛЬЕВОЙ

Есть у «Кольца» свой выпускающий редактор:
Матёрый критик и знаток всех форм письма.
Но наш редактор – не бульдозер и не трактор.
Он – это женщина. И – хрупкая весьма...

ТАТЬЯНЕ КУЗОВЛЕВОЙ,
поэтессе, главному редактору журнала «Кольцо А»

Наши глубокооуважаемый,
наш вагоноуважатый!
Верь, в редакторе как в авторе
никакого нет вреда!
Только польза! И, пожалуйста,
ты стихи свой печатай
На страницах этих всё-таки...
Ну, хотя бы иногда.

А теперь – Почётные ЭпиГрамоты лауреатам некоторых других лет.

2001

ЛЬВУ БОЛДОВУ

*По праву
Награждаем Лёву мы,
Ведь нынче – время
Болдовской зимы!..*

ДМИТРИЮ ПОЛИЩУКУ

*Неземное
Поле языка –
Поле жизни
Для Полищука!..*

АРСЕНИЮ КОНЕЦКОМУ

*Добропорядочный родитель,
Поэт высоких озарений,
Концецкий нынче победитель,
Хоть он не Виктор, а Арсений!..*

НАТАЛИИ ЩЕРБИНОЙ

*Дебют – весьма удачный –
Налицо:
Почётом окружило Вас
«Кольцо»!..*

ДМИТРИЮ КУРИЛОВУ

*Удача с Дмитрием Куриловым!
Сегодня, Дима, подфартило Вам.
Мы Вами, Дима, околдованы.
Вы нами, Дима, окольцованы...*

НИНЕ ШУРУПОВОЙ

*Лауреатом быть отныне
Шуруповой придётся Нине.
Не обойтись ей без награды,
Чему, признаться, все мы рады!..*

*ГЕОРГИЮ АВТАНДИЛОВУ
автору повести «Происшествие»*

*Вы так магически
Работали со словом,
Что П р о и с ш е с т в и е
Удачу принесло Вам!..*

2003

*ВЛАДИМИРУ САВЧЕНКО,
автору рассказа «Должок»*

*Противоречье
В этом есть едва ли:
За Ваш Д о л ж о к
Мы премию Вам дали!..*

*ЯНУ АВГУСТУ
(Сергею Мнацаканяну)*

*Ян Август нынче
Победил не зря,
Поскольку Ян –
Частица Января!..*

ДИНЕ КРУПСКОЙ

*Стихи и перевод
Едины.
Все доказательства –
У Дины...*

*СВЕТЛАНЕ ПЕТРОВОЙ,
автору рассказа « Фраер и Тишка»*

*И смех, и грех, и приобщенье к чуду...
Раскованно, пронзительно, светло...
«Кольцо» не ффраернулось, гадом буду,
Когда Вам эту премию дало!..*

ДМИТРИЮ ВЕДЕНЯПИНУ

*В них что-то есть, в его стихах, –
От приворота,
Ведь это – Дмитрий Веденяпин,
А не кто-то...*

2004

ПАВЛУ ХМАРЕ

*Истребитель всякой смури
Не посмеет в лужу сесть.
Если хмари нет и хмури,
Значит, рядом Хмара есть!..*

ЛЕОНИДУ ЗАВАЛЬНЮКУ

*Написали вы предельно строго,
Что в удаче нет судьбы и Бога...
Ежели не может быть иначе,
Пусть хоть померещатся в удаче!..*

АЛЕКСЕЮ СМИРНОВУ

*В рамках настоящего сюжета
Держат марку Лёшины сады:
То, что было посредине лета –
Посреди зимы дало плоды!..*

ЯНЕ РОГОВОЙ

*Досталось Яне – Яново,
Ведь честно говоря,
Она с рожденья самого –
Своя для января!..*

2005

МИХАИЛУ ПИСЬМЕННОМУ

*Прозаик этот искушён весьма
Во всех штрихах и линиях письма.
Дано самой фамилией ему
С рожденья приобщить себя к письму...*

*АЛЕКСАНДРУ ТИМОФЕЕВСКОМУ,
автору стихотворной подборки
«Когда рождается звезда»*

*Есть звёзды белые – как пятна.
Открыть лишь надо – и тогда
Из данных паспортных понятно,
К о г д а р о ж д а е т с я з в е з д а...*

ЮРИЮ ЧЕРНИЧЕНКО,
автору книги воспоминаний
«Время ужина»

Принесло
Время ужина
То, что было
Заслужено!..

НАТАЛЬЕ АВДЕЕВОЙ,
автору повести
«Кто услышит молчащего?»

Как ручей, ненавязчиво
Ваше слово, Наташа...
– Кто услышит молчащего?
– Редколлегия наша...

2006

АЛЕКСАНДРУ НЕЖНОМУ,
автору повести «Невеста и жених»

Прозаик повесть написал,
Которая о них...
Как много Нежного в словах:
Невеста и жених!..

РИММЕ КАЗАКОВОЙ,
автору стихотворной подборки
«Ещё не вечер...»

Способной всё на свете превозмочь,
Вам будет наша премия к лицу.
Ещё не вечер...
И уже не ночь.
Ведь жизнь идёт (и едет) по «Кольцу»!..

ЛЬВУ АННИНСКОМУ

*И нам, и судьбе он по нраву,
Хоть лавры ему ни к чему.
Но Львиная доля по праву
Должна доставаться ему!..*

*АЛЕКСЕЮ КАРАКОВСКОМУ,
автору рассказа «Конец сезона»*

*Ты заслужил, психолог-педагог,
Диплом победный и денюжат немного.
Конец сезона – это лишь пролог
Для шефа и редактора «Пролога»!..*

2007

АЛЕКСАНДРУ РЕКЕМЧУКУ

*Учит – как пишет – умеючи –
Разом – и пряник, и кнут...
На Александре Евсеиче
Держится литинститут!..*

*ЯНЕ МАМБЕТОВОЙ
автору повести «Ах, Алиса...»
номинация «Дебют»*

*Ваша проза
Так пряна!..
Ах, Алиса...
Ах, Яна!..*

*ЕВГЕНИЮ АТРОЩЕНКОВУ,
автору повести «Психи»
номинация «Дебют»*

*Необычный опыт.
В этом – что-то есть,
Если Психи могут
Премию принести!..*

*ЕЛЕНЕ ЛАПШИНОЙ,
автору стихотворной подборки
«Немая кода. Занавес. Весна»*

*Немая кода. Занавес. Весна.
Стихи в журнале. Хорошо. Но мало...
Начало года. Лена Лапшина.
Заслуженная премия журнала...*

*МИХАИЛУ ГРОЗОВСКОМУ,
автору стихотворной подборки
«Внутреннее зрение»*

*Физика (любая) – это сила!
Слово (не любое) – это дело!
Внутреннее зреньё Михаила
Премию журнала разглядело!..*

*ЕЛЕНЕ САФРОНОВОЙ,
автору литобзора
«Как всё закольцовано»*

*Не нашла концов она:
Взгляд на вещи спас...
Как всё закольцовано
У неё и нас!..*

НАШИ ЭКСПРЕССИОНИСТЫ..

«Литературный экспресс» – вагон с писателями – стартовал с Ярославского вокзала вечером 29-го сентября 2008-го года.

Акция, организованная Федеральным агентством по печати, российским книжным Союзом, Фондом Сергея Филатова, Фондом Нелли Петковой и столичными издательствами-гигантами, продлилась около двадцати дней.

Это был показательный писательский проезд.

«От Москвы до самых до окраин» (до Владивостока включительно!).

С обязательными ежеутренними остановками практически в каждом областном центре.

Причем писательские группы по дороге сменяли одна другую.

И так три раза.

Через четыре покорённых литдесантом города.

Прилетая из Москвы на самолётах.

Куда следом возвращались отъездившие своё...

Тем же воздушным способом.

Все писательские бригады составляли примерно по десять человек, принадлежащих к разным литературным жанрам.

Однако отдельные экспрессионисты являлись ходячими и везомыми носителями нескольких литературных жанров одновременно...

Представлю нашу команду.

Единственную из четырёх, задействованных в проекте, летевшую по воздуху лишь в обратный конец.

Прозаики Валерий Попов, Анатолий Курчаткин, Анатолий Королёв, Ильдар Абузяров, Евгения Доброва.

Фантаст Василий Головачёв.

Поэт и переводчик Максим Амелин.

Детские писатели Тамара Крюкова и Артур Гиваргизов.

Я тоже в поездке представлял эту ветвь...

Одиннадцатым игроком подвизался заместитель главного редактора еженедельника «Книжное обозрение» фактурный журналист Александр Набоков.

А курировали нас (порой и на пару окуривали) очаровательные Нелли Петкова с Еленой Токмаковой.

Купе (тринадцатое и четырнадцатое места) мне досталось на двоих с Атруром Гиваргизовым, рождённым так же, как я – тринадцатого.

Притом что мягкая нижняя полка под коронным номером закрепилась волевым решением устроителей за мной..

Кстати, после меня на ней должен был ехать крупный фантаст Сергей Лукьяненко.

Что бросилось в глаза ещё накануне прибытия в Екатеринбург.

Когда я обнаружил на стене перед нашим с Артурчиком купе две другие, хорошо мне знакомые фамилии.

Но – в итоге – лежал и сидел на тринадцатой полке волшебный детский прозаик Боря Минаев.

О чём я случайно узнал от него зимой две тысячи одиннадцатого...

Теперь о самой поездке.

Я остался вполне доволен.

И людьми (внутри литературного экспресса и вне его), и погодой, и творческой частью.

Все города – Нижний Новгород, Киров, Пермь, Екатеринбург (которые я посетил впервые) оказались красивыми, встречали нас там по-настоящему радушно (как в Европе, так и в Азии...).

Подстерегало много неожиданностей.

В основном, приятных.

Индивидуального и общего порядка.

Они начались задолго до старта, когда я узнал, что со мной в одном потоке едет Валерий Попов – мой любимый прозаик, замечательную книгу которого «Две поездки в Москву» (Издательство «Советский писатель»,

Ленинградское отделение, 1985) у меня благополучно увели (точнее говоря, увезли) двадцать три года тому назад...

А в Екатеринбурге эта книга ко мне почти вернулась.

По крайней мере – в виде метафоры и символа...

На банкете в Доме Актера я увидел, что к Валерию Георгиевичу подходит человек, а в руках у него – те самые «Две поездки»...

Чуть позже выяснилось, что екатеринбургский писатель и культуртрегер Андрей Козлов принёс подписать экземпляр любимой книги у любимого прозаика.

Но у прозаика ручки в руках и карманах не было.

Зато была у меня.

Именно ею, моей ручкой! – Попов и поставил свой автограф на козловском экземпляре книжки.

Не знаю – как Попову и Козлову, а мне это очень понравилось...

Там же, в Доме Актёра, я удостоился чести впервые подарить собственную книжку и значок Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского, председателем оргкомитета которого являюсь, госпоже министерше – министру культуры Свердловской области Наталье Константиновне Ветровой...

И ещё меня порадовало, что среди экспрессионистов первого этапа (Москва-Екатеринбург) было аж три представителя нашего Фестиваля – Женя Доброва, Артур Гиваргизов и автор этих строк.

А на втором этапе эстафету «чуковцев» принял Валерий Воскобойников, которого в Красноярске сменил Сергей Георгиев.

Впрочем, теперь и Попов будет с нами.

Я его завербовал!..

В Кирове принимающая сторона обеспечила всех нас флажками с полезными (в малых дозах) бальзамом и чагой.

Кое-что из подаренного мы попробовали по дороге в Пермь.

Кое-что привезли домой.

А кое-что распили в самолёте.
Вынужденно.
Для храбрости.
Ведь нашпигованный мирными пассажирами неземной красавец «Ту» перед взлётом в течение полутора часов пытались захватить террористы.

В результате, правда, захватили самих террористов...

Мы пили чагу, – и я, повинуюсь, возникшему у нас поездному коллективному инстинкту складывать моментальные вирши, постепенно заполнявшие собой белый ватманский лист, висевший в тамбуре – нашу стенную экспресс-газету – сочинил экспромт-стишок:

*Вы слышали, мол, от чаги
Крепкий дух у молодчаги?..*

Дух был, действительно крепкий!

Сродни вкусу этого целебного напитка...

Когда мы, наконец, приземлились во Внукове – октябрьская Москва встретила нас – нет! – не цветами – двадцатиградусной летней теплынью...

БЛАГОДАРЯ ОЛЕГУ...

Не знаю, кто – как, а я, именно благодаря Олегу – аж дважды(!) получал приятные телефонные звонки из Комитета по присуждению Нобелевских Премий.

Это Олег и звонил.

Меня голос, он меня таким образом разыгрывал.

Всего два раза в жизни.

С перерывом на пятилетку...

Почему-то Олегу очень хотелось, чтобы мне досталась Нобелевская Премия...

Нобелевской пока обнесли, зато – уверен: в том числе – и благодаря установке, данной Олегом социуму – несколь-

ко других, рангом поскромнее – сделали меня своим обладателем...

Сам же я сделался Председателем оргкомитета Фестиваля и литературной Премии имени Корнея Чуковского...

Благодаря Олегу – я впервые опубликовал свои детские стихи в газете.

Это была «Маленькая тележка», которой управлял Олег.

За ней потянулся и журнал «Трамвай», возникший в моей жизни чуть позже...

Остроумно обыгранное в этих названиях выражение «Вагон и маленькая тележка» с начала девяностых годов прошлого века практически мгновенно стало фирменным знаком (читай: синонимом) новой детской российской литературы.

Благодаря Олегу и Тиму Собакину, уверенно поставившим «Трамвай» с «Тележкой» на соответствующие рельсы, многие из нас узнали о существовании друг друга в литературе, а некоторые рискнули подружиться. Да так здорово это у них вышло, что возникшая дружба умудрилась растянуться на пару тысячелетий...

Кстати, почти все, кто печатался тогда у Олега – впоследствии были приглашены мной для участия в Фестивале детской литературы имени Корнея Чуковского, которому нынче пошёл уже пятый год...

Благодаря Олегу – с течением времени – я превратился в завсегдатя регулярных популярных и легендарных детских изданий, которые он – в массе – организовывал, или где трудился вагоновожатым...

Так в мою жизнь – поочередно – вкатились «Куча мала», «Улица Сезам», «Трамплин», «Синдбад»...

Благодаря Олегу я впервые опубликовался в «Мурзилке», «Клёпе», «Огоньке», а также выбился в прижизненные «классики», войдя (вкупе с ещё четырьмя десятками авторов) в первый (поэтический) том аналогичного (и антологичного) издания, любовно собранного Машей Артемьевой. Естественно, с подачи Олега...

Благодаря Олегу – нежданно-негаданно – я оказался его эпизодическим соавтором.

Он включил моё коротенькое стихотворение про Котёнка-Щекотёнка в свою научно-популярную книжку «По следам Почемучки», назвал меня в книжном тексте другом и даже добился того, чтобы мне выплатили гонорар...

Благодаря Олегу я познакомился с Ольгой Шальневой.

Дело было году в 93-ем.

Еженедельник «Семья», под эгидой которого выезжали к читателям и почитателям «Трамвай» и «Маленькая тележка», располагался ещё на улице Чехова, аккурат – напротив «Ленкома».

Я зашёл к Олегу – и вдруг обнаружил в его комнате собирающуюся уходить очаровательную девушку, уловию похожую на Снегурочку.

Это было тем более очевидно, что дело происходило зимой...

– Какая чудесная девушка! – воскликнул я, когда чудо попрощалось и выпорхнуло.

– Я тоже так думаю! – ответил мне Олег.

Вскоре после этого Ольга и Олег поженились (притянувшись – видимо – и по созвучию имён...).

Как выяснилось – Лёля – тоже – служила в «Семье».

Вот семья и родилась.

Ставшая – воистину – полной с появлением на свет Пашки...

Довольно долго Лёля и Олег вместе барахтались в «Куча мале».

А когда рядом с нами уже не было Олежки, Лёля героически продолжила выпуск «Маленькой тележки»...

И «Тележка» снова набрала ход...

И – напоследок – вот о чём.

Познакомил меня с Олегом мой друг – тогдашний архитектор и преподаватель «обратной перспективы» в художественной школе при Третьяковке – Володя Юданов, ли-

тературно-дизайнерские экзерсисы коего со товарищи – Олег напечатал в одном из первых номеров «Трамвая».

Символично, что изданная Володей почти через два десятилетия моя взрослая книжка «Магический квадрат» (наряду с двумя детскими, изданными совсем другими) была мной подарена библиотеке имени Олега на её торжественном открытии в посёлке Столбовая Чеховского района Московской области декабрьским днём 2009-го...

Туда, в канун Олегова юбилея, деятельная и лучистая Лёля Шальнева (при активной поддержке Люды Муравьёвой из «Гайдаровки» – Центральной Детской библиотеки имени Аркадия Гайдара) привезла целый автобус «трамвайщиков» – 19 московских писателей, благодарных Олегу за то, что он был...

За то, что он есть...

ЗИМНЯЯ РАДУГА

В Арзамас, куда мы, писатели, скопом на микрике, добрались из Нижнего, за каждым нашим прислали по машине с шофёром и сопровождающим лицом.

Мне досталось лицо круглое, в бесформенной демисезонной шляпке и с виду не слишком одухотворённое.

Притом что ехать предстояло в детскую библиотеку, на выступление...

Ехали мы туда через Дивеево, время в запасе было – и моя сопровождающая, кажется, неожиданно даже для себя самой решила предложить мне мини-экскурсию: выйдя за пределы машины, обозреть с почтительного расстояния храм, где покоятся мощи святого Серафима Саровского.

Я вышел – и вместо того, чтобы кинуть взор в колокольню-соборное небо – первым делом – взглянул себе под ноги.

На мёрзлой земле валялся бесхозный ключ.

Похоже, от багажника какой-то отечественной автомарки.

Чуть поколебавшись, я его прикарманил.

На глазах у моей сопровождающей.

Которая, хоть и взялась организовать импровизированную мини-экскурсию, но, видимо, представляла её исключительно визуальной.

Молча стоя рядом со мной и не издавая ни звука.

Благо меня такая ситуация вполне устраивала...

Но тут – между нами – юрко проскочил дядечка в рясе, на бегу поздоровавшись и любезно предложив припасть к святым мощам...

– Торопимся! – честно сказали мы.

Однако общего ответа дядечка уже не расслышал, будучи в движении.

Как выяснилось вскорости – в обратимом...

– Припадите к мощам святого Серафима! – снова призвал нас дядечка.

– Торопимся! – ответили мы опять.

– Ну, тогда хоть пройдите по специальной дорожке, вдоль канавки, вокруг монастыря. Много времени это не займёт, а пользу ощутите великую...

Переглянулись мы с моей сопровождающей – и дружно ступили на путь истинный.

Вдоль канавки.

Через четверть часа наша временная сцепка уже сидела в машине, едучи, куда было намечено.

А оттуда – ещё часа через четыре – на очередной отечественной марке, при другом шофёре и другом сопровождающем лице (довольно молодом и кокетливо-симпатичном) просторами бескрайней Нижегородской области повезли меня в очередную детскую библиотеку.

С традиционным для здешних мест деревянным сортиром на улице.

Чтобы, уже после выступления – доставить в Арзамас.

И – надо сказать – доставили.

Несмотря на то, что по дороге многожды самопроизвольно открывался багажник, для закрытия которого найденный мной поутру ключ предлагать я не стал.

Невзирая на то, что шофёр слегка заблудился, дабы оказаться в Дивееве – и вторично проследовать мимо тамошнего монастыря...

Из Арзамаса в Нижний на микрике выдвинулась наша группа всё-таки засветло – и уже третий раз на дню довелось мне проехать мимо дивеевского чуда.

А вот четвёртого – несказочного – удалось счастливо избежать!

Хотя, забирая ещё одного писателя земли русской, мы делали ближний крюк и возвращались назад, в Дивеево...

Начиналось же утро с того, что между Нижним и Арзамасом неожиданно встретилась нам висящая слева от микрика – радуга.

Самая настоящая зимняя радуга!

Абсолютно безотносительно к тому, что на календаре значились двадцатые числа весны...

Радугу видели все, кто ехал в микрике.

Женщину в платке, в тулупе и с двумя полными вёдрами на коромысле – я один.

Она шла справа – навстречу движению автобуса.

Зимняя радуга
Нежно зависла
Слева –
По ходу
Движенья маршрутки.
Справа –
Навстречу –
Несла коромысло –
С полными вёдрами! –
Женщина в шубке.

Взяты с утра
Под крыло Серафима, –
Через Дивеево –

Снова и снова –
Ехали...
Трижды
Проехали мимо
Храма,
Где явлены
Мощи святого...

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Эта самая настоящая новогодняя история приключилась, в основном, с моим взрослым сыном.

И – немного со мной.

А началось всё с унитаза, который купил мне Арсений в качестве новогоднего подарочка...

И привёз на своём подержанном джипе за пару дней до любимого народом зимнего ночного праздника.

Сынок давно планировал порадовать меня свежим унитазом, хотя его собственный (фактически – каждый из нас жил в квартире другого) находился в гораздо более плачевном состоянии, чем мой.

Причём в тот момент, когда Арс подкатил на джипе к моему дому (де-юре – его) в сыновьей машине лежало сразу два тяжелых белых друга.

Практически брата...

Потому что Арсению на работе в качестве новогоднего подарочка, к моей вящей радости, тоже преподнесли унитаз...

У них там, в лаборатории, каким-то образом лишний образовался – вот они его Арсу как молодому перспективному специалисту и сбагрили.

А тот, который должен был впоследствии прижиться у меня, к тому времени сын уже приобрёл...

Приехав, Арсений с ходу установил мой унитаз (для начала – в прихожей) – и мы рванули к сыну, чтобы довес-

ти (а заодно – сообщая донести) второй, подъяёмный лишь вдвоём, экземпляр.

После успешно проведённой операции мы опять загрузились в авто, но на сей раз вместе с собаками породы хаски (тогда их у Арса было всего две).

По дороге на тренировку (сын занимался ездовым спортом – и ездил не только на джипе, но и на собачьей упряжке, третью часть которой составляли эти две) он забросил меня домой, а сам отправился в ближайшее лесное Подмосковье.

Сын любил животных: кроме собак, у него жили норвежская лесная кошка, привезённая из Киева, и золотой аквариумный рыбка (мужского пола..)

Когда кошке придумывали имя, отпрыск, имитируя коллегиальность принятия решения, обратился ко мне с просьбой поучаствовать.

Как может зваться норвежская лесная кошка из Украины – только Леся.

О чём я очень скоро сообщил своему великовозрастному ребёнку.

– Хорошо! – мрачно согласился он, – пусть это будет её сокращённое имя.

Норвежская лесная кошка уже звалась Василисой.

А Лесей её, естественно, никто ни при каких обстоятельствах впоследствии не называл.

Даже в мыслях.

Даже я.

Который называл её Машей.

Когда она приезжала ко мне.

На побывку...

Из своей реальности, где в среднестатистической двухкомнатной московской квартире жилось норвежской лесной кошке с двумя (потом и с тремя) молодыми моторными ездовыми собаками отнюдь несладко.

Тревожно жилось, почти бессонно.

Да и рыбке в таком окружении тоже было совсем не по себе.

Несмотря на свою кажущуюся аквариумную автономию.

В итоге золотой рыбка (со второй попытки) всё-таки умер, сумев продержаться в предлагаемых обстоятельствах чуть меньше года...

Был ещё случай с этими сибирскими хаски.

Вернее, не с этими.

С другим, третьим...

Через год после описываемых здесь событий.

Хаски по прозвищу Айрон сначала появился в жизни сына вместе со своей владелицей, подмосковной девушкой Юлей.

А чуть погодя оба они стали жить-поживать в средне-статистической двухкомнатной московской квартире с новым (всё ещё) унитазом и прочей тамошней фауной.

На моей площади.

Где по-прежнему хозяйствовал Арс...

Однажды, когда две собаки из трёх по различным причинам дома отсутствовали, пришедший из ближайшего продуктового сын – как ни старался – не смог открыть ключом квартирную дверь.

За которой весело лаял Айрон.

Путём очевидной аналитики Арсений уныло просчитал, что это именно он – весёлый и находчивый Айрон – закрыл изнутри дверь.

На некую тайную собачку.

В общем, тайная собачка притянула собачку явную...

Сыновий мобильник, не взятый им в магазин, помочь в создавшейся ситуации не мог.

Но благожелательный сосед по «карману», программист-компьютерщик, к счастью, в этот день работал дома.

Нужный телефонный номер посредством компьютера нашёлся сразу – и сын позвонил в фирму, занимающуюся вскрытием не желающих открываться дверей.

Там сказали:

– Да, конечно!

Оперативно сделаем!

За четыре тысячи российских рублей.

Но исключительно при условии наличия рядом в момент вскрытия прописанного по данному месту жительства гражданина.

Или его паспорта...

Или документов на владение квартиры.

Вместе с паспортом владельца.

Мастер придёт через час.

Ждите...

Единственным телефонным номером, долгосрочно застрявшим в голове у Арса, был номер моего мобильного (не считая моего и своего домашних...).

А я был единственным в Москве человеком, который на данном этапе животрепещуще требовался моему ребёнку.

Для начала он взял меня посредством звонка.

На дому.

Чтобы зря не терять времени, Арсений сел в свой джип и помчался за мной и моим паспортом.

Ровно через час сын с моим паспортом и со мной стоял у запертой двери, из-за которой раздавался приветливый лай Айрона.

Очередная попытка открыть дверь ключом успехом не увенчалась.

Зато на наш общий шум адекватно среагировал сосед-программист, открывший свою дверь изнутри и сообщивший, что минут пятнадцать назад приходил мастер по вскрытию дверей.

И никого ответственного не обнаружив, ушёл делать прочие спешные вскрытия.

Но обещал вернуться...

Вежливый сосед пригласил нас войти выпить чаю.

И мы расположились на кухне в ожидании обещавшего вернуться.

Сидели мы так, чай попивали, байки травили.

А потом сын отправился встречать мастера.

На лестничную площадку.

Мы же с любезным соседом-компьютерщиком продолжили российскую чайную церемонию.

Наконец появился сын и сказал, что дверь открыта.

– Легко? – поинтересовался я

– И безболезненно! – ответил сын.

– Уточнишь?

И он уточнил.

Из уточнений стало понятно, что сын в ожидании фирмача ещё раз попробовал открыть дверь самостоятельно.

И дверь спокойненько открылась.

Никакого Айрона внутри не наблюдалось.

Никого другого тоже.

И Арсюша пошёл искать Айрюшу на улицу.

Вернее, во двор.

Где и отыскал.

Вместе с его исконной хозяйкой.

На прогулке.

Оказалось, что пока мы (ещё втроём) пили первые чашки чая, с корпоративной праздничной вечеринки возвратилась девушка Юля, и не застав дома Арсения, отправилась выгуливать Айрона – мастера – золотые лапы.

Весёлого и находчивого закрывателя и открывателя тайной собачки...

Оставалось отказаться от услуг другого, неспешно (к неожиданной нашей радости) ходящего по спешным заказам мастера-фирмача.

А попутно сэкономить четыре тысячи российских рублей, с которыми каждый из нас (речь обо мне и сыне) мысленно давно уже распрощался.

Последовавший звонок в фирму аннулировал заказ на вскрытие двери.

Даже без выплаты полагающейся неустойки.

В связи с излишней стремительностью опередившего назначенное время мастера.

Который не стал нас дожидаться, убежав к чужим закрытым дверям и заевшим замкам. . .

Впрочем, эта почти будничная, отнюдь не новогодняя история произошла годом позже.

Что до истории новогодней, то она разворачивалась много дольше.

И чем дальше, тем фееричнее.

Меня разбудил телефонный звонок моего дитяти.

На часах была половина четвёртого ночи.

Последней ночи старого года.

– Я поднимусь! – утвердительно спросил сын.

– Да? – вопрошающе согласился я.

– Только я без ключей! – уточнил он.

– Угу! – отвечивал я, нехотя залезая в тапочки, дабы дошкандыбать до входной двери.

Арсений ввалился с не один.

А с двумя сибирскими хаски.

Которые дружно ворвались в комнату – и с налёту уронили стоящую на полу в огромной вазе ёлку.

Разбив и вазу, и ёлочные игрушки.

Всем нам известно, к чему бьётся посуда.

Полагаю, что ёлочные игрушки в этом смысле ничем не хуже. . .

Их осколки были собраны в совок.

На фоне поведанной мне сыном не слишком приятной информации о том, что во время вечерней тренировки, когда он, молодой каюр, управляющий собачьей упряжкой, лихо мчался сквозь снег и ветер, карман с молнией самопроизвольно расстегнулся, результатом чего стала потеря связки ключей.

От обеих квартир – в том числе.

Арсений заметил это лишь перед входом в подъезд.

Когда полез в карман. . .

Ринулся обратно в ближайшее Подмосковье.

Безуспешно побродил взад-вперёд вдоль тёмной лесной трассы.

Ну и приехал ко мне.

За ключами.
Не на собаках, но с ними...
И получил от меня все.
Кроме ключей от баньки на даче.
Которые я ему вручил ещё ранней осенью.
Взамен посеянных им посреди сбора урожая...
Новый Год мы встречали у Арса.
Компактно, благополучно, предельно тихо.
Арсюша протянул мне купленный им для меня телефон.
А я передал ему деньги.
За точно такой же, купленный им для себя.
Это был мой новогодний подарочек.
Который взрослый мальчик сразу же положил в барсетку.
Потом, впрочем, вынул и положил на стол.
Его же подарочек стоял у меня в прихожей.
С надеждой когда-нибудь быть установленным там, где ему полагается стоять...
В половине второго сын – водитель транспортного средства – забросил меня домой, а сам отправился к другу.
Как выяснилось при их обмене новогодними поздравлениями и прочими новостями – у того почему-то хранилась резервная пара ключей от нашей дачной баньки...
Пока я предавался сну, внешняя жизнь продолжалась.
Получив ключи и засунув их в карман, Арс собрался на выход.
Не один, а в компании с другом, его женой и небольшой массовкой...
Друг решил показать Арсению, насколько продвинулся ремонт в их новой квартире, куда они активно готовились переехать (пока же молодые жили вместе с родителями друговой жены...).

И две машины двинулись в колёсный путь.
И неподалёку от пункта назначения Арсюшу тормознули гаишники.
В смысле – гибедешники.
Проще говоря, гиббоны.

За какое-то мелкое нарушение...

И Арс полез доставать водительские права.

И личные деньги.

И понял, что барсетки при нём нет.

Друг позвонил родителям жены, чтобы узнать: не забыл ли Арсений у них свою барсетку?

– Забыл! Вот она висит в передней на вешалке! – прозвучал обнадеживающий родительский ответ.

И друг на собственной машине погнал вызволять Арсюшину барсетку.

Потому как бездокументный и безденежный Арсюша остался под бдительным присмотром представителей внутренних органов...

Впрочем, остальная компания тоже осталась: морально поддержать остановленного и задержанного.

Друг уже подъезжал к месту нахождения барсетки, когда ему позвонили женины родители и сказали, что барсетка будет ждать его не в квартире, а во дворе, куда папа другой жены отправился вынести мусорное ведро и выгулять пожилого степенного пёсика.

Через пять минут друг заехал во двор, где его ждал расстроенный женин предок.

С пожилым пёсиком.

Но без мусорного ведра.

И без Арсюшиной барсетки.

А случилось нижеследующее.

Папа другой жены с мусорным ведром в одной руке, с поводком, на котором послушно семенил пёсик в другой, и с накинутой на плечо, подлежащей отдаче барсеткой, неспешно вышел из подъезда.

Мусорное ведро ещё не было опорожнено, но тут вдруг начали стрелять...

В воздух.

Самодеятельный праздничный салют испугал степенного пёсика – и он припустил во всю не водящуюся за ним прыть.

Чуть не вырвав поводок из крепкой мужской руки.

Короче, когда папа друговой жены, наконец, справился со своим послушным пёсиком, Арсюшиной барсетки на плече уже не было.

Теперь барсетка если и ждала во дворе кого-то, то никак не сыновьего друга.

Хотя, возможно, ей и ждать-то почти совсем не пришлось.

Такое предположение имело под собой почву.

Ведь всю оставшуюся новогоднюю ночь Арсюшин друг (сначала всё же выкупивший моего сыночка у прожорливых гиббонов) и папа друговой жены методично, метр за метром, осматривали место происшествия.

Однако барсетка со всеми документами (паспорт общероссийский, паспорт иностранный, военный билет, права на машину, аспирантское удостоверение, пропуск на работу, много чего в придачу) и приличным количеством денег поисковой группой не обнаружилась.

Первым днём первого дня (именно так) нового года, когда бывший советский народ, сообщая с народившимся, но чуток не добравшимся до двадцатилетия российским, неторопливо продирает глаза и лениво опохмелялся, Арсений вошёл в отделение милиции.

По месту давно отменённой прописки и моего фактического жительства.

Никакого имеющего полномочия принять заявление об утере паспорта и всех других насущно необходимых документов под рукой не было.

Что было естественно и предсказуемо.

Арсений поступил мудро.

Забредя ко мне, он принялся изредка названивать в милицию.

Между актом установки унитаза в подходящем для него квартирном пространстве.

Когда же по милицейскому телефону вместо длинных гудков сын вдруг услышал короткие, то, бросил установку, ибо со всех ног бросился в милицию.

Но в милиции никого, имеющего полномочия принять заявление, опять не оказалось.

Тогда сын вернул себя к унитазу.

Так продолжалось несколько раз.

Но к чести моего сына, могу засвидетельствовать, что глубоким первым вечером первого дня нового года оба намеченных им дела завершились победно.

А уже третьего января раздался звонок по городскому аппарату – и незнакомый женский голос попросил меня пригласить к телефону Арсения.

Сердце моё забилося в предвкушении, и оно не ошиблось.

К вечеру третьего дня нового года к моему сыну Арсению вернулись все его документы.

Вместе с потерянными деньгами и барсеткой.

Которая была найдена новогодней ночью во дворе, возвращающейся из гостей женщиной с весьма редким именем Зарема.

Похоже, аккурат, когда папа друговой жены опорожнял мусорное ведро.

Либо – на всякий пожарный – обыскивал свой подъезд...

Воодушевлённый Арсюша с двумя зимолюбивыми сибирскими хаски – буквально – полетел на поздневечернюю тренировку, в ближайшее лесное Подмосковье.

Он прилетел на всех парах.

И тщательно подготовился к старту упряжки.

Упрятав ключи и барсетку куда подальше...

Прямо перед стартом Арсюше позвонил друг, с коим он поделился своей нечаянной радостью...

Утром четвёртого дня нового года от собственного сына я узнал (опять же по телефону), что минувшей ночью, когда молодой каюр, управляющий собачьей упряжкой, лихо мчался сквозь снег и ветер, карман самопроизвольно расстегнулся, результатом чего стала потеря нового мобильного телефона.

Вынутый из укромного места в момент звонка друга, мобильник в руках отвлекшегося юноши автопилотно угодил в тот же курточнй карман.

Чтобы среди гонки – на полном ходу – выпрыгнуть во тьму...

А через час после Арсюши мне позвонил незнакомый мужчина, сообщивший, что катался на лыжах в лесу и нашёл мобильный телефон.

Пролежавший в снегу всю ночь, тот почему-то даже не разрядился.

Мой номер в телефонно-электронной книжке был записан как «дом».

Или, может, как «папа».

Я об этом сына из вежливости не спрашивал...

Такая вот самая настоящая новогодняя история приключилась, в основном, с моим взрослым сыном.

И – немного со мной.

Просто удивительно!

Просто удивительно, что выпавшая связка ключей так и не обнаружилась...

Под Старый Новый Год мы с Арсом – как всегда – отмечали наш день рождения.

Он у нас один.

На двоих.

А в первый день нового года по старому стилю сын мне позвонил.

И сказал, что ночью корпус его свеженайденного мобильника был напрочь сгрызен младшим сибирским хаски.

Из жизненной активной весёлости и восторженного спортивного интереса.

Ремонт потребителю обошёлся в четверть стоимости модели.

БАБУШКА

(к столетию со дня рождения)

– Какая сохранный старушка! – сказала, уже стоя в дверях, приглашенная осмотреть Бабушку, вдруг начавшую полторы недели назад заговариваться, полужнакомая врачиха.

– Какая она у вас аккуратненькая! – уважительно добавила она перед тем, как попрощаться.

Последний раз в туалет Бабушка сходила за пять часов до смерти.

Сама.

Без чьей-либо помощи.

Через час после ухода врачихи.

Бабушке был 91 с половиной год..

Стать обузой другим на старости лет она категорически не желала.

Видимо, с очень давних пор.

Даже как-то раз прочувствованно (тогда ей и семидесяти не стукнуло) прочитала мне вслух наизусть строфу из декларативно-пафосного стихотворения Николая Тихонова.

Чем несказанно меня удивила..

Похороны свои Бабушка оплатила заранее.

Через какую-то фирму.

А потом полтора десятилетия периодически туда звонила и спрашивала, всё ли в силе?

Квитанции же хранила на кухонном столе, под клеёнкой..

Незадолго до Бабушкиной смерти мне зачем-то приспичило их оттуда взять и куда-то переложить.

Похоже, так жизнь позаботилась о том, чтобы Бабушка оказалась похороненной не за собственный счёт..

Всё моё детство и юность я ощущал Бабушку излишне строгой.

Догматичной.

Хотя и по-своему (совсем не так, как хотелось мне) заботливой.

Она не терпела бранных слов.

Особенно матерной ругани.

Запрещала мне играть в карты.

Самовольно покидать двор или дачный участок.

Лазить по деревьям.

– Они живые. Им больно! – наставляла меня Бабушка.

Может, и вправду, так чувствовала?..

– Дуболомая! – называл её (за глаза) Папа.

Благодаря неиссякаемой крестьянской закваске, по-бычьей и по-воловы она перманентно тянула на себе семью.

Как умела и как могла.

Замыкая любые (не только бытовые) вопросы на себе.

Когда Дедушку в пятьдесят втором сняли с должности и грозились отдать под суд – десять месяцев семья с двумя детьми-подростками жила на деньги, которые Бабушка зарабатывала, обшивая соседей и знакомых.

А потом умер Сталин..

Деревенская девочка – дочка механика из села Ивановское Калужской, кажется, области.

Столичная комсомолка-рабфаковка-студентка, лихо прыгавшая с парашютной вышки и метко стрелявшая в тире.

Жена, мать, беспартийная домохозяйка, с утра до вечера доблестно пропадавшая на трудовом фронте, в эвакуации времён Великой Отечественной.

Дежурный инженер иновещания.

Бабушка, которую незнакомцы принимали за Маму.

Моложавая пенсионерка.

Вдова до конца жизни в неполные 63.

Прабабушка.

До прапрабабушки она не дотянула всего-то лет шесть..

– Кукулечка! – ласково обращалась Бабушка к Арсюше, с которым ласково обращалась, нежно и много нянчилась – чем очень нас выручала.

– Ты моя веточка! – часто говорила ему она.
Я тоже в своё время побывал Бабушкиным «Золотком»
и «Солнышком».

Но это была совершенно другая энергетика..
Теперь на месте кухонного стола, перевезённого Ар-
сением в бревенчатый дачный дом, сделавшийся постоян-
ным жилищем для сына и его семьи, стоит Бабушкина
швейная машинка.

Точнее, столешница от неё, честно работающая вмес-
то кухонного стола.

Когда за ним оказывается кто-то из нас..

Невзирая на режим,
Лучший друг потерь, –
Всё же вырос я большим
(Дедушка – теперь..).

Что твоё не доволоч –
Извиняй, семья!..

.....
Ворошиловский стрелок –
Бабушка моя..

ЧУКФЕСТ-ШОУ НА МАРШЕ!..

хроника существования и выживания

Фестиваль детской литературы имени Корнея Чуков-
ского родился на крыльце мемориального Дома-музея К.Ч.
в четвёртом часу дня 15 сентября 2006-го года.

Детище явилось на свет посредством скрещивания
моей идеи «Дом-музей собирает друзей» с идеей директо-
ра этого самого Дома Сергея Агапова о Премии Чуковс-
кого.

Сей – можно сказать (и написать) исторический акт (он же – факт) произошёл (от нас с дорогим Сергеем Васильевичем) практически на глазах очаровательной Марины Бородицкой, – как раз – бодро вызывавшей себе такси «Престиж» для отъезда домой.

С возрожденного на стыке второго и третьего тысячелетий традиционного Костра Чуковского «Здравствуй, Лето!». Наряду с другим традиционным Костром «Прощай, Лето!», возрождённым примерно в те же сроки...

Всесоюзный Дедушка стал проводить свои Костры в 55-ом для переделкинской детворы.

Причём регулярно устраивал их в начале июня и в конце августа.

Сменившие Дедушкины, теперешние чуковские Костры ориентированы и на разновозрастных москвичей, и на гостей столицы, и на многие другие зрительские категории. А проводятся устроителями – в конце мая и в начале сентября.

Я же мою магистральную идею «Дом-музей собирает друзей» – в буквальном смысле – словил из переделкинского воздуха и ландшафта, ведь в двадцати минутах ходьбы от бывшей литфондовой дачи К.Ч. (нынешний его Дом-музей) находится дом-музей Булата Окуджавы – по сути – Мекка для современной бардовской песни. Вот я и додумался, что Дом-музей К.Ч. вполне в состоянии сделаться своеобразной Меккой для современной детской литературы.

Тем более что ровно напротив бывшей Дедушкиной дачи, – удачно расположился Дом творчества писателей, где можно селить и подкармливать лучших иногородних «техников пера», проще говоря, инженеров человеческих душ...

С этой, занимающей пару-тройку предложений идеей, я ринулся к агаповскому заместителю, моему старинному знакомцу по отделу поэзии журнала «Новый мир» Павлу Крючкову, который меня и перенаправил к Агапову...

А в декабре 2006-го я оказался участником детского Фестиваля «Вместе с книгой – в Новый Год!» (он проходил в Чебоксарах), где на круглом столе, посвящённом детской литературе, культурно озвучил вышесформулированную идею, поименовав её инициативой Союза писателей Москвы и Государственного литературного музея (Дедушкин Дом-музей – всего лишь – отдел гослитмузея...)

Как догадывается проницательный читатель – идею я озвучил – в значительной степени для того, чтобы её кто-нибудь ушлый ненароком себе не присвоил и у нас не увёл...

Интернет на моё озвучивание отреагировал молниеносно и в нужном нам направлении.

После чего мы (в основном – я) начали активно стараться внедрять нашу инициативу в жизнь, сиречь – обращаться к тем структурам и персоналиям, кои могли бы помочь сие профессионально осуществить.

Однако никто не смог. Или не захотел...

Даже, несмотря на то, что на дворе стоял (и довольно стремительно) уходил из-под ног год двадцатипятилетия со дня рождения патриарха отечественной литературы для детей – он же год девяностолетия со дня создания будущим Дедушкой первой стихотворной собственной сказки «Крокодил» (не говоря уже о том, что это был год русского языка в России и год ребёнка в Москве...)

В принципе, мне стратегически мнилось, что Фестиваль Чуковского окажется Фестивалем поистине Федерального масштаба.

Но, будучи крепко укоренённым в окружающую реальность, я понимал, что нужно иметь и запасной план. Рангом чуть скромнее.

И он у меня параллельно дозрел, когда я сообразил, что можно попытаться встроить наш проект в рамки с помпой ежегодно празднующегося в столице дня города...

Впрочем, положительный ответ пришёл лишь из Департамента семейной и молодёжной политики. Нам пред-

лагалось освоить сумму в размере 60. тысяч рублей. По остаточному принципу...

В общем, подоспело время очередного Костра «Здравствуй, Лето!», на котором мы надеялись объявить о том, что всё у нас отлично.

Притом что объявлять оказалось нечего...

А на следующий день я – через детлитовскую критику, соседку по родной улице и младшую соученицу по общей школе Ксению Молдавскую – притянул к себе ведение круглого стола по детской литературе, который организовывался Правительством Москвы.

«Вот он – мой шанс!», – сразу же понял я, никогда доселе не ведший никаких круглых столов, и предусмотрительно захватил с собой документы, встраивающие Фестиваль Чуковского в сентябрьское празднование дня города...

30-го мая 2006-го в 34-х градусную жару, в Домжуре состоялся круглый стол, вокруг которого стояли многочисленные кресла.

Рядом со мной, упакованным в цивильный льняной костюм с шёлковым галстуком, на соседнее кресло внедрили заместителя московского мэра по фамилии Виноградов.

Остальное было делом техники.

Мизансцену я разыграл – как по нотам – благо здесь мне очень помогла дочь скрипача Марина Бородинская – присутствующая в зале, и предварительно мной проинструктированная...

Днём позже я поймал Успенского, накануне так и не доехавшего до круглого стола – и Эдуард Николаевич согласился мне поверить.

И принялся активно нам в чуковских делах помогать. И продолжает помогать до сих пор – своим известным именем и телесным присутствием почти на всех чуковских Кострах, а также вручениях Премий...

Тогда же – в июне 2007-го в нашей команде возникла огневолосая красавица Лёля Радзивилл, без которой первый Фестиваль Чуковского вряд ли мог бы состояться...

Короче, мы его провели.

Хотя из-за упреждающего отсутствия денег – в несколько бесформенных присестов...

В день города выступали на его площадях и площадках, потом в течение пары месяцев в школах и библиотеках.

А в декабре потянули четырёхдневную писательскую конференцию, после чего три лихих дня ездили в город-герой из Переделкина – по трое-четверо на одном такси – более чем десятью писательскими бригадами – сеять разумное, доброе, вечное – в интернаты, детские дома, больницы и приюты...

Ну и Премию имени К.Ч. в переполненном Большом зале ЦДЛ 12-го декабря 2007-го вручили – аж в четырёх номинациях. Лауреаты в первый и единственный раз вместе с дипломами получили изящные статуэтки. Работы знаменитого скульптора Александра Цигаля.

В одной из премиальных номинаций – наверное, самой «корнейчуковской» – победителя у нас определяет Детское Жюри. Тогда эта номинация ещё называлась «Золотой крокодил» – и крокодильская статуэтка досталась вездесущей Марине Бородицкой...

Далее – во все последующие славные годы – чукфесту пришлось значительно трудней, ибо грянул мировой финансовый кризис – и наступило время повсеместной московской оптимизации. Что в переводе на русский, означало всяческое урезание и умелое неадаптивное государственные денег. Даже на самое насущное.

Да и сейчас это пролонгированное время для нас в настоящем...

Нынче – на протяжении последних пяти лет – ежегодный Фестиваль Чуковского включает в себя четыре основных мероприятия. По-лагерному – этапа.

Из бюджета Москвы Департаментами СМИ и Культуры (на паритетных началах) финансируется лишь Премия имени Чуковского.

К слову, перечислю поэтов – некоторых её лауреатов: Эдуард Успенский, Михаил Яснов, Андрей Усачёв, Вадим Левин, – его я вытащил из дальнезакардонной Германии, Юрий Кушак, Юрий Энтин, Александр Кушнер, Сергей Махотин, Артур Гиваргизов, Григорий Остер, Григорий Кружков, Александр Кушнер, Пётр Синявский, Сергей Козлов, Тим Собакин, Марина Бородицкая...

Да и вообще – я финтил без устали, – лишь бы заполучить побольше хороших детских авторов на наши мероприятия.

Поэтому зачастую, цинически приурочивал их то к ММКВЯ, то к Нон-фикшн...

Денег-то на приглашение осчастливить своим присутствием церемонию вручения премий иногородних господлауреатов у оргкомитета Чукфеста не имелось (и сейчас не имеется) по определению...

О наших многострадальных программах.

Костры – как правило – не финансируются никем.

Правда, на «День рождения дедушки Корнея» – апрельский праздник в Малом зале ЦДЛ – уже третий год отыскиваются небольшие матресурсы в недрах Федерального агентства по печати...

Совсем недавно, 19-го мая 2013-го года в Переделкине с традиционным успехом прошёл традиционный Костёр Чуковского «Здравствуй, Лето!» – первый Костёр седьмого уже Чукфеста...

Нетрадиционность этого воскресного весеннее-летнего Костра заключалась – разве что – в том, что впервые он умудрился совпасть числом с пресловутым днём пионерии...

«Девчонки и мальчишки! Читайте наши книжки!» А ещё «Шоу маст Бибигон!» – вот два главных девиза Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского.

Фестиваль – этот своеобразный живой каталог, созданный самими писателями, массово, задорно и весело пропагандирует книжно-журнальное художественное чтение

на примерах настоящей современной российской литературы для ребят.

Фестивальные мероприятия востребованы. Наша аудитория неуклонно расширяется.

Хотя имя Чуковского, безусловно, способно собрать вокруг себя и объединить не только писателей и юных москвичей, но и практически всех-всех-всех.

От мала до велика. В самом прямом и буквальном смысле!

Фестиваль Чуковского готов выйти за рамки Москвы и области.

Честно поработать регулярным коллективным праздничным гидом в мире большой литературы для маленьких.

Пусть вся Россия (включая диаспорное зарубежье) вживую познакомится со своими детскими писателями.

Дело – за поддержкой.

Считайте это обращением и к государству, и к социально-ответственному бизнесу...

ИЗ (ОЧЕНЬ) РАННЕГО...

В ПРАКТИКУ

Раскладушка висела на крюке в ванной.

Сергей повесил её туда, чтобы снять вечером, перед сном. Вот уже восьмой год он проделывал эту нехитрую операцию. В большой комнате его раскладушка стояла на самом проходе, поэтому каждое утро он уносил её в ванную – и вешал там на крюк. Почему комната считалась большой – Сергей понять не мог – обе комнаты в их квартире были совершенно одинаковые. Большую Сергей делил с мамой (вернее, Ольга Степановна делила с ним). В маленькой обитала Вика – старшая сестра Сергея, вместе со своим мужем Витей и дочкой Викторией...

Итак, раскладушка уже висела на крюке в ванной – и, значит, стояло утро.

Ольга Степановна кормила завтраком вторую смену: Викторию и Сергея. Смена первая – Вика с Витей – была с полчаса как накормлена и отправлена на работу. Всё внимание Ольга Степановна переключила теперь на Викторину:

– Ну, сколько времени можно возиться с одной несчастной котлетой? Копуша ты страшная. Давай быстренько, а то Серёжа опять из-за тебя в институт опоздает. Вот, молодец. Ишь как ты её ловко...

Сергей по утрам сначала отводил Викторину в школу, а следом ехал на занятия в институт.

– Спасибо, мама, – Сергей поднялся с кухонной табуретки, – Виктория, в темпе одеваться – и на выход!

Спустя пару минут они уже спускались по лестнице.

– Котлету можно выплюнуть! – скомандовал Сергей на улице.

Натренированным движением Виктория извлекла котлету из-за щеки и с облегчением выплюнула в урну.

Через дорогу они всегда переходили так: Сергей придерживал ручку Викторииева ранца-портфеля и шёл чуть сзади, направляя таким образом движение племянницы. Он считал это своим изобретением и очень им гордился.

Сегодня Сергей решил проводить Викторию не до школьных ворот – как обычно – а пройти с ней непосредственно в школьный вестибюль. Чтобы помочь раздеться. Виктория могла бы, конечно, это сделать и сама (она так и делала каждый божий день, кроме воскресений), но сегодня Сергей спасал свою репутацию.

Несколько дней тому Сергей опростоволосился: он пообещал Виктории проводить её прямо до раздевалки, притом что Виктория в этом усомнилась. И как выяснилось – усомнилась не напрасно. У казённых дверей дежурили абсолютно незнакомые Сергею, выше его на полголовы ребята, и предельно вежливо не пропускали в школу взрослых. Поблизости маячила дежурная учительница. Средних лет, внешним видом сердитая, также абсолютно незнакомая. Сергею оставалось только внутренне усмехнуться.

«Дожили! Никого не знаю. Или не узнаЮ?» – с грустью подумалось тогда ему, – «все-го-то три года прошло...»

И вот сегодня Сергей восстанавливал своё пошатнувшуюся в голубых глазах племянницы репутацию.

У казённых дверей стояли дежурные – и опять – никого из них Сергей не мог узнать. Но где-то на заднем плане он вдруг выхватил взглядом моложавую фигуру Ирины Михайловны (И.М.), своей бывшей преподавательницы

литературы. По рукаву её джинсового платья плавно сползала повязка дежурного учителя.

И.М. тоже увидела Сергея – и призывно помахала ему рукой. Повязка сползла. Теперь уже окончательно...

– Доброе утро, Ирина Михайловна! Вот – племянницу вожу в первый. А это, что, ваши, да? Никого не узнаю. Когда учился вроде, маленькими были. Какой у вас – десятый?

– Девятый, Серёженька, пока девятый. Акселератики мои... Племянница, говоришь. Совершенно на тебя не похожа... Твои-то как дела?

– Да всё тихо. Учусь. На носу практика. В школе. Педагогический как-никак...

– А где у тебя практика?

– Не в курсе даже. Ещё по школам не распределяли.

– Так давай к нам. Серьёзно. Зайди у себя в институте в отдел практики. Я думаю, они возражать не будут. Тем более, что я районный методист...

Виктория всё время беседы изнывала от жары, не решаясь сдвинуться с места, пока Сергей не закончит разговор. Сергей это заметил, быстро попрощался с Ириной Михайловной – и тут же Виктория, снимая на ходу со спины ранец-портфель, потащила Сергея к раздевалке.

У первачков была собственная, отдельная от других, раздевалка. Там, как в детском саду, стояли деревянные шкафчики, куда малыши складывали вещи. Виктория отыскала свой персональный шкафчик, с чувством продемонстрировала его Сергею и авторитетно объяснила, почему на её шкафчике нарисованы именно ножницы, а не пожарная машина или самолёт: Виктория планировала стать портнихой...

– А родителям сюда нельзя, – вдруг услышал Сергей и обернулся.

Перед ним стояла девочка, нет, скорее, всё-таки, девушка – и легко покачивалась на красивых длинных ногах.

«Наверное, они у неё прямо из подмышек растут», – подумал Сергей.

- А я и не родитель.
- А кто же вы? Чужой дядя?
- Да нет же, свой...
- ?

– Сам здесь учился – это раз. Теперь племянницу сюда вожу – это два-с. А возможно, и практиковать здесь буду – это три-с – неожиданно для самого себя добавил Сергей, – вот и получается, что я очень даже свой дядя...

В институте Сергей зашёл в отдел практики – и, сославшись на предложение Ирины Михайловны, договорился, что отработает практику в родной школе – по месту жительства...

Вечером Сергей позвонил Ирине Михайловне домой – и они дружно порешили на том, что Сергеева практика начнется, аккуратно, с грядущего понедельника.

Раскладушка висела на крюке в ванной – и, значит, стояло утро. Утро понедельника.

Ольга Степановна выговаривала Виктории всё, что о ней думала. Хитрюга Виктория держала котлету за щекой. Сергей при этом присутствовал.

Немного погодя двое последних привычно спустились по лестнице – и Виктория, привычная к знакомой команде, точно выплюнула котлету в ту же самую урну...

Перешли через дорогу, подошли к школе – всё, как всегда.

В дверях Сергей мигом попал под перекрёстный допрос, учинённый ему дотошными дежурными, но говорил правду, одну только правду – и был пропущен...

Виктория рванула в сторону мальшовой раздевалки, а Сергей в нерешительности остановился. Чуток потоптался на месте. Снял лёгкую куртку, перекинул её через руку – и двинулся к учительской.

Учительская располагалась на третьем этаже.

Некоторые учителя уже были на месте – и теперь разговаривали, сидя в мягких импортных креслах. Это бросалось в глаза, ведь когда учился Сергей, в учительской стояли грубоватые отечественные стулья, сидения которых были обиты крепко пахнущей кожей..

Среди преподавателей Сергей – смотревший сквозь открытую дверь из коридора – моментально узнал пожилого физика.

Из всей физики в его изложении Сергей помнил только пару острот сомнительного качества, коими тот регулярно держал в повиновении шестиклассников и вызывал подхалимский хохот у очередных выпускников.

Когда физик что-то объяснял, небрежно размахивая указкой, ему, Сергею, всякий раз бывало непонятно. Вернее, внимательно вслушавшись, Сергей понимал, что означает каждый отдельный гортанный выкрик физика, но вот, что они означают вместе – никак.

Физик – выходец с Кавказа – прожил в Средней Полосе более сорока лет, но, видимо, особыми способностями к языкам не отличался. Почему из-за этого должны были мучиться ученики – Сергей опять же не понимал..

Сейчас физик перебрался фразами с очкастой дородной биологичкой.

Когда-то Сергей оказался свидетелем того, как биологичка – буквально на пару секунд – сняла очки, чтобы протереть стёкла – и поразился: до чего лицо её напоминает физиономию Джонатана Свифта, портрет которого он видел в учебнике английской литературы. С того времени Сергей (естественно, про себя) величал её не иначе как Джонатаном Свифтом. Довольно длинно, зато впечатляюще..

По соседству с вышеупомянутыми и описанными сосредоточенно молчал математик Марк Аронович, в просторечии – Макароныч. Макароныч был знаменит тем, что тетрадки носил исключительно в авоське. Ещё он славился тихой любовью к математическому значку «икс», который

с предварительными придыханиями кликал вроде кошки – «кс». А иногда почему-то в женском роде, с ударением на последнем слоге – «иксА»...

Кроме них, в учительской матёро находилась географичка. Сколько Сергей её помнил, она всегда размашисто ходила в мужиковатых туфлях на низком каблучке. Носила она вполне обычные женские платья, однако Сергей никак не мог избавиться от ощущения, что это всё – военные френчи и кители...

В данный момент географичка с некоторым сомнением взирает на незнакомых Сергею молодых учительниц. Одна была маленькая и кругленькая. Вторая – узкая и продолговатая.

Тем не менее – они показались Сергею очень похожими друг на друга.

Между пальцами холёных рук с длинными маникюренными ногтями каждая довольно элегантно держала сигарету, видимо, заморскую. Юные преподавательницы о чём-то оживлённо спорили, не забывая небрежно выпускать дымовые струйки из своих огнедышащих ротиков...

«Наверное, новые англичанки», – автоматически подумал Сергей.

Он решил не входить в учительскую до прихода И.М. и присел на подоконник.

В окно Сергей увидел мало изменившийся школьный стадиончик, а за ним – новые, почти высотные дома.

Квадратноскроенный физрук отгонял мальчишек от своего сверкающего «Жигулёнка».

Когда учился Сергей, у физрука был «Запорожец».

Вообще квадратный помнил тем, что по несколько раз на урочном дне не уставал повторять:

– Страхуйте! Страхуйте друг друга! Иначе кто-нибудь свалится, шею себе сломает, а в тюрьме мне из-за него сидеть!..

Видимо, за миновавшие три года никто ниоткуда не свалился. Поэтому тюрьма для физрука всё откладывалась...

Тут возникла И.М., поправляя на ходу свои отнюдь не длинные, но, похоже, привыкшие к этой процедуре волосы.

– А, практикантик, привет!

– Доброе утро!

– Утро доброе! Ну, пойдём. Представлю тебя коллегам.

Они зашли в учительскую. И.М. взмахнула рукой. Это был жест конференсье, сопровождаемый текстом:

– Вот, Сергей Костромин, наш бывший ученик, а ныне студент педагогического института и мой практикант. Будущая специальность – русский язык и литература. Всё правильно? – И.М. обернулась к Сергею.

– Пока да...

И.М. продолжала:

– Прошу жаловать. Можно даже – любить!.. – окончание её фразы относилось к двум новеньким гипотетическим англичанкам, которые с интересом посматривали на Сергея, не забывая при этом выпускать колечки дыма из своих очаровательных ротиков...

Прозвенел звонок на урок. Учительская опустела. И.М. и Сергей поднялись по лестнице на четвёртый этаж – там базировался кабинет литературы.

Урок был в девятом классе.

За последней партой – как водится – нашлось свободное место, куда Сергей и пристроился.

Его соседом оказался с виду тихий и безобидный мальчишечка. На протяжении всего урока паренёк не проронил ни единого слова. Лишь всё время глядел прямо перед собой.

Прямо перед ним колыхались распущенные по плечам светло-каштановые девические волосы.

Прямо перед Сергеем торчала и ходила ходуном крепкая загорелая юношеская шея...

Прозвенел звонок с урока.

– Ну как тебе мои акселератики? – чуть погодя поинтересовалась И. М.

Сергей неопределённо пожал плечами.

– А ты присмотришь, голуба. Возьми, так сказать, над ними шефство. Они меня тут за глаза «классной дамой» кличут. Теперь же у них, надеюсь, и «классный дядька» появится. И мне помощь, и тебе практика..

Сергей вышел в школьный коридор. Немного постоял там, подумывая, что бы предпринять – и решил навестить Викторию.

Он сбежал вниз по лестнице: первые классы помещались на втором этаже.

За три года Сергей успел отвыкнуть от невообразимого шума и визга, который возникает из-за обилия детских голосов. Отвык Сергей и от того, чтобы кто-нибудь за него цеплялся, прятался и не давал спокойно маневрировать. Сергей даже на мгновение растерялся среди этого диковинного круговорота.

Виктория сама заприметила Сергея – и, довольно ловко ориентируясь в окрестном хаотическом движении, пробралась к старшему родственнику.

– У меня всё хорошо! – кратко отчиталась Виктория, – ну, я пошла..

Вместо этого она побежала, выписывая на ходу весьма замысловатые траектории..

Сергей вспомнил, что тоже любил на переменках носиться по коридору.

Звонок на урок звучал для Сергея всегда не вовремя: так ещё хотелось побегать..

В классе учительница всплескивала руками:

– Ах, Костромин, Костромин! Опять красный как помидор! Ну, что мне с тобой делать?

Иногда она придумывала, что делать с Сергеем: на переменках она брала его под руку – и они чинно прогулива-

лись парочкой вдоль ревающего и несущегося на всех парах второго этажа..

Вообще-то учительница относилась к Сергею с душевной приязнью.

Порой, когда Ольга Степановна не могла забрать Сергея из школы, учительница отводила Сергея к себе домой.

Там она кормила его обедом. Потом они вместе делали уроки, а когда заканчивали, Сергей получал свою пятёрку, будучи очень горд тем обстоятельством, что все остальные одноклассники получают отметки только завтра..

Вечером за Сергеем приходила Ольга Степановна.

А учительница оставалась одна.

Впрочем, теперь у неё есть сын..

В сегодняшнем Сергеевом расписании следующим значился урок русского языка и литературы в пятом классе.

Но правописание корней «бер-бир» – увы и ах – мало интересовало Сергея.

На большой перемене И.М. потащила Сергея в учительскую.

Новенькие англичанки – а они и вправду являлись новенькими преподавательницами английского – были уже там.

Сергей почувствовал, что сейчас они за него возьмутся..

И не ошибся.

Довольно быстро Сергей оказался зажатым с обеих сторон чересчур активными молодыми специалистками..

Такой приём в футболе называется «коробочка»..

Итак, Сергей находился в «коробочке» – и вяло сопротивлялся.

Инициатива и численное преимущество явно были не у него.

– А тебе нравится Ахматова?

– Нравится.

– А с кем ты живёшь?

– С мамой.

- А Цветаеву ты любишь?
- Угу.
- А Манделъштама?
- И Манделъштама.
- А кем работает твоя мама?
- Химиком.
- А давно ли ты посещал театр на Таганке?
- Давно.
- А ты с первого раза поступил в институт?
- С первого...

Далее англичанки выдержали дружную паузу – и хорошо отрепетированным дуэтом поинтересовались:

– Ну, как, ты к нам уже привязался?

Вконец обкуренный (ха-ха!) и обессиленный Сергей промямлил в ответ нечто маловразумительное..

Едва ли такой ответ удовлетворил вопрошавших, но тут раздался звонок.

В девятом классе на учебную неделю положено четыре урока литературы и урок русского. Урок русского, чтобы эти самые акселератики хоть как-то поддерживали воспоминания о грамматике – и не наляпали детских ошибок в сочинениях на аттестат зрелости..

На самом же деле – школьной программой наличие такого предмета как русский язык в девятом классе не предусмотрено. Мол, хватит, ребятаки.. За восемь предыдущих лет изучили весь. С головой..

Вот и приходится вперёдсмотрящим преподавателям влиять на ситуацию таким, не слишком-то легальным, образом..

Длилась вторая неделя Сергеевой практики – и был урок русского в девятом.

Сергей привычно сидел за последней партой рядом всё с тем же молчаливым пареньком.

Паренька звали Гриша. Он усердно и сосредоточенно взирал прямо перед собой все напролёт уроки русской литературы, а заодно – русского языка.

Видимо, светло-каштановые волосы, свободно распущенные впереди, обладали какими-то повышенными гипнотическими свойствами.

И Сергей неуклонно смотрел прямо перед собой.

Но ему уже порядком осточертела по-жирафьи торчащая из воротника сорочки, крепкая загорелая юношеская шея. Порой Сергею даже хотелось кусануть в эту шею её подвижного обладателя...

Вообще-то девятый класс встретил Сергея вполне нормально.

Правда, не обошлось без курьёза:

– А как вас зовут? – спросили девочки.

– Сергей, – ответил Сергей, – и на секунды замялся.

– Семёнович, – добавил он слегка погоя под общий смех.

Если быть откровенным, вопрос Сергею задала та самая девочка, на чьи светло-каштановые волосы был ежеурочно нацелен Гришин взгляд.

Если же быть откровенным до конца, то это была та самая девочка – с красивыми длинными ногами, которую повстречал Сергей в школьной раздевалке накануне практики.

Ноги у девочки, которую звали Маша, определённо, росли из подмышек – теперь Сергей был в этом абсолютно уверен...

И кроме вышеупомянутых длинных ног и светло-каштановых волос, она была обладательницей огромных серых глаз...

– А у Вальки есть старший брат. Ему десять лет. Он – чемпион мира по боксу, – увлечённо рассказывала Виктория.

Они с Сергеем – как раз – подходили к школе.

За ночь успел выпасть снег – и теперь лежал тонюсеньким слоем. Вернее, не лежал, – шевелился под порывами осеннего ветра. Первый снег в новом учебном году...

У Сергея сегодня должен был состояться урок в девя-

том классе – первый самостоятельный урок в его педагогической практике (вот какой получился каламбур...).

Урока Сергей, впрочем, не боялся. Была боязнь другого: показаться Маше смешным. Смешным, а не остроумным...

Он шёл и перебирал в мозгу главные свои перлы, дабы убедить самого себя, что он, Сергей Костромин, довольно остроумный малый.

Вообще-то Сергей действительно был довольно остроумным малым – и даже вёл тетрадку своих «личных придумок» – так он её окрестил.

Тетрадка, наподобие 16-ой полосы «Литературной газеты», включала в себя различные рубрики. Имелись тут и «Фразы», и «Вопросы рёбрами». Присутствовал свой ТЭС – толковый энциклопедический словарь.

Надо признать, случались в тетрадке и весьма удачные «придумки».

Скажем, такая вот невинная фраза: «Троянский конь – тебе товарищ...».

В зависимости от настроения и ситуации, «Троянский конь» видоизменялся в «Кузнецкий мост».

ТЭС был представлен в тетрадке «разгилядем». Иначе – купцом первой гильдии.

Внимания заслуживал и отнюдь не круглый, а, скорее, острый «колобок» – он же аппендицит...

Самостоятельный урок в девятом прошёл почти удачно.

Молчаливо сосредоточенный на своём предмете Гриша оставлял иногда это всегдашнее занятие – и становился на время весьма благодарным слушателем...

Правда, с самим Сергеем дело обстояло похуже: он очевидно уподоблялся Гришиным манерам – с той лишь разницей, что паренёк тиранил взглядом светло-каштановые Машины волосы, а Сергей неотрывно вглядывался в серые Машины глаза.

Так ни разу за весь урок и не оторвался.

Даже когда отметки в журнал выставлял..
И Маша смотрела на Сергея, улыбаясь одними глазами.
И ни разу не попыталась их отвести..

Маша сама подошла к Сергею. После уроков. Через два дня.

– А я вас сразу вспомнила, когда вы в малышачей раздевалке сказали, что вы – свой..

– По-моему, я сказал, что я – свой дядя?

– Разве это ни одно и то же?

– И что ты вспомнила?

– КВН. У вас в десятом. Три года назад. «Ашники» против «бешников». Остроумный капитан «ашников» Сергей Костромин серией лёгких сногшибательных экспромтов посылает в интеллектуальный нокаут пресловутую капитаншу «бешников». После чего берёт её, окончательно сбитую с толку, под руку – и предлагает боевую ничью..

– Я возьму вас под руку?

– И предложите мне боевую ничью?

– Нет, перейду в решительное наступление: откуда ты знаешь о том давнишнем КВНе, ведь ты же?..

– Подкупила швейцара и пробралась внутрь здания под чужим именем, с вуалью на лице..

– И осталась незамеченной?

– Угу. Находчиво спряталась за портьерой – и так вот простояла весь весёленький вечерок..

– Я всё-таки возьму вас под руку, Маша?

– Нет, это я возьму вас под руку, Сергей, – она улыбнулась, – Семёнович..

Сергей тоже улыбнулся.

День стоял такой, будто вернулось бабье лето. Снег чудесным образом испарился. Под ногами шелестели просохшие на солнце листья..

– Вам к метро? – спросила Маша.

– А вам?

– Нам, да..

- Значит, и нам...
- Если вас это не затруднит...
- А сколько нас?
- Кого? – не поняла Маша.
- Нас. Которых это не затруднит...
- Нас? Нас – двое. Я и ты, – Маша опять улыбнулась. Солнце било и в бровь, и в глаз...
- А если метро немного отложить? – спросила Маша.
- Можно и совсем отменить...
- Совсем – нельзя.
- Потому что оно для всех.
- Только не оно, а он. Метрополитен вся Руси...
- Вся Москвы...

Когда Сергей появился домой, Ольга Степановна отчитывала Викторию.

– Ты представляешь, – Ольга Степановна переключилась на Сергея, ища в нём сочувствия – приходит со двора эта красавица и приносит... Что бы ты думал? – Ольга Степановна выдержала красноречивую паузу – приносит какую-то грязную облезлую кошку!

– Не кошку, а котика, – сквозь плач просопливила Виктория.

– А вдруг она заразная? И зачем тебе кошка? – возмутилась Ольга Степановна.

– Не мне, а вам с мамой нужен котик.

– Нам-то кошка на что? – с новой силой возмутилась Ольга Степановна.

– На шапки. Я вам хотела их сшить. Котиковые... Я этого котика два дня выслеживала. Ещё бегала за ним, пока поймала. Шапка из котика – это модно... А ты... Ты его выг-на-ла. Ты жестокая, – Виктория опять захлопала носом.

– По-моему, это ты жестокая девочка, – с деланной строгостью ответила Ольга Степановна, – ты из кошки шапки собиралась шить, а я её отпустила...

После уроков Сергей в учительской был пойман ре-
тивыми англичанками.

«Как тот вчерашний котик», – подумал он.

Англичанки настойчиво предлагали культурно отдох-
нуть и развлекаться в их милом обществе.

Сергей вежливо, но решительно отказывался.

– Нет, ты к нам ещё не привязался! – расстроенным
дуэтом вздохнули отвергнутые англичанки...

На улице было мокро, но без дождя.

Маша ждала Сергея у школьных ворот.

– Ты ко мне уже привязалась? – спросил Сергей.

– Привязалась, – сказала Маша и двинулась рядом с ним.

– А не отдохнуть ли культурно нашему милому мало-
му обществу?

– Такое впечатление, что наше милое малое общество
отдыхает исключительно некультурно...

– А разве это культурно – целоваться на улице?

– А разве это культурно – целоваться в кино?..

Они – как раз – шлёпали по лужам мимо кинотеатра.

– Зайдём? – спросил Сергей.

– Нет. Видишь, что на афишах написано. На все филь-
мы «Дети до шестнадцати лет не допускаются».

– Ну и что?

– А то. Мне шестнадцать исполнится только в марте...

– Это, конечно, в корне меняет дело, – улынулся Сер-
гей, – куда же в таком случае мы пойдём?

– Мы пойдём гулять. Мы теперь будем очень много
гулять...

– Почему?

– Потому что я почти совсем не бываю на воздухе...

– Но ведь у вас там, в новых районах – чего-чего, а
воздуха пока хватает.

– А добираться-то сколько времени... Ведь у чёрта на
рогах. Сам же ездил – знаешь...

– А кто тебя заставляет таскаться в школу за тридевять
земель?

– Английских школ у нас там покуда не построили. Да и привыкла я, привязалась, – Маша чуть грустно усмехнулась, – хотя вообще-то я фаталистка! – неожиданно закончила она.

– Ага. Самая настоящая: ко мне первой не подошла. Не заговорила. А всё ждала у моря погоды и от судьбы знаков...

– Вообще-то я фаталистка, – почти неслышно повторила Маша...

Ночью, лёжа на раскладушке, Сергей думал. В принципе, Сергей подозревал, что по-настоящему думать можно только ночью. И даже не потому, что с утра до вечера на это просто нет никаких просветов... Скорее, потому, что ночь Сергеем не воспринималась как ожидание. Ожидание чего-то... Сергей как бы сбрасывал с себя этот повседневный груз. Пусть на время. Однако ночное время длилось настолько медленно, что его течение было почти неощутимо. Ожидание возвращалось в жизнь Сергея лишь под утро...

Сергей думал о Маше, о себе, о том, что же, в конце концов, произошло и продолжает происходить. «Нет, крутить любовь со своей ученицей – это какой-то бред», – думал Сергей. «И дело тут не в том, кто что скажет... Она же совсем девчонка. Учить я её должен, учить, а я? Но ведь она же мне действительно очень нравится... Господи, бред, определённо, бред... Ну, подошла ко мне, ну, погуляли по городу, ну, домой проводил... Но я же учитель ей. Не учитель, а практикант... Да, но она ведь мне ученица. Даже не так – сейчас ученица, а потом я уйду – ей же здесь оставаться, без меня... Может, попробовать ей объяснить? Впрочем – что? Что я могу ей объяснить, когда сам толком разобратся не в силах...»

Сергей в очередной раз перевернулся с боку на бок. Раскладушка жалобно заскрипела. Не только жалобно, но и протяжно-громко.

Заворочалась Ольга Степановна на своей двуспальной..

Спросила заспанно:

– Ты спишь?

– Да. И очень крепко, – ответил Сергей.

На следующий день уроков в девятом классе у Сергея не было.

Машу он не встречал. И даже отчасти был этому рад..

Практика практически отработана.. Провести контрольный урок – и всё.

Прощай, родная школа! До свидания, дорогие учителя! Будь счастлива, милая Маша!..

Сергей вышел из дверей школы.

Стояло бабье лето. Уже третье за осень. Во всяком случае, выглядело очень похоже..

По свежечерченным на асфальте «классикам» смешно прыгала Виктория.

Неподалёку прогуливалась Маша...

– А теперь ты! – строго сказала ей Виктория, – на вот, возьми мою битку...

И Маша послушно взяла.

– Прыгай! – скомандовала Виктория.

И Маша запрыгала на своих красивых длинных ногах. Вернее, на одной красивой длинной ноге, потому что по правилам – на двух прыгать запрещено...

– А вот и Серёжа, – радостно заорала Виктория, – Эй, иди к нам! Тоже будешь прыгать. Сразу вслед за Машей. Видишь, как она здорово прыгает?

– Я не только вижу. Я, между прочим, даже знаю, почему она так здорово это делает, – сказал Сергей.

– Почему? – спросила Маша.

Светло-каштановые волосы падали ей на плечи. Огромные серые глаза смотрели на Сергея и улыбались.

– Потому что ноги у тебя растут из подмышек, – очень серьёзно ответил Сергей...

1982

ОТКРЫВАТЕЛЬНИЦА КУРИЛКИ

Ещё поднимаясь по лестнице, я услышал голоса – догадался, что курилка не пустует.

Собственно говоря, курилка – и не курилка вовсе, а уютный пяточок между вторым и третьим этажами. Уют же этому пяточку, наверное, придаёт типовое квартирное окно с видом на двор. Да и подоконник – вещь удобная: сидишь себе, ногами в своё удовольствие болтаешь, разговоры разговариваешь...

Танька – так вообще утверждает, что настолько сроднилась с курилкой, что та чуть ли не самое главное место в её жизни. Танька, конечно, утрирует. Но она имеет на это право. Танька – открывательница курилки. Однажды она забыла ключи, долго слонялась по подъезду (шёл дождь – деваться ей было некуда) – и, наконец, открыла курилку.

Мы с Танькой учились в одном классе.

Первого сентября аж шестнадцать лет назад я сразу же обратил на Таньку внимание, потому что она чем-то походила на мою детсадовскую любовь. Я до сих пор помню как хороша была Танька в своей короткой зелёной курточке, небрежно накинутой на плечи поверх школьной формы.

Таньку я любил целых три дня, а потом просто стал привыкать. И к ней. И к школе...

В третьем классе нашей учительнице пришло в голову разучить с нами и поставить пьесу из жизни то ли суворовцев, то ли нахимовцев.

Называлась пьеса «Всё хорошо, что хорошо кончается». Как у классика.

Впрочем, оперируя словами из пьесы ещё одного классика – это был «другой Юрий Милославский».

Под распределение ролей учительница отрядила урок чтения. Таньке как дочери кинорежиссёра без вопросов досталась главная женская роль (чья-то мама). Я же после долгих споров и голосований был утверждён на роль главного суворовца-нахимовца.

Мы с октябрятским энтузиазмом взялись за разучивание ролей – и уже через неделю знали их назубок. Но одно дело вы зубрить свою роль (и даже все чужие) и совсем другое – сыграть пьесу. Как с нами ни билась наша учительница, ничего у неё (в смысле – у нас) не получалось. И тогда она придумала, чтобы Танька привела всем в помощь собственного папу-кинорежиссёра.

Теперь по вторникам и пятницам после четвёртого урока в актовом зале школы несчастный папа-кинорежиссёр занимался постановкой третьеклассного спектакля...

Занимался в актовом зале ровно до тех пор, пока на очередной из репетиций наш отличник, игравший роль двоечника и хулигана, возвращающегося с катка, прицельно бросив связку коньков, не попал прямо в бровь (слава богу – не в глаз!) пятилетней дочери папы-кинорежиссёра, Танькиной сестре Натусе. Её их общий родитель вынужденно взял с собой. Ведь дома дошкольницу оставить было не с кем (Танькина и Натусина мама трудилась актрисой...).

Натусина бровь зажила довольно быстро, и репетиции продолжились. Правда, теперь уже не папа-кинорежиссёр тащился на них в школу, а участники будущего спектакля в сопровождении чьей-нибудь дежурной старшей родственницы отправлялись к нему на квартиру.

Так я впервые оказался у Таньки дома.

Всё хорошо, что хорошо кончается. Спектакль мы, в конце концов, сыграли.

Танька выпросила у мамы-актрисы модные тогда туфли на шпильках. Они ей были здорово велики – и чтобы они не соскакивали с ног, Танька моталась взад-вперёд по сцене, как балерина, – на цыпочках.

Я же прочно стоял на месте – и выкрикивал положенный мне текст, намертво вцепившись ладошками в широкие красные лампы, которые предварительно нашли на мои серые школьные брюки (сдаётся мне, я всё-таки играл суворовца...).

В шестом классе я снова влюбился в Таньку.

До этого, во втором классе, я был влюблён в Свету Прошину.

Однако это, скорее, было похоже на стадное чувство: в обладательницу довольной скромной внешности Свету оказалась влюблена вся мужская половина класса.

Девчонки недоуменно пожимали плечами, едко хмыкали и горько хихикали. Мальчишки стайками вились вокруг Светы, – и каждый старался обратить на себя её внимание. Кто пел, кто плясал, кто дрался...

Света ходила гордая, раздавая направо и налево ненатуральные пощёчины, а заодно посылая всех подряд «в баню»...

Света была очень самостоятельной – и без сопровождения взрослых, на двух автобусах с одной пересадкой ездила в школу и домой (ещё в первом классе она вместе с родителями переехала в какую-то новоиспечённую московскую тьму-таракань, но категорически отказалась перейти в другую школу. «Мама! – сказала она, – я должна с детства привыкать к раннему вставанию и автобусной давке. Мне ведь и в институт ездить придётся...»).

Иногда Света разрешала кому-нибудь из мальчиков проводить себя до первого автобуса...

Я потом думал: как так могло случиться, что все (все поголовно!) мальчики 2-го «А» оказались влюблены в Свету?

Конечно, трудно безошибочно сказать, почему это стало возможным, но, мне кажется, что объяснялось сие весьма просто. Двое из нас одновременно влюбились в Свету. Остальные дружно удивились – и каждый про себя подумал примерно следующее:

«Наверное, я чего-то особенного в ней не заметил. Те двое, небось, не зря за ней бегают...»

Но я отвлёкся. Итак, в шестом классе я снова влюбился в Таньку. А в последний день апреля она пригласила весь наш класс на своё двенадцатилетие.

Мама дала мне три рубля – и я помню, как я мучился, не зная, что подарить Таньке на день её рождения. Ещё я

мучился оттого, что мне очень хотелось это сделать скромно и ненавязчиво.

Наконец я придумал.

Танька откроет дверь, а я смущённо скажу ей – На! – и протяну свой подарок...

В действительности всё, естественно, вышло совсем не так.

После длительных сомнений я купил Таньке в подарок игрушечного крокодильчика. Если такого крокодильчика держать рукой за кончик хвоста, то всем своим остальным телом он начинает извиваться. Причем извивается до тех пор, пока тебе самому это не надоест...

К Таньке на день рождения я отправился не в одиночку, а со своим соседом по парте. Мы с ним жили рядом – и наши мамы за нас решили, что мы пойдём к Таньке вместе.

Сосед нёс Таньке в подарок пластинку популярного тогда певца Вадима Мулермана.

Танька открыла дверь.

Сосед протянул ей пластинку и сказал дурашливым басом:

– Таня, пой, как Мулерман!

Танька засмеялась.

«Ну и очень глупо», – подумал я, однако почему-то продолжил в том же бодром хореическом духе:

– И не плачь, как крокодил! – ляпнул я и протянул Таньке крокодильчика.

Я держал его за кончик хвоста.

Танька смотрела, как он извивается – и глаза у неё были серьёзные.

Потом, за столом, мы пили фруктовую воду, ели салаты, курицу и торт.

И мне сделалось почему-то очень грустно.

И я решил смотреть телевизор в смежной комнате.

Но мне сначала не давали и стыдили.

Хотя потом – всё-таки – отстали – и я смотрел футбол вдвоём с Танькиным папой-кинорежиссёром (он прямо-таки утопал в огромном мягком кресле).

Наши играли с венграми – и проигрывали на чужом поле со счётом 0:2.

А за пару минут до финального свистка вышедший на замену молоденький чернявенький Давид Кипиани головой забил один ответный гол.

– Всё! – хорошо поставленным голосом продекларировала мама-актриса, – Татьяна, проводи гостей!

И Танька пошла провожать.

И всех потихоньку проводила.

Остались только мы с соседом.

Но затем она и нас проводила.

А следом мы проводили Таньку...

В её тёмном пустынном дворе мы долго качались на качелях.

Мы качались по очереди: сначала раскачивал я – и Танька качалась с соседом, потом раскачивал он – и Танька качалась со мной.

Я никогда не любил ни качелей, ни каруселей (у меня даже от одного их вида кружилась голова), но в тот раз сердце моё взлетало и падало, а голова кружилась как-то принципиально иначе...

И мне хотелось качаться так всю жизнь – лишь бы слышать снова и снова как рядом поойкивает от страха и удовольствия Танька...

А в восьмом классе я объяснился Таньке в любви.

Я просто спросил у неё:

– Танька! – спросил я, – можно я буду называть тебя Танечкой?

Вокруг Таньки в это время вертелось 5-6 человек, но мне это было совершенно всё равно.

– Можно! – ответила Танька.

Танечкой я её так ни разу и не назвал.

Ведь через неделю на школьном вечере я вдруг увидел Лену Родионову, с которой до того момента благополучно проучился в одном классе все восемь лет, совершенно её не замечая...

Начиная с восьмого класса, Танька стала регулярно поговаривать о переходе в другую школу.

Я сильно забеспокоился.

Несмотря на то, что никаких отношений, кроме школьных, я с Танькой не поддерживал, мне не хотелось, чтобы она уходила.

Да и ребятам тоже. Вся мужская, теперь уже не половина, а треть класса (многие по разным причинам перевелись в другие школы) относилась к Таньке как-то по-особенному – не так, как к другим девчонкам.

Наверное, мы, пятнадцатилетние, в ней первой (из окрестных девочек) *разглядели* женщину.

Это уже не было то стадное чувство, которое возникло у нас когда-то по отношению к Свете Прошиной.

Это было нечто совсем иное – и дело тут было именно в самой Таньке.

О чём она прекрасно знала...

В десятом классе я понял, что Танька ни в какую другую школу не перейдёт.

На выпускном вечере я танцевал с Танькой и совершенно ни о чём не думал.

Мы окончили школу – и разбежались кто куда.

Случайно встречая кого-нибудь из школьных приятелей, я обязательно интересовался, как там Танька.

Никто толком не мог ответить.

Кто уверял, что Танька поступала в театральное училище.

Прошла творческий конкурс, но почему-то забрала документы.

Кто утверждал, что Танька всё лето просидела дома, на подоконнике – загорала...

Таньку я не видел два года.

А потом пожаловал к ней на день рождения.

Танькин день рождения – это общий праздник под девизом: «Кто помнит – тот придёт!..»

И всегда все помнят и все приходят.

Я тоже помнил всегда, а вот приходиться как-то не решался.

Сам даже не знаю – почему.

Не решался – и всё.

Хотя понимал, что мне будут рады.

Дверь мне открыла сама Танька.

Она была неотразима.

Она вообще обладала удивительной способностью: если ей хотелось быть неотразимой, она таковой и была.

У неё и своя максима любви имелась: «Если хочешь быть любимой – будь ей!..»

А когда Танька бывала чему-то (или кому-то) по-настоящему рада, она прямо-таки начинала светиться изнутри..

Может быть, поэтому почти все, кого Танька встретила в своей жизни – и кто сумел показаться ей хоть скольконибудь интересным – оставался потом *при ней*.

Я не видел Таньку два года, но всё равно я оставался *при ней*.

О чём она прекрасно знала..

С того Танькиного дня рождения прошло четыре года.

С Танькой мы видимся часто.

Общаемся. Разговариваем. Порой спорим.

Она очень хорошо умеет слушать.

Танька забирается с ногами на свой узенький диванчик, по-бабьи подпирает руками подбородок – и – слушает.

После она задаёт вопросы. И не просто, чтобы задать, а потому что ей интересно.

Я так и не спросил у неё, поступала ли она в театральное училище.

Да это и не важно.

Главное, что она сама поняла, что кино и театр как профессия – это не её.

Сейчас я иду к Таньке.

Ещё поднимаясь по лестнице, я услышал голоса – и догадался, что курилка не пустует.

Я миную очередной лестничный пролёт – и явственно слышу: Танька кому-то жалуется на то, что ей, как почти всякой студентке-вечернице (Танька очень разболтанно учится в одном гуманитарном ВУЗе) поставили тройку, но ведь она, Танька, не такая, не всякая...

Она ведь, в принципе, к любому предмету не по учебнику готовится, а по первоисточникам (иное дело, что девушка их опять так и не удосужилась даже раскрыть...).

– Лучше бы уж пару влепили! – слышу я низкий Танькин голос.

1982

РАССКАЗЦЫ

БОБ

Боб.

Так он сам всем представлялся.

И так все его звали.

Хотя именем был он вовсе не Борис.

А Владимир.

Володя.

Вова.

Вов.

Что по-английски читалось как Боб...

Видимо, такое ребяческое небольшое западничество придавало ему дополнительный вес.

В собственных глазах.

Осуществляло внутреннюю поддержку.

Освобождало силы для внешней жизни.

В эпоху расцвета битлов.

Либо надменно игнорируемых, либо грубо и огульно ниспровергаемых.

На бескрайних официальных просторах тяжеломерно встраивающегося в остальной мир отдельно взятого социалистического отечества...

Лет на шесть старше меня, аккуратно-длинноволосый, горбоносый, толстогубый, с тёмно-черешневыми крупными влажноватыми глазами, смуглолицым хищноватым профилем немного напоминающий индейца, в сандалетах или вьетнамках – приходил он к нам на участок.

Огромный прямоугольный, по всему периметру огороженный штакетником участок, внутри которого спокойно помещалось четырнадцать летних двухэтажных государственных дач руководящих работников радиокомитета.

Вкупе с разномастными деревьями-кустами, личными клумбочками-огородиками, спортплощадкой, беседкой, сторожкой, семью «зелёными домиками»-туалетами, четырьмя наружными водопроводными кранами...

По принадлежности участка к радиокомитету именовалась и улица его нахождения – улица Радио.

Боб – как и мы – дети и внуки радиокомитетчиков (на самом деле это был уже комитет по радиовещанию и телевидению, впоследствии ставший комитетом по телевидению и радиовещанию) приезжал сюда, на поселковую улицу Радио из Москвы.

Каждое лето.

Погостить.

Здесь, в покосившемся жалком домишке, что почти незаметно располагался вблизи главного местного шоссе, жили какие-то его родственники.

А Боб традиционно располагался у них...

Имелся у Боба старший брат.

Вася.

Который длительно сидел.

То ли в тюрьме, то ли в колонии.

Вот, собственно, и всё, что я знал о Бобе, приходящем почти ежедневно к нам на участок.

Боб нравился мне тем, что в отличие от наших радиокомитетских и чужих поселковых (по-нашему: деревенских) никогда не ругался.

Он выглядел открыто-благожелательно-вежливым ко всем без исключения.

Будь то четырёхлетняя малышка или крупный начальник.

Его нежная предупредительность не имела ничего общего с подобострастием.

Поэтому его на участке любили.

Практически все.

Кроме двух начальников с говорящими фамилиями:
Зверев и Лапоногов.

Пытаясь играть в демократов, они рядились в шорты.

Но вряд ли хоть кого-то из нас мог ввести в заблуждение этот неприкрытый камуфляж.

Зверев и Лапоногов кропотливо старались выдавить стороннего Боба с территории участка.

Лишить его всякой прямой возможности влиять на неокрепшие души своих юных внуков.

Различными способами.

От угроз до наговоров.

И – даже – кратковременно – у них, Зверева с Лапоноговым, получалось.

Однако стойкий плод собственноручно вынужденной свободы и независимости – Боб – Фениксом из пепла – в очередной раз возникал на нашем огороженном участке.

Ведь также являлся обладателем говорящей фамилии: Шестопалов...

Я его потом, намного позже, однажды случайно встретил – в московском автобусе олимпийского восьмидесятого.

Сразу узнал.

Чуть поколебавшись, окликнул.

И он, кажется, к своим двадцати семи изрядно потрёпанный жизнью, вроде, меня узнал тоже.

Разговора, впрочем, у нас не получилось.

Не нашлось о чём.

Надо же: все наши общие слова остались там, на участке...

ЖЕНЯ

По-моему, ей было четыре с половиной.

А мне – шестнадцать.

И дня три из моих последних школьных каникул я провёл с Бабушкой и Дедушкой.

На даче.
На участке.
Там за одним забором располагалась сразу четырнадцать двухэтажных дач.
И в каждом доме проживало по две семьи...
Дачи, будучи государственными, распределялись ежегодно.
Зимой.
На летний период.
Поэтому порой происходила – как сказали бы нынче – ротация кадров.
Кто-то получал дачу из года в год, кто-то не столь регулярно.
Случалось, всего разок-другой.
Кому-то доставался низ, кому-то верх.
Кто-то постоянно жил в одной и той же, кто-то всё время оказывался в разных.
Это зависело от кучи факторов.
Но сейчас – не об этом...
В общем, верх соседней дачи достался новичкам.
Семье, где, помимо уже выросших детей, у предельно возрастных родителей наличествовала малышка.
Короткостриженная, крупноглазая, женственная, обыкновенно встроенная в трусы и рубашки домашнего шитья, болталась она неприкаянно вблизи своей дачи номер девять.
Под относительным присмотром перманентно занятой неотложными хозяйственными делами мамы.
Ходившей (и туда-сюда бегавшей) в скромненькой косынке вечной работяжки.
А перед окнами нашей дачи номер десять стоял прямоугольный стол.
За которым я спортивную газетку часами въедливо мусолил...
Вот и стала стриженная под мальчика молчаливая одинокая четырёхлетняя девочка с мужско-женским именем Женя постепенно ко мне прибиваться.

И за пару деньков прибилась окончательно.
На колени ко мне по личной инициативе стала доверчиво забираться-вскарabкиваться.
Чтобы долго сидеть на них.
Как вкопанная.
Как влитая.
Ни слова не говоря...
Рукой моей правой – на всякий случай – страхуемая.
В области ребёночьего животика.
Дабы не соскочила с колен тоненькая девочка.
Или не съехала ненароком...
И – вдруг – сидевшая до той поры неподвижно девочка Женья – руку мою накрыла.
Шершавой своей маленькой ладошкой.
К самому низу животика, под свободную резиночку детских трусиков потихонечку, нежно очень потянула...
Набоковскую «Лолиту» я тогда ещё не читал.
А если б и читал – что бы это изменило?

СТАСЯ

– Вы меня убили наповал! – сказала Станислава Васильевна, мне двадцатиднолетнему, хорошенько затянувшись.

Она курила импортные тонкие сигареты, коих в Москве восьмидесятого не водилось.

– Из междунoгана! – выдохнула статная, почти пятидесятилетняя Стася, – вдогон.

Вместе с выпущенной сквозь ноздри порцией дыма.

После чего выдала порцию серебристо-хрипловатого смеха.

Это в её устах означало наивысшую меру поощрения.

Воздушно залитованную похвалу какой-нибудь очередной моей каламбурной шутке.

А когда Стася впервые среагировала так на мои слова, я поначалу решил, что ослышался...

Стася ещё несколько раз вальяжно-элегантно затянулась – и серо-зелёные большие глаза её в зрачках заметно расширились.

Подёрнулись нежной наркотической дымкой.

«Похоже, она в свои персональные сигареты что-то подмешивает» – снова пришло мне в голову.

Чтобы через пару секунд снова оттуда вылететь.

Мы выпили всей компанией за что-то малосущественное – и Стася вдруг принялась декламировать стихи.

Она их именно декламирала.

Несмотря на показавшуюся мне очевидной пародийность ситуации.

Это были стихи очень известного поэта.

И были они про неё.

Про Стасю.

Видимо, я единственный из всей спонтанно сложившейся за лето субботне-воскресной компании знал их.

Потому что читал.

И даже перечитывал.

В сохранившемся у нас дома пёстрообложечном альманахе «День поэзии» первой половины, ещё оттепельных шестидесятых.

Жила Станислава Васильевна в нескольких троллейбусных остановках от Серебряного бора.

В панельной хрущобе.

Вдвоём с горячо любимой таксой.

И страстнейшим образом желала выучить её охотиться на лис.

Регулярно возила свою косолапую девочку в места скопления лисьих нор.

Где под руководством инструкторов пыталась склонить непокорную к натаске.

Однако та привычно артачилась и нос от лисьих нор высокомерно воротила...

Тогда, по слухам, решительная Стася подобрала уличного котёнка.

А потом его зарубила.
Топором.
На собственном балконе.
Чтобы в таксе кровожадность вызвать.
То есть, охотничий инстинкт...
Гляделось бы логичнее, если бы Стасина такса являлась фокстерьером.
Но мне помнится, что она была именно таксой...

УТРО В СЕРЕБРЯНОМ БОРУ

Был такой период в моей жизни, примерно двухгодичный (точнее, двухлетний), когда с конца мая по конец августа я ездил в Серебряный бор – купаться.

Около шести я садился в пустой троллейбус – и минут через тридцать пять оказывался на конечной.

Откуда ещё минут двадцать с жёлтым, выдавшим виды, потрфельчиком в руке, брёл вдоль лесопарковой протоптанной широкой тропинки.

По безлюдной утренней сказке.

Потом под ногами возникал песок.

Я снимал светло-рыжие сабо, брал их в свободную руку – и вскорости добредал до берега Москва-реки – тоже пока безлюдного.

Здесь, не доходя чуть больше километра до знаменитого татаровского пляжа №3, было моё прибежище.

Идиллии не разрушали ни кучки вчерашнего мусора, не бывшие в употреблении и теперь висящие на ветках, без отдачи позаимствованные из автоматов с газированной водой, гранёные стаканы.

Я расстилал старенькое одеяльце, приписанное ко мне по факту рождения (когда я вырос, Бабушка на нём гладила), пристраивал рядом портфельчик с полотенцем, запасными плавками, толстым журналом и парой яблок, а сам заходил в охлаждающую речную воду.

Напротив, на другом берегу, игрушечно торчали кривые деревенские домики.

Иногда слышался плеск, вслед за которым появлялись проплывающие мимо гребные академические лодки: от одиночки до восьмёрки.

Я же – точно – был одиночка.

И в этот час, на утреннем пологом берегу – тоже...

Разрозненный народ начинал появляться часам к девяти, становясь подобием масс в районе одиннадцати.

Он кучно попадался мне навстречу, когда я уже возвращался, держа путь к троллейбусному кругу.

Но утро, о котором речь, выстроило себя несколько иначе.

Хотя сперва разворачивалось штатно.

Я купался, неторопливо разгуливал босыми ступнями по прибрежному песку и траве.

Читал «Новый мир»...

И вдруг заметил, что на берегу я не один.

Услышав звук прыгающих по речной воде плоских камешков.

Седой человек в зелёной одежде предавался обычной мальчишеской забаве, стараясь так запустить камешек, чтобы тот, проскакав, отставил после броска как можно больше уловимо булькнувших следов...

Седой косматый человек, будучи от меня в отдалении, стоя ко мне спиной, бросал в реку плоские камешки – и по его неумелым скованным девчоночьим замахам я догадался, что это женщина.

Какая-то пожилая неуютная женщина в зелёном бросала камешки в Москва-реку.

А потом бросать перестала и отошла вглубь берега, очутившись от него дальше, чем я.

А потом стала приближаться ко мне.

Постепенно.

Концентрическими кругами.

Радиус которых с каждым очередным делался всё меньше и меньше..

Никого кругом не было.

Кроме нас.

И физически напрягающих меня её концентрических кругов...

Теперь, невзирая на охватившую душу тревогу и ощутимую панику, я мог разглядеть неотвратимо приближающуюся ко мне женщину.

Зелёной была не только её верхняя одежда (байковый больничный халат, под ним какая-то роба, на ногах пижамные штаны), но и шерстяные носки с поперечными полосками разных оттенков зелёного.

И даже мужские тупоносые, изрядно поношенные полуботинки.

И даже пластмассовая, кособокая, в обмотках изолен-ты (где она такую взяла?) оправа очков.

Именно оправа.

Абсолютно пустая.

Без стёкол.

А на мне очков не было.

Зато в невооруженных глазах моих всё было зелено, будто я очутился в Изумрудном городе, где Гудвин, великий и ужасный, распорядился выдать мне обязательные там для ношения зелёные очки...

Безумная всклокоченная седая женщина во всём зелёном (похоже, она сбежала из психиатрической лечебницы) безумными концентрическими кругами с постоянно уменьшающимся радиусом движения неотвратимо приближалась ко мне, крепко опутывая меня, как водорослями, липкой зелёной тоской...

Почему-то жизнь сегодня решила дать этой ненормальной зелёную песчаную улицу.

Вот она и следовала по ней.

Как умела.

Женщина в зелёном уже настолько приблизилась, сузив кольцо до критической отметки, что теперь делала свои круги практически ко мне вплотную.

Лохматая старица, акцентировано приподнимая колени, перешагивала через углы уродённого одеяла – лежащего на песке покрывала, а я, сидящий в самом его центре, лихорадочно вертелся – лишь бы всё время быть к сумасшедшей лицом...

Она же, продолжая шествие по кругу (правда, без уменьшения радиуса движения) обратилась ко мне с вопросом.

– Вы первобытный человек?

– Нет! – опасливо ответил я.

– Почему? – искренне удивилась она.

– Так получилось, – ответ мой носил выжидательный характер.

– А деньги у вас есть? – неожиданно легко переключилась она на другое.

– Медь, – я старался быть краток.

– Покажите! – строго сказала зеленоцветка.

Я вытряс из голубых, в конце прошлой пятилетки купленных у фарцовщика за 150 рублей джинсов «Lee», кучку мелочи – на проезд и про запас – всего 24 копейки.

– Дайте мне! – капризно и жалобно попросила всклокоченная безумица.

– Остальное моё! – расхрабрившись, я сбросил в её морщинистую ладошку два тяжёленьких пятака.

Между тем, на только что ещё почти пустынном пляже стало образовываться нечто вроде тихого завихрения.

Разрозненные группки народных масс хаотичными струйками стекались к реке.

В планы сумасшедшей обладательницы двух медных пятаков это, по-видимому, не входило – и она принялась постепенно исчезать.

Концентрическими кругами.

Каждый из которых, увеличивая радиус движения, уводил её всё дальше от берега.

И от меня.

Попадавшиеся по дороге люди незримо её подгоняли.

А потом зримо поглотили.

Чтобы она исчезла окончательно.
Я выждал минут пятнадцать и тоже покинул пляж.
Я брёл к троллейбусному кругу.
Навстречу мне пёрла говорливая толпа.
Стремительно заполняя общую зону отдыха.

ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ...

Мы вышли ночью проводить его маму и моего папу.
Из их с мамой квартиры.
В нашу с папой...
Сами же, проводив, намеревались вернуться назад.
Он был моего возраста – и утром мы собирались вместе поехать купаться.
От их с мамой квартиры до Серебряного бора было всего пять троллейбусных остановок.
Какое-то время мы безуспешно ловили такси, а две узких высокорослых девушки неподалёку и с тем же успехом дожидались общественного транспорта.
Наконец, мы задачу выполнили.
В отличие от девушек.
Чья задача выглядела невыполнимой по определению.
Ведь на дворе (и на улице) было около половины второго.
Но – как только мы посадили наших родителей на такси, барышни-гигантши координировано бросились к нам.
С просьбой проводить их домой.
Причем – в совершенно разные стороны...
Таким образом, одну пошёл провожать он, другую отправился я.
Предварительно договорившись, что через полчаса встретимся.
В их с мамой квартире.
Владелец единственного на нас двоих подходящего комплекта ключей, он планировал попасть в квартиру первым.

Поэтому взялся провожать ту из девушек, которая жила ближе...

Одинаковосреднеростые, мы двинулись в противоположные стороны, ведя под руки наших почти двухметровых спутниц.

Так они попросили...

Благополучно исполнив роль провожатого, я поспешил к его дому.

В коем бывал до того всего пару раз.

Но – окрестные кварталы хрущёвских пятиэтажек выглядели близнецами-братьями.

Или сёстрами.

Особенно, в кромешной ночи...

Я помнил номера дома, подъезда, этажа, квартиры.

Знал точное название улицы.

Однако в два часа ночи это ничего не меняло.

И в три, и в четыре...

Я взбегал по лестницам на нужный этаж и звонил в правильный номер квартиры.

Иногда мне открывали незнакомые люди.

Иногда – люди уже знакомые.

Потому что я звонил в их дверные звонки не впервые...

Порой же не открывали совсем.

Начало светать.

Но почему-то ничего в моём алгоритме не изменилось.

Я по-прежнему лихорадочно метался между подъездами и домами...

Когда, ближе к пяти, я в очередной раз позвонил в типовой дверной звонок – мне сначала никто не открывал.

А потом всё-таки открыли.

Вдруг.

Он сам и открыл...

– Ты? Чего так долго? – ошарашенно спросил я.

– Думал, это у соседей телефон звонит! – доходчиво объяснил он...

ИНТЕРЕСАНТ

Генсеку Брежневу жить оставалось года полтора.

Ранним воскресным июньским утром я шёл вдоль безлюдной родной улицы (правда, по чужой её стороне) и вдруг – откуда ни возьмись – на подходе к зданию Кинотеатра Элитарного Фильма передо мной возник благообразный старичок.

На нём была белая летняя фуражка и светлый френч сталинских времён.

А ещё – серые выглаженные брюки и не бросающиеся в глаза сандалеты.

Левой рукой старик опирался на обыкновенную аптечную трость.

– Здравствуйте, я в некотором роде интересант, – эта, первая его фраза, явно адресовалась мне.

Я несколько опешил, пытаюсь сообразить, что означает слово «интересант».

И заодно моментально вспомнил, как пару лет назад в городе на Неве, в двух шагах от пушкинской квартиры на Мойке, вынырнувший из подворотни пьяный, столкнулся со мной и неожиданно произнёс:

– У меня к вам идеал!..

После чего растворился в окружающей реальности.

Благообразный старичок продолжал:

– Извините за назойливость, но давно ли вы отращиваете вашу бороду?

«Ну, всё! – скучно подумал я, – опять она, эта тягомотина...»

Дело в том, что незнакомые пожилые люди (по большей части – женщины) почему-то считали возможным, оказавшись со мной рядом в какой-нибудь советской очереди или переполненном общественном транспорте, обратиться с одной и той предсказуемой до банальности тирадой.

При этом – за редким исключением, на «ты».

Тирада, выпущенная в меня страстно и праведно, обычно выглядела приблизительно так:

– Молодой человек, сбрей ты эту бороду!

Зачем она тебе сдалась!

Только старит и целоваться мешает.

Сбрей, милоч!

Не позорься!

А состариться ты ещё успеешь...

За четыре неполных года ношения бороды я уже вполне свыкся с тем, что она (моя, а не чья-то) вызывает у множества различных людей повышенное внимание и активное желание вмешаться в естественный ход течения её судьбы.

В институте был один преподаватель, грозивший не поставить мне зачёт, в случае, если я не сбрею бороду.

Якобы симпатизировавший мне ответственный секретарь журнала ЦК ВЛКСМ намекал, что, если я надеюсь увидеть напечатанной собственную рецензию в этом издании, с бородой мне придётся расстаться.

Бабушка каждый день в телефонном разговоре интересовалась, скоро ли я, наконец, посету её гладковыбритым...

Да и вообще, время было такое, когда борода безошибочно воспринималась социумом как определённый вызов и противопоставление себе.

В смысле – ему...

Не могу поручиться, что ощущение этой перманентно размытой враждебности толкало меня, молодого, на открытое сопротивление вяло умирающей системе.

Скорее, вынужденно и половинчато подталкивало, ища во мне хоть какой-то наружный отклик...

– Давно ли вы отращиваете вашу бороду, молодой человек? Позвольте узнать! – благообразный старец во френче и летней фуражке по-прежнему стоял передо мной.

Я ответил нечто отдалённо похожее на правду.

– Благодарю вас, молодой человек! – сказал старец, – Вы удовлетворили моё любопытство.

А теперь – не откажите в любезности, послушайте мою просьбу.

И пусть она не покажется вам странной.

Просьба касается вашей бороды.

Наверняка из-за неё вы уже имели сложности.

Наверняка будете иметь ещё.

Так вот – не сбривайте её, молодой человек, пожалуйста, сколько сможете.

В ней есть некий мятежный дух!

Чсть имею! – старец приложил чуть подрагивающую телесно-голубую ладонь к жёсткому козырьку белой фуражки – и в мгновение ока – пропал.

Соткавшийся из воздуха летним воскресным утром вблизи Кинотеатра Элитарного Фильма, он всего на пару минут вторгся в мои жизненные владения.

Вторгся, чтобы на материальном уровне бесследно исчезнуть.

Ещё несколько лет, всякий раз подходя к зданию Кинотеатра Элитарного Фильма, я рефлекторно притормаживал, вспоминая ту единственную нашу встречу.

А бороду я сбрил.

Месяца за четыре до своего пятидесятилетия...

ДАЧА С ГАЗОМ И ВОДОЙ

Дачу мы снимали два раза.

Точнее, один.

Потому что первый раз это за нас сделала теща.

Оказавшись вблизи посёлка Ивантеевка, у бывшей соседки, с которой продолжала приятельствовать.

В дождливый майский денёк теща под зонтиком прошвырнулась по частному сектору, чтобы довольно скоро выйти на неких тётю Фаю и дядю Васю, сумевших с ходу порадовать её своей симпатичностью, а заодно милостиво согласившихся сдать комнатку.

По приемлемой цене.

Не буду вдаваться в мельчайшие подробности того лета, скажу только, что с дачи жене и сыну весьма скоро пришлось дать дёру.

Ибо дядя Вася любил бегать в трусах и в майке.

Пьяным.

Размахивая топором.

По всему дому.

За тётёй Фаей.

А ещё брать на закуску из холодильника наши консервы, привезённые из Москвы.

Тётя Фаёя же постоянно приставала к жене, чтобы та оплатила комнатку.

Притом, что мы её и так оплатили.

На месяц вперёд.

Правда, тётя Фаёя – вдогон – всегда слёзно извинялась. Жалобно упирая на то, что она припадочная...

Вот ей, припадочной тётё Фае, видимо, не без влияния запойного дяди Васи и посвятил мой двухсполовинолетний сын, своё, кажется, первое стихотворение.

Я уже совсем большой:

Тётю Фаю бью ногой!..

Таков был наш начально-печальный опыт снятия дачи.

Притом что вообще тогда всё закончилось хорошо.

Ведь на остаток лета жену и ребёнка бескорыстно приютили в другом, куда как более симпатичном доме.

А именно: в квартире.

С видом на лес...

Попытка номер два была предпринята спустя пару лет.

Моя одноклассница Маша Гурина предложила нам обратить взоры на подмосковную станцию Жилёво, где уже как-то снимала жильё.

У хитровато-вороватой (Маша об этом сообщила) хозяйки – бабы Шуры.

Мы обратили.

В результате чего приняли решение.

Со знаком плюс.

Впрочем, по состоянию на апрель ситуация выглядела примерно так:

1) Дачу мы снимаем пополам с Машей и её старшим сыном (младшего тогда ещё на свете не было).

2) В мае-июне на даче живём только мы (жена и сын, да, если у неё получится – тёща), а Маша со товарищи (сын и, возможно, племянники из Грузии) подтягивается не раньше середины июля.

3) Если мы (жена и сын) хотим, то продолжаем жить и в течение сентября.

4) Имеется гипотетическая вероятность (крайне малая), что какое-то время (очень незначительное) жене придётся подстраховывать Машу и сидеть со всем кагалом.

5) Ключи от дачи в экстренных случаях сдаются на хранение дальней родственнице хозяйки. Забираются тоже у неё, проживающей в доме напротив дачи.

Несмотря на шиканье Машиного мужа и отсутствие работающих газовых баллонов в соответствующем ящике, на наших глазах, в апреле, Маша, взяв у меня половину, вручила хозяйке бабе Шуре задаток, равный трём четвёртым всей оговоренной суммы...

Ибо хозяйка, проживавшая в городе Видное, просто умоляла нас дать ей денег больше, чем 25 процентов, про которые изначально велась речь.

По причине, якобы, активно подпирающей майской свадьбы дочери.

Клятвенно обещая к маю же решить насущный газовый вопрос...

В реальности всё складывалось несколько иначе.

По всем пунктам.

Исключая последний.

В мае мы жить на даче и не планировали.

А в июне тёща получила слабоожидаемую путёвку в дом творчества «Малеевка».

На себя и на своего внука (нашего сына).
Отказываться было верхом глупости.
Тем более, что до середины июня жена сдавала госэкзамены.

Освободившееся оплаченное жильё жена предложила подруге.

Вокруг коей вились и чада, и домочадцы...

Подруга и приближённые с благодарностью предложение приняли.

Но продержаться на даче смогли не слишком долго.

Невзирая на детский и женский героизм.

В условиях условно-человеческих.

Ибо газ по-прежнему не функционировал.

В отличие от ежедневного (и еженощного) дождя.

Переходящего в ливень...

Я позвонил Бабе Шуре в город Видное – и та заверила, что газовый вопрос – не проблема.

Тем временем Машины дачные перспективы вырисовывались весьма туманно.

Из-за перманентных сложностей на высокооплачиваемой работе.

Десятого июля, когда мы, наконец, оказались в Жилёве, обещанный газ, естественно, не фурьчил.

Впрочем, и дождик перестал.

Поэтому жить было можно.

Со старенькой хозяйской электроплиткой.

И колодезной водой.

А также – из ближнего пруда и дальнего озера.

В качестве купания.

Хотя именно я жить в Жилёве первоначально не собирался.

Только эпизодически навещать...

Жена же представляла себе нашу жилёвскую жизнь по-другому.

Как нашу совместную.

Что и материализовалось.

Принеся мне, закоренелому урбанисту, вдобавок и общение с окружающей природой.

Исключая почти отсутствующих здесь комаров.

Включая созерцание облюбовавших дачную террасу крыс.

Вмещая расслабленное поедание ягодных плодов с бабы Шурино участка..

Нам сие разрешалось в ограниченных количествах.

Высочайшим хозяйским позволением..

Кроме того, мы варили малиновое и вишнёвое варенья.

На допотопной плитке.

Сжиравшей кучу электроэнергии.

Что предварительно с хозяйкой не оговаривалось..

Однажды нас навестила тёща.

Увезя полное (хозяйское) ведро малины.

К себе в Бирюлёво.

По прямой желдорветке.

Чтобы на завтра вернуть.

Пустым..

А тут баба Шура вдруг пожаловала.

Из города Видное.

С инспекцией.

Да ягод созревших набрать.

Для еды и варки варенья.

Хотя сама имитировала, что приехала для решения газового вопроса.

Который, понятное дело, в девятьсот лохматый раз с места не сдвинулся.

Хотя и ужаснулась скаредная баба Шура чудовищным показаниям счётчика..

Короче, газ длительно отсутствовал.

Притом что мы наловчились обходиться плиткой.

Хоть я как закоренелый урбанист прочувствованно знал, что с газом лучше.

Чем без.

Поэтому практически ежедневно брёл на местную поселковую почту.

Звонить бабе Шура.

В город Видное.

С одним-единственным вопросом.

Решение которого она под разными предлогами оттягивала.

Видимо, цель себе такую поставив: на газе обязательно сэкономить...

Ещё в двадцатых числах июля нам стало окончательно ясно, что Маша до Жилёва этим летом не доедет.

Ввиду беспросветной рабочей загруженности.

Однако Машу баба Шура всё-таки опасалась..

Вернее, ошибочно видела в ней свою долгосрочную богатую клиентку.

В отличие от нас.

В которых никого не видела и которых абсолютно не опасалась...

Исчерпав силы честно притянуть к семье оплаченный, но так нами и не полученный газ, я на этом бабе Шурином заблуждении сыграл.

Телефонно сблефовав, что днями приезжает Маша энд Ко.

Газ возник в одночасье.

Вместе с откровенными погрёками и руганью.

Кои до поры Баба Шура в себе вынужденно сдерживала.

А также вкупе с яростным требованием доплаты.

Впрочем, это было уже через неделю после ударившего голубыми надкомфорочными фонтанчиками газа...

Когда, явившись за новой порцией ягод, баба Шура с прискорбием констатировала полное отсутствие признаков Маши.

Мы же следующим днём съехали в Москву.

Проведя на даче, в общей сложности, месяц и один день.

До конца лета девяносто первого оставалось ровно три недели...

ДЕТСКАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ РАДИОПЕРЕДАЧА...

Детская юмористическая радиопередача на сорок минут эфирного времени.

Её нужно было сделать и провести.

А за это должны были заплатить гонорар.

Я её сделал.

Вернее, мы с женой.

Потому что сценарий написала она.

На своей механической пишущей машинке.

По моим произведениям и общим нашим идеям.

Она его писала несколько дней.

После чего мы всей семьёй, вместе с сыном (ему, согласно сценарию, отводилась роль соведущего) поехали на метро.

В детскую редакцию всесоюзного радио.

Которое к тому времени уже стало российским.

Российским государственным информационным каналом...

Отвезти подлежащий утверждению сценарий, лично познакомиться с редактором, а заодно продемонстрировать ему (это была женщина) возможности пятилетнего соведущего.

Отвезли, познакомились, продемонстрировали.

Следующим кварталом и сценарий наш утвердили.

И радиопередачу я провёл.

Юмористическую.

С не умеющим ещё читать соведущим.

И её записали.

И в назначенный час пустили в эфир.

Оставалось получить обещанный гонорар.

Когда он обещался – сумма выглядела вполне адекватно.

С точки зрения среднестатистического советского человека.

В одночасье оказавшегося российским...

Однако с момента нашей устной договорённости прошло несколько месяцев.

На фоне свирепствующей в стране инфляции.

Итак, оставалось получить обещанный гонорар.

В бухгалтерии.

Однако платить его никто не торопился.

Сначала те, от кого это зависело, были в отпуске.

Потом болели.

А когда отгуляли и отболели, вдруг выяснилось, что деньги в кассе кончились.

Тогда принялись ждать появления новых.

И даже дождались.

Впрочем, получить их наличными автору не представлялось возможным.

Потому что вышел циркуляр, требующий, чтобы гонорары перечислялись только посредством почтовых переводов.

А некая техническая система, отвечающая за отправление почтовых переводов, пока почему-то не функционировала.

Её налаживали.

Безрезультатно...

Деньги за детскую юмористическую радиопередачу – в конце концов – я всё-таки получил.

Через полгода после эфира.

В бухгалтерии.

Куда приехал на метро.

С вычетом из суммы гонорара суммы услуг по пересылке почтового перевода...

И без каких-либо компенсаций от государства.

Несмотря на продолжающую свирепствовать в стране инфляцию.

Гонорара хватало ровно на полкило свежих огурцов.

Но они в то лето были нам не по карману...

СТО РУБЛЕЙ, УПАВШИЕ С НЕБА...

Выкорчевался унитаз.

Несколько месяцев он выкорчёвывался, раскачиваясь от чужого малейшего с ним соприкосновения и – между делом – буквально – пробивая сопротивление уставшего его сдерживать материала: бетона конца шестидесятых.

А сегодня утром выкорчевался окончательно – и теперь стоял посреди сортира, чуть в стороне от своего привычного места.

Место – зияющее дырой к нижним соседям – было ничем не занято.

Пришедшие по вызову дезовские сантехники – заглянули в пустоту и сказали, что работы по установке унитаза обойдутся хозяевам в девятьсот рублей.

Как минимум.

Шёл шестой или седьмой год последнего десятилетия прошлого века.

Строго говоря, даже тысячелетия...

У хозяев денег не было.

Почти совсем.

Они так жили уже лет пять – и понемногу привыкли, научившись воспринимать это как норму, и нисколько не боясь голодной смерти.

Для себя.

И для ребёнка.

А с недавних пор и для приبلудившейся дворовой кошки.

Так вот, денег не было – и взять их было негде.

И не у кого.

Ведь было абсолютно неизвестно, когда их можно будет отдать.

Потому что хозяева не знали, когда к ним придут очередные деньги.

Да ещё в таком гигантском для них количестве как 900 рублей...

Впрочем, деньги к хозяевам регулярно приходили.

Мелкие-мелкие.

Такие, чтобы на них можно было прожить день, два, три.

Не больше...

Вечером жена пошла в дом напротив.

Там жила её знакомая, которой она помогала в писании и редактировании астрогомеопатической компьютерной программы.

Они познакомились несколько месяцев назад.

На ежегодной вологодской научной конференции.

Куда жена выбралась в первый раз.

На последние деньги.

Из Москвы...

Теперь они вместе работали – и встречались почти ежевечерне.

А ночью муж ходил встречать жену.

Приводя её домой.

Из дома напротив...

Вот и сегодня муж пошёл её встречать.

С неба падал мокрый снег.

Под ногами хлюпало и свистело.

Было без двадцати час.

По дороге домой жена успела рассказать мужу о том, что её новая знакомая, которой она обмолвилась о сломавшемся унитазе, посоветовала поговорить с сантехником, Юрием Яковлевичем.

Из соседнего ДЕЗа.

Дав его служебный телефон.

Вместе с устной характеристикой, явно не типичной для среднестатистического сантехника, пусть даже постсоветской поры: вежливый, предупредительный, совестливый, умелый...

Муж и жена миновали подземный переход – и вдруг – сквозь мелкий снег – оба увидели плавно и неторопливо кружащее в ночном, подсвеченном фонарями небе, нечто.

А нечто, вместо того, чтобы продолжить плавное кружение, неожиданно спикировало вниз – упав прямо на сапог жены.

Муж наклонился и поднял с земли, упавшее с неба.
Это была мягкая мокрая грязноватая бумажка.
Мужу на миг показалось, что это сторублёвка – и он протянул бумажку жене, чтоб та его разубедила.

Но разубеждать не пришлось...

Когда они вернулись домой, жена постирала сторублёнку.

Под краном.

С помощью кусочка турецкого мыла, купленного на вещевом рынке.

После чего повесила её сушиться, прикрепив старой, ещё доперестроечной деревянной прищепкой к одной из лесок — бельевых верёвок, протянутых под потолком в ванной.

На следующий день, ближе к вечеру, появился вызванный сантехник Юрий Яковлевич.

Вежливый, предупредительный, совестливый, умелый...

Молчаливый.

Осмотрел фронт работ.

Вкупе со скромным хозяйским жилищем.

А ещё через день – Юрий Яковлевич починил унитаз.

Встроил его, предварительно отмоченный в «белизне» хозяйкой, на место.

Вдвоём с похожим на клоуна добродушным напарником.

Взяв – как обещал – ровно сто рублей...

КОШКА МЫШКА

Сначала она молча сидела на площадке перед лифтовой шахтой, между пятым и шестым этажами.

Через день спустилась к нам на пятый, присев ровно посередине лестничной площадки.

Словно решая, в какую сторону двинуться, какую из трёх квартирных дверей выбрать.

Так она просидела сутки.

А возвращаясь домой с колёсной сумкой, грузёной самой дешёвой картошкой, купленной на продуктовом рынке, я обнаружил её сидящей перед нашей дверью.

Был конец сентября – и было очень холодно.

И на улице, и в подъезде, и в квартире.

В квартире, правда, было теплее.

Потому что на кухне имелаась газовая плита брежневских времён, с четырьмя работающими конфорками.

Маленькая кошка, ещё котёнок, – сидела перед нашей дверью, молча наблюдая за движением лифта в шахте.

Сквозь ячеистую рабицу шахтовой ограды.

То поднимая мохнатую голову, то опуская – в зависимости от того, опускался или поднимался ухающий, словно филин, старорежимный лифт.

Встроенная шахта прозрачного стекла вместе с поднимающимся или опускающимся внутри неё лифтом внешне очень напоминала гигантский термометр.

Впрочем, это бросалось в глаза лишь со стороны улицы, над которой нависала наружная металло-стеклянная часть этой продолговатой конструкции..

Маленькая, примерно трёхмесячная кошка, сидела перед нашей дверью – и смотрела за движением лифта.

Вверх – вниз.

Вверх – вниз.

Наверное, ей было холодно.

Наверное, ей было голодно..

Жена вынесла кошке обувную коробку, проложив коробочное дно вырезанным по его размерам кусочком ветхой «мездры», завалившей в нашем узком, но таком вместительном коридорном шкафу.

А ещё – варёной картошки и питья.

Брать кошку я не хотел.

Ни эту, ни любую другую.

Во-первых, по причине аллергии на кошачью шерсть, неожиданно у меня возникшую после черныбыльского

взрыва, прогремевшего за тысячу с лишним километров от Москвы, за восемь месяцев до рождения нашего сына...

Во-вторых, по причине хронического отсутствия денег.

В-третьих, по причине отчётливого нежелания нести ответственность ещё за чью-то жизнь.

Кроме тех, за которые уже и так полагалось.

Всем ходом предыдущей жизни...

Хотя в течение последнего года жизнь дважды предлагала мне обзавестись котёнком.

Причем, если в первый раз, котёнок предлагался очень чистенький, очень хорошенький и очень маленький, то во второй – предлагающийся мне жизнью котёнок выглядел не столь уж однозначно безупречным с точки зрения вышеозвученных позиций...

Кошка, сидящая перед нашей квартирной дверью, была намного запущенней, чем две её четвероногие предшественницы, несколько старше — и внешне далеко не красавица.

Но она сидела перед нашей дверью в холодном, продуваемом ветрами подъезде, и ждала, когда мы её возьмём.

– Это твоя кошка! – говорила мне жена.

А я в ответ молчал, как сидящая перед нашей дверью кошка.

– Ладно! – сказал я через три дня, когда на улице и в подъезде стало совсем холодно – если она сегодня не уйдёт, мы её возьмём.

Она не ушла – и мы её взяли.

Вернее, это сделала жена, взявшая её на руки.

И внесшая – внутрь квартиры.

Кошка благожелательно молчала.

Потом жена увидела, что по кошке ползают блохи.

Меня тут же отправили в специализированный магазин, где на предпоследние наши деньги я купил антиблошиный шампунь, сухой корм и кошачий туалет.

Антиблошиным шампунем под криво и неравномерно бьющем душем жена вымыла кошку.

Кошка благожелательно молчала.

Я даже немного испугался: вдруг она – немая?

Да и вообще, я ходил от кошки чуть в отдалении, а непосредственно ею занимались жена и девятилетний сын.

Я бродил чуть в отдалении, не решаясь окончательно приблизиться к бывшей уличной, точнее, дворовой беспородной кошке с пушистым двухцветным хвостом.

К нашей домашней кошке, которая уже была названа мною Мышкой.

Мышкой она была названа, потому что была серая.

Как мышка.

И потому что был Год Крысы (или Мыши) по Восточному Календарю...

К вечеру, на следующий день после того, как мы взяли кошку, я почувствовал, что нос мой основательно заложило.

Вдобавок я начал то и дело чихать.

Опыт подсказывал: вот она – пресловутая аллергия.

В связке со своими дражайшими симптомами...

Жена дала мне капли от насморка – и через десять минут остался только чох.

Три дня подряд, каждые три часа я закапывал себе в нос противонасморочные капли.

Без капель нос мой дышать не хотел.

А на четвёртые сутки капли перестали мне помогать.

Я по-прежнему засовывал в нос пипетку, но искомого облегчения не наступало.

Я стал задыхаться.

Теперь дышать дома я мог лишь после сделанных серийно приседаний.

Либо ещё в течение нескольких минут по их окончании.

На улице дышать было легче – и я всё время стремился туда.

Но как только я приходил домой – почти сразу опять начинал задыхаться.

Однажды ночью, вернувшись с улицы, когда все домашние уже спали, я присел на деревянное складное кресло, стоявшее на кухне.

Рядом, на табуретке, лежала спящая кошка Мышка.

А я не мог заставить себя даже погладить её.

Даже к ней прикоснуться...

Через двадцать минут нос привычно перестал дышать.

Самое настоящее отчаянье охватило меня.

– Кто же я такой, – пронеслось внутри, – если не в силах погладить бывшую дворовую кошку?

Если не в силах дышать, когда она рядом?

Кем я окажусь, если невозможность дышать вблизи этой кошки, имеющей теперь имя и ставшей домашней, заставит меня от неё отказаться, выставив туда, откуда она взялась?..

И в этот момент я почувствовал, что умру, а Мышку улице не верну.

И согласился умереть.

И принялся умирать.

Я умирал.

Честно, сознательно.

Но, видимо, программа жизни имела в виду своё, властно продиктовав мне, ещё находящемуся здесь, необходимость задержать дыхание.

А когда воздуха перестало хватать совсем, – впустить его в себя.

Чтобы снова задержать дыхание...

Я был между жизнью и смертью.

Однако – с каждой новой задержкой дыхания – ближе к жизни.

Так продолжалось до утра.

Жена, эйфорически разбуженная мной, нашла какие-то нужные слова, которые я не запомнил, но без которых, мне кажется, вряд ли сумел бы вступить в новую фазу возвращающейся жизни.

Во всяком случае, нос мой меня (эпизодически) слушался и мне (отчасти) повиновался...

Часа через три потекли сопли.

Сперва еле-еле.

А затем...
Четверо суток они из меня вытекали.
Из меня, радостного и бессонного...
Рядом со мной лежали рулоны туалетной бумаги (чтобы вытирать сопли) и кошка Мышка (чтобы гладить...).

Стоит ли добавлять, что Мышка у нас прижилась, а моя аллергия на кошек улетучилась безвозвратно...

МОСКВИЧ И ПРОВИНЦИАЛКА

(недороман периода застоя)

1

Они столкнулись в аэропорте миллионного города на Волге.

Рядом с билетными кассами.

Не будучи знакомыми.

Когда в течение не такой уж короткой майской ночи с упряжающим вечерним куском и последующим утренним хвостом безуспешно пытались улететь в Москву.

Билетов в кассе на ближайшие самолёты не имелось.

Вернее, билеты имелись только в качестве брони – и выбрасывались в продажу лишь непосредственно перед очередным рейсом.

Впрочем, Советский Союз периода застоя – как раз – и полагал слово «очередной» чуть ли не ключевым своим словом.

Ведь очереди стояли всюду.

За всем.

Естественно, включая авиабилеты...

В общем, они столкнулись и встретились – Москвич и Провинциалка.

Из очередного, приуроченного к очередному рейсу человеческого вихря вокруг билетных касс – вдруг – выбравшись почему-то вдвоём.

А не в одиночку.

Но – по-прежнему без билета.

Без билетов...

Однако – часов через десять, проведённых неотлучно друг с другом – всё-таки – сподобились улететь.

Даже на соседних креслах, обмененных (у жизни) уже в самолётном салоне...

Он возвращался домой.

Можно сказать, с имитации гулянки.

На грядущую приятельскую свадьбу, где ему отводилась роль свидетеля...

Она же – молодой специалист, проработавший пару лет по распределению – держала путь в министерство – получить там разрешение о досрочном переводе на работу в родной черноморский город.

И у неё не было обратного билета.

И – где ночевать...

Притом что в Москве (точнее, в подмосковном аэропорте) они очутились часа за три до конца рабочего дня...

Короче, ночевала она у него – благо раскладушка в доме водилась.

После чего, назавтра она и в министерство попала, и билет обратный приобрела, и даже, согласно ему, купленному, – до миллионного города на Волге вполне благополучно долетела...

Ну и стали они переписываться.

Как в советское время.

Письма с грифом «Авиа» на конвертах друг дружке слать.

Довольно регулярно.

А министерское дело о её досрочном переводе с места послеинститутского распределения на работу в родной черноморский город тем временем решалось.

И решилось в пользу здравого смысла, к тихой радости заявительницы и просительницы.

За полгода (или что-то вроде) ещё пару раз отметилась она московскими ночёвками в его доме (правильнее сказать – комнате) с раскладушкой.

После чего полноправно и капитально перебралась на свою малую провинциальную родину.

Переписка же под грифом «Авиа» продолжилась – и в результате предсказуемо привела к тому, что он отправился к ней – в её родной черноморский город.

Навестить-погостить.

На излёте пресловутого бархатного сезона..

Естественно, по взаимной договорённости сторон.

Словом, прилетел.

Следом – доехал автобусом.

И – давай её звонить.

Так они условились.

А она к телефону категорически не подходит.

Весь долгий черноморский вечер.

Потом, уже почти в полночь – подошла.

Он ей, что приехал.

– Ищи ночлег! – безлико-тускло ему ответила – и трубку повесила.

Он нашёл.

С какими-то стремящимися на торговый корабль морячками переночевал за два рубля.

У обитающей по соседству от автовокзала бабки.

Чтобы утром на автобусе двинуться в аэропорт.

– Быть в Крыму и не увидеть моря! –

камертонно билось у него в башке на протяжении всего автобусного маршрута.

В аэропорте билетов до Москвы предсказуемо не было.

Ровно сутки он там промаялся в бесполезном ожидании.

– Быть в Крыму и не увидеть моря, –

И прижиться в аэропорту! –

камертонно билось теперь у него в башке...

А потом кто-то шепнул, что на поезд билеты есть.

Он хоть и не очень в это поверил, но в сторону вокзала моментально дёрнулся.

Как выяснилось – не зря.

Билеты на Москву в железнодорожных кассах действительно имелись.

Причём – без всякой очереди...

Когда же, спустя пару часов, он оказался в поезде, то с изумлением убедился, что свободных мест вокруг него было вагон...

2

Она возникла года через два.

Позвонила, будучи в столице проездом.

Извиниться.

Попросила встретиться.

Если, конечно, можно...

Почему нет?..

А когда они пересеклись вблизи метро, – целенаправленно пошла с ним.

К нему.

Раздобревшая, уловимо потерявшая половину своей совсем недавней лёгкости и миловидности...

Дорогой она путано объясняла, что никак не могла его тогда принять: де, рядом находился человек, который намеревался стать её мужем.

Да и вообще, что бы сказали соседи?..

В доме с раскладушкой всё было по-прежнему.

Разве что отдавалась она ему впервые...

РЕМОНТИРОВЩИК ЧЕРВЯКОВ

При всей его отзывчивости и благожелательности, находиться с ним рядом, особенно в помещении, было почти невозможно из-за ужасного запаха большой преющей мочи, исходившего от хлипкого, лицом и кистями рук прокопчённо загорелого, тела.

Вечно одетый в один и тот же болоньевый тренировочный костюм неопределённой, но неоднородной расцветки (ветровка с капюшоном да штаны без штрипок), на ногах носил он демисезонные ботинки, когда-то, очевидно, бывшие коричневыми.

Беззубо улыбающийся, услужливо-словоохотливый, ремонтировщик Червяков имел в своём ежедневном словесном обращении (к миру) две коронных фразы, которые произносил вне зависимости от реального разворачивания событий – вместо привычного для среднестатистических уст и ушей мата.

– Об этом история умалчивает! – говорил он – чаще всего – ни к селу, ни к городу.

Вторая его коронная фраза столь же редко употреблялась к месту или ко времени.

Ввиду обычной её безадресности.

Хотя формально вроде адресовалась собеседнику.

А звучала эта фраза так:

– И тут ты – как явление Христа народу!..

Ремонтировщик стадиона, Червяков старался закрыть собой все рабочие (и прочие) ниши на архитектурно-спортивном объекте, появляясь на нём в будни около пяти вечера.

И закрывал их, тщательно выискивая – аж до шести тридцати утра.

После чего, ковляя, бежал на оборонный завод, располагавшийся совсем неподалёку, где вертелся с семи до четырёх.

На стадионе Червяков трудился по совместительству.

Кем же он был на основной работе?

Об этом (наша) история умалчивает.

Ещё и потому, что практически всё своё остальное жизненное время невеликий человек, ремонтировщик по совместительству, Червяков проводил на маленьком стадионе, являясь одушевлённой придаточной частью пространства Большой Спортивной Арены..

Спать он предпочитал в относительно (его комнаты в коммуналке, в доме через дорогу) комфортабельном стадионном подтрибунье, на кожаном диванчике – между цветным телевизором и столом дежурного администратора.

Или – иногда – ради разнообразия – на столе.

На массажном столе в мужской раздевалке...

Но потом ему запретили.

Строго-настрого.

Даже просто появляться на пороге раздевалки.

После того, как однажды ночью Червяков воспользовался поставленным там десятилитровым электросамоваром – и сварил в нём пачку пельменей.

Себе на ужин.

Не со зла.

А так, по пьяному делу...

Дежурный администратор (согласно штатному расписанию их было трое, с работой сутки через двое) заступали в семь утра.

Чтобы уйти поздно вечером.

По идее, на ночь администратора подменял сторож (таковых наличествовало четыре штатных единицы и работали они сутки, через трое), регулирующий въезд и выезд автомобилей в течении рабочего дня.

Но не стремящейся к домашней ночёвке Червяков, в свою очередь, всегда готов был подменить сторожа, которому ничего иного не оставалось, как ночевать в сторожке у ворот...

Впрочем, один из четырёх сторожей воспринимал это как послабление, будучи серьёзным семейным человеком

и обитателем соседнего от стадиона квартала: сторож на ночь отпраплялся домой, а под трибуны пунктуально являлся ровно в тот самый момент, когда по радиоточке начинал звучать гимн супердержавы победившего социализма.

У ремонтников Червякова наличествовал родной старший брат, регулярно, вечерами, посещавший младшего.

С всегдашней компактной сумкой из кожзаменителя через плечо, в аккуратном костюмчике советского клерка, при галстукке, внешне он разительно отличался от Червякова, хотя печать неустроенности легко прочитывалась в его влажных собачьих глазах и чуть суетливом одиноком облике.

Прежде чем начать ежевечерние поиски Червякова-младшего, Червяков-старший – как правило – подолгу простаивал перед заборчиком, отделяющим Большую Спортивную Арену от остальной территории стадиона, вглядываясь в какую-то сугубо персональную даль.

А потом, когда Червяков-младший умер по совокупности совпавших причин, уже его старший брат прибил к стадиону, как бы долгосрочно подменив отлучившегося ремонтника...

В неизменном цивильном костюмчике, который вне зависимости от погоды теперь дополняли обязательные серые валенки и лыжная однотонная шапочка, Червяков днём слонялся по стадиону.

Ночью же уходил спать.

Под трибуны.

И своя коронная фраза у него имелась.

– Портвейн локализует душу! – бормотал про себя Червяков, отколупывая лезвием перочинного ножичка крышки с непрозрачных пивных бутылок.

УРАГАН

Мы с женой в него умудрились попасть, в этот знаменитый московский ураган девяносто восьмого.

Пронесшийся над Москвой в течение менее чем получаса, в ночь с 20 на 21 июня, и много чего успевший натворить за выделенное ему жизнью время...

Жена засиделась на дне рождения у тогдашней соратницы в доме напротив нашего, а я отправился её встречать.

Под еле-еле подкапывающим дождиком.

Ночь как-никак.

Без двадцати час.

Или около того...

Мы только успели выйти из подъезда во двор и пройти несколько десятков метров, как с места в карьер спуртовал дикий порывистый ветер.

Сопровождаемый моментально и тысячекратно усилившимся дождём.

По инерции мы проскочили ещё пару-тройку подъездов, но почти сразу поняли, что в этих условиях нам до дому не добратся.

После чего юркнули в ближайший подъездный проём – слава Богу – дверь в него оказалась открытой.

Страха почему-то не ощущалось.

Ни малейшего.

Мы зачарованно-восторженно стояли в подъездном предбаннике, отчасти видя и отчётливо слыша звуки разгоняющей себя тяжелопорывистой стихии.

Под гром и молнию, гремя-бия огромными кусками листового железа, срывались гаражные крыши.

То ли прыгали, то ли перекатывались по земле, по окрестному асфальту.

Причудливо-звонко изгибаясь...

С периодическим треском-хрустом глухо рушились отдельные деревья.

А потом, в одночасье, вся эта природно-погодная вакханалия-аномалия прекратилась.

Безлюдным тихим проездом дошли мы до подземного перехода.

Там – внутри – поперёк, наискосок, на самой дороге – молчаливо приткнулся тёмно-красный мотоцикл.

С висящей на руле мотоциклетной каской.

И крепко стоящими ботинками на сидении...

А его хозяин – в неровно закатанных светлых брюках, озадаченно бродил вокруг.

Босиком.

По щиколотку в воде...

С обувкой в руках мы вступили в наш двор – и двинулись к своему подъезду.

Двор – весь сплошь – был усеян свежеповаленными тополями.

Они лежали крест-накрест.

Вплотную к припаркованным личным авто.

Абсолютно целым и невредимым.

Друг на друге.

Аккуратными настояще-игрушечными штабелями.

Мы их то и дело бережно перешагивали...

СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ

Некто Бесфамильный, страховой агент, воскресным утром заглянул в туалет собственной квартиры – и обомлел: в левом нижнем углу, нежно трепыхаясь, плавала лужа свежайшего бетона.

Причем и так достаточно глубокая, лужа на глазах становилась всё глубже, ввиду того, что по кафельной стене интенсивно лился бетон.

Через дырку в потолке.

В квартире наверху уже пару недель длился ремонт.

Бесфамильный чертыхнулся и ещё раз, решая, что предпринять сначала: убирать бетон или бежать вверх по лестнице?

Выбрал убирать бетон (иначе застынет), притащил таз, тряпку, снял с холодильника старые рекламные газеты – и принялся за работу.

Через полчаса бетон с пола был убран, а со стены стёрт – благо и его активные действия практически себя исчерпали...

Некто Бесфамильный выбросил грязные газеты с тряпками в мусорное ведро, помыл руки и отправился вверх по лестнице.

Дабы выяснить наконец отношения...

Стал звонить в бетоноопасную квартиру.

Но никто дверь не открыл.

Тогда он толкнул дверь, которая оказалась не заперта – и вошёл внутрь.

Квартира была абсолютно пуста.

Дешёвая рабсила сделала своё (временное) дело – и благополучно утекла...

Некто Бесфамильный вернулся к себе – и отправился в ванную.

Чтобы окончательно отмыть руки.

Из водопроводного крана шёл песок.

Смачно выплёвываясь...

Некто Бесфамильный немедленно вызвал «аварийку».

Та очень скоро приехала.

Дежурный слесарь провёл какие-то манипуляции с краном и вентилем.

А потом вынул невесть откуда взявшийся сварочный аппарат – и стал при помощи газосварки что-то с чем-то сращивать...

Через полчаса он закончил – и умчал на своей «аварийке».

Предварительно перекрыв вентиль, отвечающий за подачу воды.

Ещё через полчаса стало понятно, что искры от газосварки дали чуть отставленные отрицательные всходы.

На стене в ванной.

Ненароком подпалённые внутренние деревянные перекрытия старого дома, принесли в квартиру запах дыма и гари.

Некто Бесфамильный сразу же вызвал пожарных.

Мигом явившиеся пожарные, оперативно устранили возгорание.

В частности, путём слома стены между ванной и туалетом.

Совсем недавно отмытой от бетона.

Потребность в котором теперь становилась насущной необходимостью...

Некто Бесфамильный отправился вверх по лестнице.

Попросить бетона.

Но в ремонтируемой квартире никого не было.

И бетона – тоже...

Некто Бесфамильный отправился вниз по лестнице.

Попросить бетона.

На окрестной стройке.

Некто Бесфамильный так торопился, что выронил из рук мобильник, зачем-то впопыхах вынутый им из кармана.

Мобильник упал.

Было слышно, как он с треском грохнулся и разбился...

Некто Бесфамильный хотел выбежать на улицу, но в этот момент внутренняя подъездная дверь с дикой силой захлопнулась перед его носом, а в непосредственной близости от виска что-то просвистело...

Некто Бесфамильный испугался.

Не сразу.

Чуть погодя.

Обнаружив рядом с собой огромную ржавую пружину.

От внутренней двери подъезда.

Лежащую теперь на каменном подъездном полу.

После полёта и последовавшего за ним рикошета...

Некто Бесфамильный на плохо гнущихся ногах направился к выходу.

Вторично.

И тут – поперечная струя кипятка, с шипением – вырвалась из батареи, стоящей в шаге от выхода из подъезда...

Отрезая всяческий путь на улицу.

Некто Бесфамильный отправился вверх по лестнице.

К тому времени, когда он добрался до своей квартиры на пятом, уже весь подъезд был окутан непроглядными клубами пара.

Требовалось спешно вызывать «аварийку».

Опять.

Но домашний телефон страхового агента не подавал признаков жизни...

ЯСНОВИДЯЩАЯ КЛАВА

Ясновидящая Клава позвонила Бадейкину ночью и сказала, что, наконец, готова с ним встретиться.

Встретиться они не могли уже третий день: всё у бывшей в Москве проездом (точнее, деловым наездом) Клавы не получалось.

По причине крайней рабочей занятости.

То есть, в виду перманентного ежедневного приёма народонаселения.

Собственно, для настоящей цели ясновидящая в столицу и пожаловала – чтобы копеечку кровную даром потомственным к физическому телу притянуть.

Дома-то, в краснодарской станице, т а к у ю притянешь едва ли...

А Бадейкину Клава намеревалась уделить внимание особое, персональное: они уже были знакомы – и к тому времени несколько раз пересекались в периоды Клавиных гастрольных туров-чёсов.

Смугло-чёрная, цыгановатая, отчасти золотозубая, но при этом голубоглазая, Клава с виду казалась обыкновенной провинциальной тёткой и выглядела на свой законный полтинник.

Впервые увидев Бадейкина в пятиметровой кухне съемной квартиры их общей приятельницы, где вела приёмы-сеансы, ясновидящая – как и всех других клиентов – заставила его выпить свежесваренную чашечку молотого кофе.

По окончании процесса питья – собственноручно перевернуть пустую чашку над блюдцем.

После чего стала гадать на кофейной гуще.

– Какой семейный мужчина! – обратилась она к Бадейкину в третьем лице, изучая кофейные иероглифы.

А узнав, что Бадейкин разведён и одинок, напроорочила ему через полгода пепельноволосую государственную женщину со светлыми глазами и двумя детьми..

Телефонов его номерать (всего-то четыре) к ясновидящей тогда наяву перекочевала.

Пристроенный к ней по благу, в качестве льготного клиента, Бадейкин сам визитку в кухне Клаве и сунул.

Даже не подозревая, чем это ему аукнется.

Аукнулось редкими, однако всегда неожиданными Клавиными звонками.

Ночными.

Похоже, пьяными.

И парой-тройкой ни к чему не обязывающих встреч, растянутых на компактные годы..

Кроме одной, когда Клава, ссылаясь на необходимость её поддержать, попросила о получасовом свидании на Курском вокзале.

Когда следовавший из Питера (там предприимчивая Клава тоже обзавелась клиентурой) краснодарский поезд транзитом проезжал через Москву.

Выйдя, покачиваясь, из вагона, поддтая ясновидящая схватила Бадейкина в охапку и стала страстно целовать в губы.

Все полчаса они так и простояли (Бадейкин – с некоторым перебором – исполнил именно то, о чём было попрошено), а напоследок Клава стала усиленно и максимально куртуазно звать Бадейкина в гости: есть домашнюю клубнику, домашнее парное мясо, пить станичный самогон..

Бадейкин сначала тихо удивился, потом немного испугался, но вскоре умудрился об этом приглашении (да и о случае на вокзале) почти забыть.

До нового Клавиного звонка.

Сулившего новую встречу с ясновидящей.

Как выяснилось – впервые ночную.

Впервые на его территории.

Мизансцена так сама выстроилась.

Точнее, конечно, Клава постаралась, а Бадейкин не рискнул жёстко увернуться...

И вот посреди ночи он вынужденно привёл её к себе.

Большую, нетрезво-шумную, напористо заставившую Бадейкина по дороге купить ей пива, фисташковых орешков и дамских сигарет.

Впрочем, к фисташкам она так и не притронулась.

Да и втягиванье внутрь пива лишь обозначила.

Только – сначала – курила.

Чтобы потом до утра спать.

Зарывшись лицом в маленькие бадейкинские ладони...

Выпроводить Клаву Бадейкину удалось часам к десяти, отведя на ближайшую остановку и посадив в подошедший (ей) троллейбус.

Вернувшись домой, Бадейкин обнаружил, что ясновидящая визитёрша забыла свои очки.

А ещё целлофановый – просвечивающий насквозь – пакетик с кусочком упакованного в праздничную бумажку мыла и розовыми трусиками.

Видимо, запасными...

Бадейкин немного помялся от внезапно накатившей волновой смеси безгливости и страха.

После чего всё оставленное Клавой аккуратно положил во встроенный шкаф.

На самую нижнюю полку.

Причём очки пристроил поверх пакетика передней стороной стёкол – тоже – вверх.

Чтобы смотрели ввысь...

Так в течение нескольких лет Клавины вещички во встроенном шкафу бадейкинской прихожей благополучно и пролежали.

Неприкасаемые.

В ожидании звонка своей законной владелицы.

Пока Бадейкин их во двор не вынес, где рядом с чужим гаражом как бы случайно потерял...

Клава же позвонила лишь однажды.

Задолго до этого.

Но Бадейкин никак не мог с ней нормально разговаривать.

Он был в смятенном состоянии духа, ибо сидел в ванне одноместного номера провинциальной гостиницы, вертя в руках только что ненароком сломанный им тамошний душ...

ИМЯ ДЛЯ КОШКИ

Взрослый сын, только что начавший свою самостоятельную, обособленную от меня, но совместную с девушкой жизнь, (из вежливости и остатков общесемейности) предложил мне поучаствовать в конкурсе на лучшее имя для кошки.

Норвежская лесная кошка (так пишется и произносится её кошачья порода) в это время как раз ехала на поезде «Киев-Москва» по направлению к последней.

Ехала, будучи трёхмесячным, что ли, котёнком. В каком-то людском сопровождении.

Даже, может, просто с вагонным проводником.

Приглашённая сыновьей девушкой, ехала норвежская лесная кошка из Украины на постоянное место жительства в самый центр российской столицы.

Пока она ехала, я думал о будущем её имени.

И ещё несколько дней следом, уже после прибытия кошки.

Нельзя сказать, что я только этим и занимался.

Но занимался. Честно. По-хорошему отстранённо: чувствуя, что имею к сему подлинно художественное отношение...

И в один прекрасный день (примерно через неделю) вдруг придумал:

– Леся!

Как же иначе можно именовать норвежскую лесную кошку из Украины?!

В нём, в этом имени – органично (и поэтично) переплеталось множество очень подходящих ему ассоциативно вещей: лес, Леся Украинка, иностранная собака Лесси (бесконечный научно-популярный сериал про которую лет тридцать пять назад регулярно крутили по телеящику)...

Я позвонил своему взрослому ребёнку и ликующим голосом сообщил:

– Эврика! (в смысле – Леся!)...

Взрослый ребёнок скучноватым голосом отвечал:

– Принято. К сведению... Об окончательном решении будет объявлено, когда будут рассмотрены все предложенные варианты...

Оглашения окончательного решения я ждал. Довольно долго. Но – всё-таки – дождался.

Когда через пару месяцев отважился задать этот вопрос, звонившему мне совсем по другому поводу сыну...

В результате – мой взрослый ребёнок бесстрастно-благожелательно проинформировал, что норвежской лесной кошке из Украины большинством голосов присвоено полное имя Василиса. На которое она давно уже отзывается. А имя Леся принято как уменьшительно-ласкательное от имени Василиса... Поэтому, если я хочу именовать кошку уменьшительно-ласкательным именем, то могу, имею право...

Право я имел. В отличии от желания.

Тем более, что у кошки было – как выяснилось вскоре – и второе уменьшительно-ласкательное имя: Васька...

А потом, когда мой взрослый ребёнок постепенно обзавёлся целой сворой ездовых собак и щенков, кошка, спасаясь от их бесцеремонного добродушия, постепенно, в несколько присестов, окончательно перебралась ко мне...

Год с лишним потребовался ей на то, чтобы она смогла по-настоящему расслабиться и, наконец-то, научилась вальяжно-продолжительно спать – ведь поначалу спала трёхцветная крайне тревожно и кратковременно, бесперебойно улавливая нервную подрагивающими ушами-локаторами мельчайшие внутриквартирные шорохи...

Норвежская лесная кошка из Киева за шесть лет своей московской жизни размыто и почти незаметно умудрилась превратиться в мою домашнюю. Иногда я зову её по имени:

– Маша!..

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ

Примерно через месяц после того, как у меня родился внук, мне позвонил его отец (он же – мой сын), чтобы пригласить в ЗАГС.

Для регистрации новорожденного.

В качестве свидетеля.

Мой ребёнок вместе с женой, а также ребёнком собственным заехал за мной на своём праворульном японском «Джипе» – и мы отправились регистрировать нового российского жителя.

Нового москвича...

Будучи пассажиром, сидел я на леворульном водителском месте.

Точнее, на привычном ко многому паспорте.

Который послушно лежал в заднем кармане джинсов.

Запись акта гражданского состояния должна была произойти где-то вблизи Триумфальной арки.

Туда-то мы и двинулись.

С моей Беговой, где живу от рожденья.

Хоть и не здесь уже прописан...

Слово за слово – по дороге я неожиданно узнал, что приглашённый в качестве свидетеля на самом деле зван, дабы выступить как самый настоящий лжесвидетель...

Ибо родился мой внук не в родильном доме.

А в собственном.

Вернее, в моём собственном, где фактически проживали мой сын и его жена.

К тому же родился внук практически без свидетелей.

Не считая родных мамы с папой, перед родами усиленно посещавших специальные долгосрочные курсы для собирающихся стать родителями (в том числе – на дому).

Да нянечки, представляющей эти курсы.

Которая, если честно, тоже никак не могла сойти за свидетельницу.

Потому как, вызванная, подстраховочно подтянулась уже по завершении процесса благополучно прошедших домашних родов.

В отличие от весьма осложнённых роддомовских моих или моего ребёнка.

Меня – чуть не придушили (я родился «с обвитием пуповины»).

Сына же – успешно захлебнули в околоплодных водах (сие именуется «синдромом аспирации»).

Итак, призван я был на роль лжесвидетеля, о чем узнал, только едуци в ЗАГС.

До этого пребывая в полной уверенности, что моё участие в регистрации младенца сведётся лишь к приятной формальности.

А тут, оказывается, всё всерьёз.

Да ещё вдобавок не обойдётся без нарушения библейской заповеди...

Приехали мы по Третьему кольцу в ЗАГС.

Нашли нужную комнату.

Выдали нам государственные загсовые тётеньки какие-то бумаги для заполнения.

Смотрю: в моей почему-то требуется вписать фамилию-имя-отчество жены сыновьей.

А я только имя знаю.

Сын отчества не говорил.

Сам же я не спрашивал.

Боясь показаться назойливым...

Ну, думаю, под дурачка сработаю: без отчества впишу.

Фамилией ограничусь.

Угадать которую пятидесятипроцентная вероятность у меня всё же имеется...

Не угадал, однако.

Опять, значит, хитрить приходится.

По-иезуитски изворачиваться.

Большие глаза (из глубоко посаженных) делать.

Бекать, мекать.

Рассеянностью липовой прикрываться.

А попутно фамилию и отчество невестки у неё выведывая, без ошибки в официальную бумагу вписывать...

Лишь бы важнейшее дело регистрации законного появления на свет одновременно провернуть.

У ответственных загсовых тётенок подозрения в лже-свидетельстве не вызвав...

Кажется, не вызвал.

Тётеньки всех нас поздравили с официальным статусом уснувшего к тому времени на руках у матери новорожденного.

Свидетельство о его рождении моему сыну, отцу его, улыбаясь, вручили.

Можно сказать, торжественно.

Присовокупив для пущей душевности импортный подарочный памперс.

Оплаченный из бюджетных средств.

Такая вот историйка.

От государства российского.

И от себя лично...

БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

Папа умирал.

От болезни.

Будучи без диагноза.

Сначала он оказался в инфекционной больнице.

А следом, когда подозрение на гепатит не подтвердилось, его перебросили в простую,

Очень простую.

В терапевтическом отделении которой было несколько социальных палат, где зимой и в межсезонье слегка подлечивались и планово отогревались бомжи.

Часть бомжей, зная о такой халяве, исхитрялось попадать сюда регулярно.

Кое-кого администрация в лице заведующей отделением даже сама привечала, обменивая бесплатные кров, стол и докторские услуги на ответные разноквалифицированные санхозработы...

Папе срочно требовалась круглосуточная сиделка.

Однако с нянечками и ночными медсёстрами в больнице наблюдался явный дефицит.

Патронажные же службы, хоть в Москве множественно и функционировали, но стоили заоблачно.

По крайней мере, для моего тогдашнего кармана.

Впрочем, порядка недели он выдержал.

После чего заведующая отделением с говорящей фамилией Благова, войдя в наше положение, предложила мне нанять для ухода за Папой самого работающего из бомжей – Толика.

За сто рублей в день.

Причём схема была такова, что Толиковы деньги – упреждающе – надлежало передавать из моих рук в руки заведующей..

Чтобы Толик заработанное моментально не спустил на водку и ей подобное.

Вроде, этим деньгам, коль скоро они скопились бы к моменту Толиковой выписки в достаточном количестве –

надлежало стать новой приличной его одежкой и соответствующим хорошему уровню сухим пайком...

Вдобавок, на них разрешалось покупать конфеты, сигареты, зубную пасту и прочую мелочёвку.

Естественно, через подчинённый Благовой медперсонал, а не напрямую.

Кажется, энное количество наличных при выписке – тоже обещалось...

В общем, других вариантов под рукой не водилось – и Толик переехал в четырёхместную Папину палату – за ним ухаживать.

Что делал очень добросовестно.

В течение пары недель.

А потом где-то нашёл спиртное, активно к нему припал – в результате чего классически вышел из строя.

Явно не впервые зависнув над бездной...

Возникла необходимость авральной замены.

В качестве коей вынужденно подвернулся мутновато-странноватый полубомж-полупсих по имени Игорь, нанятый на тех же условиях.

Он тоже вполне сносно ухаживал за Папой.

Попутно пытаясь обратить его в христианство путём длительных душеспасительных бесед...

Пока вдруг – выбрав время, когда заведением куда-то капитально отлучилась, не потребовал у меня реальных денег – из моих рук в свои.

В случае отказа – грозя высшими карами...

Короче, я дал.

На фоне того, что Папа по-прежнему жил без диагноза.

Но ежедневно имел колоссальные шансы отправиться в мир иной.

– Готовьтесь! Видите, черты заостряются! – в один голос говорили мне доктора...

А посреди ночи, аккурат, вслед за вечером, когда Игорь вытянул из меня деньги – дома у нас раздался телефонный звонок.

– Ну, всё! – отстранённо подумал я, снимая трубку.
– Это я! – услышал я в трубке размазанно-плавающий мужской голос.

После чего повисла продолжительная пауза.

– Кто! – тревожно-безнадёжно, почти чужим голосом, спросил я.

– Это я, Серёжа! – звук в трубке ухабисто ворочался-перекатывался.

– Кто я!

– Я! Твоя самая большая радость!..

И – секунд через пять – короткие гудки.

Наутро – к счастью – оклемался Толик – и до самой Папиной выписки за ним самозабвенно ухаживал.

Папа даже (думается мне, по просьбе Толика) просил взять его к нам домой, чтобы ухаживал до победного.

Но мне удалось найти место, где Папа, умирая, жил ещё месяца четыре.

По-прежнему без диагноза.

Ибо в этом месте диагнозов уже не ставили.

А потом я сообразил вторично засунуть Папу к Благовой.

И весь тамошний персонал здорово удивился, что Папа до сих пор жив.

– Ничего подобного за все годы работы! Чудеса, да и только! – в один голос говорили мне доктора.

Более того, за последнее время Папа даже несколько оклемался.

А когда Благова – с помощью какого-то насоса выкачала ему воду из коленки – Папа сам – вновь пошёл.

Вдоль больничного коридора.

Сначала по чуть-чуть.

Дальше – дальше...

Лет около десяти уже ходит.

ЦАП-ЦАРАП...

Папа пришаркал в мою комнату около пяти утра.

– Надо посоветоваться! – сказал он.

Эта, повторяемая им теперь довольно регулярно преамбула, безошибочно означала, что мы опять имеем нештатную ситуацию.

– Меня вчера кошка задела! – продолжил он, – по ноге лапой. Кровь, боль. Думал, за ночь пройдёт. Куда там. Только хуже стало: боль страшная и сукровица образовалась.

Боюсь, как бы заражения крови не было. Нужно, чтобы укол противостолбнячный сделали. Иначе – точно говорю – умру!..

Последний раз он умирал вчера днём.

Но как-то рассосалось..

– Надо ехать в травмпункт! – сказал я.

– Не могу, не доеду!

– Тогда вызывай скорую! – сказал я, – хотя они с этим тебя отфутболят.

– Не могу! – сказал он, – ты.

– Попробуй, наконец, сам. Хоть разочек.. Ты ведь в состоянии.

– Боль дикая, не могу!

Но всё-таки позвонил.

И они, естественно, его отфутболили, посоветовав позвонить в травмпункт.

Чтобы вызвать врача оттуда.

Что, понятно, было невозможно.

По определению..

Короче, поймал я машину.

Папа до неё вполне успешно дохромал.

И уже к шести мы оказались в круглосуточном травмпункте.

В двух троллейбусных остановках от дома.

Внутри нашей районной поликлиники.

Папе обработали рану, перебинтовали икру, сделали противостолбнячный укол.

Он ещё очень хотел, чтобы сделали от бешенства.
Но выяснив (у меня), что кошка домашняя и никаких
уличных контактов не имеет, ему отказали.
Наказав завтра явиться на осмотр и перевязку.
Уже не в травмпункт, а в кабинет поликлинического
хирурга.

Завтра он (то есть – мы) туда и явились.
С травмунктовским направлением.
На троллейбусе.
Из кабинета хирурга Папа выходил победителем.
Вернее, выбредал.
А по дороге домой очень хвалил хирурга.
И за то, что никакой перевязки не потребовалось и
больше не потребуется, и за то, что хирург очень хвалил
кошку.

– Молодец твоя кошка, что цапнула-царапнула! – го-
ворил Папа, выступая по коридору поликлиники в роли
хирурга и, полагаю, несколько его перефразируя.

– Молодец твоя кошка! Всю лишнюю воду из ноги
вытечь заставила. Намного легче тебе теперь ходить будет!

Кошка вообще-то была моя..

Папа же действительно скоро стал передвигаться на-
много лучше.

Чем до контакта с домашней кошкой.

А недели через две Папе позвонили из районной по-
ликлиники.

С единственным вопросом:

– Ваша кошка ещё жива?..

КАСТРЮЛЯ

– Что тебе подарить на день варенья? –
спросила меня по телефону внимательная и хозяй-
ственная Дева Мура.

И я вдруг сообразил, что мне срочно требуется боль-
шая трёхлитровая кастрюля для варки супа.

Ибо – как раз – несколько дней тому – давнишняя такая моя – громоподобно оказалась без одной ручки, когда её, – полную до краёв сваренным трёхпакетным замороженным украинским борщом – вынимала из холодильника, пришедшая навестить Папу Очень Старая Знакомая...

Года три назад с этой кастрюлей уже возникла форс-мажорная ситуация.

Но тогда она продержалась всего-то дня четыре.

Пока мы с Папой порционно ели на обед кастрюльное содержимое.

Не забывая скрупулёзно вглядываться в гушу.

Дело было в открутившемся от прозрачной кастрюльной крышки шурупчике, который (вкупе с гаечкой) предательски нырнул вглубь на три четверти заполненной тем же (хотя и абсолютно другим) сваренным трёхпакетным замороженным украинским борщом...

В конечном тогдашнем счёте (на четвёртый день) мой верный половник всё-таки выудил искомый шурупчик (вкупе с гаечкой).

А стало быть, крышкин чёрный твёрдый пластмассовый «помпончик» вернулся-завернулся на своё место...

Теперь же – в результате громоподобного и разливанного падения на пол кастрюли из-за потери в воздухе правой (или – левой?) ручки – нужного (очень!) шурупчика (вкупе с гаечкой) я недосчитался...

Что ж, будет повод занять настоящую долгоиграющую кастрюлю нового поколения.

Тем более, что парк сковородок – пару недель назад – был мной решительно обновлён...

– Я купила тебе кастрол! – услышал я на следующий день в телефонной трубке мелодичный голосок чёткой и обязательной Девы Муры.

– Что? Кастрюлю? – поражённо переспросил я.

– Кастрюлю! Пятилитровую – как ты просил.

– Вроде я просил трёхлитровую? – вслух засомневался я.

– Не понравится – поменяем на трёхлитровую!

Приезжай в гости!
Подарок заберёшь – он ведь тебе сейчас ой ко времени!..
А заодно и день варенья отпразднуем!
Благо, суббота..
И я поехал за пятилитровой подарочной кастрюлей.
И очень она мне понравилась, когда я на неё поглядел.
Не слишком высокая, лёгкая.
А ещё – в довольно компактную коробку с приделанной мягкой ручкой по-импортному упакованная.
Что для грядущей транспортировки весьма важно..
В общем, отпраздновали мы и мой день варенья, и кастрюлю (посредством полутора бутылок виски) с Дева Муриным мужем – Львом Лёшей обмыли вполне капитально.
После чего – домой я засобирался.
Гостеприимный же Лев Лёша провожать меня до остановки opravился.
С моей приятно упакованной кастрюлей в руке.
Дошли мы до остановки – ни людей, ни маршруток, ни автобусов..
Лишь редкие легковушки.
Вот Лев Лёша одну из них и тормознул.
Шофёра восточного витиевато склонил к тут же оплаченной поездке.
Меня на заднее сидение галантно усадил.
Сам – на переднее кратковременно втиснулся.
Чтобы проводить меня до ближайшего перекрёстка..
Через полчаса был я уже дома.
И только открыл дверь собственного подъезда, как тупо сообразил, что моя новая пятилитровая кастрюля осталась на переднем сидении, абсолютно без шансов ко мне возвратиться..
А во вторник рано утром – штатно, по установленному между нами графику, явилась санитарная нянечка, дабы убраться.
В квартире.

И, добросовестно убираясь, обнаружила где-то на полу в прихожей так некстати потерявшийся шурупчик (вкупе с гаечкой)...

Нынче моя старая трёхлитровая кастрюля – почти как новая.

По крайней мере, с двумя полагающимися ей (здравым смыслом) ручками...

ПО ТРОЙНОМУ ТАРИФУ...

Считается, что в купейном вагоне поезда имеется 36 посадочных мест.

Иначе – 9 пассажирских купе по 4 полки.

На самом же деле – посадочных лежачих мест, сиречь полок – 38.

А самих купе для пассажиров – 10.

Ибо есть ещё одно – двухместное, примыкающее к хозяйскому проводниковому, с полками друг над другом.

Его ещё иногда те, кто знает о его существовании – называет «собачьим».

За внутреннее сходство с конурой.

И за размеры соответствующие...

Так вот, ездить в таком купе вдвоём с хорошим знакомым (или знакомой) – всё-таки значительно лучше, чем вчетвером с тремя неизвестными.

Пусть даже – с двумя.

Да хоть с одним...

При этом «собачьи» купе особым спросом пользуются лишь у тех, кто про них в принципе знает и кто частенько по обстоятельствам жизни вдвоём с хорошим знакомым (или знакомой) на поездах вынужден ездить.

Впрочем, порой билеты в «собачье» купе не купишь.

Бывает и такое.

Тогда приходится брать другие билеты – и периодически по Интернету ситуацию отслеживать: вдруг кто-то свои «собачьи» сдаст на радость страждущим.

Которые их – раз – и цапнут.

Чтобы собственные – потом, зачастую в самый последний момент, сдать в кассу возврата.

Вот, собственно, и вся преамбула.

А сама история – того короче.

Сперва – так уж вышло – два (знакомых) человека купили по Интернету два билета в четырёхместное купе на не слишком удобный поезд.

Потом отследили посредством Интернета же, что – откуда ни возьмись – вдруг возникло два билета в «собачье» купе чуть более удобного поезда...

Их – раз – и цапнули!

Чтобы днями позже вальяжно отправиться на функционирующий под боком вокзал – сдать в кассу купленные заранее.

Ну и до кучи – через терминал – выкупленные «собачьи» получить на руки во всём им причитающемся полиграфическом великолепии...

Вернее сказать, один человек отправился.

А тот, который все полагающиеся манипуляции по Всемирной Сети произвёл – дома остался.

Для других манипуляций...

В общем, говоря стихами: тот, кто на вокзал отправился – там со всем отлично справился!..

Утром же, за три часа до отъезда в «собачьем» купе скорого, тот, который со Всемирной Сетью на «ты», решил бросить взгляд на выкупленные билеты – и с ужасом обнаружил, что это билеты на благополучно отбывший минувшей ночью поезд.

А значит, тот, который вчера их через терминал выкупил и сейчас магазинно гулял вблизи вокзала – сдал в кассу возврата билеты в «собачье» купе...

Спец по Интернету остервенело ринулся вглубь Глобальной Паутины – и почти сразу с облегчением узрел, что, сданные накануне подельником билеты в «собачье» купе – до сих пор никем не выкуплены.

Денег с электронной карты другого, в это время магазинно гуляющего вблизи, на покупку бывших собственных билетов хватило.

С лихвой.

Даже четыре тысячи деревянных осталось...

В дальнейшем всё протекало штатно.

Включая двухсуточную двуединую поездку в «собачьем» купе.

По тройному тарифу...

ИСТОРИЙКИ

МАСТЕР И МАРГАРИТКИ...

(малая разножанровая проза)

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН...

Театр не только начинается с вешалки, но ей и кончается.
– Номерочек дайте-ка! – вещает гардеробщик.

А слышится, естественно, Номерович-Данченко...

– Не верю! – тут же заговаривает во мне Станиславский.
Но в этом случае, похоже, он прав лишь отчасти...

ДОПУСТИМ...

Допустим, остановка. Допустим, под открытым небом. Допустим, такая, чтобы трамваи шли в одну сторону, а троллейбусы – в другую. Впрочем – ни тех, ни этих. И вообще никого. Кроме Моего Лирического Героя и Моей Же Незнакомки. И тут вдруг – ливень. А у Моего Лирического Героя зонтика – нет. Зато у Незнакомки – есть. И он, Мой Лирический, просится к ней под зонтик. И она, Моя Же, его пускает. Однако все попытки диалога отвергает стойчески. Иначе, какая из нее – Незнакомка... Так продолжается целую вечность. Но тут, наконец, подплывает его троллейбус (в отличие от ее трамвая) – и Мой Лирический Герой, покидая суверенные границы Моей Же Незнакомки, говорит ей на прощание: «Спасибо, всё было очень сухо!..»

А я молча наблюдаю за тем, как девушка с зонтиком удаляется в трамвае, набирающем ход, от насквозь мокрого и безлошадного меня..

ПРО МИЛИЦИОНЕРА

Идёт по улице милиционер. Рост – метра три, не меньше. Я даже на цыпочки встал и прыгал, чтобы понять, какой же у него чин. Так и не узнал: не допрыгнул.

ПО-СОСЕДСКИ

Соседка снизу – соседке сверху, живущей непосредственно над ней:

– Говорят, вы после 11-ти топаете?.. Врут?..

У ОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ...

1

У одной учительницы не было ни одного ученика.
И ничего: справлялась..

2

У одной учительницы не было ни одного ученика.
Вернее, сначала у неё их было довольно много, но учительница за долгие годы педагогической практики привыкла жить на износ, а работать на измор..

ПРО ДВУХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Одна из двух, которая вела русский язык и литературу, когда мы проходили Горького, как-то начала спаренный урок с того, что во всеуслышанье объявила:

– Сейчас вы будете писать сочинение по «Матери»!..

А ещё она регулярно повторяла на литературе:

– Цитировать надо ближе к тексту!..

Та же, что вела историю и обществоведение, когда мы проходили французскую революцию, предложила нам на досуге ознакомиться с романом Виктора Гюго «Отверженные»...

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЗООЛОГИЯ

Если кто-то из учителей вдруг заболел – она приходила в класс.

Чтобы подменить заболевшего преподавателя.

И проводила именно тот урок, который значился в расписании.

Без разницы: русский, математика, физика, химия, физкультура, пение...

Она была завуч.

Лошадь Всесторонняя.

Так мы её величали.

С моей лёгкой руки (или чего там?..).

Ещё и потому, что лицом Всесторонняя на морду парнокопытной уж очень смахивала...

А до неё завучем был Исак Соломоныч.

Которого все звали Ишак Самогоныч.

Исключительно по созвучию.

Такая вот занимательная зоология...

ФАМИЛЬНЫЙ ОТКЛИК

Володя Юданов решил выступить в роли настоящего издателя.

И выступил, издав цветной альбом репродукций настоящего художника.

Алексея Бегова.

Издать-то Володя издал, а отклика от социума не получил.

Никакого.

И тут я с Бутырского рынка возвращаюсь.

За спиной везя полосатую колёсную сумку.
По Беговой аллее.
Ну и вижу этот самый долгожданный отклик.
От социума.
Прямо перед собой.
На торце теперешнего магазина «Фамилия».
А написано там: Бегов Ал. За!
Именно так, с восклицательным знаком на конце.
Я даже поразился!
И ещё раз!
Когда сообразил, что это – Беговая аллея, 3 а.
Тогдашний адрес магазина «Фамилия»...

ЧЕЛОВЕК СО ЗНАКОМ МИНУС

Ещё будучи ребёнком, он заметил, что ничего хорошего ему не хочется.
Только плохое и отвратительное.
Ужасное и непотребное.
Но так поступать было нельзя – взрослые ставили в угол, наказывали, стыдили.
Вот он и решил вести себя образцово.
Чтобы всех обмануть.
Ведь это он мог себе позволить!..
Например, хотелось ему кого-нибудь побить – он подходил и гладил по голове.
Или хотелось разбросать свои игрушки – он собирал их в аккуратную кучку.
И постепенно привык совершать лишь хорошие поступки.
И с течением долгих лет овладел этим делом практически в совершенстве.
Причём схема действий была изначально проста и понятна для выполнения.
Всякий раз требовалось поступить ровно с точностью до наоборот.

По отношению к тому, что страстно желалось.
А желалось по-прежнему только одно: гадостное и
омерзительное...

Так жил он, поживал, человек со знаком минус.
Самый настоящий.
Всех встречных вводя в заблуждение и водя за нос.
Всеми уважаемый и любимый.
Хитрый, коварный..
Однако пришло ему время умирать.
И что бы вы думали?
Он даже Бога вокруг пальца обвёл – теперь вот в раю
мается...

ПОД ГИМН СОВЕТСКОГО СОЮЗА...

Человек сидел на трибуне огромного стадиона.
Человеку было хорошо.
И спокойно.
Но вдруг человеку приспичило.
Срочнее некуда..
А тут – как раз – началась церемония награждения.
И в честь победителя грянул державный гимн.
И все встали.
И человек тоже встал.
И на полусогнутых – еле-еле переступая – двинулся к
выходу.
Двумя пальцами сжимая прихваченную по дороге га-
зетку.
С которой только что встал другой человек.
Рядом ниже...

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Писсюарам ни пользаваца!
Засёр!!!
Ваша уборшыца.

ХОРОШАЯ КОМПАНИЯ

Покупайте наши воздушные шарики!
Компания «Надуватели»

ОТКРЫВАТЬ НОВОЕ

(на примере пива)

Открывать новое – трудно.
Глазом попробовал – не получается...
Тогда зубом.
Надо же – опять не выходит...
Пришлось лезть в карман.
Не за словом – за делом.
Ножичек у меня там перочинный.
У него и лезвие подходящее, и вообще...

ЖЕСТОКИЙ РОМАН

Она была работником Госплана.
А вышла замуж за простого советского йога.
Мяса йог не ел.
Никакого.
Категорически.
Как жена мужа ни упрашивала.
Тогда принялась она йога стимулировать.
Посредством лыжной палки.
Сначала – загоняла с её помощью под кровать.
После чего пыталась кормить.
Силком.
Варёным мясом.
С неё же, с лыжной палки...
Потому как человеку обязательно требуются белки.
Йог плакал.
Но всё равно мяса не ел.
А жена постимулировала-постимулировала – да и бросила через год стимулировать.

На развод подала...

Она была работником Госплана.
Он был советским йогом – и она, –
Лимитчица, бездетная жена,
Чтоб муж имел белки, следила рьяно.

И – загнанного в ходе перепллки
Субтильного супруга под кровать,
Откуда тот не помышлял вставать –
Силком кормила мясом с лыжной палки...

ИГРОЧОК

Он играл в спортивные игры.
Не щадя себя.
Не жалея других.
Он ложился под броски шайбы и удары мяча.
Он делал подкаты сзади и бил клюшкой в незащищён-
ные места.

Таковы были правила игры.
Притом что правила игр это запрещали.
Обладая спортивной злостью, он играл в спортивные
игры.

И спортивная злость помогала ему выигрывать.
В спорте.
И мешала жить.
В ежедневной жизни.
«Игрочки» – так на спортивном жаргоне называют иг-
роков.

А есть ли в этом неуважение и уничижение – каждый
решает сам.

Он и решил.
По-своему.
Прекратив играть в игры.

В любви.
По крайней мере, в игры на результат...

ЗНАНИЕ – СИЛА!..

1
Было мне лет семнадцать.
И решил я обидеться на юную девушку.
И дверью хлопнуть.
И обиделся.
И хлопнул.
И дверью пальцы прищемил.
Себе.
В общем, с рук мне это не сошло...
А вот ногти с трёх пальцев потом сошли...
Так узнал я на личном примере:
Обижаться – себе дороже!..

2
Было мне лет тридцать.
И решил я отшлёпать шаловливого сыночка.
В профилактических целях.
Схватил.
Зажал.
Размахнулся.
Ну и плечо вывихнул.
Своё.
В общем, не сошло мне это с рук.
Зато сошло на меня свыше.
Знание:
Обижать – себе дороже!..

КВАРТИРА

Иногородняя девушка Марина снимала комнату в соседнем подъезде.

Петровне Марина с первого взгляда приглянулась.

Стала Петровна тогда приглядываться к Марине пристальной – и ещё больше ей Марина глянулась: серьёзная, пунктуальная, вежливая, непьющая, мужиков не водит.

Видать, работающая...

Вот и решила Петровна осчастливить положительную девушку.

Квартиру ей свою завещать.

А то некому было.

По причине Петровниного одиночества.

Не государству же отдавать, поганому...

Подкараулила Петровна пунктуальную Марину перед подъездом – да всё ей с ходу и выложила.

Та сначала удивилась, потом сердечно поблагодарила, а следом вежливо отказалась.

И этим Петровне ещё больше понравилась.

Короче, вцепилась Петровна в Марину.

Мёртвой хваткой.

Все Маринины данные выудила – и квартиру ей свою завещала.

Юридически грамотно всё оформив.

Через нотариуса.

И Марину, естественно, проинформировала.

А Марина была девушка действительно серьёзная, крайне положительная.

Ну, и почувствовала ответственность за старушку.

Глубокую, личную.

Всё помочь Петровне по хозяйству норовила.

Проведывать принялась регулярно.

О здоровье справляться...

Это Петровне и не понравилось.

Очень!

Категорически!

– Видать, смерть мою торопит, голодранка! – подумала про Марину Петровна.

И завещание на квартиру в мгновение ока аннулировала.

О чём девушке Марине так прямо и сказала.
Когда та навестить с гостинцами пожаловала...
Вот уж Марина вздохнула облегчённо.
Ведь насколько же легче дышать, а!..

СЕНЕЖСКАЯ РЫБА

Плыл я однажды по озеру Сенеж.
Чем-то вроде индивидуального доморощенного басса.
От берега.
Как вдруг из воды выскочила большая серебряная рыба –
и запрыгнула мне прямо на мокрую спину.
А в голову мигом стукнуло:
– Приплыву-ка я рыбу к берегу!..
Аккуратно развернувшись, я двинулся в сторону до-
вольного далёкого берега.
С рыбой, лежащей на своём животе.
У меня на спине...
Рыба лежала крепко.
Я это знал точно.
Ведь – в буквальном смысле – чувствовал спиной её
нежное влажное дыханье– колыханье..
Только метрах в десяти от берега рыба явно нехотя
покинула мою спину.
Я даже слышал, как она взмахнула хвостом.
Перед тем, как зычно плюхнулась в сенежскую воду...

Ты –
Кролем на груди,
А рыба –
На спине
Твоей
(Как – на волне) –
И берег –
Впереди.

И – промелькнуло,
Де,
Вдруг
На себе
Её ж
До берега
Свезёшь
По
Сенежской воде?..

СНЫ

Из всех моих снов реально помню два.
Вернее, про один помню, что был он очень чётко структурирован.
Нечеловечески сюжетен.
Художественен до безобразия..
Вдобавок у сна имелось название: «Старое ружьё».
Так значилось в начальных титрах..
Другой сон был таков:
Сажу я абсолютно голый в двадцатом троллейбусе шестидесятих.
На коричневом сидении.
Спиной по ходу движения.
Вблизи от задней кассы.
И вдруг обнаруживаю, что рядом со мной сидит огромная, под потолок троллейбусного салона, бело-голубая прозрачная собака.
С некоторым количеством синих пятен по аморфно видоизменяющемуся (прямо на моих глазах) телу..
К тому же мне откуда-то заранее известно, что собака – олигофрен...
Ничего (и никого) страшнее в жизни я не видел.
Однако после этого сна собак я почти не боюсь..
Был, впрочем, ещё третий памятный сон.
Где я предстал в львином облиции.

Или в тигрином.
И каждый мой прыжок длился вечность...

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФРАЗА

Ночь.
Москва начала восьмидесятых.
Я сижу на переднем сидении едущего такси.
А на заднем – спит мой крепко выпивший спутник.
Которого я вынужденно везу к себе.
Потому что в карманах у меня денег нет.
А дома – есть...

И вдруг – всего в квартале от моего дома – на мостовой – возникает покачивающаяся фигура пьяного ловца такси.

Он хаотически машет руками.

Заодно при этом размахивая другими частями своего вихляющегося тела.

И даже, невзирая на ночь – сквозь лобовое стекло – весьма очевидно, что фигура является мужчиной с переизбытком женских гормонов...

Водила останавливается,

Тело клиента вваливается внутрь, на заднее сидение.

Но, активно не желая успокаиваться на достигнутом, начинает интимно приставать к уже имеющемуся там почти бесчувственному телу...

В ту же минуту я понимаю, что вот он – мой звёздный час.

В смысле – миг...

Я полуоборачиваюсь к заднему сидению и нарочито чётким строгим голосом несу в мир художественную фразу.

Хотя бы для того, чтобы она оказалась произнесенной мной при фактических обстоятельствах.

Став объективной частью сренестатистической реальности...

Итак, я полуоборачиваю голову и персонально адресу эту художественную фразу:

– Если ты, фигура, сейчас же не прекратишь свои домогательства по отношению к моему уставшему дугу, – я буду вынужден сдать вас в педерастический вытрезвитель!..

Что удивительно, приставания моментально прекращаются.

А такси тем временем – как раз – въезжает во двор моего дома.

ТАБЛИЧКИ

Нельзя сказать, что позаимствованные в разных местах таблички эпохи развитого социализма я вульгарно коллекционировал.

Хотя некоторые из них кучей валялись на полочке во встроенном шкафу.

В туалете.

Я честно использовал таблички в домашнем хозяйстве.

На том же туалете расположилась «Студия звукозаписи».

На моей комнате примостилась «Комментаторская».

Правда, с одной буквой «м»...

А над старой софой, которую собирались выкидывать мои родственники, жившие в доме напротив, и которую с приятелем мы припёрли на себе, значилось «Топчаны платные».

Эту тяжеленную металлическую табличку я привёз из Одессы восьмидесятого.

Причём, когда мы ехали в аэропорт, чтобы возвратиться в Москву, автобус был переполнен, и какая-то экзальтированная одесситка истошно вопила в никуда:

– Ай, наш бедный папашка! Он совсем не имеет за что подержаться!..

Впрочем, в действительности пресловутый папашка – как раз – имел очевидную возможность подержаться.

Не – за что, но – за кого.

И, похоже, ею воспользовался.

По крайней мере, вопли отхлынули...

Да, умыкнутых табличек у меня хранилось много.

Однако предметом моей пассивной зависти и объектом преклонения перед могуществом сил живой природы являлась, выполненная типографским способом, невзрачная табличка, красовавшаяся на холодильнике у Володи Юданова:

«Здесь круглосуточно работает холодильник».

Как говорится, ни убавить, ни прибавить...

ВЕЛИКИЙЧОЛОВИК

Великийчоловик.

Одним словом.

С двумя «о».

С предпоследней буквой «и».

Именно так.

Ибо это фамилия.

Фамилия студента-заочника литературного института времён перестройки.

Бесконечное количество раз во всевозможных списках встречалась мне она.

А сам Великийчоловик не встретился в жизни.

Ни разу.

И кого в литинституте о таком ни спрашивал, никто его не видел.

Никогда.

Настоящий студент-заочник...

РЕКЛАМНЫЙ РОЛИК

1

Бал в королевском дворце.

Пары танцуют.

Между парами лавирует дворецкий, на подносе у него блюдо, над которым аппетитно дымится пар...

Вдруг раздаётся громовой голос первого министра:

– Встать! Суп идёт!..

Пары прекращают танцевать и замирают.

А дворецкий продолжает проход в сторону королевских хором, где король уже в предвкушении..

2

Заседание в зале суда.

Судья обращается к сидящим в зале:

– Встать! Суп идёт!

Все встают.

Секретарь суда вносит упаковки с одноразовой лапшой и раздаёт публике.

Судья, обращаясь к стоящим в зале:

– Можно сесть

И супчик съесть!

Объявляю обеденный перерыв!..

Все садятся..

ТЕНЬ..

Умиротворённый, осенним солнечным днём, шёл я домой с динамовского рынка.

Был такой на излёте второго тысячелетия.

Вернее, рынков было два: продуктовый и вещевой.

Так вот, я возвращался с продуктового.

Отоварившись и наполнив колёсную сумку практически под завязку.

В смысле, под молнию, которая давно не работала..

А по дороге, в подземном переходе, тётки свитера продавали.

Ну, и решил я себя побаловать: свитер у них купить.

Тем более, что свитер в канун зимы мне настоятельно требовался.

Приобрёл я недорогой, довольно симпатичный коричневый свитер, в колёсную сумку поверх продуктов его сунул – и дальше пошёл.

Домой.

А когда пришёл, первым делом собрался жене свой новый свитер продемонстрировать.

Да в сумке его не обнаружил.

И сразу же вспомнил, как на подходе к дому, в районе мусорных контейнеров, вдруг увидел тень.

Она бесшумно возникла чуть правее моего движения.

Потом продвинулась вперёд, обозначив себя у меня под ногами.

И мгновение спустя, испарилась, оставив над моей за спиной сумкой что-то вроде легчайшего дуновения..

В смутной надежде отыскать пропавший свитер я бросился по подъездной лестнице вниз.

Следом – выбежал из подъезда.

И почти обречённо ринулся в сторону динамовского рынка.

Свитер на дороге, естественно, не валялся..

Через четверть часа быстрой ходьбы я очутился в том подземном переходе, где сорок минут назад купил бессрочно утраченный свитер.

Тётки оказались на месте.

Сочувственно меня выслушали.

А в ответ неожиданно сказали, что ощущают свою долю ответственности.

И предложили купить мне другой свитер.

За полцены.

Я купил два.

Второй – за полную стоимость..

Оба ношу до сих пор.

ВОР

Из комнаты мне было слышно, как входная квартир-ная дверь тихонечко отперлась.

Я подумал, что это раньше обычного вернулась домой жена.

Прошло ещё пару минут.

Жена в комнате всё не появлялась.

Однако осторожные, чуть отдалённые шорохи, я то и дело улавливал.

Поскольку разошедшийся старый паркет давал о себе знать..

Тогда я двинулся жене навстречу.

И где-то посредине нашей темноватой девятиметровой передней обнаружил мелковатого кавказца в кепке.

И почему-то совершенно не испугался.

И молча стал выталкивать его, гортанно гомонящего, за дверь.

Трёх-четырёх толчков оказалось вполне достаточно, чтобы вновь оказаться в квартире одному.

ДВА НАРЦИССА

Они родились в один год.

В один день.

В один час.

А встретились, когда им было уже под сорок.

И каждый увидел в другом самого себя.

Вернее, своё зеркало.

И решил с этим зеркалом никогда не расставаться.

Чтобы всё время в него смотреться..

Так они прожили много лет.

Два влюблённых Нарцисса.

Пока не потеряли друг друга.

Из виду.

Окончательно.

Два жёлтых цветка.

В паре годящихся лишь для того, чтобы вместе лечь на могилу.

Любви.

Привычно искажённой взаимными отражениями ...

ОДНОИМЁННИЦЫ...

Жил да был один человек.

И была у него одна жена, которую звали Юлия.

И так человеку нравилось это имя, что когда у него родилась первая дочь, он её тем же именем назвал!

И когда вторая – им же!

Третьей, правда, не случилось...

– Как ты к ним обращаешься? – спрашивали у человека.

– Очень просто: к жене – Юлия.

К старшей дочери – Юля.

К младшенькой – Юлечка.

А самое любопытное в этой историйке то, что я и не придумал её вовсе.

Лишь записал.

По памяти.

ОДНОЯЙЦЕВАЯ СКАЗОЧКА

Жили-были две сестрички-близняшки.

Жизнь и Смерть.

Одна из них всегда носила косу.

А другая – иногда – пару.

Две – то есть.

Или вовсе ходила распущенная...

И никто на Земле не знал (даже они сами), кто же из них старше.

И родителей своих сестрёнки тоже не знали.

Потому что родители то ли умерли, то ли на Другой Планете обитали...

Нельзя сказать, что сёстры по ним каждый день скучали – тосковали – плакали.

Однако порой – всё-таки – чувствовали себя сиротами.

Казанскими.

Или, может, пизанскими.

Об этом история умалчивает...

Впрочем, сиротой себя ощущала лишь одна из двух.

Та, которая, когда в сиротинушку-то не превращалась, – всё больше храбрилась да хорохорилась...

Короче, как-то раз мимо Сорока летела.

Ну, и на хвосте принесла, что где-то далеко-далеко, за лесами – за морями имеется у сестричек их папа родный.

И зовут его Кощей Бессмертный...

Вот уж первая из близняшек обрадовалась!

А вторая – Сороке не слишком поверила.

Потому что вряд ли стоит верить сорокам.

Даже если они – вороны...

КЕКС

ПО ТЕЛЕФОНУ

1

– Бордель «Тоник»?

– Бар «Дальтоник»!..

ФЛОБЕР НЕ ОТДЫХАЕТ...

Мадам Бовари подошла к телефону и услышала в трубке:

– Эмма, это я!..

В ОТСУТСТВИЕ СПИЧЕК И ЗАЖИГАЛКИ

– Дмитрий, дай прикурить.

– Нет, Дима без огня...

НА ВАГАНЬКОВО...

Шла середина девяностых – и я тогда ещё не ходил за картошкой на Бутырский рынок. Ходил на Ваганьковский, к тому времени худо-бедно торговавший, будучи неокончательно прикрытым на последовавшую вдогон многолетнюю реконструкцию...

Так вот, брёл я среднестатистическим демисезонным днём с традиционной своей заспиной сумкой на колёсиках за самой дешёвой мелкой отечественной картошкой.

Добрёл до ближнего к знаменитому Ваганьковскому кладбищу входа на рынок, пробрёл внутрь – и вдруг увидел, что все окрестные прилавки пусты, а из покупателей лишь я один.

Продвинулся дальше – всё то же самое: ни продавцов, ни товаров, ни покупателей.

Видать, санитарный день или что-то вроде...

Стало быть, надо на выход.

А выходов (или входов) там, на Ваганьковском – два.

Ну и решил я – через второй выход в обратный путь отправиться.

Тем более, что они, эти входы-выходы – почти рядышком располагаются, всего в нескольких десятках метров друг от друга.

Только, если хочешь выйти не через тот, через который вошёл, требуется сначала до вынужденного упора углубиться внутрь, а потом уже пойти в нужную тебе сторону, сделав перед финишной прямой обязательный виражик...

Так вот, бреду я с тайной надеждой, что, может, всё-таки – рынок сегодня хоть отчасти торгует.

И до этой его торгующей части я просто ещё не добрёл...

Но – нет: прилавки по-прежнему пусты, и – ни единого человека.

Будто Ваганьковский рынок вымер...

Дошкандыбал я до пресловутого виражика – и тут чуть кондратий меня не хватил.

Ибо – вдруг – люди возникли. Массово.

Причём все – в камуфляже!

С той лишь разницей, что одни с автоматами и стоят.

А другие без автоматов и лежат.

Мордами в асфальт.

Под прицелами стоячих.
Короче, камуфляжники себе лежат и стоят.
А я, сумчатый, на полусогнутых мимо шлёпаю и на-
зойливую мыслишку от себя отгоняю: добреду ль по фи-
нишной прямой до выхода?
Как видите – добрёл...

ВРЕМЯ ЦЕЛОВАТЬСЯ...

Есть такое особенное время в сутках. Когда надо цело-
ваться. И не одно, а целых три:
00.00.
11.11.
22.22.

Есть время в сутках, чтобы целова-
ться
точно
(А иначе – цифры – сдвинутся...):
00.00. 11.11.
И – 22 – конечно! – 22...

Правда, некоторые считают, что в это время нужно
чокнуться и выпить.
Можно и так.
Но выпив – нужно обязательно закусить поцелуем!..

БОЛЕЛЬЩИК

Сейчас, когда я пишу эту историйку, в Польше и в
Украине – как раз – проходит очередной чемпионат Евро-
пы по футболу.
Случилась же она несколько десятилетий назад, когда
обрусевшие советские немцы (в том числе – со славянски-
ми именами-фамилиями) получили от родины географи-

чески-биографической законное право оказаться жителями своей родины исторической...

Однако прежде, чем оказаться на территории Германии, нужно было пройти собеседование в германском посольстве, где тамошние спецы с пристрастием выпытывали мотивы, побудившие людей к возможной эмиграции.

И вот, одного нашего, у которого в его родословной немецкие корни просматривались лишь под микроскопом, ответственные германские геры бесконечно мурьжили на таком собеседовании, чая добиться от человека неоспоримых аргументов, чётко трактующих, почему тот чувствует себя именно этническим немцем.

А не украинцем. Или казахстанцем...

Мурьжили, но вразумительных, по их компетентному мнению, объяснений от нашего человека никак не получали.

И тут, в качестве самого последнего и решающего аргумента – наш человек, рванув рубаху на груди, выдал:

– Когда русские с немцами в футбол играли, я всегда за немцев болел!..

Однако посольских германских педантов этот крик души их гипотетического соотечественника не впечатлил абсолютно.

ПЕРВЫЕ СЛОВА

Сын Фимы Бершина, недавно женившийся буддист Илья, кучу лет назад первыми своими словами в этой жизни выбрал «кошмарк» и «ужаст».

Это, если, конечно, верить Фиме...

Пусть даже «ужаст» и «кошмарк» были не самыми первыми, проговорёнными Ильёй здешними словами, но – будучи произнесены почти младенцем, сказать они умудрились очень-очень о многом...

РЫБНЫЙ ВЕЧЕР

Эта историйка из конца семидесятых.

Тёплое июньское лето.

Вечер.

И вдруг звонит мне домой некто женским голосом, представляется Таней, а заодно предлагает немедленно встретиться.

Потому что отставлено – категорически исключается!

Ведь у неё для меня свежая рыба, которая ждать, естественно, не может...

Я же – как раз – собираюсь ехать купаться.

На Водный Стадион.

С двумя приятелями.

Вот и назначаю я девушке свидание по дороге к Водному Стадиону.

У станции метро «Аэропорт».

Через полтора часа.

Не отходя от аппарата, звоню я одному из двух приятелей уточнить время нашей купальной поездки.

С поправкой на лихорадочно возникшие обстоятельства...

И тут выясняется, что он тоже собирался мне спешно звонить.

По аналогичному поводу.

Его только что накрыла телефонным звонком незнакомка по имени Таня, настоятельно потребовала форсированного пересечения, дабы вручить скоропортящуюся рыбу – и отчасти рациональный приятель с ходу назначил помогающей его девушке свидание.

Через два часа.

У станции метро «Сокол».

По дороге к Водному Стадиону было...

Короче, через полтора часа – мы втроём на «Аэропорте» оказываемся.

Почти сразу подходит ко мне девушка – протягивает огромную рыбину в пакете – и моментально улетучивается.

Через два часа – мы уже на «Соколе» (в действительности – значительно раньше: до него от «Аэропорта» всего лишь одна остановка).

Ровно в срок подходит к моему приятелю девушка (абсолютная другая) – суёт ему внушительный пакет с рыбой – и молниеносно исчезает...

– Рыба-то хоть отравлена? – ёрнически спрашиваю я в июньский воздух – и мы входим в метро, чтобы вскоре выйти на станции «Водный стадион».

А там – в десяти минутах пешей ходьбы – и самый настоящий Водный Стадион имеется.

Водный Стадион «Динамо».

Или по-простому: Водный «Динамо».

Так он ещё в моём детстве назывался...

К Стадиону Водному

На метро подъедем.

Окунёмся в воду мы,

Как пристало детям...

Выберемся, вытремся.

Сунем ноги в брюки.

Всё из тужель вытрясем.

Раз – и ноги в руки –

И – обратно –

Вот она –

Тропка наша –

Прямо:

От «Динамо» Водного

Просто до «Динамо»...

В общем, рыба с нами съездила до Водного Стадиона. Откуда благополучно прибыла по месту нашей прописки, на улицу Беговая.

Ничуть не испортившись.
Ибо – всё-таки – была вяленой.
В тот же вечер мы её с пивом и уничтожили.
Она же нас милостиво пощадила.
Не отравила, в смысле...

А спустя пару недель очутился я на свадьбе ещё у одного своего приятеля, куда очень усиленно, но – в конечном счёте – безуспешно – один из этих зазывался.

Пришёл-приехал в социалистическое далеко (на автобусе от станции метро «Юго-Западная»).

Чтобы с обеими Танями пять часов за свадебным столом сидеть.

Подружки невесты – как выяснилось...

КАРАНДАШ В ЗУБАХ...

Один привык держать карандаш в руке.

Другой – за ухом.

Ещё кто-то – в зубах.

И не только во время рисования.

Но и, скажем, во время разговора.

Телефонного.

Когда звонишь ты абоненту, представляясь не своим именем.

Стало быть, и говоришь не своим голосом.

Когда карандаш (лучше простой, чтоб язык слишком ярко не раскрашивал) у тебя в зубах.

Между зубами, то есть.

Только – не как сигарета или сигара – торчком наружу.

А – поперёк и внутри полости рта...

ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ

Нашёл мужчина золотые часы.

Женские.

С браслетом.

На уличном перекрестке.
Домой принёс,
Положил на подоконник – и начал ждать изменений.
К лучшему.
Или – к худшему.
Месяц, второй, третий.
Полгода миновало, а ничего – практически не меняется.
Тогда – однажды тёмным утром – взял мужчина часы с подоконника – и понёс назад – на улицу.
А по дороге к тому перекрёстку, где их нашёл – видит справа по курсу – другой перекрёсток – поменьше.
Это демонстрационный щит с изображением медицинского креста на газоне, близ асфальта валяется.
Упав.
И медицинский крест этот – ровно как перекрёсток.
Только миниатюрный...
Наклонился мужчина – и на мини-перекрёсток часы золотые бережно положил.
Чтобы больше их никогда не увидеть.
Сам же – облегчённо – дальше пошёл.
В светлое будущее...

ЧЕГО НАМ НЕ ХВАТАЕТ?..

В эту игру мы играли с Папой.
Вернее, Папа со мной, уже школьником.
Когда выходили на улицу – и, гуляючи, шли от Беговой по Ленинградскому проспекту в сторону Красной площади.
Впрочем, начинали мы совсем с другой игры – под названием «Что у нас есть».
– Что у нас есть? – спрашивал Папа.
Ответ же следовало искать на окрестных вывесках.
По большей части, магазинных.
Получалось: детское питание, гастроном, рыба, мясо, молоко, хлеб, консервы, кофе, аптека, поликлиника, парикмахерская, химчистка, ателье, ткани, сберегательная касса...

В общем, того, что у нас есть – хватало с лихвой – и это даже начинало надоедать.

Тогда Папа менял правила игры.

– Чего нам не хватает? – спрашивал Папа.

Ответ надлежало найти на тех же вывесках.

Или – на иных...

Но – обязательно прочитанных не в именительном падеже, а в родительном – в том самом, в котором задавался вопрос.

Получалось: кофе, кафе, ателье, ткани, кассы аэрофлота. . .

А ещё – колбасы.

Потому что в этом слове менялось – вдобавок – и ударение. . .

ЗОЛОТОЙ ВЕК, ИЛИ НОГУ СВЕЛО...

Совместно с окончательно повзрослевшим сыном – до настоящего времени мне удалось реализовать всего две собственные идеи, а именно: купить дачный участок в Подмоскowie и сходить на возрождённый балет Шостаковича «Золотой Век» в Большой театр.

«Золотой век» интересовал меня с точки зрения того, какое место отвёл в нём Дмитрий Дмитриевич знаменитой джазовой композиции «Чай для двоих» («Tea for two»).

С какой точки зрения «Золотой век» интересовал сына, я его и не спрашивал.

Билеты на один из премьерных спектаклей были заранее куплены – и в урочный час мы в окружении японских туристов внедрили на территорию Большого.

Правда, не через центральный вход, а – сбоку, ибо знаменитый тамошний ремонт уже был в процессе. . .

В Большом театре я не бывал со времён дошкольного (или младшешкольного?) посещения балета «Цветик-семицветик».

Балет же «Золотой век», названный так в честь нэпманского ресторана, я – буквально – за пару дней до второго тура премьерных спектаклей умудрился улицезреть по телеканалу «Культура».

Целиком.

Стало быть, заодно и дать себе ответ на поставленный собой же вопрос...

В общем, по результатам теле-версии, вполне проникся ресторанной темой, пропустив мимо ушей все другие, вроде как – в массе – одухотворяющие прогрессивную сущность классовой борьбы...

Впрочем, известное удовольствие от просмотра вживую я тоже получил.

Даже, несмотря на то, что во втором акте ногу свело.

До зубовного скрежета...

Минут двадцать пять я приводил в норму свою непослушную конечность.

Благо, расположенность кресла позволяла предельно беспрепятственно лягать воздух...

МИЛИЦИЯ ЭПОХ...

В восемьдесят пятом горбачёвском ударило в голову: раз есть полиция нравов, вполне может существовать и милиция эпох.

Точнее, эпох милиция...

Практически, опохмилиция!

Увы, но эта идея теперь, похоже, окончательно перестала быть актуальной.

Во-первых, алкогольных очередей давно уже нет.

А во-вторых, эпох полиция – звучит как-то маломасштабно...

ЦИТАТА ИЗ ЛЕНИНА

Советских школьников и студентов ежегодно заставляли, можно сказать, насильно принуждали читать произ-

ведения В. И. Ленина (Ульянова). А ещё – бесконечно их конспектировать.

Из всей той, лично сочинённой вождём мирового пролетариата ленинианы, что мне довелось вынужденно читать-конспектировать, запомнил я лишь одну единственную коротенькую цитату.

Но – зато! – поистине говорящую:

– И не смей командовать! – писал пламенный революционер и журналист В.И.

Запретительным словом да приказным тоном непримиримо борясь с низовой начальственной авторитарностью на местах.

Пламенно высекая (и не только в мраморе) себя же самого!..

ПИДЖАК

Я сидел в мужской раздевалке и автоматически завязывал шнурки.

На собственных чехословацких бежевых кроссовках фирмы «Ботас».

Отстраненно примечая, что бантики у меня получаются – как всегда – просто шикарные...

Мастер спорта по прыжкам в высоту Олег Балашов появился на тренировке в новом пиджаке.

Пиджак был то ли замшевый, то ли кожаный – уже не помню.

Но это и не столь важно.

Важно то, что ни замшевый, ни кожаный достать в Советском Союзе не представлялось возможным.

Легально.

Только спекулятивным образом.

Вот я и поинтересовался у мастера спорта Балашова, имея в виду стоимость пиджака:

– Сколько?

– 50 левых! – правдиво ответил мастер спорта.

Правдиво. Однако ж не до конца понятно.

Мне и так, без вопросов, было ясно, что пиджак левый, то есть купленный не в советском универмаге...

Но почему-то хотелось исчерпывающей ясности – и я принялся уточнять:

– Чей?

– Болгарский!

– А где взял?

– В Софии.

– Понятно! – сказал я, хотя понятнее мне сделалось едва ли.

– И почём? – ещё раз зачем-то поинтересовался я.

– 50 левых! – опять дал честный ответ мастер спорта Балашов.

И тут я вдруг сообразил, что пиджак стоил не 50 левых.

А по номиналу.

50 левов.

Правых...

ОВЧИННЫЙ ТУЛУП

Дублёнку достать в брежневское время было крайне трудно.

Достать, в смысле купить...

А – обычный деревенский овчинный тулуп – несколько проще.

Опять же – достать...

Вот – году в семьдесят восьмом мне его и достали.

В смысле, я его купил.

За 180 рублей.

Что примерно соответствовало моей двухполовино-месячной тогдашней зарплате...

Настоящий был тулуп: чёрный, тёплый, тяжёлый...

С коричневым курчавым воротником и разноцветной мохнатой подкладкой.

Носил я его больше десяти лет.
С превеликим удовольствием носил.
Пока моль тулупчик благополучно не сожрала.
В одно голодное межсезонье...
И после того, как сожрала, ещё пару-тройку годков я
его на себе таскал.
Потому как советская моль овчинный тулуп слопала
не целиком – лишь частично.
А Бабушка все нехорошие ошмётки из подъеденного
насекомым тулупа одежной щёткой тщательно вымела
(буквально: прошерстив) – и лежать мой овчинный полу-
шубок на морозную лоджию отправила.
С отставленным вводом в эксплуатацию, по назначе-
нию...
И ещё был случай, на завершающих годах эксплуата-
ции человеком тулупа.
Хотел я его надеть.
Встроенный шкаф перерыл.
В гардероб сунулся.
Ан нет.
Нет его в квартире.
Подумал: вдруг у Бабушки?
И рванул на квартиру к ней, благо Бабушка в санато-
рии подмосковном – как раз – обреталась.
И тоже там, у Бабушки в квартире, тулупчика своего
не нашёл.
Даже на привычной для него лоджии...
А когда домой вернулся – смотрю – лежит мой род-
ной тулуп на моей же кровати.
В нашей комнате – меня дожидается.
Сам, без всякой помощи, туда запрыгнул.
Зычно, по-хозяйски, всем телом своим овчинным
плюхнувшись.
И – упреждающе – акцентированно гардеробной две-
рью хлопнув.
Жена в подробностях рассказала.
Она эти звуки явственно из кухни слышала...

ДВЕ ПРОГУЛКИ НА ОЗЕРО

От переделкинского писательского Дома творчества – это примерно полчаса.

Неторопливой, по большей части, приятно-тенистой, прогулочной ходьбы.

Между поселковыми домами и дачами различных рангов да фазонов.

А потом – ещё минут пять.

Обтекая редкоствольную рощицу.

Глинистой ухабистой дорогой.

Вдоль плохо укладывающегося в памяти, вроде бы лугового, поля.

После того, как перейдёшь через шелестящую гравием железнодорожную насыпь.

Аккурат, перед параллельно-двуединой платформой «Мичуринец».

Безлюдной.

Безбилетной.

По причине давнишнего отсутствия за ненадобностью нормально функционирующей билетной кассы.

Ибо редкая электричка, пролетающая мимо, здесь останавливается...

Мне этот, умеренно петляющий путь, в середине девяностых показал прозаик Иван Оганов. Благодаря чему – до начала двухтысячных, каждым июлем, я совершал здесь свой, практически ежедневный, марш-бросок.

По маршруту д/т – озеро и обратно...

С обязательным озёрным купанием.

Когда приезжал сюда, в подмосковное Переделкино.

На двадцать четыре льготно оплачиваемых членом литфонда домотворческих дня.

Дабы обеспечить сыну хоть какой-то летний отдых.

С воздухом и водой.

А потом и с отдельной комнатой...

На довольно чистое, в будни почти пустынное озеро, брал я иногда не только собственного ребёнка, но и кого-то сверху.

Обычно взрослых или околосредних писательских детей.

Однажды взял (он очень просился, обещая беспрекословно меня слушаться) старшего дошкольника Мишу – младшего сына актёра-режиссёра-писателя Михаила Козакова – и по дороге к озеру мы встретили пасущуюся вблизи желдорполотна козу.

Причём Миша Козаков, фамилия которого, произошла – как раз – от названия этого животного – увидел тогда козу впервые в жизни...

Часто (в одно из лет) ходили мы на озеро с тинэйдже-ром Серёжей Бородицким, сыном Марины Бородицкой и Григория Кружкова.

Однажды пошли мы втроём купаться.

И пришли на всегдашнее наше место.

А у самого берега – хриплогорластые пьяные тётки, матерно визжа, весело бултыхаются.

Провинциальные, толстые...

Да так заливаются, что издали их, неумных, слышно.

Чуть ли не от платформы «Мичуринец»...

Видно, самим себя тёткам было до чрезвычайности мало – вот они и принялись с нашей мужской разновозрастной группой бесцеремонно заигрывать.

Активно в нас взбаламученной озёрной водой брызгаюсь...

– Мы такие спонтанные! – псевдо-извинительно и в то же время прибрежно-безбрежно кокетливо-наступально заорала вдруг одна (из двух), смешно переврав срединную букву, в предназначенном для ушей интеллигентной публики иностранном словечке.

Серёжа Бородицкий, не выдержав, прыснул.

Я же – годы спустя – отозвался стихом.

Впоследствии даже опубликованным.

В отделе сатиры и юмора «Литературной газеты»...

* * *

Пьяные тётки купали тела
В пристанционном пруду.
Вместе с водой мимоходом текла
Жизнь — у людей на виду.

Не соблюдая этических норм,
В две языкатых башки,
Пьяные тётки визжали.
С платформ
Слушали их мужики.

Вслед за одежкой сорвав голоса,
Дети воды и земли, —
Тётки визжали уже полчаса,
А мужики всё не шли...

Тёток вдвоём оставляя одних,
Каждый маршрутом своим,
Все мужики уезжали от них
И приезжали не к ним...

КОШКИН ДОМ ПО-АНГЛИЙСКИ

Нашего четырёхлетнего ребёнка жена потихоньку начала обучать азам английского.

Посредством каких-то специальных альбомов с разноцветными бонусными наклейками.

И двойной поэтический сыночек очень быстро с этими азами разобрался.

По-своему.

Читай – по-нашенски.

Вот что у него получилось:

Маус хаус –
Мышкин дом.
Мяус хаус –
Кошкин дом!..

АБСОЛЮТНАЯ РИФМА

– Что у тебя хорошего? – спросил меня живой тогда поэт Алексей Дидуров на почти безлюдных похоронах поэта Вадима Антонова.

– Да, вот – сын стишок сочинил, – ответил я и продекламировал:

– Авраам
Мавра ам!..

– Абсолютная рифма! – как-то даже излишне потрясённо среагировал поэт Алексей Дидуров.

Между прочим, это были последние слова, которые я от него слышал.

Потому что больше мы никогда не встречались..

НЕ ТРАМВАЙ..

– Не трамвай. Объедет! – высокомерно и гордо провозгласил, шедший рядом безумный поэт, с ходу, в темпе устоявшегося шага, норовя ступить на московскую мостовую восьмидесятых.

Вблизи Театра (ещё советской) армии.

Действительно, из-за поворота грузно выезжал отнюдь не трамвай..

– Но что дальше (с нами) будет!? – ритмически верно и отчасти вопрошающе ответил я.

(За шкуру его фланелевой ковбойки) удерживая безумца в регламентируемых границах тротуара..

ДВА САПОГА – ПАРА...

Бабушка моего одноклассника была на полном серьёзе убеждена в том, что народ по недомыслию вечно перевирает истинное звучание этой пословицы.

Поэтому сама всегда произносила её только правильно: «Две пары сапог!»...

ВЕЛИКИЙ ФРУКТ

Когда я услышал от неё «грейт фрукт» вместо «грейп-фрут», то сначала решил, что просто ослышался.

Но почти сразу понял, что она именно так и произнесла: «грейт фрукт».

То есть, «великий фрукт».

Если по-нашему...

Загадкой для меня осталось другое.

Как она это писала?

Слитно или раздельно?..

АФИШКА

Ближе к восьмидесятым, в бесприютном вестибюле Главного Здания МГУ, куда попал я по стечению обстоятельств, привелось лицезреть мне такую, запомнившуюся на всю оставшуюся жизнь доморощенную афишку:

выступает поэт-юноморец.

В смысле, поэтка Юнна Мориц...

ТОЛСТОЛОБИК

Тогда по всей России гремело имя предпринимателя Владимира Довганя.

Бывшего игрока в телешоу «Что? Где? Когда?» и очень предприимчивого инициативного человека.

Он в то время весьма успешно продвигал на рекламном российском рынке собственную торговую марку.

Которая так и называлась: Довгань.

На каком-то из очередных витков имиджевой раскрутки дело дошло до продуктов питания.

Якобы отечественных.

По крайней мере, именно это и подразумевалось в качестве ожидаемого эффекта.

Вроде как, радеющий за родину патриот-бизнесмен Довгань – сам, на наших предприятиях изготавливает экологически чистые продукты питания...

А заодно – активно поддерживает безымянного российского производителя...

В средствах массовой информации набирала обороты рекламная кампания довганевских съедобных товаров.

Сметана Довгань. Молоко Довгань. Много чего ещё Довгань...

Самого Довганя было тоже очень много, ибо его полноватая лобастая физиономия не только постоянно мелькала на всех мало-мальски значимых телеканалах, но и вальяжно красовалась на всех продуктах марки Довгань.

Ибо являлась лицом рекламной кампании...

И тут, в силу некой производственной необходимости я оказался в Центральном Доме Художника.

На открытии ежегодной выставки «Дизайн энд реклама».

Где, естественно, экспозиция не обошлась без дизайнерских разработок, касающихся рекламы товаров торговой марки Довгань.

Наибольшее эстетическое удовольствие мне доставила красочная фотопортретная этикетка для банки рыбных консервов.

В совокупности с простодушной брендовой надписью.

Толстолобик Довгань...

ГАЗОВАЯ КОСЫНКА

Это она здорово придумала, миловидная подмосковная девушка Даша, с противоположным полом таким образом знакомиться.

Прямо ноу-хау. Ни дать, ни взять.

Хотя в реале – и то, и другое...

Нужно просто заявиться в газовой косынке на какое-нибудь культурное и не слишком массовое мероприятие.

Типа фотовыставки или вернисажа.

Где непарные интеллектуалы в достатке обретаются.

Очень даже способные адекватно оценить остроумный жест по-настоящему свободной молодой женщины.

Когда подходящий брючный экземпляр вблизи образуется (глаз-то у Даши намётан сызмальства) – следует сразу его, экземпляр этот, газовой косынкой – как бы – между прочим, почти небрежненько – хватить! – и заарканить.

Вокруг шеи интимно так обвив...

Ну а потом, если удачно спарринг сложится – на этой шее и самой посидеть можно.

Свесив длинные модельные ножки.

Иногда – вечерок.

Иногда – недельку.

Иногда – чуть подольше...

Жить-то надо!

Желательно, в столице.

Желательно, почаще.

И чтобы жизнь эта ежедневная лишь порой от графика пригородных электричек зависела...

ВХОД В МЕТРО

Последний метропоезд от почти конечной в сторону центра отходил без трёх минут час.

Это было известно заранее.

Чтобы гарантированно успеть, из гостей следовало уйти примерно без десяти.

Однако ритуал прощания выдался несколько более длительным, чем предполагалось.

А денег на такси у меня в карманах не наскребалось.

Когда я, бывший бегун-разрядник, возник перед вестибюлем метро, – вход на станцию оказался уже закрыт.

Правда, выход ещё работал..

Я влетел через него – и ринулся к турникетам.

Но бдительная служительница метрополитена с криком: – «Закррито!» – всем своим возрастным телом перегородила мне дорогу.

Я лихорадочно-вежливо стал упрашивать её пропустить меня внутрь.

Она телесно и словесно препятствовала.

На фоне звука прибывающего поезда.

Тогда я, молча, схватил говорящее возрастное тело – и посадил его поверх ближайшего турникета.

Сам же – метнулся в проём между прозрачной постовой будочкой и другим турникетом.

Проскакав по ступеням вниз, я всё-таки успел всколотить в последнюю дверь последнего вагона.

А электрически домчав (за неполных полчаса) до временно прекращённой пересадки, – добровольно-принудительно вышел в (ночной) город.

Чтобы машинально проследовать в сторону дома.

Сорок минут пешком – и я был на месте.

ДЕРЕВЯННЫЙ ТЕЛЕФОН

– Какой-то он деревянный, этот «Нокиа»! – вдруг пожаловалась мне на свой мобильник поэтесса Марина Бородицкая.

– Немудрено: он ведь практически Пиноккио! У него же пинкод! – автоматически пошутил я.

– Точно.

А я бы сама и не додумалась! – улыбнулась Марина..

БУКВЫ НА ГРУДИ

Они явственно прочитывались – эти буквы.

СССР.

На его груди.

Сильно раскормленной.
По-грузински волосатой.
Выстреженные маникюрными кривенькими ножницами.
Пляжная шутка конца семидесятых имела короткий курортный успех.
Особенно у блондинок.
А потом – сразу – всё заросло.
Чёрными курчавыми волосами.
Как отрезало...

ВСЁ, ЧТО АЛЛА РАССКАЗАЛА...

Ночь.
Зима.
Иду я по парку.
Вдруг – откуда ни возьмись – негр:
– Девушка! Девушка!
Я от него.
А он – за мной:
– Девушка! Девушка!
Куда же вы?!
И как спустит –
И прямо – мне на пальто...

IS MY LOVE...

Именно так называли они, студенты-заочники, Измайлово.
Вернее, типовую стекляшку вблизи Измайловского парка.
Куда каждую субботу ходили (в смысле, ездили) пить пиво.
Кружками.
После консультаций по гимнастике.
Был такой предмет в институте физкультуры.
Да и сейчас есть...

ШАШЛЫЧНАЯ «АНТИСОВЕТСКАЯ»

Году в семьдесят восьмом меня вдруг осенило: шашлычную на Ленинградском проспекте, аккурат, напротив гостиницы «Советская» – можно (и должно!) именовать только так: «Антисоветская».

Друзья были в диком восторге от этой моей безумной придумки.

А потом, уже в разухабистые девяностые, из газеты «Московский комсомолец» я узнал, что вышеупомянутую шашлычную столичная творческая интеллигенция, регулярно и с удовольствием посиживавшая там, только так и называла.

Вряд ли я был первым, кто присвоил пресловутой шашлычной такое, в буквальном смысле самое подходящее, имечко.

Хотя?..

ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОШКА!

– Здравствуйте, кошка! – обратился трёхлетний малыш к усатой незнакомке.

К той, которая гуляла сама по себе.

Как и все другие из её породы.

А малыш гулял с бабушкой – и та, услышав такое обращение к дворово-уличной кошке, поинтересовалась у внука:

– Почему на вы?

– Я же не знаю, сколько ей лет.

Может, она меня старше?..

ПРИРОДНО-ПОЛУСЛАДКОЕ

Подмосковная станция «Рассудово», далее – дача.

Таков он был – наш июльский субботний маршрут.

В честь Вовкиного полулюбилея.

– Всё «Твиши», и «Твиши», и «Твиши!» – пел я на мотив гимна воздушных сил РККА в день двадцатипятиле-

тия Володи Юданова, ибо в тяжелых спортивных-хозяйственных, везомых нами, сумках это грузинское природно-полусладкое вино занимало основное место.

Вовчику песня втемяшилась на всю оставшуюся.

Когда, раз в несколько лет, мы где-нибудь встречаемся, он её любит петь.

В абсолютно трезвом виде.

Потому что он теперь всегда за рулём...

МЕЖДУ ТУАЛЕТОМ И ВАННОЙ..

В нашей пожилой квартире между туалетом и ванной – стена.

Но не глухая – как во многих современных квартирах.

А с прямоугольным узковатым окошком, расположенным почти под самым потолком.

Раньше, уймишу лет, в окошке наличествовало положенное ему стекло.

Теперь же, тоже уже давно, вместо стекла прилажена односторонне окрашенная остатками ремонтной краски, кривовато всунутая в оконный проём картонка от телевизионной коробки...

По идее, картонка призвана была сыграть роль временки.

Получилось иначе.

Ну и, наконец, о главном.

Об истории того, почему, собственно, прямоугольное окошко лишилось своего стекла.

И о том, чем это продолжилось.

Тут дело и в туалетной защёлке, и в Папе.

Она самовольно защёлкнулась снаружи.

Хотя он всего лишь захлопнул дверь изнутри...

Крепкую довоенную советскую дверь.

Которую чуть позже выломать Папа не решился.

Или не смог.

Однако выход Папа всё-таки нашёл.

Через окно.

Предварительно его разбив.

То есть, освободив оконный проём от вставленного в него стекла.

Посредством Дедушкиного молотка.

Благо все хозяйственные инструменты хранились внутри туалета, во встроенном шкафу.

Итак, Папа вышел, вернее, вылез через окно – и практически не опираясь на висящий со стороны ванной, совсем другой шкаф, точнее, двустворчатый шкафчик из польского Бабушкиного кухонного гарнитура – оказался свободным человеком...

А спустя – буквально – пару дней – я попал в ту же ситуацию, что и Папа.

При активном содействии всё той же, к тому времени продолжавшей ещё функционировать дверной защёлки...

Бывший в курсе (по крайней мере – относительно) Папиных недавних действий, я не рискнул открывать Америку (в смысле – ломать дверь), а пошёл (полез) проверенным (Папой) путём.

Но на заключительном этапе я допустил роковую оплошность: всем телом присев на вышеупомянутый, прикреплённый к стене ванной, двустворчатый польский шкафчик.

Койй лихо сорвался с петель.

Да прямо на керамическую раковину.

Попутно явив миру свои банно-прачечные анналы.

И безвозвратно расколотив лаконично-изящную керамическую раковину.

КУРИНАЯ ЛАПША С ПОПУГАЕМ

Был у почти взрослой девочки Оли попугай.

Горячо любимый.

Заморский.

Однако давно домашний.

Клетку своим присутствием не очень жаловавший.
Человеческим языком владел птах весьма слабо.
Летать да порхать предпочитал.
По комнатке Олиной да по кухне.
И как-то раз, можно сказать, невзначай, в кастрюльке
хозяйской очутился.
Внутрь сверху плюхнувшись.
Когда Оля на плите лапшу куриную то ли варила, то
ли подогревала...
Не растерялась почти взрослая девочка Оля: истошно
вопящего по-пугачьи из кастрюльки половником выг-
ребла...
Не растерялась, ибо всего-то месяц назад опыт имела.
По успешному выгребанию разливной ложкой живой
птицы из ёмкости.
С последующей отправкой предпоследней, откуда та
в кухне взялась.
Тогда трясогузка, что ли, через форточку прямо в лит-
ровую банку влетела...
В общем, не растерялась. Ольга.
Схватила птичку.
Водой холодной из-под крана обдала.
И – вниз.
Пять минут на такси.
Короче, спасла от смерти слегка прокипятившегося,
чуть не сварившегося в советской куриной лапше импорт-
ного красавчика.
Спасла, даже несмотря на приметку народную.
Де, мол, птица в окно – это к покойнику...
Успела спасти.
Хотя облез пернатый порядком.
А успела-то почему?
Всё потому, что пробок в тогдашней Москве ещё не
было.

НЕ ПРО МЕТРО...

Мобильники тогда были далеко не у каждого.
Даже так: редко у кого тогда они были.
Только у очень важных.
У нас с женой на двоих не водилось ни одного.
И очевидно не предвиделось.
По причине безденежья.
Хронического.
Причём уже давненько принявшего самые чудовищные формы..
Но – откуда ни возьмись – вдруг возник в нашей жизни такой важный.
С мобильником.
Готовый подписать договор на издание жениного «Музыкального разговорника».
Плюс к тому – сразу! – выплатить за него пятидесятипроцентный аванс.
Несмотря на всю свою важность, встречу жене важняк назначил в метро.
В метро «Алексеевская».
То ли «Семёновская».
Сейчас точно не вспомню.
Назначил в метро потому, что тогда некоторые важные ещё метрополитеном активно пользовались.
Да и вообще: наш важняк в столице находился проездом.
Будучи вторым человеком в преуспевающем издательстве провинциального российского почти миллионного города..
Жена поехала встречаться с важным.
Который, после встречи, в тот же вечер отбывал из Москвы в неизвестном (нам) направлении..
Я остался дома.
И через полтора часа получил телефонный звонок.
Это наш важный интересовался местоположением моей жены.

Я его заверил, что она – как раз – движется к нему на встречу...

А часа через три жена вернулась домой.

Безуспешно прождав нашего важного.

В метро.

В метро «Семёновская».

То ли «Алексеевская».

Сейчас точно не вспомню.

Жена же – как выяснилось по её возвращении – не помнила и тогда...

А едучи на встречу с важным, оперировала лишь тем, что название искомой (по схеме метрополитена) станции происходит от мужского имени.

Вот и приехала на «Алексеевскую»

То ли на «Семёновскую».

Вместо «Семёновской».

То ли «Алексеевской»...

Что тут скажешь?

Я ничего и не сказал...

ГРЕЧКА НА ПОТОЛКЕ...

Жена чем-то смогла расшвырнуть мужа.

И он (впервые в жизни) вдруг жажнул тарелкой.

Глубокой.

Со всего маху!

Да об кухонный пол!

А в тарелке гречка была.

Каша гречневая с маслом подсолнечным, которую он в тот момент – как раз – усиленно поглощал.

Вот гречка вместе с тарелочными осколками – во все стороны – непраздничным салютом и разлетелась.

Её жена потом со стен и с других многочисленных кухонных поверхностей успешно отскребала.

До каких у неё добраться получалось.

А получалось не всюду.

Ибо дом-то был старый, высокопотолочный.
Посему потолок остался женой всецело неохваченный.
Ведь даже посредством стремянки она до него не дотягивалась.

Впрочем, дотягиваться до потолка и не требовались.
Потому что гречка с маслом оттуда через пару недель сама исчезла.

Точнее, это благодарные кухонные тараканы её следы напрочь уничтожили.

Методично и подчистую...

Вернее, следы-то остались.

Беленькие.

На фоне хронически закопчённого потолка...

СКАЖЕМ...

Эту историйку знаю со слов моего учителя, поэта Леонида Тёмина.

Еврейская поэтесса Рива Балясная (она писала на идиш) с русским языком была в отношениях своеобразных.

Скажем, идиоматическое выражение «Как за каменной стеной» она произносила исключительным образом.

По собственному разумению меня в завершающем слове вторую и третью буквы на согласную «п» и гласную «и».

Считала, что именно так нужно...

МУЖЧИНЫ НА КОРАБЛЕ

Генерал-майор в отставке и один из первых советских военных психологов, писатель Максим Коробейников рассказывал мне, что перед Великой отечественной войной во флот призывали исключительно тех, кто не умел плавать.

А внутренняя (государственная!) мотивировка была такой:

«Не умеющие плавать матросы будут биться с врагом до последнего.

И плавсредство своё заодно спасать...»
Интересно: как сейчас?

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ СУВОРОВА

Попал я как-то в Тверь, на детский фестиваль «Вместе с книгой в Новый год».

Где первую ночь даже провёл в двухкомнатном гостиничном люксе.

Пока кто-то более важный не пожаловал...

Выступить же мне предстояло в нескольких местах.

В том числе, и в библиотеке имени М. И. Суворова.

Так значилось в программе моих выступлений, полученной от организаторов мероприятия.

«Наверняка это опечатка.

Может, в инициалах.

Ведь Суворова звали Михаил Васильевич.

А может, описка и в самой фамилии.

Если речь идёт о Кутузове.

Который Михаил Илларионович...» – подумал я.

Оказалось, всё правильно.

Библиотека имени М. И. Суворова.

Известного тверского писателя.

Его вдова на встрече со мной присутствовала – и его книжки потом на память мне дарила.

ПРО КРУГАЛЯ АРТУРА...

Это я про кругалья Артура Гиваргизова.

Когда в Большом зале Центрального Дома Литераторов ему вручали диплом лауреата Премии имени Чуковского, Артур прочитал стишок собственного сочинения, смешно рассказывающий о том, как цыганка, подошедшая к юному Артуру, нагадала ему быть лауреатом конкурса.

Имени Чайковского.

Так услышал юный Артур, серьёзно тогда занимавшийся серьёзной музыкой и собиравшийся стать серьёзным музыкантом.

В результате цыганка оказалась почти права: Артур сделался лауреатом.

Только не конкурса имени Чайковского.

А Премии имени Чуковского.

Хотя родился в один день с Михалковым.

Правда, совсем в другой год...

ДЕНЬ ВЕСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ

В свет они вышли практически одновременно.

Датированные тем же самым днём.

Днём Весеннего Равноденствия.

Едва ли похожие друг на друга.

Под моей фамилией оба.

Роман и детский поэтический сборник.

Роман – это мой внук...

БРОШЕННАЯ ПЕРЧАТКА

Иду я себе.

А она лежит.

Прямо на дороге.

На моей.

В луже.

Брошенная (жизнью мне?) перчатка.

Некий символический вызов.

Тот, который, видимо, следует незамедлительно принять.

Для начала подняв эту самую перчатку.

Из лужи.

Или, может она, перчатка, просто-напросто кем-либо утеряна?

Тогда точно поднимать не надо.

Тем более, что при ближайшем рассмотрении очевидно: перчатка – и не перчатка-то вовсе.

Рукавичка.
Лежит на дороге.
Сама же знак мне подаёт:
– Закрой, парень, свою варежку!
Да поскорей.
Ту безразмерную, которая здесь внутренним диалогом
именуется.
Если можешь, конечно...

ТУТ КАК ТУТ...

С азербайджанским поэтом Фаиком, жившим, кажется, в подмосковном Реутове, познакомил меня весьма продуктивно симпатизировавший мне Аркадий Канькин, из редакции «Поэзии народов СССР» издательства «Советский писатель».

Чтобы я быстренько перевёл Фаиковы стихи для русскоязычного журнала «Литературный Азербайджан».

Фаик с трубкою ходил и по-русски говорил.

Практически без акцента.

Витиевато.

Изысканно.

Поэтому я сначала несколько опасался переводить классика (он так сторонне позиционировался) по его классическим подстрочникам.

Пока не прочитал эти подстрочники.

После чего вся моя боязнь моментально улетучилась.

Ибо стало понятно: такие подстрочники испортить никаким своим переводом я был не в состоянии...

Я перевёл одну подборку Фаика.

Потом другую.

Ещё некоторое количество произведений для готовящихся сборников в «Художественной литературе» и «Советском писателе».

В результате сделавшись его регулярным переводчиком.

И когда, через пару лет, собрался вступить в профком литераторов, обратился к Фаику за одной из требуемых туда рекомендаций.

– Ты сам напиши, а я подпишу, – согласился наш непростой советский человек Фаик, – но предварительно дай мне слово поэта, что ты никуда не уедешь!..

Слово «эмигрируешь» восточный подмосквич Фаик деликатно не произнёс...

Шёл 1988-ой год – и окрестный народ уже уезжал пачками.

Чем слово поэта (в этом смысле) отличается от слова, например, пожарного — мне было не слишком ясно, однако пресловутое слово поэта перестраховщику Фаику дал с лёгким сердцем.

Тем более, что никуда отсюда уезжать действительно не собирался.

По мне (и тогдашнему, и теперешнему): тут как там.

Там как тут.

Там как там.

Тут как тут.

Во всех возможных (и невозможных) смыслах...

БЫЛЬ

Жил да был Гурген Погосов.

И все звали его: Пурген Поносов.

А – зря...

ВМЕСТО ФИЛОСОФСКИХ...

Скажем, наличествовал на белом свете человек и армянин.

По фамилии Пиросов.

А мысли-чувства свои количественно многочисленные заносил он в тетрадки.

В тетради, по-официальному.

Если так, то это были «Пилосовские тетради» (не беря в расчёт ударение...)

Вместо гораздо более привычных (человечеству) философских...

СЛОВСОЧЕТАНИЕ...

Без обидняков.

Уйму лет именно так он произносил словосочетание «без обиняков».

Считая синонимом другого – «без обид».

Только синонимом более просторечным.

А потом ему, видимо, кто-то сказал, как на самом деле надо.

И он перестал пользоваться этим словосочетанием.

В любом виде...

ВЫНОС МУСОРА

Он выносил мусор в ортопедических ботинках.

С помойными пакетами в обеих руках.

А когда ортопедические ботинки окончательно износились и состарились – всё равно вынес мусор в них.

Но уже без пакетов...

ГОД КРЫСЫ

За пару дней до Нового года сидел я на светлой просторной кухне у Риммы Казаковой.

Где она принимала каждого, пожаловавшего к ней в гости.

Даже телевизионщиков с камерами...

И потому что в комнате у Риммы Фёдоровны весь пол был устлан бумажными листочками формата А-4 (в другой, «холопской» – жил Геннадий Норд), и потому что так уж у нас в России принято.

Ещё со времён Союза...

Я дежурно заскочил к Р.Ф. подписать какие-то документы по Фестивалю имени Чуковского, а заодно и поздравить с наступающим 2008-ым годом.

Годом Крысы.

Подписал, поздравил, подарил сувенирчик.

Р.Ф. моментально сходила в свою комнату, чтобы вынести мне оттуда крохотную подарочную пластмассовую крыску...

И тут возник у нас разговор о крысах.

Тем более, что, когда я шёл к Р.Ф., одна из них по-кошачьи перебежала мне дорогу.

Рядом с метро «Белорусская»...

– А я никогда крыс не видела! – сказала вдруг Р.Ф.

– Живых? За всю жизнь? – удивился я.

– Да! Никогда! – подтвердила Рифма Фёдоровна...

Это было действительно удивительно! – в рифму подумалось и мне – человек объездил не только весь Советский Союз, но и весь мир, а живой крысы так ни разу и не увидел.

Я же их встречаю, что в Москве, что под Москвой (в том числе – в метро) довольно регулярно...

Наступил Год Крысы.

А вскоре Р.Ф. умерла.

Скоропостижно скончавшись в день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

После ножного массажа.

Про крохотную подарочную крыску я умудрился позабыть.

И вспомнил о ней лишь при вторичном тактильном контакте.

Когда Года Крысы и след простыл...

Она сама вывалилась мне прямо в руки.

Из той же сумки, куда я сунул её ещё на Римминой кухне.

Больше всего меня поразило то, что за время подвижного лежания неживая крыска напрочь лишилась одной пластмассовой лапки...

ТОТ ЕЩЁ ЧАПЛИН...

Эта историйка от Игоря Харичева.

Относится она к началу девяностых.

Когда Игорь, сейчас героически, почти в одиночку поддерживающий на плаву журнал «Знание – сила», был человеком поистине государственным.

Работая в президентской администрации.

А Кремль в то время – как раз – контакты с московской патриархией налаживал.

Весьма успешно.

И со стороны церкви, в качестве ответного контактера возник симпатичный адекватный Чаплин.

Нет, не Чарли.

Всеволод.

Отец Всеволод Чаплин.

Ещё безусый (по молодости лет) и практически безбородый молодой священник.

И завязалось у отца неформальное общение с политологом Харичевым.

В частности, выливающееся в то, что они порой совместно выпивали.

Так само получалось, что церковных постов ребята не нарушали.

Но однажды не совпало.

Причём, Харичев, ясен перец, искренне хотел церковным канонам соответствовать.

Юный Чаплин тоже.

Поэтому бросил, уже лукав, ещё не воинствующе-ортодоксален:

– Ничего, Игорь!

Нам позволительно.

Мы ведь путешественники...

ПАСПОРТ

Разлагался я на диване – и вдруг в голову лёгкое дело стукнуло: сумку-то я мою, большую черезплечную, не помню уже, когда вытряхивал.

Настоятельно требуется освободить её днище от крошек и прочего мелкого мусора...

Немедля!

Соскочил я лихорадочно с мягкого места, сумку объёмистую схватил – и в туалет побежал.

Чтобы остаточное сорное содержимое там вытрясти.

Над унитазом.

Так мне показалось разумным и правильным...

Сумку же мою последним вовсе и не я использовал.

Жене она для чего-то понадобилась.

Для какого-то дела.

Видимо, тяжёлого.

Пока я на диване разлагался...

В общем, отработал я стукнувшее – и с облегчением назад вернулся.

К привычному.

На диване разлагаться.

А следующим утром к нам Папа пожаловал.

Собственноножно.

Из Большой Комнаты.

Транзитом через туалет.

И не один.

С фотографической карточкой жены.

Моей.

В унитазе непреднамеренно выловленной...

А также с информацией о том, что в туалетной системе наблюдается очевидный непорядок.

Грубо нарушающий привычный ход (тамошних) вещей...

Поднялся я с родного дивана.

Вынужденно в туалет пошёл.

Разбираться.

Сунул руку в унитаз – мама родная: паспорт.
Жены.
Без фотографической карточки...
Одной из двух.
А жене фотографию эту, буквально – неделю как – паспортистка милицейская в паспорт её вклеила.
С просрочкой года на четыре.
Из-за специфической самоорганизации жениной...
Впрочем, фотография-то – вот она.
На фортепьянке.
От Папы упрядающе полученная.
Только вклеить её, чтобы по-милицейски вышло – задача для нас вряд ли посильная...
Вдобавок вторая фотокарточка (та, которая по очерёдности первая) почему-то размылась вся подчистую.
Да и запахок фекальный паспортина краснокожая источает весьма ощутимо.
Хотя записи внутри, чёрной перьевой ручкой сделанные, в полном (государственном) порядке.
Считая запись о наличии у гражданки ребёнка.
С его фактическим именем-отчеством.
И – чужой фамилией.
Без двух заключительных, наплевательски проигнорированных паспортисткой, букв...
Стало быть, есть чего ради в паспортный стол тащиться!

НЕДОНЖУАНСКИЙ СПИСОК

Супругу он вообще-то пальцем не трогал.
Однако меры физического воздействия в период брака всё же применял, а именно:

- 1) Лил сверху из чайника воду (кипячёную холодную) на недомытую непокрытую голову – 1 раз.
- 2) Бил на улице буханкой бородинского хлеба по башке в капюшоне – 1 раз.

3) Лупил (ударом типа «шведка») мячом на стадионе в упор по относительно обнажённому телу с близкого расстояния – 1 раз.

4) Сажал большей частью пятой точки на полупустое мусорное ведро, притащенное в комнату – 1 раз.

5) Давал безответный чувствительный щелбан (шелобан) во время скоростного движения метropоезда – 1 раз.

6) Прижимал к стене кухни, с последующим тыканьем коленом в живот, при одновременном дёрганьи за волосы вниз – 1 раз.

7) Выдавливал (насильно) отдельные спелые угри, особенно раздражавшие в лучших эстетических чувствах – многократно...

КОМНАТА ЧЁРНЫХ БОТИНОК

Платить работающим на него людям ему было нечем.
А может, он темнил.

Когда кто-нибудь в очередной раз поднимал вопрос об оплате, он вместе с интересантом спускался на другой этаж.

Где открывал ключом неприметную дверь.

После чего проникновенно говорил:

– Пока могу отдать только этим.

Возьми, сколько надо.

В счёт моего долга.

Комната – сплошь – была заставлена чёрными лаковыми ботинками.

– Правда, все они на одну ногу, левую – добавлял он проникновенно...

МЕЛОЧЬ

Я с этим сталкивался в жизни два раза.

Точнее, три.

Если считать за третий все те разы, когда приходилось давать взятки...

Первый раз возник, когда Бабушка попросила, чтобы я дал сто рублей на памятник Дедушке.

Я принёс ровно сто рублей.

По рублю – одной банковской пачкой.

Так мне большую часть зарплаты плюс отпускные на работе выдали...

Бабушка деньги взяла.

Но как-то уязвлено, с очень удивившим меня нехорошим выражением лица.

И потом – в течение всей оставшейся (ей) жизни – многожды случай тот мне припоминала...

А ещё через четверть века покупал я летом овощи да зелень.

На импровизированном базарчике, вблизи подмосковного городка.

И моя порой резковатая спутница крайне оскорбилась, когда расплатился я с тамошними тётеньками-дяденьками российскими деревянными рублями.

Которые – на самом деле – были металлическими...

Она искренне считала, что своим поступком я намеренно унизил подмосковных людей скромного достатка.

Показал им, подмосковичам, столичный сноб, их место и собственное к ним презрительное отношение...

Оказывается, деньги за товар следовало вручить исключительно бумажными купюрами.

Я же (имея в виду максимально облегчить взаиморасчёты и не напрягать продавцов поисками, возможно, отсутствующей у них сдачи) выбрал дать то, что выбрал – мелочь.

Для взяток же мелкие деньги, действительно слабо годятся.

В основном, из-за очевидной своей малокомпактности...

СКРЫТАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Случайность — скрытая закономерность, прочитал я тридцать с лишним лет назад в институтском учебнике по какому-то общественно-политическому предмету.

И запомнил именно потому, что не понял: как первая может считаться последней...

А понял только спустя многие годы.

Вдруг, в одночасье сообразив, что жизнь так устроена, что никаких случайностей в ней не бывает.

И быть не может.

По определению.

Пусть даже оно почёрпнуто из недр идиотского советского учебника...

ВЫБОРЫ КОРОЛЯ...

Короля тоже иногда выбирают.

По крайней мере, в такие выборы можно весело сыграть.

Особенно, если речь идёт о выборах короля детской поэзии.

А сами выборы (пусть даже с купюрами и в записи) ориентированы на весьма юных телезрителей, составляющих немалую часть населения азиопской парламентской республики...

Для начала мне позвонила редакторша программы — и пригласила — как теперь говорят — «на кастинг».

Он проходил в центре Москвы, на улице Александра Невского.

В квартире Эдуарда Успенского, где я с ним познакомился.

Как, впрочем, и со Станиславом Востоковым.

А вот с Артуром Гиваргизовым и Юрием Энтиным уже через несколько дней.

Непосредственно в Останкине, на съёмках, осуществляемых командой «Нашей гавани»...

Съёмки проходили довольно раскованно и вальяжно. Периодически сопровождаясь весёлыми оговорками ведущего передачу Эдуарда Успенского.

Скажем, когда он объявлял выступление тогда совсем ещё неизвестного Артура Гиваргизова, то назвал его Арчил Гиваргидзе...

Программа завершилась тем, чем и планировалось: короля детской поэзии выбрать не удалось...

До метро «ВДНХ» мы шли пешком вместе со Стасом Востоковым.

Чтобы следующий раз встретиться года через полтора.

В подмосковном писательском посёлке Переделкино...

А самая смешная часть этой историйки приключилась спустя полгода с приличным гаком после телезаписи.

Когда программа всё же добралась, наконец, до своего первого (и – насколько мне известно – единственного) эфира.

Премьерный показ состоялся апрельским воскресным утром.

Ранним.

В семь ноль-ноль.

По летнему времени.

Только-только наступившему.

Стрелки эталонных азиатских часов были иезуитски переведены на час вперёд.

Аккурат, в ночь с субботы на воскресенье...

ПЕРЕВОД С ЯКУТСКОГО...

Подстрочники, переданные мне Игорем Тарасевичем, выглядели ужасающе.

Впрочем, прочих в моей переводческо-поэтической практике не бывало ни разу...

Поэт Тарасевич клятвенно меня заверял, что если за три недели я переведу печатный поэтический лист (это

примерно 750 строчек), то вместе с его переведёнными двумя получится необходимых три.

А такого количества вполне достаточно, чтобы составить книжку.

Вот он её и сложит, после чего быстренько отнесёт в издательство, где у него есть проверенный ход..

В общем, я дал согласие – и принялся переводить.

Вернее, писать среднестатистические стихи, хоть чем-то связанные с мотивами подстрочника.

Потому как, если бы я начал переводить то, что было напечатано в подстрочнике, у меня вышла бы дикая помесь из банальщины и бреда...

Однако подобного рода работа явилась для меня испытанием.

Экстремальным.

Ещё и в силу того, что особой переводческой скорописью я никогда не отличался.

Обычно будучи в состоянии ежедневно выдавать «на гора» не более, чем двадцать рифмованных строчек.

Но, повторяю, вызов был мной принят.

Я крутился-вертелся, пыжился, как мог, чтобы к назначенному Тарасевичем сроку завершить свою часть нашего эпохального труда.

И вдруг, когда оставалось всего строк сто до финиша, мне пришла в голову идея несколько оживить псевдо-якутские творения, приписываемые перу Вениамина Миронова.

За счёт собственных юношеских виршей.

Я выбрал пару-тройку давнишних моих стишат, призванных, во-первых, повысить общий уровень вынужденно скучноватой продукции, а во-вторых, по сусекам добрать слегка недостающий строкаж...

Помню одно, весьма ёмкое, стихотворение, выбранное в силу его классичности и чеканности:

Дыханье встречных поездов
В окно своё впусти.
За вздохом вздох,
За вздохом – вздох.
По всей длине пути.

Не отстранись,
Не утрашись, –
И в жизнь свою впусти
За жизнью жизнь,
За жизнью жизнь.
По всей длине пути!..

Короче (куда уж короче), ровно за три недели взятое мной на себя дело было благополучно выполнено.

И я вручил поэту Тарасевичу перепечатанный в трёх экземплярах на пишущей машинке печатный стихотворно-переводной лист...

Вернее, два экземпляра из трёх.

Вместе с почему-то запрошенными работодателем назад мироновскими подстрочниками.

В итоге у Тарасевича с издательством что-то не срослось – и книжка под названием «Долговечный огонь» – не вышла.

Притом что переводы оттуда однажды оказались востребованы.

Литинститутом.

Вернее, тамошней кафедрой творчества.

Жене (она училась на заочном отделении) полагалось сдать то ли контрольную, то ли курсовую по теории и практике художественного перевода.

Вот я и придумал, чтобы она воспользовалась моими переводами с якутского.

А жена сама сочинила к ним подстрочники.

Лучшие подстрочники, которые я когда-либо видел...

СТИХИ ДЛЯ ДИПЛОМА...

Двадцать с лишним лет назад каждый студент поэтического семинара литинститута в качестве дипломной работы должен был защитить сборник собственных стихотворений.

Написанных за время учёбы.

Хотя бы частично...

Не требовалось, чтобы такой сборник был издан типографским способом.

Однако быть отпечатанным (как минимум на пишмашинке) в трёх или четырёх (уже точно не помню) экземплярах он был обязан.

А после – ещё и переплетён соответствующим образом в специальной мастерской.

Естественно (по крайней мере, считалось, что это естественно) у поэтического сборника-диплома должно было иметься характерное название.

Не имеющая названия дипломная работа к защите автоматически не допускалась...

Моя жена, учившаяся в семинаре Ларисы Васильевой, довольно мучительно и абсолютно безуспешно пыталась придумать название, подходящее по всем параметрам её дипломному сборнику.

В итоге обратилась за помощью ко мне.

И мне пришло оно почти сразу.

Это название.

Идеальнейшее из всех возможных.

«Стихи для диплома...»

Именно так называлась дипломная работа моей жены, успешно защищённая ей в Литературном институте имени Горького.

Меру гениальности моего названия не оценил никто.

Включая руководителя семинара и двух рецензентов...

АКРОСТИХ

Ходил он исключительно в светлых костюмах с однотонными яркими галстуками.

В сопровождении весьма потрёпанных жизнью крашенных блондинок.

Даже на первую нашу встречу в сквере у памятника Пушкину пришёл он с одной из них.

Он хотел, чтобы я перевёл стихи для его книжки, обещая за это хорошо заплатить.

Я же в деньгах тогда очень нуждался.

Почти голодая.

Дело было в первой половине девяностых.

Итак, он хотел, чтобы я взялся перевести его стихи – и передал мне подстрочники.

Особого доверия он во мне не вызвал, поэтому для начала я решил перевести лишь акrostих, посвящённый некоему Сержу Джилавяну.

Этого Сержа, какого-то крупного преступного авторитета, потом, через несколько лет, то ли взорвут, то ли застрелят в квартале от моего дома.

О чём будут сладострастно в течение суток вопить все российские и столичные телеканалы...

Акrostих переводить (да и просто писать) намного труднее, чем просто стихотворение.

Ведь первые буквы каждой строчки, прочитанные по вертикали, составляют слово или несколько.

Сержу Джилавяну значилось по вертикали в том, который досталось переводить мне.

Приводить же это стихотворение здесь (из соображений человеческой гуманности) я не рискну, скажу только, что криминальный авторитет восточным пиитом был обласкан по полной...

Над переводом пришлось мне покорпеть изрядно, после чего я позвонил заказчику и договорился с ним о встрече.

Встреча подразумевала, что я отдам ему переведённый мной акrostих.

Взамен на энную, оговоренную обеими сторонами, сумму.

Довольно скромную, но мне тогда крайне необходимую.

На сей раз мы встретились у памятника другому поэту: Маяковскому – и это была единственная из наших встреч, когда его не сопровождала очередная блондинка. . .

Он взял у меня листок с текстом акrostиха, однако взамен оговоренную сумму не вручил.

Гортанно прохрипев (на утрированно ломанном русском), что в силу слабого владения великим и могучим, оценить перевод на месте не в состоянии.

Но клянётся мамой обязательно показать акrostих знающим (язык) людям.

И те очень быстро дадут рифмованным строчкам безошибочную экспертную оценку. . .

– Вообще-то мы так не договаривались.

Ну да ладно.

Здесь совсем рядом журнал «Юность».

Или можно зайти в «Новый мир».

Там наверняка эксперты не хуже! – резонно возразил я.

Что ни возымело на оппонента никакого (желательного для меня) действия.

С машинописным переводом акrostиха в руках он исчез из моей близлежащей жизни.

Чтобы косвенно возникнуть в ней снова, когда мне попала на глаза его книжка, безуспешно продававшаяся в переделкинском доме творчества писателей.

Там (в книжке) был напечатан и акrostих-панегирик уже благополучно уничтоженному к тому времени преступному авторитету.

Прошло ещё сколько-то лет – и Хачик Киракосян от случая к случаю – боком – стал периодически возникать в моей реальности.

– А-а пчэм т с мной свсэм нэ здравашьс? – хрипло спрашивал он меня всякий раз, когда мы с ним пересекались в ЦДЛ, на каком-нибудь тамошнем фуршете.

Миновало ещё сколько-то – и при входе в ЦДЛ, на стекле я увидел выставленную на всеобщее обозрение дирекцией компьютерную табличку, бесстрастно информирующую о том, что Хачику Киракосяну строжайшим образом запрещено появляться в Центральном Доме Литераторов в связи с его недостойным поведением.

Ему отказали от дома..

Мне думалось, навсегда.

Ведь табличка в цэдээльском предбаннике провисела не один год.

Но полгода как – она вдруг оттуда исчезла.

Неужто жизнь уготовила нам с господином нехорошим новые встречи под крышей общеписательского дома?..

ВЕРЗИЛКА И СВЕРСТНИКИ

Автор «Мурзилки», я долгое время считал, что являюсь и автором «Верзилки».

В смысле, автором этого слова, обозначающего заодно и название журнала для не самых маленьких..

Вполне вероятно, что так оно и было, ибо своё авторство (как и само слово) я нигде и никак не афишировал, приберегая удачный неологизм на будущее.

Зряшно и ошибочно предполагая, что смогу этот рекламный бренд выгодно продать.

Кучу лет я ждал удобного часа, пока не догадался набрать это словечко в интернет-поисковике.

Чтобы с прискорбием убедиться, что там оно уже есть..

Примерно тогда же, когда я родил моего «Верзилку», у меня рождались и другие слова, некоторые из коих ощутимо позже возникли в нашем общем повседневно.

Скажем, работая копирайтером в рекламе, я сочинил конфеты «СладкО».

Или, например, осваивая и расширяя вместе с Михаилом Зайцевым советско-российскую пронициану, одного из героев нарёк именем «Сам Самыч»...

А вот придуманный мной жанр «Смехотворения», оказывается, существовал задолго до меня.

Ещё при царе Иване Грозном шуты-скоморохи развлекали и задирали своими смехотворениями почтеннейшую публику...

ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС

– Вы, Евгений Юрьевич, остроумнейший человек!

Какой себе электронный адрес выбрали: смешнее просто не придумаешь! – с нескрываемым восхищением проговорил я Евгению Сидорову, после того, как внимательно взглянул на оказавшуюся у меня в руках его визитку.

E-mail выглядел так: sidit@rambler.ru.

То есть, сидит собака и так далее.

Если по-русски...

Первый секретарь Союза писателей Москвы и первый министр культуры России в ответ приветливо улыбнулся.

А я – как выяснилось впоследствии – взглянул на сидоровскую визитку не столь уж внимательно.

Ведь реальный электронный адрес и в самом деле весьма остроумного Евгения Юрьевича всё-таки значительно отличался от того, что пригрезился подслеповатому мне...

ПСЕВДОНИМ

Где-то в самом конце восьмидесятых у нас неплохо издавалась всевозможная импортная литература о восточных единоборствах.

Неплохо в том смысле, что кучно и многотиражно.

Вот Миша Зайцев и решил написать приключенческую книжку, действие которой так или иначе было бы заверчено вокруг восточных единоборств.

Тем более знал в них толк.

В то же самое время профессионально занимаясь (и даже денежно преподавая) каратэ и ушу.

Чтобы попытаться заинтересовать издательский мир подобного рода книжкой, следовало – как минимум – написать синопсис.

Настоящий сенсей Зайцев, тогда ещё не оказавшейся с моей лёгкой руки в одиночном литературном плаваньи, быстренько состряпал двухстраничный синопсис нашего будущего романа, повествующего о восточно-западных идеологических и физических битвах.

Зайцев считал разумным и оправданным сделать наш ненаписанный роман переводным.

По крайней мере, в глазах гипотетических издателей и читателей.

Один из авторов должен был быть китайцем, другой – белым американцем.

То есть, китайцем – Зайцев, а американцем – я.

Какое я придумал имя для китайца Зайцева – уже и не вспомню.

Себя же обозвал коротко и ёмко: Рик Смайли.

Намекая на некоторую юмористичность складывающейся ситуации...

Вдобавок я сообразил, что переводному роману никак нельзя обойтись без переводчика.

То есть, без его фамилии.

А если иметь в виду, что я призывался Зайцевым на помощь Зайцеву как раз в качестве переводчика с его, зайцевского, то фактически этим переводчиком сам и являлся.

Притом что никакого нашего романа из жизни восточных единоборств, повторяю, не существовало вовсе...

Стало быть, нужно было сочинить себе очередную фамилию.

Вместе с новым именем.

И я придумал.

Нечто идитотско-изысканное...

Лариса Панибратцева.

Во-первых, женское имя Лариса фонетически несколько напоминало мою оригинальную бесполоую фамилию.

Тем же самым привлекала меня и фамилия Панибратцева.

Применительно всё к той же моей реальной фамилии.

А вдобавок и скрытым внутри польско-чешским юмористически завуалированным указанием на сильный пол.

Братец пани..

Так возник мой единственный псевдоним.

Который со мной за столько лет уже окончательно сроднился..

Что же до нашего битийно-событийного романа – он завершился на стадии своего синопсиса.

Такова была воля оказавшегося безразличным к этой симпатичной литидее социума.

В общем, продолжения не последовало..

ЗИМОСТОЙКАЯ СЕМЬЯ..

Если меня вдруг зачем-то спрашивают про чужое поэтическое влияние на мою поэзию, я обычно отвечаю, что сумел обойтись без оного.

Впрочем, совсем недавно я вспомнил, как одиннадцатилетним читал книжку ещё живого тогда Семёна Кирсанова, с очень даже простеньким для него названием «Лирика».

Сборник я обнаружил, когда в одном из домашних книжных шкафов искал что-то другое, заданное по школьной программе.

Обнаружив, открыл наугад – и долго не мог отложить в сторону.

Потому что попал на стихотворение «Работа в саду», тридцать пятого года создания..

Вот оно, родимое, целиком:

Речь – зимостойкая семья.
Я, в сущности, мичуринец.
Над стебельками слов – моя
упорная прищуренность.

Другим – подарки сентября,
грибарий леса осени;
а мне – гербарий словаря,
лес говора разрозненный.

То стужа ветку серебрит,
То душит слякоть дрябляя.
Дичок привит – и вот гибрид!
Мояблоня, моягода!

Сто га словами поросло,
И после года первого –
уже несёт плодыни слов
счастливовое дерево.

Я теперешний имею некоторые основания предполагать: авторский сборник Семёна Кирсанова угодил к нам на книжную полку лишь по причине того, что Дедушка звался точно так же.

К тому же – рождён был ровно там же.
У Чёрного моря.
В Одессе..

Но это так, в качестве маленького лирическое отступление от кирсановской «Лирики».

Применительно ко мне..

Видимо здесь, в упомянутом и приведённом полностью стихотворении, стоит искать корни моей неологизменной оноματοпозьи, пролонгированно питающие не только детскую часть меня..

Прочитанный мной прежде основного Маяковского, Кирсанов не показался мне — ни тогда, ни потом — раздухарившимся поэтическо-акробатическим его эпигоном.

Или вечно-увечным мальчиком на литпобегушках,
словолюбивым подносчиком золотых рифм для дяденьки-
великана.

Щедро платящего за них карманною медью...

Хотя именно так принято считать.

Исходя из давно сложившейся тутошней иерархии...

Да и сейчас – Кирсанов мне таковым отнюдь не видится.

Представляясь абсолютно самостоятельной (и вполне
самодостаточной) фигурой в истории русской поэзии.

Фигуры, стоящей в ней классическим особняком.

Не выдавать же, уже с миром от нас ушедшего, скром-
ного умельца-версификатора Якова Козловского за про-
должателя кирсановской стихолинии.

Вообще, сдаётся мне, настоящая литература – как сама
(внутренняя) жизнь – дело сугубо одиночное.

Внесемейное.

По большому счёту, внекорпоративное...

Пусть даже ты назвался мичуринцем.

МАСТЕР И МАРГАРИТКИ...

Мастер-цветовод вывел новый сорт маргариток.

В корне отличающийся от всех предыдущих.

Никто вокруг ничего не заметил.

И действительно, заметить это было практически не-
возможно.

Ведь корень-то находился в земле.

А как его, такой, здесь, на поверхности, увидишь?..

36 и 6

Есть двадцатичетырёхчасовой момент в жизни мно-
гих из нас, когда всё – нормально.

По крайней мере, с формальной точки зрения.

А стало быть, есть полное право отпраздновать этот
день.

Эту дату.
Или поздравить с ней другого.
Однократно оказавшегося в такой же ситуации.
Тридцать шесть с половиной лет.
Твои (или чужие) законные 36 и 6...

ГОВОРЯЩИЕ ФАМИЛИИ

Ботинкин дружил с Бутылкиным.
Колымагин с Галамагой.
Чародеев регулярно контактировал с Чудодеевым.
Студентка Ватман вышла замуж за студента Пергамента.
Юлия Лоб, зарегистрировав брак, превратилась в Юлию Зуб.

Софочка Задова после того же акта гражданского состояния трансформировалась в Софию Попок...

Чего там далеко ходить: одна из моих бабушек, урождённая Поляк-Молдавская, обзаконившись, сделалась Белорусец...

Фехтовальные выпады осуществлял саблист Кровопусков.

В ринге царил (мною придуманный) Перебейнос.

По дорожке носились Борзов и Борзаковский.

Вратарствовали Хапов и Саморуков.

А футболист Сокол однажды стал забойщиком в удачной серии послематчевых пенальти, выигранной его командой.

«Гол как Сокол!..» – мог бы озаглавить «Советский спорт» отчёт об этой встрече...

МАХОНЬКА

– Махонька!

Так он обращался и к жене, и к дочке.

К одной, потому что маленькая.

К другой, потому что Маша...

ФАЙВПОЙНТЕРЩИЦА И МАСОН

Фигурное катание, массово любимое советским народом, помнится, судилось из шести баллов.

Хотя большинство фигуристов хорошего уровня получали обычно за свои прокаты оценки поменьше.

От пяти до пяти семи.

А когда в СССР стали регулярно проводиться крупные международные турниры, оценки на них, начиная с конца семидесятых, объявляли уже не только по-русски.

Но и по-английски.

И кто-то должен был это делать на импортном языке.

Она в то время – как раз – прибилась к спорткомитету.

Английским же владела практически в совершенстве.

По причине спецшколы да иняза.

Вот её и отрядили.

– Файв пойн севен, файв поинт севен, файв поинт сикс, файв поинт севен, файв поинт файв (или что-то вроде) – десятки раз на дню мелодичным голоском повторяла она вслед за русскоговорящим судьёй-информатором.

В результате – её давнишний приятель, однажды тупо сидел перед телевизором – и вдруг услышал знакомый голосок.

После чего несколько лет обращался к ней не иначе как Файвпойнтерщица...

А потом она уехала туда, где все говорили по-английски.

Потому что уже было можно.

Потому что выпускали...

И встретила там масона.

Вернее, это она так его называла: Масон.

По причине его фамилии: Каменщик.

Масон же – как всем известно – в переводе – «вольный каменщик»...

Каменщик, что характерно, и вправду, вольным к тому времени оказался.

Разведённым-неженатым, то есть.

И ещё годик в таковых проходил.

Пока она за него не вышла.
Взяв мужнину фамилию.
А когда через четверть века Каменщики мирно разво-
дились, назад свою девичью не вернула.
Так вольной Каменщицей до конца и оставалась ..

САМАЯ НАСТОЯЩАЯ...

Мой папа – Марк Мироныч
(Вполне определённо).
Притом что Мрак Минорыч
Звала его Алёна...

За глаза.
Причём это – быль.
Правда.
Самая настоящая.
В смысле, не только документально-фактическая.
Но и литературно-художественная...

НЕМУДРЕНО

Я проигрывал ему по всем статьям.
Немудрено.
Ведь я так ни одной и не написал...

ЧЕТВЁРТОЕ КОЛЕСО

Посреди привычного машинно-уличного шума сна-
чала вдруг раздался громовой выстрелоподобный звук.
Через короткую паузу – ещё один, чуть пожиже.
Это оторвалось заднее колесо грузовика – и как-то рас-
хлябанно виляя, нарочито неторопливо покатило назад.
Но больше – поперёк.
Мостовой, которая была широка.
Грузовик же всё равно двигался строго вперёд.

А колесо, словно в замедленной съёмке, лениво, даже вальяжно – выкатилось на переполненный людьми тротуар.

Чтобы обессиленно тыкнуться в проходившую мимо старушку.

После чего плашмя, почти карикатурно улечься на тротуарном асфальте.

Рядом с несколько ошарашенной потерпевшей.

Обозначив тем самым конец кинематографического эпизода.

Впрочем, жизнь останавливаться вроде не собиралась.

Пока.

ЯСЕНЕВСКИЕ ПЕТУХИ,
ИЛИ
КУРОЧКИ НА САДОВОМ...

В столичной комфортабельной квартире,

Не столь уж и далёкой от метро,

Я был разбужен подзаборным пеньем

Горластых ясеневских петухов.

Прописанные в городской черте, –

Они орали долго и победно.

Но всё же – наконец – угомонились –

И утро воскресенья началось...

Это было в самом начале восьмидесятых.

Примерно тогда же, когда, прогуливаясь со старшим сержантом запаса медицинской службы и действующим акушером скорой помощи девушкой Леной по Садовому Кольцу, мы неожиданно увидели трёх разноцветных курочек.

Они тоже прогуливались по Садовому.

Независимые и умиротворённые.

На вытоптанном земельном пятачке.

Почти вплотную к широкому асфальтовому тротуару.
Всего в десятке метров от ревущей московской мостовой...

МАЛАЯ ПРОЗА

1

Поздне-осенние берёзы очень похожи на высокие подберёзовики без шляпок.
В стихах у меня про это ничего нет.
Пусть хоть в прозе будет...

2

За окном (выходящим на ипподром) ранней субботней ночью раздался лёгкий взрыв.
Формата причудливо-необычного.
Будто бы открыли гигантскую бутылку шампанского...
Может, и так.
А может, и фейерверк бабахнул.
Корпоративчик, знаете ли...

МЫШИ

Одну я случайно раздавил пяткой.
Выйдя ночью в туалет.
Другая вкралась внутрь пустой водочной бутылки и барахталась там, будучи незаспиртованной...
Впрочем, была, в конечном счёте, мной освобождена.
Путём разбития бутылки...
Мышонка (он жил у меня в ящике письменного стола и очень шуршал внутри) – я сначала вытряхнул из ящика в мусорное ведро, а следом во двор, к самой помойке вынес...
А ещё как-то поехал я поливать цветы.
В тётчиной квартире.
Там, на комнатном полу, совсем новый ковёр у неё лежал.
За неделю до отъезда ею собственноручно купленный.

С довольно странным орнаментом по периметру.
И с почти каббалистическим кругом посередке...
В общем, прохожу вглубь комнаты, чтобы цветочки
на подоконнике полить – и вижу: мышка, в самом центре
этого лжекаббалистического круга примостилась.

Серо-чёрным калачиком свернувшись.

Уже мумифицированная...

Ясно, что знак.

Да знать бы: какой?..

МИЛОСТЫНЯ

1

Было время, когда у меня денег не было.

Почти совсем.

Тогда я подавал милостыню жетонами для таксона.

Или метрополитеновскими...

Теперь денег у меня побольше.

Но милостыню я не подаю.

Почти совсем...

2

Этой псевдоинтеллигентной старушке в бейсболке и
джинсах – моей соседке по микрорайону – подавал я ми-
лостыню несколько раз.

За довольно короткий срок.

Правильнее сказать, она у меня её клянчила.

Оказываясь со мной в какой-нибудь из продуктовых
очереди.

А тут – попалась мне эта старушка на улице.

Идущая прямо навстречу.

От киоска «Мороженое».

В своём всегдашнем околоспортивном одеянии.

И я, предваряя самое вероятное, вдруг молчаливо-реф-
лекторно показал ей кукиш.

И не простой-одинарный, а сразу! – двуручно-четвер-
ной.

Ибо сумка моя на плече болталась...
– Что это? – с недоумением поинтересовалась старушка.
– Четверная фига! – с честной радостью разъяснил я.
– Здорово! – вроде бы искренне восхитилась старушка.
И больше денег никогда у меня не выпрашивала.
Только – у других...

ШАХМАТЫ И ПРЕФЕРАНС

Среди небольшого количества семейных историй, которые я в разные годы детства слышал от Старших Родственников, есть и эти две.

Про Дедушку.

Игрока-интеллектуала.

Спасителя и освободителя.

Ещё до московского рабфака, будучи полноправной частью юной одесской голытьбы, играл он по воскресеньям, полуголодный, в шахматы.

На пирожные.

Причём проиграть Дедушка просто не мог.

Потому что купить пирожное было ему не на что.

Поэтому он регулярно выигрывал.

Еженедельно подпитывая свой растущий, остро нуждающийся в еде организм – таким вот экстремальным способом.

Пополам с активно выделяющимся адреналином...

А после великой отечественной у Дедушки, прошедшего всю войну практически от звонка до звонка, никак не получалась демобилизоваться.

Не желала привязчивая советская армия его отпускать.

Артачилась, любвеобильная милитаристская гадина...

Но Дедушка с ней, змеюкой, бился.

На жизнь мирную.

Будущую.

И, едучи как-то по служебной необходимости узнал, что Самый Большой Начальник в том же поезде с инспекцией едет.

И компанию себе для игры в преферанс подходящую ищет.

И не абы кого-нибудь.

А только игрока заведомо сильного.

Чтобы играть с ним было жутко интересно.

Но всё-таки выиграть.

(Стало быть, могущего в упорной бескомпромиссной борьбе проиграть...).

Это уже Дедушка про себя подумал.

И себя самого Самому Большому Начальнику в этом благородно-корыстном качестве предложил.

Сильного игрока, в смысле...

А заодно и сделал вид, что не знает, что перед ним Самый Большой Начальник сидит.

В купе личном.

Короче, играли они всю ночь.

За питьём трофейного коньяка и душещипательными разговорами о жизни.

Касавшимися, в частности того, как мечтает Дедушка поскорее демобилизоваться.

Чтобы домой вернуться.

К жене и детишкам...

И на исходе ночи, под стук колёсный, Дедушка в упорнейшей борьбе, наконец, уступил Самому Главному Начальнику.

И тот, растрогавшись от благодарности и спонтанно возникшей симпатии, демобилизовал счастливого Дедушку.

В максимально короткие сроки...

Помню Дедушку и за шахматами – почти ежевечерне, а по выходным – обязательно.

И за преферансом – иногда летом, на даче.

Я же ни в шахматы, ни в преферанс не играю.

Не испытываю ни малейшего интереса и желания.

Хотя немного умею.

Ведь Дедушка меня учил.

По своей личной инициативе – в шахматы, когда я был старшим дошкольником.

По моей блажной просьбе – много позже – в преферанс...

ИГРЫ В ПРЯТКИ И В НАХОДКИ...

Парни любили приглашать девушек в гости.
Особенно зимой и в межсезонье.
Они заставляли их снимать сапоги.
Взамен выдавая тапочки.
А сами незаметно девичьи сапоги прятали.
В потайные места.
Чтобы отрубить визитершам все пути к отступлению...
Отдельные представительницы девушек тоже терялись
не слишком.
Даже находчивость проявляли.
Когда из ушей серьги перед сном выколупывали.
Да на табуретках-фортепьянках аккуратно складывали.
Дабы забыть при уходе.
В качестве реального способа и предлога хотя бы разок вернуться.
А там, глядишь, и – чем чёрт не шутит – остаться...

ДЕНЬГИ НА ЮБКУ

Деньги на джинсовую юбку – 80 рублей – он сам ей предложил.
Давно ему нравящейся, хотя и не слишком знакомой девушке.
Правда, в долг.
Она взяла.
Пообещав отдать через месяц.
Времена стояли глубоко застойные – и слово «инфляция» воспринималось советским народом как не имеющий отношения к нашей жизни типичный американизм...
Прошло три месяца.
Девушка денег так и не отдала.

Тогда в телефонном разговоре он рискнул сказать ей и об этом.

Упреждающе хорошенько выпив для храбрости.

Почти французского коньяка.

Ведь в трезвом виде напоминать ей о долге решился бы вряд ли...

Она вроде его услышала и, нежно-хрустально смеясь, опять пообещала отдать.

В обозримые сроки.

И опять не отдала.

Тогда он снова ей позвонил.

Снова упреждающе хватив коньяка для храбрости.

И она снова пообещала.

Жизнерадостно хохоча в трубку.

И – как вы догадываетесь – снова не отдала.

Он тоже, наконец, догадался, что долг она ему не отдаст.

Лет через пять.

Когда стоимость упреждающе выпитого им для храбрости коньяка уже перевалила рублей за 300...

В ТУАЛЕТЕ

В краснокирпичном общежитии творческих ВУЗов столицы я оказался впервые.

Однако после пары часов сидения за пивом и чаем – мне приспичило выйти.

Туалет с характерным силуэтом мужчины я обнаружил моментально – и сразу же вторгся внутрь.

На ходу просочившись сквозь предбанничек с водопроводными кранами.

Писсуары почему-то отсутствовали.

Зато – кабинок с унитазами было аж целых три.

В одну я преднамеренно и проник.

А – буквально через десяток секунд – вдруг услышал женскую речь.

Из предбанничка с кранами...

– Ага! – догадался я, – водички зашли набрать. Для цветочков. Или, может, чаю попить. Наберут – и мигом смоются...

Но девушки уходить не торопились.

Тем самым не позволяя и мне.

Дыбы их, трепетных, своей титульной половой принадлежностью случайно не скандализовать...

Я прислушался – и по обрывкам фраз легко сообразил, что девушки в мужском туалете отнюдь не воду набирают.

Туфли чистят и резиновые боты моют...

– Ну, здесь делов минут на пять! – без особого оптимизма подумалось мне.

Тем временем из предбанничка донеслись новые голоса.

И я был вынужден закрыться в своей кабинке.

На шпингалет.

Поскольку голоса были женские – и вместе с их обладательницами неотвратимо приближались к соседним туалетным кабинкам.

– Да! – ужаснулся я, – теперь попробуй-ка отсюда вообще выйди...

Женский же пол всё прибывал.

Выстраиваясь на полу кафельном в небольшую разговорчивую очередь.

Перед скромным рядом кабинок.

На обладание мной оккупированной тоже стали отдельные страждущие бесцеремонно покушаться.

Сначала так, руками, ногами да торсами бились.

А потом – уже проклятья в сторону мироустройства матерными пачками извергали.

И – через дверь – дразнили по-октябрятски.

Зассыхой...

Персонифицировано.

Что, похоже, чашу-то и переполнило...

С опорожнённым мочевым пузырьём и высоко поднятой головой – я – рывком – выдернул себя из приевшейся туалетной кабинки.

Чтобы на глазах у очумевших творческих вузовок гордо проследовать в спасительный коридор...

ПРАВДА ЧИСТОЙ ВОДЫ...

В самом начале третьего тысячелетия занимался я несколько сезонов организаторскими делами вокруг литературной премии «Венец» Союза писателей Москвы.

И вот, за пару месяцев до очередной церемонии вручения, выплыла на моём горизонте некая быстро-быстро-говорящая фигура, предложившая в качестве спонсорской помощи значительное количество минеральной воды.

Имел я многочисленные телефонные беседы с быстро-быстроговорящей фигурой на сей счёт – и всё меня в них абсолютно устраивало.

Кроме названия воды.

Уж больно диким оно мне казалось.

Я даже переспрашивать пытался.

Однако всякий раз одно и то же от фигуры слышал:
– «Серная чистая вода»...

Пришлось смириться.

А когда в день мероприятия завезли кучу разнокалиберных бутылок и кулеров спонсорского питья, вдруг выяснилось его истинное название.

Которое оказалось чуть длиннее.

«Северная чистая вода».

Воду быстро-быстро выпили.

И что характерно – никакого неприятного осадка не осталось.

Только благодарность!

СЕЛЁДКИ

– Дайте, пожалуйста, одну селёдку.

– Держите три.

– Я беру одну.

– А две я вам сверху даю.
Акция у нас такая: одну селёдку купил – получи ещё две в подарок.
– Спасибо, тогда уж лучше ни одной...

ГРИБОК

Был я маленький.
И нашёл на дачном участке белый гриб.
Тоже маленький.
Грибок.
И стал ждать, когда грибок подрастёт.
Чтобы принести домой уже настоящий белый гриб.
Большой.
Каждый день прибегал под сосну глянуть: как он там?
А он всё так же.
Как был маленький – так и остался.
Я же – в отличие от грибочка – подрос.
Вырос.
В большого превратился.
Даже, невзирая на то, что на меня столько людей каждый день смотрело...

БЮСТЫ ВОЖДЕЙ

В середине восьмидесятых Зайцев только их на дни рождения друзьям и дарил.
Причем, по большей части, это были Владимиры Ленины и Фидели Кастро.
А потом дарить перестал.
Друзей-то не так много.
Да и бюсты вождей в магазинах потихоньку иссякли.
Видимо, не один лишь Зайцев их там приобретал...

ТУДА-ОБРАТНО...

Туда – платочную прямоспинную бабку, сидящую, раскинув ноги на грохочущей тележке, вёз вокзальный носильщик.

Обратно – в направлении метро и такси – когда через минуты поезд уже прибыл к платформе с загадочным наименованием 1А – тоже.

Только теперь в металлический треугольник бабкиного междуножья был жёстко встроен примерно десятилетний мальчик...

СОЛНЦЕЗАЩИТНЫЕ ОЧКИ

Перед переделкинским Костром Чуковского «Здравствуй, Лето!» мне передали розовые детские солнцезащитные очки, вместе с просьбой проинформировать почтеннейшую публику о находке.

Авось, отыщется и юный растеряшка...

Поломав тщательно продуманный сценария мероприятия, я начал недежурно, объявив посредством безукоризненно работающего микрофона на всю округу:

– Ура!

Отыскались розовые очки!

Тот, кто их потерял, сейчас получит их назад.

Чтобы вновь смотреть на мир именно через них.

Хотя вообще-то розовые очки лучше в жизни не терять.

Потому что не всякие розовые очки человек может найти и вернуть...

Короче, наша двухчасовая программа, стартовав с моего «Ура!», целиком на ура и прошла.

Под знаком розовых очков...

А когда она закончилась, уже на чаепитии в доме-музее, я обнаружил, что благополучно (в смысле – безвозвратно) посеял свои.

Правда, не розовые.

Голубые.

На шёлковом синем шнулочке, в районе солнечного сплетения болтавшиеся...

ГОЛОВА

1. Без лысины

В девяносто седьмом году посмотрелся я в зеркало старого корпуса дома творчества писателей «Переделкино» – и вдруг увидел, что лысею со лба по-настоящему.

Ну, и договорился я с собой головные передние волосы для начала на место вернуть.

Чтобы следом, после возврата количества – больше уже не лысеть.

Ни со лба, ни с макушки...

За полгода спокойненько возвратил.

А сам процесс выпадения волос благополучно законсервировал.

Пятнадцать лет прошло – стало быть, можно говорить об этом как о свершившемся факте.

Даже писать...

2. Под форточкой и кондиционером

Тут у нас много чего меж людьми принято.

В частности, что после мытья головы (да и вообще – после ванны или душа), особенно зимой – под открытую форточку никак нельзя.

Ибо продует.

На самом деле – можно.

Просто установочку себе нужно дать соответствующую.

Позитивную.

И – не продует.

То же самое – по поводу работающего кондиционера.

Под которым располагаться, якобы, нельзя.

На самом деле – можно.

Думаю даже, нужно...

БРЕНД НАСУЩНЫЙ...

Купил я себе в эконом-магазине «Фамилия» сапоги зимние чёрные.

Импортные.

Под условно-благозвучным для отечественного среднего уха брендом «Херотанк»...

Это я уже дома обнаружил.

Внимательно глянув на массивную коричневую коробку с изображением танка.

И совсем уже потом, через некоторое время, сообразил, откуда такое экзотическое у обувки название.

Не от простого верблюда.

От героического танка...

БЕЛЫЙ ТИГР

Ира Горюнова, ко всему прочему, ещё и литературный агент.

Так вот, обратилась к ней одна потенциальная клиентка с просьбой: мол, срочно нужен врез для повести.

От известного человека.

Ну а Ира – ко мне: мол, напиши, пожалуйста, если повесть «Белый тигр» некой Вероники Языковой хоть каким-то образом позволяет, врез на обложку.

То ли диска, то ли книжки.

Естественно, в обмен на некоторое количество быстрых дензнаков.

«Белый тигр» при благоприятном взгляде до известной степени позволял.

Несмотря на отсутствие внятного возрастного адресата и явное присутствие политизированности.

В результате прочтения рукописи создал я очень выверенный, ловко сбалансированный текст такого содержания:

«Повесть «Белый Тигр» – это современная сказка.

И про зверей, и про людей.

И для детей, и для взрослых.

Сказка-притча.

Достаточно причудливая.

По-своему поучительная.

Отчасти напомнившая мне

заслуженно знаменитую,

бесконечно замечательную,

всецело вневременную

повесть Фазиля Искандера

«Кролики и удавы».

Чем?

А вы обратитесь

К «Белому тигру».

Он вам сам и ответит...»

После чего подписался своим именем, с указанием множества нужных для такого дела собственных регалий...

Ира посмотрела мою текстуру – и авторше встречу на завтра в кафе назначила.

Чтобы там врез не откладывая на дензнаки обменять.

Заодно и бумагу от меня состряпала.

На принтере вывела.

Вроде как разрешение на использование моего вреза.

Мол, Вероника Языкова имеет на него полное право.

И текст врез.

С зарезервированным местом для моей подписи.

Которую я завтрашним днём поставлю.

В том же самом кафе.

Плюс дензнаки обрету.

Забрав их частично у Иры...

Назавтра всё так и случилось.

Пришёл – увидел – угодил.

Ручкой в место для подписи.

Ирой по имени-отчеству многократно обозванный...

Вероника Языкова поблагодарила за врез и потихоньку исчезла.

Ира дензнаками поделилась...
И вдруг Вероника Языкова возвращается.
Причем не Языкова она, а Языкова.
Без палочки.
Поэтому и возвращается.
Чтоб палочку в разрешении убрать.
Ира в ответ не тушует.
– Сейчас всё сделаем юридически грамотно! – говорит Ира и бумагу мне протягивает, мол, палочку зачеркни лишнюю.
Зачёркиваю.
И до кучи правильную Вероникину фамилию поверх вписываю.
А рядышком – «исправленному верить» карябаю – это мне Ира диктует.
Расписываюсь опять же.
Вероника Языкова благодарит.
Чтобы с врезом в руках немедленно испариться.
Дабы возникнуть спустя пару дней.
В Ириной электронной почте.
С таким вот посланием:
– Ирина, добрый вечер!
Я внесла крошечную правку – исключительно для понятливости мамочек. Для более серьёзной аудитории отлично сработает фрагмент про Искандера (я сняла 1 позицию) «Повесть “Белый тигр” – это современная сказка.
И про зверей, и про людей.
И для детей, и для взрослых.
Сказка-притча.
Местами смешная,
местами грустная,
и всё же серьёзная.
Отчасти напомнившая мне заслуженно знаменитую,
всецело вневременную

повесть Фазиля Искандера
“Кролики и удавы”.
Чем?
А вы обратитесь
К “Белому тигру”.
Он вам сам и ответит...»
И под врезом – вместо нужных для дела моих регалий –
их жалкие ошмётки.
Про регалии – имеет право.
Ошмётки их тоже на дороге валяются..
Про остальное – ни малейшего.
Ибо это уже называется словом «подтасовка».
Или – кому больше нравится – «передёргиванье».
По крайней мере, применительно к моему источнику.
Стало быть, и подпись моя здесь абсолютно неуместна.
О чём я Иру моментально проинформировал.
А та Веронику Язькову.
Безответно.
Впрочем, возможно, сия историйка ещё не окончена.

В «ШОКОЛАДНИЦЕ» И ПОСЛЕ...

Сидели мы с Лёлей на летней веранде в её любимой
«Шоколаднице» вблизи метро «Чеховская» и обсуждали
непростые дела Фестиваля детской литературы имени Кор-
нея Чуковского.
В этот летний день получалось у нас многое.
В частности, людей к себе притягивать.
Мишу, Лёлиного приятеля, например.
Шедшего мимо.
По делам в думу.
А ненароком за нашим столиком очутившегося и об-
щие перспективы с нами теперь обсуждающего..
Сидели мы, сидели.
Обсуждали мы, обсуждали.
Ну и отправилась Лёля в дамскую комнату.

Но потом, через длительное время, из неё всё-таки вернулась.

Уже с молодым человеком.

Кудрявым.

С которым в очереди туда успела познакомиться-разговориться-подружиться.

Потому что дамская комната в «Шоколаднице» этой – одна-одинёшенька.

Она же и мужская вдобавок..

Оказался кудрявый музыкантом из какой-то команды, и, общаясь, можно сказать, между прочим, сообщил, что вон за тем столиком Сергей Старостин (сам!) сидит.

Кто такой Сергей Старостин, Лёля не имела ни малейшего понятия.

Я же знал.

Хорошо.

По причине интереса к его творчеству.

Со стороны моего, двадцатиоднолетнего тогда, сына.

Койй не только на старостинские выступления регулярно в качестве зрителя выбирался, но порой и во внутренней кухне бывал задействован..

Музыканты нам с Лёлей требовались.

Особенно, такие, как легендарный Старостин.

Ввиду грандиозности тогдашних планов председателя оргкомитета и директора Фестиваля имени Чуковского.

Вот я и решил, не отходя от столика дальше, чем на десять метров, произвести эпохальное знакомство.

Раз уж денёк соответствующий выдался..

А для уверенности в собственных силах и пущей художественно-эстетической составляющей взял с собой притягательную рыжеволосую красавицу Лёлю..

Добрались мы до старостинского столика.

Мэтру отрекомендовались.

Прикрывшись фестивальными визитками...

Пообщались коротко в надежде на будущее сотрудничество.

Плодотворное и продолжительное.

То, что, к сожалению, так пока лишь в планах и осталось...

А после «Шоколадницы», через год, что ли, вёз красивый двадцатидвухлетний уже сын на своём новом подержанном джипе всю дорогу молчащего, сосредоточенного на себе, овеянного славой Сергея Старостина.

И тот вдруг, ни с того, ни с сего – возьми да произнеси:

– Такое дело твой отец делает!

– Какое? – вытаращился сын, не будучи даже в курсе того, что мы знакомы.

– Фестиваль Чуковского! – на полном серьёзе уточнил Старостин...

ДОМБРОВСКИЙ И НЕМНОГИЕ ДРУГИЕ...

Юрия Осиповича Домбровского я видел всего лишь раз. В гостях у поэта Леонида Тёмина.

У которого я часто бывал.

Домбровский тоже заживал к нему частенько.

И потому что они дружили, и потому, что жили совсем неподалёку друг от друга.

На улице Краснобогатырская.

Однако пересекаться с Домбровским ни до, ни после этих единственных наших паручасовых посиделок за пивом (за ним я был послан в ещё работавший тогда ближайший ларёк) не привелось.

До – по причине того, что к тому моменту с Леонидом Самойловичем я только познакомился.

После – ввиду очень скоро последовавшей смерти Юрия Осиповича.

Притом что его вдову Клару Фазулаевну я встречал многожды: она регулярно навещала Леонида Самойловича – и мы регулярно с ней пересекались.

Твёрдой политики, кого с кем совмещать, а кого нет – у хозяина квартиры, похоже, не существовало.

Поэтому как-то раз я совпал с Зоей Крахмальниковой (во время отсидки Феликса Светова).

В другой же раз – краешком – застал Светова (во время отсидки Крахмальниковой...).

Удивительно, что и её, и его я видел в гостеприимной квартире на Краснобогатырской тоже лишь однократно.

А ещё раз при мне Леониду Самойловичу звонил почти всесильный тогда Феликс Кузнецов и просил у него содействия.

Или посредничества.

По старой дружбе.

Ведь они до воцарения Кузнецова и его деяний в роли отца-руководителя неплохо общались.

Кажется, кузнецовский звонок как-то касался истории с альманахом «Метрополь»...

Леонид Самойлович отвечал советскому сановному карьеристу формально корректно.

Однако абсолютно непреклонно...

А шестидесятник Домбровский в семьдесят седьмом, помнится, легонько покачивался на стуле и, будучи одетым в ковбойку, пил разбавленное продавщицей пиво.

Понять речь ещё живого классика без должной привычки было делом весьма проблематичным.

Скорее всего, из-за того, что зубов у автора «Факультета ненужных вещей» во рту не водилось.

Хотя «Меня убить хотели эти суки» по просьбе своего друга Тёмина он прочитал дважды...

ВСЕ НА БАРРИКАДЫ...

На «Баррикадной» вагон почти опустел.

Ведь почти весь народ ехал на баррикады августа девяносто первого.

А я проследовал дальше.

На свои.

Укрощать размахивавшего топором запойного поэта.

Лучшего из лучших.
С точки зрения Александра Межирова и Евгения Евтушенко...

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ И АТЕИЗМ

1

Свою раздвоенность я чувствовал ещё в дошкольничестве.

Когда был согласен честно и продолжительно играть роль умирающего от ран фашистского офицера.

В дворовой детсадовской игре...

Да и потом, уже в школьничестве расфокусированно отслеживал свои полюса.

Только слова такого тогда не знал: амбивалентность.

Знал бы – держался бы за него.

Расслабленно и крепко.

Не ужасаясь от безумной невозможности совместить свой десятилетний образ с клишированно-каноническим: юного пионера-героя...

2

Что атеизм – разновидность религии, я сообразил, кажется, в старшей школе.

Которая завершала собой среднюю...

Сообразил — вдруг, сразу.

Словив извне это воистину божественное откровение.

Согласитесь, довольно странное для среднестатистического советского подростка.

Из типичнейшей (или приближенной к таковой) советской семьи.

Даже пасху и кулич к тому времени никогда не пробовавшего.

Не говоря уже о маце...

ОБИХОДНОЕ...

«Зенит» (Санкт-Петербург).

Господи, как же анекдотически смешно звучало это словосочетание!

После привычного «Зенит» (Ленинград).

Всего-то каких-то лет двадцать назад.

В течение всего нескольких месяцев.

А потом народ привык.

Ещё смешнее тогда звучало «Служу Российской Федерации».

Но оно почти сразу превратилось в «Служу России»...

ЧЕТЫРЕ ПОСЛЕДНИХ СЛОВА...

– Я прожил красивую жизнь! – с возвышенной гордостью проговорил Бокасса.

Политический деятель и президент.

Человек и людоед.

В качестве «последнего слова».

Думаю, совершенно искренне...

В МЯСНОМ ОТДЕЛЕ...

Я прошу у вас ногу и сердце!..

ТЕФЛОНОВАЯ СКОВОРОДКА

Убравшаяся у меня гастарбайтерша из Молдавии – вообще-то, очень милая, предупредительная, по-настоящему работающая тётка, решила вернуть к жизни найденную в духовке маленькую тефлоновую сковородку.

И принялась яростно её скоблить.

Кругленькой проволочной штучкой для мытья плиты и посуды.

Трудилась на совесть.

В результате честно отколунав от чёрной внутренней поверхности сковородки весь её хваленый тефлоновый слой.
В общем, стала сковородка изнутри светлая-светлая.
Для дел своих сковородочных абсолютно непригодная..

ТЕЛЕФОННАЯ НУМЕРОЛОГИЯ

Две последние цифры номера нашего домашнего телефона с некоторых пор соответствовали двум последним цифрам года рождения жены.

Две цифры перед ними – двум последним цифрам моего года рождения.

А три первые цифры – как выяснилось позднее – трём последним цифрам года рождения человека, к которому жена от меня ушла.

И ещё.

Спустя полгода, именно я занимался оформлением её литфондовского билета.

Который она потом так никогда и не видела.

Не только из-за того, что билет почти сразу сделался недействительным.

По причине литфондовских распрей.

Но и потому, что я не сумел его отдать.

Просто не найдя в себе сил.

Номер билета в точности совпадал с телефонным номером человека, к которому жена от меня ушла.

ФОТОГРАФИЯ

Мы ещё не были женаты.

Даже и не собирались жениться.

По крайней мере, я..

А на дворе стоял перестроечный восемьдесят пятый.

Внутри движения которого моя будущая жена попросила у меня мою настоящую фотографию.

И без вопросов получила.
Водрузив у себя в комнате.
На самом видном месте.
Я полагал: из лирических чувств...
Но через несколько лет жена (она уже к тому времени
ею стала) объяснила мне истинную причину.
Чтобы не забыть, что я в её жизни существую...

РУКИ-КРЮКИ

Года в три я с ужасом поймал себя на том, что у меня
руки-крюки – и мне с этим придётся как-то жить-выжи-
вать оставшееся тутошнее время...

Нельзя сказать, что всю свою последующую сознатель-
но-бессознательную жизнь я ничего не предпринимал, что-
бы хоть как-то изменить к лучшему эту, привычно удру-
чавшую душу, ситуацию.

Однако мало что получалось.

В детском саду, когда народ самозабвенно делал кра-
сочные аппликации, мои выходили самыми кривыми, но-
рвя отклеиться от альбомного листочка, ещё толком к нему
не прилепившись...

Школьные уроки труда для меня предсказуемо оказы-
вались нервическою пыткой, ведь без чужой помощи, о
которой всякий раз приходилось униженно просить соб-
ственных одноклассников, я не мог выточить и простень-
кой детальки.

В этом смысле я вполне тянул на уникама...

Помнится, классе в шестом мне даже вяло светила чет-
вертная пара по ручному труду.

Впрочем, после того, как к нашему учителю труда,
бывшему заводскому рабочему Ивану Никаноровичу Ба-
бину – следствием домашнего опроса с пристрастием –
явилась моя молодая Бабушка (полагаю – её визит был
первый и единственный случай посещения учителя труда
ближайшими родственниками учащегося) – трудовик на-

столько растерялся, что тема заслуженной двойки больше никогда не всплывала...

Ни прямо вбить гвоздь, ни нормально вкрутить лампочку – я до сих пор не умею.

И уже очень давно не пытаюсь.

За полной бесперспективностью.

Но есть (есть!) одно повседневное дело, которое со времён старшего дошкольничества я (неизвестно почему) делаю мастерски-виртуозно.

Небрежно-изысканно.

Эстетически совершенно.

Как на уровне молниеносного процесса, так и на уровне конечного результата.

Делаю практически лучше всех!

Ибо всегда ревниво слежу за теми другими, кто его тоже каждый день делает...

В общем, я лучший в мире завязыватель шнурков.

А Карлсон отдыхает.

Видимо, на крыше...

ИМЯ-ОТЧЕСТВО

Маму моего учителя, поэта Леонида Тёмина, звали Ева Фридриховна. А работала она врачом высшей категории в столичной поликлинике старых большевиков, что на улице Жолтовского.

И один очень старый большевик всегда обращался к Еве Фридриховне по имени-отчеству.

Правда, с очень старых большевистских позиций, величая исключительно Фридой Энгельсовной...

ВМЕСТО ЧЁРНОГО ЮМОРА

У меня зазвонил телефон.

Снятая мной трубка, поначалу, кряхтя, немотствовала, а потом – вдруг – пулемётно-морзяночно затарахтела голосом Риммы Фёдоровны Казаковой:

– Я зелёный сиреневый бульвар умер вычёркивай!...
После чего раздались короткие гудки.
Как ни удивительно – я всё понял.
Из permanently готовящегося к печати нового справочника Союза писателей Москвы мне следовало вычеркнуть очередного ушедшего в мир иной члена.
У которого был псевдоним...

КИНОАФИША

Было это в конце восьмидесятых.
Точнее, в восемьдесят шестом, когда ревностные подгорбачёвцы сколь повсеместно, столь и безуспешно боролись с вечным отечественным пьянством.
Вышел я из метро «Ленино» – и вдруг вижу резко бросающуюся мне в глаза, аккуратно с киноафиши, набранную огромными типографскими красными буквами в качестве заголовка, совершенно немыслимую тогда фразу:

К ШТОФУ ЗАКУСИ

Ну, думаю, глюк.
Показалось с перепоею...
Ещё раз гляжу – и всё то же самое вижу.
Что делать?
Естественно, подходить вплотную к многоцветному типовому киноафишному щиту – и смотреть пристальней!
Выполняю поочерёдно самому себе предписанное.
Чтобы разглядеть безошибочно.
Огромными типографскими красными буквами в качестве заголовка набрано:

КШИШТОФА ЗАНУССИ

А красными буковками поменьше и чуть впереди:
ретроспектива фильмов.
Фу, можно успокоиться и дальше идти...

МОЁ ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Моё первое интервью стоило ровно 100 долларов США.

Не мне.

Издательскому дому «Техника молодёжи», а вернее, его предприимчивому руководителю Александру Перевозчикову, в по-своему диковатом 1996-ом выпустившему нашу совместную с Мишей Зайцевым пародийно-детективную книжку «Супермент».

Первое и единственное хоть кем-то проплаченное интервью со мной было мной и озаглавлено.

Почти (целиком) пушкинской строкой.

«Храни меня, мой полисмен!..»

Впрочем, как выяснилось впоследствии – обращался я не только к нашему всему прошлому.

Но – и – опережая своё время, провидчески генерировал чуть отдалённое общероссийское будущее.

Ведь милиционеры массово превратились в полисменов лет эдак через пятнадцать..

КОЛОМЕНСКИЙ КОТ

Гуляла по весенне-летнему Коломенскому женщина в цветастом сарафане и с крупными синхронно болтающимися взад-вперёд серёжками.

Гуляла, гуляла она себе, одинока.

Вдруг – откуда ни возьмись – симпатичный рыжий кот почти под ногами образовался.

Ну, и давай смотреть на принаряженную женщину абсолютно влюблёнными, круглыми немигающими фиалковыми глазами.

Не забывая при этом о красивые женские ноги ласково тереться..

Наклонилась женщина, чтобы на любовь нежностью ответить.

А Вася уличный, продолжая пожирать влюблёнными
глазищами лицо женское, одновременно обеими передни-
ми лапами её за обе серёжки – хватать!

Вернее, за воздух вблизи.

Ибо женщина, вильнув серёжками, – всё-таки – увер-
нулась...

СТРОЧКИ ИЗ СНОВ...

Большинство их них мной благополучно забылись.

Некоторые вошли в ткань написанных потом стихов.

А одну я запомнил навсегда, без малейшей возможно-
сти сделать частью стихотворения:

Как утёнок на бреющем утопающем...

И ещё удержалась в памяти давно приснившаяся бе-
зумная поэтесса, которая уверяла, что сейчас она занима-
ется созданием «цикла аэродинамических сонетов и бал-
листических баллад».

Ей – как бы – вторил приснившийся значительно поз-
же сумасшедший поэт, на полном серьёзе озаглавивший
свою новую книжку «Сильные строки»...

Было – до кучи – и пришедшее целиком четверости-
шие с изысканной ассонансной рифмовкой:

В чистом поле

Пели негры.

Подпевал им

Пеленягрэ...

А вот Папе приснилась строчка: «Наглости карликов –
нет предела!».

Явившая единый тематический блок вкупе с воспо-
словавшим на следующую ночь двустихием:

Чем карлее, –

Тем наглее!..

ДОМ ДЕДА КАШИРИНА

Пожалуй что, ничего более пугающего и отталкивающего в своей жизни я и не видывал.

Из архитектурных объектов, разумеется...

Дело имело место в последний сентябрьский день 2008-го, во время обзорной автобусной писательской экскурсии по Нижнему Новгороду.

Нас, полтора десятка взрослых, устроители скопом запустили на территорию узковато-продолговато, резко берущего в гору, как-то по-неправильному обособленно-герметичного участка с тёмно-тёмно-коричневыми, почти малиновыми, деревянными жилым домом и красильней для кожи...

Я убежал на волю, даже не заглядывая внутрь тамошних построек – настолько не по себе мне стало только от внешнего вида этого компактного музейного комплекса.

Ей-богу, мне близок яростный порыв Горького, рванувшего отсюда в люди...

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ...

Топать – нет ничего разрушительнее для судеб мира и человечества!

В этом я убедился на личном топоте...

СПОНСОР ДЛЯ ТАЛАНТЛИВОГО МАЛЬЧИКА

Шли диковатые, для нас абсолютно безденежные и совершенно бесшансные девяностые, когда жене вдруг взбрело в голову стать однократным автором газеты бесплатных объявлений «Из рук в руки».

Таким образом она решила найти «спонсора для талантливого мальчика», то есть для нашего сына, который на всех взрослых очевидно производил впечатление ребёнка неординарного, хотя понять, в чём же конкретно он сумеет со временем творчески преуспеть, было делом крайне затруднительным...

А может, это теще тогда стукнуло в газету тыркнуть – уже точно не помню.

Но телефонный звонок гипотетического спонсора раздался именно в её квартире.

После чего звонарь оказался переадресован – и по нашему домашнему аппарату Белла с ним пару раз беседовала жена.

Кроме общей невнятности и настороженности, из этих бесед она мало что вынесла.

Но положение, в коем мы перманентно тогда пребывали, являлось настолько аховым, что проявлявший некоторую настойчивость спонсор всё же был вынужденно зван к нам в воскресные гости.

Октябрьским полусолнечным днём он прибыл к нам с букетом растрёпанных, криво обломанных астр – и сразу же вывалил на комнатный столик, где стояла пара тарелок с бутербродиками, прорву всевозможных справок и удостоверений.

Включая инвалидные.

После чего предложил хозяевам по ним его идентифицировать...

Всё оставшееся время мы втроём собирали в компактную кучку его бумажки и картонки, поили визитёра ещё советским индийским чаем, а заодно – крайне церемонно выпроваживали восвояси.

Выпроводили – вздохнули с облегчением — и больше никогда в такие игры не играли...

АЛЬБОМ ДЛЯ МАРОК

К моему десятилетию Папа подарил мне альбом для марок.

Сделанная на альбоме каллиграфическим Папиным почерком, дарственная надпись гласила: «Имениннику Чёпе от дорогого золотого папулички!»

Ни одной марки я в этот альбом так и не вклеил.

Потому что намного полезнее для них (да и просто сподручнее) – держать коллекционные марки в классах...

1
Кандидатскую диссертацию
Папа писал школьной ручкой.
Обмахивая перо в чернильницу-непроливайку.
Хотя народ уже всю строчил шариковыми...
Теперь, через четыре с половиной десятка лет,
Папа самозабвенно орёт на подружку
По стационарному,
Что мобильник
Ему не нужен ни при каком раскладе...

2
Овсяное печенье.
Орехи кешью.
Пралиновые торты.
Всё это поочередно
Я прошёл и проглотил.
Живя вместе с Папой.
А ещё раньше
Он добавлял в чай
Алжирское...

3
Такие вот стихи.
Или, может, проза?..

С УДАРЕНИЕМ НА ТРЕТЬЕМ СЛОГЕ?..

В одном подземном переходе встретился мне весёленький плакатик, сопровождаемый зазывным рекламным слоганом: ГЛАВНОЕ – ЭТО ПЕРЕДОХНУТЬ!..

ОГОВОРЧКА

– Двуптих! – провозгласил со сцены пожилой поэт.
После чего принялся читать диптих...

АЭРОДРОМЫ, ИЛИ НАСТОЯЩИЙ ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ...

– У него глаза – аэродромы!

С них хочется взлететь! – говорила мне юная поэтесса
Наташа Рожкова в 85-ом про молодого поэта Григория
Зобина.

А ещё про меня Кире:

– Как можно не любить нашего Серёжу!

Это же настоящий ядерный взрыв жизнелюбия!..

КАК ЗОВУТ?..

Симпатичная разбитная мать-одиночка тихо гуляла со
своим трёхлетним сыном.

Сама она сидела на скамейке.

Ребёнок же, сидя на корточках у мамы под боком,
благодушно ковырял совочком родную советскую землю...

К соседней лавочке подошёл уважаемый мужчина.

После чего сел на неё и стал читать газету.

Женщина сразу оживилась, упруго изогнулась, горячо
зашептав на ухо своему чаду:

– Видишь дядю на лавочке? Подойди к нему, представь-
ся и спроси, как его зовут...

Малыш-почвенник нехотя оторвался от кропотливого
лично-полезного труда, дабы проследовать в сторону
дяди.

Сел на корточки спиной к объекту – и давай совочком
родную советскую землю ковырять.

А сам детским басом себе под нос повторяет:

– Как зовут? Как зовут? Как зовут?..

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЛОГАН

Генеральный слоган для Фестиваля имени Чуковского ко мне пришёл году на четвёртом его существования.

По сути, он, мгновенно соткавшийся из воздуха, а также прочих локальных и мировых наработок энд недоработок, очень точно выражает то, чем мы продолжаем заниматься уже седьмой год.

Несмотря ни на что.

ШОУ МАСТ БИБИГОН! – таков наш генеральный слоган...

ГРИН

Был в моей жизни с подачи Володи Юданова мужик по фамилии Грин.

Так он только зелёными, в смысле – долларами – мне и платил.

Правда, очень мало.

К тому же не слишком долго...

ВМЕСТЕ С КНИГОЙ МЫ РАСТЁМ!..

Когда на ММКВЯ меня признали лауреатом Национального конкурса «Книга года» в номинации «Вместе с книгой мы растём» за детскую книжку «Парикмахеры травы», так получилось, что диплом и бронзовую статуэтку вручал мне Андрей Битов.

Андрей Георгиевич не только эксклюзивный прозаик, но и вроде как наш со товарищи (и господа) непосредственный руководитель, а именно: председатель Русского ПЕН-центра, входящего во Всемирную ассоциацию писателей Международный ПЕН-Клуб.

Отчётов о вручении Премии было множество.

Мне особенно понравился один.

Интернет-портал «Университетская книга» на полном серьёзе сообщил, что Сергея Белорусца награждал председатель его ФАН-Клуба Андрей Битов.

Цветная фотография с места события призвана была подтвердить этот факт...

ЖИВАЯ КЛАССИКА!..

Тогда же, за то же, но месяца через два с лишним, вручили мне на детгизовском питерском фестивале в Пушкинском Доме Премию имени Маршака.

Чудесные Яснов да Воскобойников.

Вместе с улыбчивой девушкой Дашей, представляющей некую отвечающую за техническую часть дела структуру под названием «Живая классика» и принесшей в ПД мой лауреатский диплом.

В придачу к миленькому цветочному букетику.

А художник-фотограф, не менее восхитительный Махотин, всё это запечатлевал для вечности.

И запечатлел меня с лауреатским дипломом над головой, читающего собственное, по дороге, в только что прибывшем первом утреннем «Сапсане» сочинённое, благодарственное четверостишие:

Вот она – моя награда!
Мне по нраву этот приз!
Маршируй, Маршакиада!
Собирай друзей, Детгиз!..

И народу заведомо не видно, что внутри диплома название моей книжки «Парикмахеры травы» короче на одну букву.

Последнюю букву первого слова...

Мне же уже известно.

Потому как Миша Яснов сие разглядел и передо мной не за себя извинился...

А вдобавок сообщил, что, кроме диплома, ещё ценный подарок мне как лауреату полагается.

Но его обещали вручить потом...

Девушка же Даша тоже передо мной извинилась – и за вручённый диплом, и за невручённый ценный подарок.

Взяла все мои координаты – и питерские, и московские.

Питерские, чтобы оперативно передать лауреатский диплом, где название книжки в множественном числе будет выведено.

Московские, чтобы в обозримые сроки ценный подарок обрёл своего законного владельца.

Взяла, клятвенно пообещав проявиться не позже послезавтра.

Пока я гостеприимный город на Неве посредством другого первого утреннего «Сапсана» не покинул..

После чего мы с девушкой расцеловались и распрощались.

Спустя пару дней, аккуратно, накануне моего отъезда – в творческое общежитие «На Сапёрном», где я, по сути, только ночевал, кто-то (видимо, сама Даша) принёс маршаковский лауреатский диплом с безошибочным текстом.

И – в качестве компенсации – коробочку с маленькими разномастными конфетками-шоколадками..

Плюс к этому – мне была оставлена милая поясняющая (или пояснительная?) записочка.

«С надеждой на очень скорую встречу!» – писал её приветливый автор в самом конце.

Подписавшись просто и без кавычек: Даша – Живая классика..

Стоило ли говорить, что с девушкой Дашей я больше никогда не виделся.

Также как до сих пор даже не увидел положенного мне ценного подарочка.

Зато дипломов Премии имени Маршака у меня дома аж две штуки!

«Надежды юношей питают...»

А – девушек?..

КАК Я ОСТАНОВИЛ ВРЕМЯ...

На пять у меня была назначена встреча.

В ЦДЛ.

С Лёлей.

А перед этим – на половину четвертого – другая,

Ещё более деловая...

В метро «Белорусская».

С тогдашней бухгалтершей, живущей в Одинцове...

После чего мне надлежало попасть в Департамент культуры – отдать привезённый бухгалтершей документ.

В результате – бухгалтерша опоздала минут на пятьдесят.

Словоохотливо объяснив задержку тем, что отменили электричку.

И ещё при встрече наговорив минут на пять.

В тот момент, когда я, наконец, от неё оторвался – часы показывали 16.25.

Мне следовало добраться на метро до «Кузнецкого Моста».

С пересадкой.

Это минут двенадцать-пятнадцать.

Никак не меньше.

Оттуда пешком – минут пять.

Там, в Департаменте – минуты три (если всё штатно...).

Назад – к метро – ещё минут пять.

На метро – до «Баррикадной» – и – вверх по эскалатору – ещё минут десять.

От «Баррикадной» до ЦДЛ – пусть, семь...

Короче, оказаться вовремя – я ни при каком раскладе я не успевал.

Просто не мог физически.

Однако – фактически – оказался.

Даже раньше срока на три минуты.

Лёля же – опоздала минут на двадцать.

Примерно настолько же, насколько я остановил время, когда к ней летел...

НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ...

Совком-Банк.

А ещё, скажем, Валенком.

С ударением на последнем слоге.

По-моему, эти названия совки да валенки придумывали...

КРУЖОК МАССОВИКОВ-ЗАТЕЙНИКОВ

На Ленинградском проспекте, рядом с шашлычной «Антисоветская», до сих пор стоит это аккуратненькое здание, похожее на маленький дворец.

Раньше, почти полвека назад, оно и было дворцом.

Дворцом пионеров Ленинградского района.

На заборе Дворца висела табличка, вежливо приглашавшая пионеров и школьников записываться в здешние кружки.

Названия большинства кружков в течение лет оставались неизменными.

Впрочем, от случая к случаю – некоторые из них вдруг почему-то исчезали, а некоторые – новые – возникали...

Всякий раз, когда мы с Мамой и Папой гуляли мимо Дворца – Папа, имитируя живой интерес, бросался к этой, отчасти сменной, табличке, дабы найти на ней название хоть какого-то завалющего кружка, куда, по мнению Папы, меня могли бы, сжалившись, принять.

Исходя из моих объективных данных.

Опять же, по мнению Папы...

И всякий раз у Папы получалось, что шансы для попадания у меня есть только в один кружок.

В кружок массовиков-затейников...

Ни в один из кружков районного Дворца пионеров я так и не записался.

Не рискнул.

Но что касается кружка массовиков-затейников – Папа оказался не так уж далёк от истины, ведь теперь я руковожу Фестивалем детской литературы имени Корнея Чуковского...

ПОДАРКИ С КРЕМЛЁВСКИХ ЁЛОК

В дошкольничестве за настоящие подарки я признавал только что-то несъедобное.

Школьная пора не привнесла в моё отношение к подаркам ничего принципиально нового.

По-прежнему мной ценилось только то, что не могло растаять во рту или перевариться в желудке.

Поэтому подарки с разнообразных столичных Ёлок – леденцы, маленькие шоколадки, шоколадные конфеты с начинкой и помятые мандаринки, упакованные в одноразовые бумажно-картонные чемоданчики или – хуже того – целлофановые пакеты – реальными подарками мной не воспринимались.

Разве что – подарки с Кремлёвской Ёлки, которые изобретательно вкладывались в какую-нибудь пластмассовую игрушку, специально для этого дела смоделированную.

Причём каждый Новый Год игрушка была новая.

Помню пятиконечную ажурно-дырчатую кремлёвскую звезду, после домашнего вскрытия ещё с десятков лет пролежавшую на средней полке нашего встроенного шкафа в туалете, рядом с Дедушкиным ящичком для инструментов.

Я – краешком – зацепил то время, когда Кремлевские Ёлки проводились в самом Кремле, в Георгиевском зале.

А не в Кремлёвском Дворце Съездов – тоже обломившемся мне раз-другой-третий...

Кроме Главной Кремлёвской Ёлки (собственно в здании Кремля) – как бы специально параллельно с ней – проходила Ёлка масштабом поменьше, но – тоже – Кремлёвская – на улице, вблизи краснокирпичных державных стен.

По-моему, она так и называлась: Малая Кремлёвская Ёлка...

И подарки на ней раздавались малые кремлёвские, то есть встроенные внутрь пластмассовой игрушки.

Обычно – уменьшенной в размерах копией той фигуры, внутри которой находился подарок с Главной Ёлки.

Малой Кремлёвской Ёлки у меня не случилось.
Хотя подарок с неё – однажды – всё-таки – достался.
На мой январский старонновогодний день рождения
его мне принесла троюродная сестра.
Видимо, побывавшая на Малой Ёлке..
Надо сказать, подарок оказался в кассу.
Более того, я именно о нём даже мечтал.
Ведь в качестве игрушки выступала очаровательная
пластмассовая Снегурочка.
Составившая полный комплект с моим пластмассовым
Дедом Морозом.
За несколько дней до этого вручённым мне в подарок
на Большой Кремлёвской Ёлке.
Они до сих пор в рабочем строю – мои советские пла-
стмассовые Дедушка и Внучка.
Правда, работают они – как и прежде – всего парочку
недель в году.
Неразлучной родственной парочкой стоя под ёлкой.
Чаще – одноразовой..

– Ёлка должна была быть
Как можно шире,
Чуть касаясь нежной верхушкой
Трёхметрового потолка..
А иначе – какая же она ёлка?! –
Считал я года в четыре.
И в пять, и в шесть, и в одиннадцать..
Не надоело пока
Думать об этом заново,
Перед очередной новогодней встречей, –
Ибо – взамен – другие
Думы тихо пришли ко мне..
Я притянул их, лёжа,
Сын божий, сын человеческий –
Отраженьем –

Гирлянды ёлочных
Лампочек на стене...

ДЕТСКИЕ СТРЕЛЬБЫ

В среднем и старшем дошкольничестве Бабушка запрещала мне стрелять из любого игрушечного оружия.

По людям.

Даже просто целится в них...

Да и вообще мой тогдашний мальчишеский интерес к вооружению Старшими Родственниками не слишком поощрялся.

Хотя, конечно, некоторый арсенал у меня имелся.

Включая автомат.

Синий, пластмассовый...

Позже, в школьные годы, ситуация изменилась мало.

Ни рогатки, ни самопала у меня не было.

Никогда.

А вот лук был.

Настоящий.

В смысле, игрушечный, однако же фабричный.

Мы его с Мамой из поездки по Эстонии привезли.

Когда я во второй класс перешёл.

На даче из этого лука я иногда постреливал.

В древесную цель.

Но чаще стрелял в подмосковный дачный воздух.

Громко и пахуче.

Специальными одноразовыми пороховыми пробками.

Из пугача.

Собственноручно купленного вместе с первой партией пробок..

Втайне от Бабушки.

В обмен на пару десятков бутылок из-под лимонада.

У довольно регулярно следовавшего мимо нашего участка лошадного старёвщика-тележечника...

Впрочем, больше всего я любил стрелять пустыми, вкопец исписавшимися стержнями для шариковых ручек.

Дома.

В Маленькой Комнате.

Через пластмассовую трубочку.

К ней – ириской, уже абсолютно безвкусной (или, доведённой до того же состояния жвачкой, что бывало значительно реже из-за почти всегдашнего отсутствия на руках и в зубах последней), приклеивался десятисантиметровый фрагмент резинки для трусов..

Что до мишеней – то концентрические круги мной рисовались на вырванных из тетрадок в клетку листах.

Ещё вполне рабочими стержнями для шариковых ручек...

ГОЛОВА САДОВОГО...

Парочку десятилетий тому – резко вошло в моду у пловцов-мужчин перед решающими заплывами сбрасывать всю растительность с тела (у кого она там росла), и даже – с головы.

Для лучшей обтекаемости во время плавания.

Ибо считалось, что вместе с лишними волосами можно и сотые доли секунды со своего результата сбросить..

А советско-российский спортсмен Евгений Садовый, – трёхкратный чемпион одних Олимпийских игр – стал, пожалуй, первым пловцом, которому это помогло на самом деле.

Особенно после того, как пришло ему в голову обрить её наголо!..

ГОЛ КАК СОКОЛ!..

В середине восьмидесятых годов прошлого столетия футбольное минское «Динамо» играло довольно хорошо.

Даже в европейские кубки попадало, где вылетало далеко не сразу.

И вот играло «Динамо» на кубок «УЕФА» с лиссабонским «Спортингом».

И первый матч в гостях проиграло со счётом 0:2.
А дома с тем же счётом выиграло.
Причём оба гола забил полузащитник Сокол.
В общем, дошло дело до серии пенальти, призванной
определить победителя пары.

И первым у «Динамо» бил Сокол.

Виктор.

Победитель то есть...

И третий свой гол забил.

И остальные четверо динамовцев тоже забили.

Португальцы же разок сплеховали.

Это я к тому, что, если бы отчёт о матче в «Советский спорт» писал бы я, то с полным правом озаглавил бы его:
«Гол как Сокол!..»

НОВЫЙ ГОД С ЧАРОДЕЕМ...

Федеральный Научно-Методический Центр имени академика Л.В.Занкова не первый год подряд проводит свои корпоративные вечеринки, посвящённые (упреждающей) встрече Нового Года, исключительно в Пресс-баре ТАСС.

Вернее, в тамошнем небольшом дальнем банкетном зальчике.

И меня на эти ежегодные мероприятия Света Яковлева – руководитель занковского Центра – регулярно приглашает.

И я обычно хожу...

Так вот – прихожу я на очередную встречу и вижу: в зале – проходом сквозь который – попадание в банкетный зальчик осуществляется – мой одноклассник-журналист со товарищи сидит.

То ли это он меня видит – проходящего – и окликает...

Словом, выясняется, что одноклассник мой – как раз – в этом здании нынче трудится.

Только несколькими этажами выше.

А сюда в бар – пообедать спустился...

Ну и говорит одноклассник: – Позвони через пару часов – опять спущусь, тебя заберу, пообщаемся...

И я звоню.

И он спускается.

Как по мановению волшебной палочки – вдруг – откуда ни возьмись – оказываясь в уголке нашего уютного банкетного зальчика.

Между подготовленными Светой пакетами с новогодними подарками и неуклонно пребывающей сумочно-портфельной грудой.

Минуя ту дверь, сквозь кою все другие сюда просачиваются...

Впрочем, никто (кроме меня) этой фантастической детали не замечает, ибо весь народ веселится и ликует...

К тому же народ, безусловно, не в курсе, что фамилия моего одноклассника Чародеев.

А когда он к нам пришёл (дело было в седьмом классе) – я сначала вообще услышал: Чародей...

Я реагирую на призывные взмахи Гены Чародеева, прощаюсь со знакомыми занковцами – и пробираюсь к однокласснику.

После чего мы успешно – в четыре ноги – перешагиваем окрестную пакетно-сумочно-портфельную грудку.

Лишь для того, чтобы очутиться перед обычной потайной дверью.

Она открывается, ведя к лифту, на котором можно доехать до «Эха планеты» – еженедельника, где известный журналист-международник Геннадий Чародеев нынче работает замом главного...

Назад – спустя ещё пару часов – я возвращаюсь проторённым Геней путём – и неожиданно – моё псевдофантастическое появление встречается аплодисментами слегка поредевших занковских рядов.

Я раскланиваюсь – и покидаю банкетный зальчик.

Через общедоступную дверь, примыкающую к тому залу, где почти каждый день обедает мой одноклассник Чародеев.

Меня провожают аплодисментами...

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ...

Юрист Международного Литфонда – обаятельная и остроумная москвичка Мира Абрамовна – наша с Арсюшей неоднократная соседка по столику в доме творчества писателей «Перedelкинно» – жила на улице Усиевича.

В том самом здании, где располагается Литфонд.

– Я езжу на работу и домой одним и тем же персональным общественным транспортом! – с абсолютно серьёзным видом декларировала Мира Абрамовна.

После чего брала паузу.

– На чём! – жаждал полной ясности народ.

– На лифте! – неторопливо уточняла Мира Абрамовна.

ЗАПИСКА

Мы тогда временно жили у Бабушки, на Большой Пионерской.

Потому что на Беговой жить с маленьким ребёнком было не слишком удобно, ибо горячая вода в квартире отсутствовала.

Это – наша газовая колонка категорически не желала зажигаться из-за слишком слабенького напора воды...

Одиночные слесари и бригады, периодически вызываемые мной, приезжавшим специально ради решения, растянувшейся на долгие месяцы проблемы, или совмещавшим свои приезды с ночёвками накануне рабочих дежурств: я тогда сутки через трое охранял ворота Стадиона Юных Пионеров – демонстрировали перманентное мужское бессилье...

(Замечу в скобках, что вернуть горячую воду квартире удалось лишь после того, как я, наконец, принял рационализаторское предложение некоего очередного слесаря – Васи Фомина – о тройной оплате его среднеквалифицированного труда...).

Так вот, в течение пары лет на Беговую я только наезжал, а жили мы в районе Павелецкой.

Но в тот день, о котором речь, на Беговой находилась жена, приехавшая сюда накануне,

Чтобы в спокойной обстановке, без годовалого ребёнка под боком, написать то ли какую-то творческую контрольную для института, то ли какую-то подённую рецензию для заработка...

Приехала поработать.

Однако почувствовала себя заболевшей.

Даже температура поднялась чуть ли не до тридцати девяти с хвостиком...

Сие случилось накануне.

А узнал я это по телефону, позвонив жене на Беговую вечером, близким к позднему.

Утром следующего дня я решил справиться о женском самочувствии, снова позвонив ей по городскому, ведь до эры мобильных было ещё далеко...

Жена к телефону не подошла.

Впрочем, правильнее сказать: не подняла трубку...

Через какое-то время я позвонил опять.

И опять ответа не последовало.

Позвонил вновь – то же самое...

Тут я уже всполошился: вдруг там что-то не так?

Всё-таки у человека накануне температура за 39 градусов зашкаливала...

Бабушку же тревожить своими сомнениями не посчитал возможным.

А лихорадочно собравшись, отправился на прогулку с сыном.

И коляску прогулочную прихватил.

Чтобы, значит, быстрее...

В общем, рванули мы вдвоём на Беговую – аж минут за сорок до дому добрались!

Посредством бега с коляской и метро...

Дверь квартирную открываю – а там, в квартире – никого.

(Как телефонно выяснилось часа через полтора – к обеду: жене утром сделалось значительно лучше – и она просветлённо отправилась в универмаг торговой фирмы «Весна» – слегка поглазеть, дабы окончательно развеяться...).

Короче, никого живого в квартире.

Окромя свеженьких черновых листочков – на письменном столе.

Взял я один – и – с обратной пустой его стороны – отнюдь – не «Хорошая девочка Лида», – в отчаяньи написал.

«Кира! Какая же ты дура!..» – гласил текст моей (оставленной поверх черновиков) выстраданной записки...

«БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО»

Мамы уже тогда не было.

А Папа – как раз – готовился к своему сорокалетию.

В том смысле, что стремительно к нему приближался.

И собирался на деньрожденную дату, кратную десяти, получить в подарок патефонную пластинку «Брызги шампанского».

От Маминой Одноклассницы.

Та ему двадцать два, что ли, года назад пообещала.

Именно в этот день...

Папа считал, что за пластинкой в гости к Маминой Однокласснице должен отправиться я.

Потому как ему самому, миром признанному сорокалетнему кандидату технических наук, делать это вроде как недостаточно ловко...

Не то, что мне – ученику десятого класса «А» очень средней (по мнению Папы) школы.

Мне, которому тогда было почти столько же, сколько было Папе, когда раритетные «Брызги шампанского» были обещаны Маминой Одноклассницей ему в подарок.

Короче, именно в день Папиного сорокалетия (между прочим, накануне, предстоящего мне первого выпускного экзамена) от меня (Папой) требовалось нанести неофициальный дружеский визит Маминой Однокласснице, дабы, улыбнувшись по-хорошему, забрать у неё обещанную пластинку...

Автоматически мой доблестный грядущий поход (исходя из Папиной логики) приравнивался к моему же по-сильному душевно-безденежному вкладу в таким образом становящимся коллективным подарком для именинника Папы...

Но получилось длиннее.

Потому что за пять дней до Папиного дня рождения я угодил в инфекционную больницу на улицу Соколиной горы, с неизвестной болезнью.

Впрочем, уже через пару дней у меня диагностировали банальную краснуху, позволившую мне (героическими усилиями Бабушки с Дедушкой) откосить от сдачи всех (!) выпускных экзаменов.

Однако не от строго запрограммированного Папой целенаправленного посещения Маминой Одноклассницы.

Тем более, что обрести «Брызги шампанского» теперь мне надлежало уже в день сорокалетия Маминой Одноклассницы.

У неё на дому.

Куда меня никто не звал.

И куда, скрепя сердце, я отправился через несколько дней после возвращения из больницы, в которой провёл недели полторы.

Я уже был незаразным, что развязывало Папе руки.

И – привязывало к моим ногам гири...

Папина сценарная разработка подразумевала, что идти за пластинкой мне следовало без предварительного теле-

фонного звонка, к половине восьмого вечера, с праздничным букетом.

Правильнее сказать, ехать.

Поскольку Мамина Одноклассница – замужняя женщина с (четырнадцатилетним) ребёнком – уже давным-давно жила совсем не там, где раньше...

Мне планомерно предписывалось дальше передней в квартире не углубляться, сосредоточившись на кратковременном вручении цветов и как бы обменном получении пластинки...

Я и не углубился.

Напротив, практически моментально ретировался.

Ибо цветы предельно растерявшейся имениннице вручил, а «Брызг шампанского» от неё взамен ожидаемо (для меня) не последовало.

Находиться же в дурацком положении длительное время было бы ещё глупее...

КОШКА ЛАПА

Лапа.

Таково было прозвище кошки.

То ли – потому что Лапушка – слишком длинно.

То ли – оттого что лапа – характернейшая деталь каждой кошки.

Кто знает...

Но кошкино прозвище очень скоро полностью себя оправдало.

Когда Лапа в отсутствии на кухне людей, научилась – всякий раз! – мастерски сдвигать лапой крышку с большой кастрюли мясного супа, чтобы вытащить оттуда варёное мясо.

В результате чего мясо – моментально – съедалось Лапой.

Суп же – несколько отставлено – выливался в унитаз.

Ибо скисал от соприкосновения с Лапиной лапой...

А холодильников у людей в квартирах – ещё не водилось.
Вот люди и решили с рецидивисткой Лапой распрощаться по-взрослому.

Засунули силком в хозяйственную сумку – и отвезли куда подальше.

На конечную трамвайную остановку.

Круг.

Так это называлось.

Что было потом? – спрОсите.

Может, кто и ответит.

Кто знает...

ЗИМНЕЕ УТРО

Нашему сыну Арсюше было едва за два (извините за рифму...).

А его родная бабушка-прозаик, у которой он оказался в двухдневных гостях, уже не в первый раз читала внуку стихи Пушкина.

Особенно полюбилось обеим сторонам «Зимнее утро», которое малыш, ещё месяц назад с выражением исполнил наизусть на своём двухлетии.

Несколько озадачив родителей...

И вот, зимним утром вторых суток пребывания в гостях у бабушки-прозаика, Арсений довольно предсказуемо возник на бабушкином диване.

– Кто это ко мне прилез? – как бы удивляясь свершившейся неожиданности, всплеснула руками бабушка

– Друг ПРИЛЕЗНЫЙ! – лукаво ответил будущий возрастной психолог и владелец собачьего питомника «Пляски Кали-Юги»...

КИТАЙСКАЯ ВАЗА И НЭЦКЭ

Когда в безденежные девяностые мы сидели на бобах (в действительности – на хлебе, гречневой каше и самой

дешёвой картошке) – я вдруг вспомнил про китайскую вазу и нэцкэ.

Вернее, это Бабушка вспомнила.

И спросила меня:

– Как они там поживают?..

Строго говоря, ваза и с десяток нэцкэ были Бабушкины и Дедушкины: им их в начале шестидесятых привезли (из Китая) дальние Бабушкины родственники по фамилии Исаевы.

Потом Дедушке дали однокомнатную квартиру (в том доме, где обитал изобретатель машины времени из гайдаевского фильма «Иван Васильевич меняет профессию») – и Бабушка с Дедушкой вдвоём туда переехали.

А ваза с кучкой нэцкэ остались на Беговой.

То ли в качестве подарка Маме, то ли в виду малых габаритов нового Бабушкиного с Дедушкой жилища...

Сначала ваза и вся команда нэцкэ (за исключением одной фигурки, которую я был вынужден авансом подарить запавшему на неё и здорово помогшему мне потом с гонорарными справками для вступления в профком литераторов Гене Глухову) довольно длительный срок простояли у меня, то есть в Маленькой Комнате.

После чего – по моей инициативе и просьбе временно перекочевали в Большую, к Папе.

В силу какой причины?

Похоже, ответ на этот вопрос уже не имеет значения.

Да и вряд ли когда-нибудь материализуется, ибо запятывал...

Итак, Бабушка спросила меня:

– Как там поживают китайская ваза и нэцкэ?

Хотя она спросила несколько иначе, ведь слово «нэцкэ» я от неё никогда не слышал.

– Посмотрю! – сказал я Бабушке.

И посмотрел, когда приехал на Беговую.

И убедился, что ни китайской вазы, ни китайских же нэцкэ в квартире не наблюдается.

Немного поколебавшись и чуть заикаясь от неловкости, я поинтересовался у Папы о судьбе китайской вазы?

Сперва Папа продолжительно помолчал.

Чтобы всё-таки медленно, почти по слогам из себя выдать:

– Ты знаешь, я её случайно уронил – и она разбилась

– А – осколки?

– Завернул в рекламную газету и вынес на помойку! – гораздо более уверенным тоном провозгласил как-то резко повеселевший Папа.

– А – фигурки, у тебя стоявшие – где они?

– Какие фигурки?

– Китайские.

Папа опять замолчал.

На этот раз капитально...

Впрочем, я тоже был хорош.

В смысле, совсем наоборот.

Когда из Папиного персонального казана ещё в конце восьмидесятых без спросу таскал его чебуреки.

Когда, в своё время (с двадцати трёх до двадцати шести), высокомерно уйдя на вольные хлеба, за стол и дом не платил ничегошеньки...

– Как там поживают китайская ваза и фигурки старых мудрецов? – спросила при встрече Бабушка.

– Не знаю. Я их не встретил! – честно ответил я...

АНЕКТОДИЧЕСКАЯ ИСТОРИЙКА

Будучи в позднем юношестве, я почему-то считал, что все советские анекдоты сочиняют остроумные одесские евреи.

Которые специально для этого собираются в общественном туалете на Дерибасовской улице.

Но когда, в лето московской Олимпиады, я со товарищи впервые добрался до черноморской Одессы – города, откуда родом оба моих дедушки-москвича, пришлось вы-

шеназванную собственную версию признать абсолютно ошибочной.

Ибо не было на Дерибасовской ни одного общественного туалета...

МЕТРОВСКИЕ УКАЗАТЕЛИ...

Вышел человек из поезда метро.

На станции «Террористская»...

А дальше куда ему – пока что не в курсе.

Вот тогда очень пригодятся, имеющиеся в центре зала указатели.

Со стрелочками.

Нужное всем и каждому направление предписывающими.

Стрелочка направо – выход к больнице.

Стрелочка налево – вынос на кладбище...

Стрелочка вверх – выход в астрал!..

ПОЗЫВНЫЕ «МАЯКА»...

Дедушка кому-то рассказывал.

Я же рядом крутился.

Поэтому и в курсе оказался.

Для круглосуточной информационно-музыкальной радиостанции «Маяк», начавшей своё вещание на Союз в середине шестидесятых, долго придумывали узнаваемые народом позывные.

Придумали (вроде бы сам Дедушка и придумал), взяв за основу музыкальную фразу из уже вошедшей в моду песни «Подмосковные вечера».

Музыкальная фраза композитора Соловьёва-Седого соответствовала стихотворной строчке «Не слышны в саду даже шорохи» поэта Матусовского и, предворяя новостные выпуски, мелодично звучала каждые полчаса.

Это – как раз – и не понравилось Дедушке.

Что позывные, звучащие в половину (любого) неотличимы от позывных, звучащих во время, кратное одному (целому)...

И тогда Дедушку осенило!

Нужно чтобы в половине (любого) мелодично звучала музыкальная фраза композитора Соловьёва-Седого, соответствующая другой, следующей за ней стихотворной строчке поэта Матусовского.

А именно: строчке «Всё здесь замерло до утра»!..

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...

Судья:

– В заключение слово предоставляется самому обвиняемому.

Обвиняемый:

– Спасибо!..

ТАМАДА

Со школьных времён закрепились за мной милая мне тогда роль подручного весельчака.

Неисчерпаемого остроумца-разговорника.

Поэтому, когда мы собираемся школьной компанией, мне автоматически-привычно отдают застольные бразды правления.

То есть налагают на меня функцию столоначальника.

Иначе тамады.

А я годов с двадцати двух к подобного рода вещам охладел абсолютно.

Потерял всяческий интерес.

И сказать мне людям, находясь во главе стола, просто нечего.

Разве что пришедшее мне в душу и в голову пару лет назад:

– Всего самого Нужного!..

ПЕРЕД МИКРОФОНОМ И КИНОКАМЕРОЙ

К разговорному жанру я охладел, когда мне было чуть за двадцать.

Стал чураться любого рода публичности.

Всячески уворачивался от выступлений, речей и творческих встреч.

Да так ловко в течение почти трёх десятилетий насобачился это делать, что практически разучился разговаривать.

Перед микрофоном и кинокамерой, по крайней мере...

А тут из моей идеи «Дом музей собирает друзей!» возник Фестиваль детской литературы имени Корнея Чуковского.

С таким количеством каждодневных внутренних и внешних сложностей, что проблема того, как следует вести себя перед микрофоном или кинокамерой председателя оргкомитета Фестиваля отпала сама собой.

Я просто подходил к микрофону или кинокамере и говорил.

То, что я должен был сказать.

И чего, кроме меня, никто бы сказать не смог...

САША БЛЮМИН

Он раз и навсегда поразил меня умением попасть в нужное ему место.

А заодно гарантированно провести туда всех, кто находит с ним во временной связке.

Скажем, именно благодаря этому его дару, оказавшись в Ленинграде конца семидесятых, мы (человек около десяти) очутились и в тамошнем Музее-квартире А.С. Пушкина на Мойке, 12.

Придя туда в санитарный день...

Он мог попасть не только в нужное ему место, но и на нужное место – тоже.

Скажем, купить дефицитный транспортный билет.
Хоть за двадцать минут до отправления или конца регистрации.

И не один билет, если надо.

Столько, сколько требовалось нам, сиротливо приблудившимся к нему...

Ещё раз он меня поразил, когда мне пришло в голову поинтересоваться цифрами его веса.

– От шестидесяти восьми до девяносто двух.. Причём всегда со стороны выгляжу одинаково. И сам изнутри одинаково себя ощущаю...

Отвечая, он и не думал шутить.

Умер же он, врач по профессии, лет тридцати, играя в большой теннис...

С ПОВЯЗКОЙ ДРУЖИННИКА...

Приладить к рукаву красную повязку дружинника – и – внедряться.

Куда угодно...

В конце семидесятых это был поистине беспроегрешный способ.

Я, скажем, только так мог пройти на Московский международный кинофестиваль.

В лужниковский Дворец Спорта.

Импортные фильмы посмотреть...

В ПАРНОЙ...

Мне кажется, торт здесь неуместен...

ПРИВОКЗАЛЬНЫЙ КИОСК

Этот вокзальный газетно-журнальный киоск на выходе из метро «Белорусская» вряд ли мог бы меня чем-либо заинтересовать.

Если б не его безумное аббревиатурное название.
Которое сразу же захотелось расшифровать.
Естественно, по-своему.
Впрочем, после благополучной расшифровки, всякий
раз проходя мимо киоска, никакого интереса к нему я уже
больше не испытывал.

Хотя на итоговый стишок себя отставленно сподвиг:

Здесь, под небом по-московски,
Где полным-полно былого,
Близ вокзала
На киоске
Гуттаперчевое слово
Ты прочтёшь без интереса,
Лишь глазами пробегая –
ЖЕЛДОРПРЕСС.
Что значит:
Пресса,
Жёлтая и дорогая...

ЧЁРНЫЙ НАЛ, ИЛИ КОТ В МЕШКЕ...

У Иры Горюновой есть кошка.
Огромная чёрная.
Которую хозяева зовут на манер канарейки.
Кеша.
Если я правильно Иру понял: когда кошку, ещё малым
котёнком в бандитские девяностые покупали, думали, что
приобретают будущего кота.
Будущего чёрного кота.
На Птичьем рынке.
За наличные.
Без чека..
Вот вам и Кэш.
Он же Чёрный Нал..

Кеша то есть.
Кошка.
Она, между прочим, с каждым годом лишь разрастается...

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ...

Своими глазами видел и своими ушами слышал, как по телевизору, где-то в середине девяностых, собиратель чужих оговорок Михаил Осокин оговорился сам.

В прямом эфире информационной программы, которую вёл.

– Президент России Борис Николаевич Ельцман, – произнёс Осокин.

И – на мгновение – оторопел.

После чего – то ли хмыкнул, то ли прыснул.

А следом продолжил новостной выпуск...

ОМОФОН...

В ноябре 1974-го тогдашний президент США Джеральд Форд прилетел в Советский Союз на встречу с Брежневым.

Причем не в Москву, а во Владивосток.

Где стоял жутчайший мороз.

Однако сутоловато-узковатый Форд вышел из самолёта легко одетым и без шапки.

Это хорошо было заметно по нашему чёрно-белому телевизору...

– Холодно же! Аж сгибается весь! – жалостливо проговорил я, имея в виду морозонеустойчивого Форда.

– Ничего! Лёня ему сейчас даст по паху – и он мигом распрямится! – жёстко ответил Папа.

Зачем же так бесчеловечно! – пронеслось у меня в мозгу – но тут я увидел, что наш генсек радушно протягивает американскому президенту каракулеву полковничью папаху....

МОСКОВСКОЕ ЗЕМЛЕТРЕСЕНИЕ

– Что это такое было?– безадресно спросил Папа, когда по нашей кухне вдруг, слегка подпрыгивая, проехали стулья и табуретки.

– Завтра советскому народу сообщат, что в Москве имело место скромненькое землетрясение! – весело сказал я в ответ.

И не ошибся.

Действительно сообщили.

Невзирая на то, что на дворе (и на улице) стоял (и причудливо двигался) год 1977...

КНИГА – ЛУЧШИЙ ПОДАРОК!..

Хорошая книга в пресловутые застойные времена ценилась вдвойне.

Видимо, поэтому и стоила по двойному номиналу.

В газетном киоске напротив моего дома.

Со слов как бы интеллигентного очкастого киоскёра Коли...

У него я отоваривался в течение нескольких лет – и, помнится, купил Гаршина, Гиляровского, Аверченко, Тэффи...

Причем отнюдь не в одном экземпляре.

Ибо книги тогда играли роль подарочно-взяточной валюты.

Наряду с разнообразными категориями спиртного...

КЕМ ХОЧЕШЬ БЫТЬ?..

Майор – начальник паспортного стола отделения милиции – брезгливо повертел в руках ещё беловато-зеленоватую легковесную метрику, пришедшего за своим первым паспортом очень молодого человека и спросил:

– Кем хочешь быть?

Что удивительно, очень молодой человек прекрасно понял, о чём его спрашивал пожилой советский милиционер.

Речь не шла о том, чтобы стать строителем коммунизма, покорителем Арктики, знатным шахтёром, или космонавтом.

Речь шла совсем о другом.

– Русским! – ответил, с рождения живущий в СССР очень молодой человек.

Метрика ему это позволяла...

ЧЕРЕЗ ПОКОЛЕНИЕ...

С Мамой в одном классе училась Ольга Перовская – вроде бы внучатая племянница знаменитой революционерки Софьи Перовской.

Той, которую постоянно – по гроб жизни – преследовал жандарм по фамилии Мезенцева.

Так вот, Мамина одноклассница вышла замуж за его внука...

КАК ПОСТУПАЛИ МЕДАЛИСТЫ...

Мама окончила школу с золотой медалью.

Папа в тот же год сделал то же самое...

А, значит, чтобы поступить в институт, им надо было лишь успешно пройти собеседование.

И они вместе отправились на хифак МГУ.

И дружно провалились.

Папа потом рассказывал, что ответ на один из вопросов, заданных ему на вступительном собеседовании в главный ВУЗ страны, он узнал на четвёртом курсе своего Полиграфического...

Мама же ретировалась сама.

От стыда, что на какой-то один (другой, гораздо более простой, в рамках школьной программы) вопрос ответить не может.

Экзаменаторы (назовём их так) кричали ей вслед, призывая остаться.

Но Мама была непреклонна...

Вместе с Мамой и Папой собеседование (с тем же успехом) проходила Мамина одноклассница Наташа – серебряная медалистка, дочь поэта Николая Заболоцкого.

Чтобы не расстраивать своим непоступлением родителей, девушки в тот же день отправились на собеседование в иное высшее учебное заведение.

Единственным хоть как-то связанным с химией подобного рода заведением, где в тот же день проходило приёмное собеседование, оказался фармацевтический институт.

Куда девушек – в мгновение ока – с радостью и зачислили...

Но домашние обеих новоиспечённых студентом восприняли свершившийся факт без всякого энтузиазма.

Наоборот.

Ибо понятие о престижности (высшего образования – в том числе) никто не отменял...

В результате – предельно оперативно – был созван Общесемейный Совет, имевший место в Большой Комнате нашей квартиры.

Вроде бы и Николай Алексеевич, вернувшийся уже к 54-му году из отдалённой отсидки, но не обретший ещё законное право проживания в Москве, на нём присутствовал.

Нелегально приехав из Тарусы...

Что не помешало Наташе проявить твёрдость в отстаивании своего права остаться там, куда она была принята с распростёртыми объятиями.

А Мама к аргументам взрослых – всё-таки – прислушалась – и спустя пару дней, после успешно пройденного собеседования, поступила в химико-технологический...

ОДИН РАЗГОВОР С ЛИПКИНЫМ

С Липкиным я разговаривал всего-то один раз.
Дело было в столовой Дома творчества писателей «Переделкино».

В августе 94-го.

– Арсюша – это ведь Ваш мальчик? – спросил меня Семён Израилевич.

– Да, сын, – ответил я.

– Он такой, что мы все его здесь так любим, так любим...

ФИКТИВНЫЕ БРАКИ

В Советском Союзе застойного периода фиктивные браки были в чести.

И – часты.

Как правило – к ним стремились иногородние выпускники ВУЗов.

Чтобы прописочно зацепиться за Москву или Питер, тогдашний Ленинград.

Столичный фиктивный брак начала-середины восьмидесятых стоил 4-5 тысяч рублей.

Очень приличные деньги по тем временам – цена однокомнатного кооператива...

Нельзя сказать, что эта тема совсем обошла меня стороной.

Нет, не обошла.

Дважды пройдясь по касательной.

Когда вопрос денег после моего лихого ухода на вольные хлеба, стал передо мной во весь свой нечеловеческий рост...

Одна кандидатура отпала, потому как уже на первом свидании стало абсолютно ясно, что гипотетический фиктивный брак она была не прочь преобразовать в эффективный.

То есть – в самый, что ни на есть настоящий...

Другая обманная свадьба – с готовящейся к выпуску студенткой вахтанговского училища – тоже сорвалась после единственной нашей встречи.

Это – в силу неведомой мне причины – сыграла назад сведшая нас общая старшая приятельница...

Впрочем, в тот единственный раз, когда я видел девушку на сцене, в генеральной репетиции её дипломного спектакля, а потом провожал до краснокирпичного общежития творческих ВУЗов – запомнился мне навсегда.

Даже – можно сказать – поразил.

Чем?

Фамилией.

Сокурсницы моей несостоявшейся супруги.

Почерпнутой мной из театральной программки.

Голенькая.

Так она звалась...

БАРТЕР

Желе – за бетон!..

В ОДНОМ ФЛАКОНЕ..

На вывеске магазина значится: «Путь к себе».

А на его двери написано: «От себя».

Так вот и живём...

КАК ПОМИРИЛИСЬ
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
С РИММОЙ ФЁДОРОВНОЙ..

Евгений Александрович Евтушенко и Римма Фёдоровна Казакова поссорились, когда Е.А. опубликовал в своей антологии «Строфы века» стихи Риммы Фёдоровны.

Сопроводив их собственными комментариями, не слишком приглянувшимися Р.Ф.

Летом 2006-го года я весьма активно (и продуктивно) содействовал организации вечера, посвящённого 65-ой годовщине Бабьего Яра.

Моя задача заключалась в том, чтобы вечер состоялся именно в ЦДЛ.

А, кроме того, от меня в обязательном порядке требовалось свести главных организаторов и финансистов грядущего мероприятия с легендарным Е.А.

Без участия коего они этот вечер себе не представляли. Я же с Е.А. к тому времени знаком не был.

Даже перedelкинскогo его телефона не знал...

Но Кирилл Ковальджи с Толей Кобенковым мне тут помогли.

Короче, уже вскоре, компактная (авто)мобильная группа, занимающаяся организацией вечера (первый её вариант) оказалась на подмосковной даче кумира шестидесятников.

Включая меня как единственного представителя секретариата Союза писателей Москвы и моего одноклассника журналиста-международника Гену Чародеева.

Сидели мы за продолговатым столом будущего лауреата Государственной Премии России и обсуждали отдельные позиции грядущего действия.

А после того, как довольно успешно обсудили, Е.А. достал холодного шампанского, чтобы мы, соединив усилия, выпили за успех нашего совместного предприятия.

Выпили, кто имел возможность...

И часа полтора ещё просто беседе посвятили.

И вездесущую Р.Ф. вспомнили.

И то, что Е.А. и Р.Ф. находятся в длительной ссоре – тоже.

– Очень хочется помириться! – сказал Е.А. – Всё-таки столько лет по-настоящему дружили...

– А что мешает? – спросил я.

– Риммина бескомпромиссность! – ответил Е.А.

– А если я поговорю с вашей бывшей соратницей о перспективах примирения?

– Боюсь, что она к этому не готова – с большим сомнением покачал седовласой головой мэтр, привычно обла-

чѐнный в одну из так им любимых разноцветных мексиканских рубашек..

После чего Е.А., на плоховато несущих его длинных ногах в безразмерных светлых кроссовках, шаркая, отправился в близлежащий Дом-музей Булата Окуджавы – выступать перед тамошней литературно-бардовской ежесубботней публикой..

Я – в то время оргсекретарь Союза писателей Москвы – частенько разговаривал по телефону с первым секретарѐм СПМ Риммой Казаковой и регулярно бывал у неё дома, где на кухне, по сути, располагалась штаб-квартира Союза.

Вернувшись от Е.А., я позвонил Р.Ф. и сообщил, что Е.А. очень хотел бы с ней помириться.

– А извиниться он готов? – спросила Р.Ф.

– Не знаю! – сказал я, – но помириться готов. Точно.

Р.Ф. выдала какую-то витиеватую колкость в адрес Е.А. – и свою добровольную миссию я посчитал бесславно исчерпанной.

Миновало сколько-то месяцев – то ли полтора, то ли тринадцать с половиной – и мне позвонил мой одноклассник Гена Чародеев, с которым Е.А. теперь был на периодической связи.

– Евтушенко просил тебе передать, что они с Казаковой помирились!

А вскоре и Р.Ф. внутри какого-то нашего дежурного телефонного разговора – между прочим – сообщила мне то же самое.

Уточнив только, что примирение произошло тихо, коротко и светло.

На Блоковском празднике поэзии в Шахматове...

НЕ ИВАН...

Одним из тренеров московского футбольного «Спартака» довольно долго работал украинский специалист Вячеслав Грозный.

А потом – через некоторое время – братья-чеченцы торжественно пригласили Грозного в Грозный, в тамошний «Терек».

На должность тренера главного...

Видимо, посчитав, что с такой фамилией Грозному самое место в Грозном, причём именно в этой должности...

Впрочем, Грозный в Грозном слишком долго не продержался...

НА ПОМИНКАХ

Право первого слова на поминках предоставили Семейному Патриарху – и он (впрочем, это была она) низким голосом прочувствованно одарил собравшийся клан скорбной речью, которую закончил так:

– Давайте помянем нашего дорогого Александра Васильевича! Пусть земля ему будет прахом!..

ОЛЬГИ

Ольг вокруг меня всегда было мало.

Видимо, потому что всегда была одна.

Бабушка.

Баба Оля.

А потом Бабушки – всё-таки – не стало.

Просто истёк срок её земного пребывания...

Мне же – по другим обстоятельствам и примерно в то же время – вынужденно пришлось изменить собственную жизнь.

Единственно для того, чтобы не умереть.

И тут Баба Оля (я ощущаю это именно так) пришла мне на выручку.

Оттуда...

Послав (и по-прежнему продолжая посылать) мне (в помощь) Ольг.

Здесьних.

Очень разных.

Но – абсолютно незаменимых.

Ольг, без присутствия в моей жизни которых, я вряд ли мог бы справиться с тем, что, похоже, обязан сделать...

СВИТЕР НАИЗНАНКУ

Были мы с бухгалтершей в отделении Сбербанка, обслуживающим организации.

И вдруг она говорит:

– А свитер-то у тебя наизнанку одет!

Пойди переодень.

– Куда? – спрашиваю.

– Да вот же – предбанник пустой имеется.

Вышел я в предбанник (который на самом деле – предбанник) – и только свитер снял, как с обеих сторон возникло в нём по шокированной тётке.

Переодел я свитер – назад возвращаюсь.

Смотрит на меня бухгалтерша пристально и спрашивает:

– Свитер-то переодел?

– Угу! – отвечаю по-нехорошему эйфорически.

– Видимо, зря, – заключает она философски, – теперь-то он – точно наизнанку....

ЭСЭМЭСКА ДЛЯ ГЛУХОНЕМОГО

Нужно мне было по делам с глухонемым встретиться.

Накануне вечером прислал я ему эсэмэску с указанием места и времени.

А в ответ – ни гу-гу.

На свой страх и риск поехал я с утра в назначенное место.

К назначенному времени.

И за пару метровских остановок до пункта прибытия получаю я эсэмэс-сообщение от глухонемого.

Вежливое, грамотное, предупредительное.

Мол, там он уже и ждёт меня с нетерпением...

Ну и в знак нахлынувшей благодарности, а также радости, что не зря еду, решил я ответную эсэмэску глухонемому абоненту отослать.

И – мигом отправил.

А уже после встречи, выйдя из метро, вдруг обнаружил: сообщение не отослалось – и – вдобавок – телефон ещё вырубился...

Капитально.

Пришлось в ремонт нести.

Вот они – механизмы здешнего замещения – как работают!

Одним словом: энергетика...

ДОМ С НАСЕКОМЫМИ

При мне к нам в дом, на наш пятый этаж, – залетали, забредали, а также заползали: мухи, осы, пчёлы, шершни, слепни, комары, бабочки, божьи коровки, жуки, пауки, муравьи, тараканы, клопы, вши...

Включая платяную и тополёвую моль.

Возникали ещё птицы, да мышки с кошками.

Опять же – собаки.

Но эти были совсем-совсем из других отрядов...

ПРОПИСАТЕЛЬСКОЕ...

– Эта вещь им целиком от головы написана! – строго сказала Марина Бородицкая про какого-то незнакомого мне писателя.

– Хорошо, что не от хвоста! – миролюбиво ответил я...

ДВОРНИКИ

Теперь у нас другой дворник.

Месяца полтора назад он криво подбежал ко мне одолжить полтораста рублей.

– Дети приезжают! – слёзно объяснил он, – завтра утром точно отдам...

В общем, отдаёт до сих пор.

А зимой он с провинциальной яростью и похмельной ненавистью часами костерил окрестных бомжей, которые в подъездах к батареям припадали...

Это я к тому, что и другие дворники бывают.

Вот был у нас Рустам, например.

За одного перед нынешним.

Баритона в самодеятельности пел.

Литинститут окончил заочно.

Всё это я узнал про него из районной бесплатной газеты.

И даже попросил, как-то встретив, рассказ для журнала «Кольцо А» мне в почтовый ящик опустить...

Рассказ, правда, редколлегии не глянулся, но потом, через несколько лет, когда уже пришёл в мою жизнь персональный компьютер, отдал я Рустаму нашу домашнюю давнишнюю механическую пишмашинку «Эрика».

Тот её с благодарностью принял – и очень бережно снёс в свой дворницкий подвальчик...

МОЛНИЯ

Это было в эпоху тотального советского дефицита.

Уже вполне взрослые, сидели мы у меня дома, в Маленькой Комнате, с моим одноклассником Ромой Скрипкиным.

Сидели – и пластинку фирмы «Мелодия» с песнями Людмилы Гурченко из её телевизионного «Бенефиса» слушали.

Посредством радиолы.

Под отечественную водку, разлитую по коньячным фляжкам.

Настоянную мной на мандариновых корочках.

Беспощадно разодранных пальцами...

Сидели мы так – причём Рома пришёл ко мне в гости впервые лет за двадцать нашего знакомства – общались – и почему-то разговор наш затронул джинсовую тематику.

А мне – как раз – Бабушка (Дедушка к тому времени уже отправился в мир иной) – по моему заказу – привезла из Чехословакии две пары очередных социалистических джинсов.

И на одной из них – моментально – полетела молния...

Вот я об этом эпизоде Роме Скрипкину с пассивной грустью и поведал.

Он же – абсолютно неожиданно для меня – среагировал на мой пассаж весьма активно.

Сказав, что у него есть прекрасная, но ему абсолютно ненужная молния, выпоротая из каких-то фирменных (прочих он, полагаю, никогда не носил) джинсов.

В общем, договорились мы, что Рома при случае мне эту молнию перекинет.

Или я за ней зайду.

Благо жили мы с ним на расстоянии одной трамвайной остановки друг от друга.

Впрочем, пересечься – потом у нас довольно долго не получалось.

Благодаря Романовым усилиям.

Вернее, благодаря их отсутствию...

Однако – через много месяцев – всё-таки – сложилось.

Рома на моей остановке – в урочный час – спешно выскочил из двадцать третьего (чехословацкого!) трамвая – протянул мне обещанное, улыбнулся – и со словами:

– Я был молниеносен! – запрыгнул обратно...

НЕТРАДИЦИОННЫЙ ДРУЖЕСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Солнечным июньским днём я столкнулся на родной улице с моим старинным другом-одноклассником Петром Высоцким.

Пётр, у которого рост, примерно, метр девяносто, крепко схватил меня, ставосьмидесятисантиметрового – и нежно облапив, прижал к собственному большому туловищу.

Причём оба мы были в солнцезащитных очках.

Посредством которых я и предложил Петру осуществить привстречный нетрадиционный дружеский поцелуй.

Пётр согласно кивнул (в том числе, сидящими на носу очками) – и слегка наклонил вниз, доставшуюся ему от рождения голову.

А я – доставшуюся мне – наоборот – слегка задрал.

В результате чего китайские стёкла наших очков одновременно прижались друг к другу.

Что и требовалось показать для реального обозначения нетрадиционного дружеского поцелуя...

ДЯДЯ ГРИША

У всех моих бабушек и дедушек было огромное количество братьев и сестёр.

И многие из них даже были живы...

Однако – жили они далеко-далеко.

За пределами одной седьмой части суши.

Покинув её ещё в двадцатые годы.

Это я про всех братьев и сестёр Другой Бабушки...

Уехавших в капиталистическое далеко.

Причем отбывших туда порционно.

Потому что – наша Родина прошла в этом деле разные этапы...

То – почти спокойно отпуская своих сыновей и дочерей.

То – ревниво не отпуская вовсе.

То – выдворяя в считанные часы...

В общем, Другая Бабушка оказалась единственной из семьи, кто не уехал.

Ибо завела свою...

Знаю, что в советское время, уже в начале семидесятых, Другая Бабушка даже тайно, соблюдая обязательную тогда конспирацию, встречалась с кем-то из бывших здесь – туристическим пролётом – сестёр или братьев.

Вроде бы с одной из сестёр.

В скверике, перед кинотеатром «Россия»...

И сестра подарила Другой Бабушке свою фотокарточку.

Рядом с личным самолётом...

Вдобавок всучив какие-то импортные шмотки.

Вернее, дав доллары, которые (опять же тайно) обменялись потом на чеки, впоследствии успешно отоваренные в магазине «Берёзка»...

А самого младшего брата Другой Бабушки я однажды видел.

Вместе с его старшим сыном Джорджем.

В 89-ом .

У неё в коммуналке.

– Дядя Хрыша! – представился на околонукаинском русском младший брат Другой Бабушки, ещё вполне крепкий мужчина восьмидесяти двух лет от роду, которому я действительно приходился внучатым племянником...

Да и в течение всей оставшейся трёхчасовой общей беседы гуторил дядя Гриша на околонукаинском русском...

В отличие от Джорджа.

Этот изъяснялся лишь посредством американского английского...

Так вот, наконец, историчка про самого младшего брата Другой Бабушки:

В раннем детстве он умудрился сесть на горячий противень.

Пятой точкой.

Много позже, но ещё будучи довольно молодым, оказался дядя Гриша в эмиграции.

С очередной волной.

И длительно не мог воссоединиться с теми своими родственниками, кто попал за границу раньше.

А когда возник на пороге у одной из многочисленных старших сестёр, та всё никак не могла и не хотела признать в нём родного брата.

Тогда весельчак дядя Гриша оголил пятую точку – и тем самым снял все дальнейшие вопросы о собственном происхождении...

ТЕЛЕРАДИОРЕКЛАМА

Ладно бы ты читал, а здесь ты вынужденно слушаешь.

И слышишь, скажем, такое:

– Новое поколение Шариковых (лишь потом выясняется, что дезодорантов...).

Или:

– Дав на четверть (оказывается, что это название крема, который из чего-то состоит...).

ХЛЕБ ИЛИ БЕДА?..

На самом деле – и то, и другое.

Хлеб для всё замечающего (средней румяности) чужого критика.

Беда для тридцатилетнего тогда (сейчас ему, если жив, за шестьдесят) стихотворца, на полном серьёзе озаглавившего свой (дилетантский) опус «Хлеб и лебеда»...

РУКА МОСКВЫ...

Вернее, руки.

Длинные.

Точнее, длинные.

Основатель-то – как-никак – Юрий Долгорукий...

ТОСТЫ

1

Давайте выпьем за!
А те, кто против –
Пусть воздержатся!..

2

Самый лучший тост – «За продажность!»
Очень хорошо подходит применительно к целям и
задачам литературно-издательского производства..

ЧУЖИЕ СТИХИ

Довольно редко бывает, чтобы они мне хоть как-то
нравились.

Почти никогда.

Сие, в том числе, касается и общепризнанной классики.

Практически всю (сознательно-бессознательную)
жизнь я с этим живу, перманентно испытывая перед окру-
жающим миром человеческую неловкость.

Впрочем, посильную..

А – среди (неоднозначно) впечатливших меня за вне-
шние (и внутренние) годы здешнего существования – аж
два четверостишия Папиного одноклассника, если я пра-
вильно помню, Коли Сухова.

Видимо, писанные им в его романтически-прагмати-
ческом отрочестве.

И с выражением читанные мне Папой в моём стар-
шем дошкольничестве:

Кефир полезен для здоровья.

Он укрепляет мышцы ног.

Он сделан из молока коровьего.

Достать его в магазине я никак не мог..

Марик Белорусец – он хороший мальй.
Он побьёт любого! На помощь он придёт!..
Он не такой, как Пономаренко вялый.
И не такой, как Потапов идиот...

ТЕКСТ К ЭПИГРАФУ...

Эпиграф был такой:

– Гренадская волость! –
Светлов написал.
– Тибетская область! –
Юданов сказал...

И это – эпиграф!
Да только к чему?
Заранее выбрав, –
Пока не пойму...

Текста же к нему, этому эпиграфу, какое-то время не было.

Никакого.

Лишь через несколько месяцев, праздно лёжучи после русской парной в импортном шезлонге, вспомнил я про светловско-берковскую «Гренаду».

Которую впервые услышал на уроке пения.

Классе в третьем.

И услышав, остался (навсегда) глубоко поражён светловской (стихотворной) частью.

Вернее, одной тамошней строчкой.

«Отряд не заметил потери бойца».

Я ей ужаснулся.

Однако не решился в ту (давнишнюю) пору об этом сказать.

Никому.

Ни словечка.

А (пионерский) отряд, похоже, ничего не заметил...

ЗДЕСЬ И ТАМ...

У автора знаменитой повести «А зори здесь тихие» Бориса Васильева жену звали Зоря Альбертовна...

Повесть озаглавили так в редакции журнала «Юность», где она была впервые напечатана.

А жену, видимо, – в родительском доме...

Татьяна Витальевна Кузовлева – мать-основательница литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А» очень дружила и с Борисом Львовичем, и с Зорей Альбертовной.

Часто навещая чету, помогая им по хозяйству.

И – кроме того – из номера в номер – печатала на страницах журнала новые вещи мэтра.

Я же довольно много лет проработал под началом дорогой Т.В. кольцовским литсотрудником.

Заодно, будучи в курсе (с её слов), что Зоря Альбертовна человек, обладающий командным голосом...

И вот однажды, в нашем телефонном разговоре, в шутку поинтересовался я у только что вернувшейся от Васильевых Татьяны Витальевны:

– А Зоря там тихая?..

Но главный редактор «Кольца А» шутку мою не подержала...

МОЙ НАЧАЛЬНИК

Был у меня в Службе Слабых Токов Института Физкультуры начальник.

Николай Николаевич.

За глаза окрестный народ именовал его Николаем Нидвораевичем

Хотя – напротив – человек он был активно-предприимчивый – и – многожды – через суд – восстанавливался на

своей руководящей работе, когда его оттуда – в очередной раз – незаконно вышибали...

При нём я получал ставку высшего шестого монтёрского разряда.

Даже не умея толком держать в руках отвёртку....

Зато грамотно слагая письма от имени Службы во всевозможные советские инстанции.

Это была его, Николая Николаевича, идея...

А ещё он – от случая к случаю – говорил.

На полном серьёзе:

Всем сЁстрам –

По сЕрьгам...

И –

Адам Еву

Прижал к дереву!..

ДИВАН

Эту историйку (практически байку) поведал мне Леонид Тёмин за год-другой до московской Олимпиады.

Историйка же вроде как произошла намного раньше – в марте пятьдесят третьего.

Аккурат когда хоронили дорогого товарища Сталина.

Поэт Михаил Рудерман, знаменитый разве что своей «Песней о тачанке», именно в этот знаменательный день наконец получил вожделенный гонорар в каком-то издательстве – и смог купить себе диван.

Тоже давно вожделенный...

А жил Рудерман в центре, неподалёку от Колонного зала Дома Союзов, где москвичи и отдельные гости столицы уже слёзно и травмоопасно прощались с вождём народов.

Причем сквозь доблестные милицейские кордоны оцепления, возникшие за время отсутствия поэта, пускали далеко не всех многочисленных желающих.

В общем, домой с новым диваном автор слов «Песни о тачанке» попасть никак не мог.

Но всё-таки пытался.

В том числе – путём убеждения.

Писатель Рудерман тихим и монотонным голосом (иного у него не имелось) обрабатывал руководителя кордона – бравого капитана советской милиции.

Делал поэт это нижеследующим образом:

– Нет, товарищ капитан,

Я ни капельки не пьян,

Я совсем не хулиган,

Я писатель Рудерман,

Я купил себе диван...

И так далее.

В том же стихотворном размере.

С неизменной точной рифмой к слову «диван»...

Короче, уговорил (в буквальном смысле) пан Рудерман капитана – и тот, махнув рукой, приказал собственным подчинённым пропустить поэта сквозь оцепление.

Естественно, вместе с диваном...

О ЧЁМ И РЕВИЧ!

– О чём и Ревич! – закончил Александр Михайлович свой ветвистый многослойный монолог, по-лоцмански логически-бессознательным выверенным словесным курсом проведя магистральную линию сюжета сквозь все его ответвления – именно в ту самую, единственную конечную точку.

Впрочем – вернее всего – это был восклицательный знак!

Мы с Александром Михайловичем – как раз – добрались, наконец, до нового краснокирпичного райкомовского корпуса переделкинского Дома творчества писателей.

Предприняв, по (простой диагональной) дороге от деревянно-стеклянной столовой, встроенной внутрь ста-

рого корпуса, некоторое количество причудливых изви-
листых маневров, легко растянувшихся на пару чудесных
оазисных прозрачно-тенистых часов нашего общения.

Одного из первых.

Датированного августом тысяча девятьсот девяносто
четвёртого.

Тогда продажа так и невышедшей в полном объёме
пародийно-детективной книжки про мультигероя капитана
Пронина позволила нам с женой отправить перешедшего
во второй класс Арсения на два переделкинских домотвор-
ческих двадцатичетырёхсуточных срока.

Отдыхать.

Вместе с бабушкой-прозаиком.

Ибо ни я, ни Кира членами писательского Союза (а
стало быть – никакого из литфондов) ещё не числились...

Кстати, слегка забегая вперёд того августовского дня,
когда я приехал навестить сына и познакомился с Алексан-
дром Михайловичем, скажу, что Союз писателей Москвы
сам приехал сначала ко мне, а потом и к укатившей из Мос-
квы Кире, благодаря личной инициативе, настойчивости
и последовательности долговечного председателя его При-
ёмной комиссии Ревича.

В этом деле.

Как и во всех других...

Впервые я услышал Ревича, точнее, голос Ревича в
1977-ом.

Несколько искажённым...

Это мой учитель поэт Леонид Тёмин беседовал с Алек-
сандром Михайловичем по телефону.

А я, будучи в гостях у Леонида Самойловича, сидел
вблизи его кровати на стуле...

Буквально через пару недель я чуть было не добрался
до самого Ревича, на 11-ом, по-моему, трамвае, провожая
Тёмину от его Краснобогатырской до района проспекта
Мира, где жил Александр Михайлович.

Дома у Ревича, в их двухкомнатной с Мурой квартир-
ке, я очутился только двадцать лет спустя...

Александр Михайлович очень любил нашего Арсюшу, названного так Кирой – в том числе – и в честь Арсения Тарковского, с которым Ревич ревниво-надёжно дружил долгие годы.

Да и у собственного ревичевского внука – то же говорящее (так много) имя...

Человек (бесплотного) духа, высочайшего смирения и теплящейся гордыни в одном (истинно своём!) лице, яростный спорщик, ниспровергатель авторитетов, лихой смельчак, стихийный подпольный эзотерик, Ревич был в здешней жизни безбрежно бережен и запредельно пристрастен.

Порою – тишайше-нежен, порою – полифонически-полемичен.

– Гумилёв – это для детей! – вещал знатель пароля Ревич, находя во мне отзыв.

Его чуть надтреснутый, неповторимый, родной, всецело узнаваемый голос – вряд ли можно забыть,

И – поэтический.

И – человеческий.

О чём и Ревич!

РАСШИФРОВКА...

Пришло СМС.

От Лёли.

А там: Спс блш!

Я сразу же расшифровал это как Союз Правых Сил Большевиков...

ПО СТАТУСУ...

Лёля Радзивилл – на фоне персонального единовременного букета из мелких, прицепившихся к девушке болячек, чуть преобразовав название произведения Аркадия Гайдара, шутя поименовала себя, слегка задержавшуюся в

этом невесёлом состоянии, словосочетанием «графская развалина».

– Тогда уж – по статусу – княжеская! – безошибочно уточнил я...

ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, БИОЛОГИЯ...

В общем, не Баба Яга, но Деда ЕГЭ...

БОГ ЗНАЕТ ЧТО...

В институте физкультуры научный атеизм преподавала двухметровая старуха по фамилии Поднебеснова...

ПАПЕ

(повторная просьба о взятии)

Отче, на ж!..

В ЗООПАРКЕ

В зоопарке мы вместе с сыном впервые оказались, когда ему только исполнился год и 9 месяцев.

Кучу разных зверей посмотрели,

Нашего ребёнка верхом на пони сфотографировали.

Не мы, родители – а тамошний фотограф, за плату.

В общем, ушли мы оттуда с массой радостных впечатлений и чёрно-белым снимком на память...

А дома ребёнка спрашиваем:

– Кто тебе больше всех в зоопарке понравился?

– Коня, – отвечает, – конь, то есть (зебра, видимо...).

– А на втором месте?

– Поня, – в рифму добавляет, – пони, в смысле.

– А на третьем? – я не унимаюсь.

– Сям, – сам, значит...

Ну что ж, – серьёзный выбор.

Особенно, если сравнить его с многолетней давности моим.

Когда я, будучи на годок постарше, очутился в том же роскошном месте.

Никакой понь (так называл пони Папа) меня не заинтересовал.

Никакой конь – не привлёк.

Как и все прочие звери.

Мне, дошкольнику, активно понравился один представитель класса птичьих.

Воробей называется...

ТАПОЧКИ

– Дай мне мои чёрные тапочки! Я схожу в туалет! – лёжа в больнице с инсультом и еле шевеля языком, неоднократно просил меня Папа.

Мне же – всякий раз – слышалось: белые...

Так оно вскорости и вышло.

КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА?..

Молодая талантливая романистка Юлтан Садыкова, которая родом из Казани, получила от меня в подарок мою книжку «Парикмахеры травы...»

С авторской дарственной надписью, сознательно слегка искажающей памятную советскую цитату...

А вскоре, став героиней бурного личного романа и, возможно, будучи заложницей традиций шариата, молодая талантливая романистка вроде бы вышла замуж за представителя одного маленького, но гордого кавказского народа...

По крайней мере, собиралась это сделать.

Надпись же на книжке про парикмахеров была такая: «Если б я был с Юлтан!..»

NAME...

Со мной в параллельном классе английской спецшколы учился Миша Нехорошев.

Сам себя – абсолютно оправданно с точки зрения собственной метрики – ещё тогда, задолго до появления пресловутого боксёра, тяжеловеса и хулигана Тайсона – окрестивший прозвищем *Bad Mike*.

Теперь же, в эпоху Интернета, *Bed Mike* – вдобавок – и *Nick*...

Name.

Имя.

Такая вот игра слов.

По-английски...

ЗДОРОВЬЯ И УДАЧИ!..

Именно этим, сформулированным лично девизом, я заканчиваю каждое отсылаемое мной электронное письмо.

Вне зависимости оттого, кому оно адресовано.

Абсолютно сознательно, перед собственными инициалами, я с тихим упорством впечатываю одно и то же пожелание.

Всем своим респондентам.

Уже семь лет.

С тех пор, как съехавший в самостоятельную жизнь взрослый сын научил-таки меня пользоваться электронной почтой...

БЕГОВЫЕ ПРОГУЛКИ
С ХУДОЖНИКОМ-ФОТОГРАФОМ
(нелирический пейзаж по мере жизни...)

Их было – как минимум – три – этих Беговых и околобеговых прогулки.

Первая – спустя почти четыре месяца после того, как я перестал штатно сторожить СЮП – Стадион Юных Пи-

онеров – и сделался действительным членом профессионального комитета московских литераторов...

Мы бродили с Володей Юдановым и его фотоаппаратом по Беговым просторам, заручившись вполне конкретной целью: отснять иллюстративный ряд-материал для моей стихотворной книжки «Нелирический пейзаж», которую Вовчик планировал оформить чёрно-белым методом фотографии.

Вернее, впервые мы вкуче вышли на Беговую художественно-документальную фотоохоту, когда – вдруг! – появилась реальная возможность издать другую мою книжку – «По мере жизни».

Впрочем, обе книжки – в результате – так и не вышли, хотя мы с Володей совместно выходили на Беговые тропы ещё не раз.

Однажды даже прихватив с собой будущего трижды шортлистера и единожды лауреата литературной Премии имени Андрея Белого Василия Ломакина, звавшегося тогда во всяком миру Андрюшей Золотухиным...

Наши с Володей Беговые фотомаршруты были размазаны и по местам, и по временам года.

Да и годов – строго говоря – было не один, а – как минимум – полтора...

Причём стартовали мы ровно 24 года назад, в 89-ом.

Из дома 24 по Беговой улице.

Из 89-ой квартиры...

Финишируем же сейчас, когда мудрая восточно-европейская циклическая Змея, чей неотвратимый период обращения составляет строго 12 лет, приползла к нам опять.

Уложившись по дороге в два одинаковых по протяжённости кольца – и – отчасти – возвернув нас нынешних к себе прошлым.

Приползла, дабы эксклюзивно вытащить на поверхность кое-что из того, что 55-летний летний именинник Вовка до поры зарывал в одном из очень долгих своих ящичков...

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ...

Я шёл на июльское 55-летие Вовчика.

Владимира Владилениовича Юданова.

Пешком.

От метро «Киевская».

Перейдя посредством старого грохочущего транспортно-пешеходного моста на другую сторону Москвы...

Шагал вдоль речного берега.

Довольно долго.

В направлении искомой и впереди смутно маячащей Саввиновской набережной.

К нужной мне Галерее Классической Фотографии.

Где никогда не бывал.

Впрочем, адрес мной был запомнен твёрдо: Саввиновская наб, д. 23, стр. 1...

После оставшегося за спиной дома № 21 по выплывшей навстречу и мерно втягивающей в себя именно той набережной, сердце моё благодарно забилося от радостного топографически-биографического узнавания, ибо на фасаде следующего дома я увидел исчерпывающую и подспудно предвкушаемую информацию.

В виде цифр.

Разноцветно-ярких.

Сплошных пятёрок.

Много-много раз.

Причём каждый – ровно по две...

«Силён Вовка! Шоуменище! Человек-праздник! Настоящий отличник!», – с элементами восхищения подумал я и почти расслабленно вбежал внутрь здания.

– Здравствуйте!

Здесь 55-летие моего друга Владимира Юданова! – утвердительно сказал я.

– Вы в этом уверены? – с некоторым сомнением ответно спросили меня.

– Это Саввиновская набережная, дом 23, строение 1? – слегка стреноженно поинтересовался я.

– Нет! – внятно сказали мне.
– А где тут Галерея Классической Фотографии не знаете?
– Не знаем!..

Ещё минут двадцать – взад-вперёд – вдоль гостеприимного московского берега – мотался я в поисках срочно требующегося мне архитектурно-документально-художественного объекта.

Всё-таки нашёл..

А там – «Собрание сочинений» – выставка избранных Вовчиковых фотографий.

И со мной там есть.

И с Беговыми просторами...

И – вдобавок! – сколько-то штучных Вовкиных фотографий оттуда очень скоро любовно лягут на обложку моего собственного собрания сочинений.

Сборника.

Однотомника разножанровой прозы.

Уже легли.

Если вы читаете эти строчки...

ДВА (СОЛНЕЧНЫХ) ЗАТМЕНИЯ

В ночь перед первым из них, солнечным, 31-го мая 1999-го, будучи сознательным адептом кратких поэтических форм, я почувствовал настоятельную обязанность сложить нечто принципиально (для себя) новое.

И за неделю соорудил почти стосемидесятистрочное стихотворение – своего рода пробную мою малую прозу.

Для начала в стихах.

Я так и назвал её – «Затменьё».

А ровно через двенадцать лет, когда на дворе опять огненно махал крыльями Драконий Год и кончался месяц май, явилось в мою жизнь затмение номер два.

Опять-таки солнечное.

Чтобы сообщить, что пришло время взяться за прозу.

Я и взялся.

Ни на день не откладывая...

С ВАСИЛИЕМ ЛОМАКИНЫМ...

(ностальгический цикл)

СЛУЧАЙ В БУЛОЧНОЙ

Этот случай рассказал мне будущий поэт Василий Ломакин.

А тогда – просто мой одноклассник Андрюша Золотухин.

Со слов своего папы.

Якобы очевидца.

Итак, случай.

Посреди дня в столичную булочную по адресу: Беговая улица, дом 13, вошёл некто.

Покупателей в торговом зале, состоящем из хлебного и кондитерского отделов да пары касс, было не очень много.

Очереди в кассы насчитывали от силы человек по пять.

Ещё примерно столько же привычных советских людей стояло в отдельных очередях.

И ещё какое-то количество сновало внутри булочной, определяясь, на что потратить по большей части мелкие, небумажные деньги...

– Расступись, мразь! – видимо, своим голосом заорал вдруг некто, обращаясь ко всем сразу.

Все послушно расступились.

Некто, минуя кассу, степенно подошёл к хлебному отделу и почти вежливо произнёс:

– Батон за 13 и рогалик!

Испуганная продавщица молча протянула ему и то, и другое.

А некто, обращаясь к успевшему наполовину смениться народу, вдруг опять заорал:

– Расступись, мразь!

Все послушно расступились.

После чего некто с батоном за 13 копеек и рогаликом степенно покинул помещение булочной.

Народ же продолжил стояние в очередях.

КОНФОРМИСТ

Представьте себе готовящийся нынче стать олимпийской зимней столицей российский город Сочи.

Только летом.

Тридцатилетней с лишним давности.

Когда он был ещё по-настоящему советским...

Классический курортный денёк.

Точнее, вечерок.

Светлый.

Даже ранний.

Самый центр.

Сюда мы, втроём, вторично исповедующие дикий отдых, и для этого прилетевшие к морю из Москвы, добираться на пригородно-городском автобусе.

С Мамайки – сочинской окраины, где сняли вполне подходящую комнату.

Добираемся, дабы плотно пообедать-поужинать энд легко погулять.

Таков наш каждодневный вечерний маршрут-моцион.

В течение всей декады беспутёвочного августовского студенческого отдыха...

И вот, уже съевшие по шесть чебуреков, бредём мы по платановой аллее.

А может, по кипарисовой.

Молчаливо бредем, благостно.

Растворяясь в празднующейся нескончаемой толпе народной.

И говорит мне вдруг будущий поэт-обсценнист Василий Ломакин:

– Конформист ты, батька!

Давнишний, безнадёжный...

Слабо тебе такому конформному взять да минут на пять прямо туточки прилечь.

Ментов застремась.

Прочий люд застесняешься.

Неудобства себе причинить побоишься.

Сам же приврёшь, что вовсе не себе, а ни в чем не повинным окружающим...

Зуб даю, слабо тебе, батька!

И тут я, действительно весьма социумозависимый, с ходу бухаюсь, практически как подкошенный, на центровые тротуарные плиты.

Спиной.

Поперёк двустороннего движения народных масс.

А для удобства долговременного лежания кладу руки – ладошками вверх – под голову...

Словом, лежу себе – не рыпаюсь.

С закрытыми глазами.

То ли от блаженства, то ли от страха...

Народ через меня перешагивает.

С комментариями и молча.

А я лежу себе.

В гордом одиночестве.

Пару минут.

Пока – справа от меня – ещё одно тело вдруг не плюхается.

Приоткрыв глаза, я предсказуемо констатирую, что тело принадлежит будущему поэту-обсценнисту Василию Ломакину.

А ещё минуту спустя – уже слева от меня – плюхается совсем другое тело.

Не открывая глаз, я с удивлением догадываюсь, что это наш третий: потомственный мидовец и студент МГИМО,

Он же – будущий преуспевающий российский бизнесмен, подстреленный год назад.

К счастью, несмертельно.

В месте своего постоянного проживания.

На острове Кипр...

Впрочем, сейчас – дружной шеренгой – мы лежим вдоль-поперёк тёплого сочинского тротуара, бережно перешагиваемые соотечественниками и соотечественницами.

При свете белого приморского дня.

И – никакой доблестной милиции поблизости не наблюдается.

Это я знаю без ошибки: ведь глаза мои – опять – открыты...

БЕЗ НОЖЕЙ И ПИСТОЛЕТОВ...

Москва.

Киевский вокзал.

Самый конец семидесятых.

Зимней воскресной ночью приспичило нам откушать общепитовских буфетных пельмешков: мне, будущему поэту Василию Ломакину и нашему тогдашнему другу-приятелю, впоследствии подстреленному на Кипре российскому бизнесмену...

Будущий поэт Ломакин имел активную тягу к опрощению, поэтому был стрижен почти наголо и облачён в чёрную телогрейку, подпоясанную бельевой верёвкой...

Вот и привлёк своим неординарным видом внимание людей в сером.

Взяли они его и повели.

В отделение милиции.

Внутривокзальное.

Ну а мы, органами невостребованные, следом потащились.

Как сказали бы теперь – «в качестве группы поддержки».

Пришли по адресу и сидим в милицейском предбаннике.

Вместе с двумя вполне мирно спящими пьяными.

Забранного Ломакина ждём пассивно...

Вдруг один из пьяных проснулся – и ко мне:

– Ты кто?

– Белорусец.

– Нт, эт я Блрусц!

– Я Белорусец!

– Нт, я!

– Ты как Белорусец?

– Тк!

– Как так?

– Прст!

– То есть?

– Ппспрт Блрусц!

– По паспорту Белорусец?

– Блрусц ппспрт, стлиц БССР, грд Мнск...

Тут и будущего поэта Василия Ломакина выпустили.

Пробив по милицейской базе...

Отпущенный сразу же поведал встречающим, что первый вопрос, заданный ему доблестными служителями правопорядка выглядел абсолютно обескураживающе:

– Ножи-пистолеты есть?..

Второй, впрочем, тоже:

– Давно освободился?..

Домой мы возвращались под утро.

На поливальной машине.

Сторговавшись с водилой за полтора рубля...

ЩИТ РОДИНЫ...

Мы проходили мимо щита.

Информационно-демонстрационного.

Вдвоём.

Вместе с будущим поэтом Василием Ломакиным.

И тот смолил свой тогдашний «Беломор».

Почти весь щит занимала красочная афиша.
С ярчайшим заголовком.
Возвещающим о концерте по случаю Дня танкиста.
Концерта с говорящим (за себя) названием:
«Броневой щит Родины!».
Я и попросил у будущего поэта Ломакина его настоящий окуроч.
Которым поставил аккуратненькое пепельное тире.
После первого слова в названии праздничного концерта.
Чтобы название выглядело ещё более говорящим.
И показывающим.
В эпоху Штирлица.
А также Мюллера..

В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ..

– Глотца пивка. Нет, глотца пивца! – мрачно сказал будущий дважды шортлистер престижной премии* Василий Ломакин.
– Это – глотца винца, – грустно поправил я, – а глотка пивка!..

ПОД КОЛПАКОМ..

– Батя! Я под колпаком! – сообщил мне в лихорадочном утреннем телефонном звонке с Ленинградского вокзала, только ступив на отчую землю, вернувшийся из Питера будущий поэт Василий Ломакин
Что означает выражение «под колпаком» с некоторых пор мне было хорошо известно...
Ибо, являясь частью многомиллионного советского народа, лиозновские «Семнадцать мгновений весны» я смотрел.

* Уже – трижды и единожды лауреат...

И даже семёновские читал...

– Короче, у меня на хвосте топтуны! Резко прекращаем контакты на неопределённое время! – закончил свой краткий спич сиплоголосой скороговорочкой звонарь – и дал акцентированный отбой...

Уже опосля, когда это «неопределённое время» всё же закончилось, будущий Василий поведал мне кое-какие подробности, к настоящему моменту моей памятью, по большей части, утраченные.

Помню лишь, что, возникнув во второй раз за месяц в Питере (в первый – мы ездили с ним вместе) – мой свободлюбивый друг решил заглянуть в знаменитое кафе, где ежедневно тусовались и «забивали стрелки» неформалы всяческих жанров и калибров.

С некоторыми из них будущий Ломакин был шапочным знаком, ибо такую возможность наша предыдущая поездка, благодаря маргинальной активности будущего многгажды шортлистера, предоставила...

Меня тоже вяло с кем-то знакомили, но, кроме вертляво-двуполого мелкого беса Арчибалда и фактурной крупнотелой девушки в тельняшке по имени (или кличке?) Андриша моё восприятие в себя никого не приняло...

Да, маячил ещё маргинальный поэт Сергей Олифир, по словам предЛомакина, писавший намного лучше (или – круче?) меня...

Имея какое-то среднестатистическое официальное название, кафе между своими проходило как «Сайгон» и располагалось почти в самом центре Невского проспекта.

Что до второго приезда предВасилия, то гость прибыл в город на Неве и зашёл в тамошний «Сайгон», аккурат, днём, когда на периферийной Ленинградщине приняла свой ретивый старт предолимпийская кампания по тотальному освобождению двух российских столиц от социально чуждых им человеческих элементов...

Вот моего сотоварища – возможного агента московских сфер влияния – и взяли под пролонгированный колпак.

Почти открыто и абсолютно бессмысленно паяс в течение месяцев.

За полгода мы с бывшим соседом по парте раза три – нос к носу – столкнулись на нашей родной Беговой.

Но, не моргнувши глазом и, естественно, не поздоровавшись, глуповато-гордо проследовали один мимо другого...

А потом бдительным органам держать моего кореша под колпаком, видимо, надоело.

Будущий поэт это почувствовал ближе к олимпийскому лету – и – взяв для верности двухнедельную сверхмхатовскую паузу – прорезался телефонным звонком...

ЗА САЛОМ В ТАПОЧКАХ

Будущий поэт Василий Ломакин, вознамерившись купить сала, с эскортом в лице меня, Вовки Юданова и Кости Уварова отправился в ближайший гастроном у Ваганьковского моста.

Рвановатые тапочки на босу ногу, имевшие место в качестве его уличной обуви, будущего трижды шортлистера и единожды лауреата престижной премии, уже слегка принявшего на грудь, нисколько не смутили.

В отличие от нас.

Рефлекторно пытающихся его хоть как-то прикрыть и оттенить...

Ведь на дворе настороженно стояло олимпийское лето восьмидесятого.

Сопровождаемое дополнительным неровным дыханием карательных структур в сторону эстетически чуждых им элементов.

Значительное количество которых безжалостно изымалось из города-героя на время Олимпиады и её окрестностей, машинально убираясь за различные типы решёток, автоматически высылаясь за сто первый (или двести второй) километр...

Впрочем, олимпийское лето сулило и подобие изобилия в столичных магазинах.

И промтоварных, и продуктовых.

Наверное, поэтому нашему другу пришла в голову идея разжиться в ближайшем от его дома гастрономе отечественным салом.

Тут, однако, возник привычный отечественный облом.

Сало в гастрономе ожидаемо для нас отсутствовало.

Тогда будущий Василий Ломакин, несмотря ни на кого и ни на что, принял единоличное решение отправиться за салом в другой гастроном, ближе к центру.

Рассудив, что в центральном-то гастрономе продажное отечественное сало отыщется наверняка.

Любезно выброшенное на прилавок..

Ближайший центральный гастроном находился в знаменитом высотном здании на площади Восстания.

Куда надо было ехать.

Сначала на троллейбусе.

А следом – ещё две остановки на метро.

Вот мы вчетвером и поехали.

Ежеминутно рискуя быть остановленными доблестной московской милицией.

И не только – московской.

Ведь в столицу нашей родины согнали служителей правопорядка со всего СССР.

Скажем, вблизи института физкультуры базировался полк тбилисской милиции..

Но – ближе к салу!

Невзирая на перманентно соскакивающие с босых ступней нашего друга потрёпанные домашней жизнью тапочки, мы все благополучно добрались до высотного здания, где – будущий поэт был абсолютно прав – продавалось отечественное сало.

К тому же – очень недорогое (дешевле мяса) и без всякой очереди.

По дороге назад – о чудо из чудес! – к нам тоже никто (облечённый какой-либо властью) не приткнулся.

Уже через час мы сидели на Беговой, пили русскую водку и закусывали её русским (или украинским?) салом.

АЭРОВОКЗАЛ НОЧЬЮ

На аэровокзал ночью обычно приезжали в машинах или в рейсовых маршрутных «Икарусах».

А то ещё посредством неторопливо движущихся гуськом бесконечных трамваев, почти до половины третьего еженощно возвращающихся за Ваганьковский мост, в родное депо.

Мы же с будущим Василием Ломакиным приходили пешком.

Довольно регулярно добредая прогулочным шагом с нашей относительно близкой Беговой.

И всякий раз, когда на подходе к традиционной цели из тьмы возникал уродливый ленинский барельеф, – будущий Василий Ломакин со словами: – У, голова петушья! – смачно харкал в его сторону.

На манер Афанасия Фета, никогда не упускавшего случая, очутившись вблизи московского императорского университета, чувственно плюнуть в его направлении...

На аэровокзал ночью мы приходили поесть хот-догов и гамбургеров.

Хотя никаких хот-догов и гамбургеров тогда не было.

Вернее, конечно, были.

Но только не в СССР конца семидесятых – начала восьмидесятых...

Просто на московском центральном аэровокзале круглосуточно работал буфет, где продавались котлеты и сосиски.

С бесплатным к ним кетчупом в придачу.

– Горячие, собаки! – шутили мы, если сосиски вдруг действительно оказывались горячими...

Ночная аэровокзальная жизнь, в отличие от дневной, текла много тише.

Народ, по большей части, сидел.
В не очень-то приспособленных для этого хлипких узковатых креслицах.
И все были заняты.
Народ сном.
А кресла народом...
Помню, как-то, примерно в те же годы, случилось мне вместе с моей (да и ломакинской) одноклассницей коротать несколько ночных часов здесь.
Свободных посадочных мест найти не представлялось возможным.
Но я – всё-таки – отыскал.
На самой верхотуре огромнейшей, под потолок, стремянки.
Там, на её деревянной рабочей площадочке, мы и примостились, и уместились.
Плечо к плечу.
Моя спутница даже успела немного поспать на моём...
Пока дежурный милиционер лениво ни потребовал спуститься.
Вернув с небес на землю...
Помню, здесь же, на аэровокзале, через несколько лет, покупал я по её просьбе и на её свадьбу два торта «Чародейка».
Их в ограниченном количестве завозили каждое утро.
И с восьми пускали в торговлю.
Дефицита хватало часа на полтора...
Поэтому, чтобы разжиться «Чародейкой», следовало занять очередь заранее.
Я (со своей Беговой) пришёл в половине первого.
Записавшись в уже лежавший на прилавке типичный советский список.
Под фамилией Чуп-Чупеев.
Четвёртым...
Бессмысленно слоняясь по трём этажам (считая цокольный), я опасался, что два торта в одни руки мне могут не дать.
Слава Богу, дали...

ДВЕ ПОЕЗДКИ В ЛЕНИНГРАД

В 81-ом году у меня образовалась первая журнальная поэтическая публикация.

Два стихотворения в «Литературной учёбе».

Оставшиеся абсолютно незамеченными.

Но года через три я вдруг получил письмо.

На домашний адрес.

В конверте весьма диковатой внешности.

С неправильным индексом...

А там, внутри – отзыв на мою подборочку.

От незнакомого ленинградского человека.

Вроде как выделившего меня из толпы (подборка была коллективной...).

Я на письмо ответил – и возникла вяловатая переписка.

Причем письма из Ленинграда всё время приходили в каких-то ужасающего вида конвертах.

Часто с подчищенными бритвой местами...

Однако по содержанию были интеллигентными и умными.

Ленинградский человек увлекался теориями и практиками Юрия Лотмана – и – как следствие – сам занимался анализом бинарных оппозиций в литературном творчестве.

Мои стихи ему в этом деле вроде бы очень даже помогали.

Что несколько не мешало мне предполагать за человеком активную его принадлежность к соответствующим компетентным органам...

В одном из писем мой питерский респондент даже пригласил меня в гости.

А тут – как раз – будущий Василий Ломакин в город на Неве собрался.

Прошвырнуться.

Вот мы и решили совместить приятное с полезным.

Будущий поэт должен был заглянуть домой к ленинградскому человеку, дабы передать от меня привет и письмо-веро-верительную грамоту.

В процессе общения – на глаз определить возможность и степень связи ленинградского человека с компетентными органами.

Ну и если получится – у него переночевать.

Ибо иначе пришлось бы на Московском вокзале.

Или в подъезде...

Накануне поездки в Ленинград, кроме письма, пред-Василий взял (у меня) подаренную (им) на день моего рождения нашу любимую книжку прозаика-ленинградца Валерия Попова «Две поездки в Москву».

Дорогой перечитать...

В результате пред-Ломакин наши любимые «Две поездки в Москву» – галантно – прямо с порога – подарочно преподнёс ленинградскому человеку и его супруге.

Ещё не зная, что Попов для них – тоже – любимый писатель...

Милые безденежно-безбытные питерские интеллигенты-кошатники Владимир Николаевич и Наташа проживали, естественно, в центральной коммуналке.

Где будущий лауреат и шортлистер довольно успешно провёл пару ночей.

Захватив и прочее время суток, скоротавшееся – в основном – за хулигански-эстетскими беседами.

К тому же Владимир Николаевич (он был старше нас лет на 15) оказался знатоком достопримечательностей старого Петербурга и новейшего Ленинграда, а также экскурсоводом по собственным элитарно-изысканным внутригородским маршрутам...

Будущий Василий Ломакин примерно тогда начавший писать свои первые вирши, в процессе общения нагло предоставил одну из них (выдав за чужую) на анализ бинарных оппозиций.

Опус про рыцаря царицы ленинградским человеком Володей был безжалостно расчленён, после чего аргументированно разбит по всем статьям...

Будущий лауреат и шортлистер на мэтра расчленёнки несколько не обиделся.

Наоборот, всё это в подробностях мне по приезде назад выложил.

Я же, кажется, запомнил.

Впрочем, вскорости состоялась и вторая поездка моего друга в Ленинград.

По персональному приглашению, последовавшему от на редкость гостеприимных Володи и Наташи.

Вот об этой дружеской поездке в Ленинград, кроме того, что она имела место и предВасилий про неё мне потом красочно рассказывал, я ничего – совсем-совсем – не помню...

ПЕРЕД ПИТЕРОМ

Если будущий поэт Василий Ломакин собирался рвануть в милый его сердцу город на Неве, он мне так и докладывался:

– Еду, чтобы в колыбельке русской революции покачаться!

К тому же, батька, очень хочется припасть к порфирным сосцам!..

С ВАСИЛИЕМ ЛОМАКИНЫМ...

Пить на двоих с Василием Ломакиным было весело.

Иногда выходило так: он звонил мне со своего химвака глубоким вечером, когда купить спиртное уже практически не представлялось возможным.

Разве что у таксистов или ресторанных швейцаров..

Так вот: звонил мне будущий Василий Ломакин, а потом – вдогонку - приезжал.

Вместе с дозированной и собственноручно спёртым из лаборатории спиртом для опытов, который он привозил в симпатичной казённой реторте, запрятанной во внутренний карман чёрного демисезонного, сдаётся мне, драпового пальто.

Ибо с ватником к тому времени Василий Ломакин окончательно порвал.

Или, может, ватник окончательно порвался...

Так вот: спёртый спирт будущий поэт разбавлял водой из-под крана и разливал в безликие отечественные стопки.

После чего мы выпивали по первой.

– Батька! Николай Второй велит по второй! – сразу же выдавал будущий шортлистер и лауреат.

– Это дважды герой велит по второй! – соглашался я – после чего мы выпивали повторно.

– Отец Мелетий велит по третьей! – не откладывая в долгий ящик темпово являл миру очередной тост мой почти ночной визитёр.

– И Александр Третий велит по третьей! – не будучи даже тайным монархистом, вносил свою лепту я.

После чего мы опять выпивали.

А там уж недалеко и до Ивана Четвёртого было.

Вслед за коим подходяще возникали только иностранные правители...

Правда, за одного нашенского, в смысле - советского, мы тоже порой поднимали сменные стопки.

Лет десять, наверное, это делали.

С железобетонной регулярностью раз в год.

– За смерть тирана! – привычно провозглашал будущий Василий Ломакин пятого марта.

После чего мы просветлённо выпивали...

КРАСНОЕ СУХОЕ

Мы оказались в знаменитом гастрономе «Елисеевский».

На Тверской.

Когда она ещё звалась улицей Горького.

Покрутились вблизи винного отдела.

И тут будущий поэт Василий Ломакин, узрев нечто, буквально зашёл в экстазе:

– Батька!

Вот оно то, что нам надо!
Преображение.
Может русский народ! может, батька!
Давай преображаться!
И мы взяли сухое красное вино «Преображение».
По два рубля за бутылку.
Или, может, за два двадцать..
Чтобы на двоих распить – и преобразиться.
Однако, приехав к себе на Беговую, с неотвратимой
очевидностью обнаружили, что преображение наше вряд
ли возможно.
Ибо называлось вино не «Преображение».
А «Прибрежное»..
Будущий поэт Василий Ломакин был близорук.
Ещё со школьной скамьи.
На которой пару месяцев мы даже умудрились проси-
деть рядом.
То есть, за одной партой.
В первом классе.
Пока нас учительница не рассадила ..

НЕ ЗВУК ЖУРЧАЩЕЙ ВОДЫ...

Однажды ранней ночью гуляли мы с будущим поэтом
Василием Ломакиным.
Выбрав для прогулки ближний – малый беговой круг.
Его причудливое название мы сами и придумали.
По аналогии с кавказским меловым.
Кстати, были у нас ещё: и большой беговой, и малый
грузинский, и большой грузинский – тоже...)
Ведь на самом деле – гуляли мы не однажды.
И отнюдь не только ранней ночью.
Так вот, брели мы прогулочной по малому беговому
кругу – и оказались неподалёку от центрального входа в
боткинскую больницу.
А была зима.

В ту ночь – с южным ветром и подтаивающим, хлопаящим под ногами снегом.

Брели мы абсолютно трезвые – и вдруг истошный женский крик.

Даже оклик:

– Эй, вы! – и нечто к нам на всех парах несётся-приближается.

В шубе.

Подбежало и сумочку протягивает: мол, возьмите.

– Зачем? – спрашиваем.

– Затем, что пописать мне очень надо! – вежливо-кокетливо отвечает.

– А мы здесь при чём? – недоумеваем мы.

– Чтобы сумочку мою подержали.

Не то ведь её могут сп...ть! – продолжает незнакомка, а сама сумочку невесомую нам почти насильно всучивает...

– Может, и шубу подержать? – галантно спрашиваем мы с будущим поэтом Ломакиным.

– Не-а, я так, в ней! – отвечает смертельно пьяная девушка, после чего предлагает нам отвернуться.

Мы послушно отворачиваемся.

Чтобы дружно услышать.

Нет, не звук нежно журчащей воды.

Но – вибрирующий звук отбойного молотка.

Или компрессора.

Долгоиграюще пробивающий – насквозь и окрест – влажную оттепельную твердь земную...

ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ

1. Избушка на бульваре

Шли мы однажды зимним вечером с будущим поэтом Василием Ломакиным вдоль Чистопрудного бульвара.

А может, и вдоль Гоголевского.

Вечер был холодный и поздний.
Идём мы, значит, по бульвару.
Вроде как гуляем.
Друт с другом.
Ну и с парой бутылок портвейна, которые в кейсе моём
чехословацком лёжучи, часа своего терпеливо дожидаются..
А тут – как раз – перед нами избушка вдруг вырастает.
Сказочная, игрушечная.
И войти в себя такую действительно нас просит.
Можно сказать, гостеприимно требует.
И мы, добросовестно пригнувшись, в неё гуськом втис-
киваемся.
Стоящую посреди безлюдной детской площадки..
Вписываемся мы, значит, в неё, псевдонародную – и
при свете окрестных фонарей смутно видим-догадываем-
ся, что в избушке посадочных мест внутренней её конст-
рукцией не предусмотрено.
Зато узенькие деревянные полки в достаточном коли-
честве имеются.
Верхние, под потолком низеньким.
И на них улечся-растянуться – дело вполне посиль-
ное.
Даже для вполне взрослых.
В общем, располагаемся мы, разлагаемся.
В компании с бутылками нашими.
Из рук в руки передаваемыми.
И проводим в избушке благостно время энное.
Медитативное.
Никто к нам, что удивительно, не притыкается.
Ни старушки-хрустальщицы, ни доблестная советская
милиция..
А на выходе из игрушечной избушки выясняется, что
будущему трижды шортлистеру и единожды лауреату пре-
стижной премии совместную прогулку теперь в одиночку
продолжить очень хочется.
И – отчасти можетя...

И – отправляется он в ночь.
О которой через день мне рассказывает.

2. Домик в переулке

Шёл однажды зимней ночью будущий поэт Василий
Ломакин по Чистопрудному бульвару.

А может, по Гоголевскому.

А может, ещё по какому.

Шёл, шёл – и надоело ему по Кольцу Бульварному
праздно шататься.

Вдоль.

Захотелось пойти поперёк..

Свернул тогда будущий трижды шортлистер и еди-
ножды лауреат престижной премии налево.

Или – направо.

В переулочек некий.

Идёт-бредёт в одиночку.

И вдруг видит почти перед собой домик.

Трёхэтажный.

Приятно-розоватый.

С какой-то подсветкой весёленькой, рождественско-
праздничной..

За резным, не слишком высоким заборчиком.

И вроде как нашёптывает домик будущему лауреату.

Настойчиво-прияженно:

– Не пройди мимо, путник усталый!

Почти меня своим славным присутствием!

Приглашаю тебя радушно!

Да прочие зазывно-ласковые слова присовокупляет.

Все те, что предполагают безотказность ответную...

Короче, не устоял наш герой – заборчик перемахнул –
в симпатичном дворике очутился – на каменное крылечко
петушком вскочил.

А тут – откуда ни возьмись – четверо с автоматами.

– Руки вверх! – здороваются приветливо.

Внутри домика провожают.
Под конвоем.
В аккуратную комнатку нежно вталкивают.
Где наш одноклассник бывший (не до конца с нами
учившийся) за столом сидит.
В штатском.
Вот он-то всю оставшуюся ночь будущего поэта Васи-
依лия Ломакина и допрашивал.
В смысле, с ним беседовал.
По душам.
Мягко увещевал.
Заискивающе шантажировал.
И при этом даже пальцем не тронул.
Что конечности верхней, что конечности нижней...

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Гостей и гостей с будущим поэтом Василием Лома-
киным принимали мы исключительно летом.
В его родовой двухкомнатной квартире.
Состоящей из двух смежно-изолированных комнат.
Ведь летом ломакинские родители капитально съезжа-
ли на дачу.
Между прочим, эта квартира на Беговой и свела их в
полноценную советскую ячейку общества.
Когда каждая из незнакомых друг с другом половин
получила здесь по комнате.
Со временем обеспечив себе отдельную жилплощадь...
Итак, выходили мы с будущим поэтом Ломакиным
на родную безлюдную улицу.
Дабы проводить наших летних гостей.
Или гостей.
А картина проводов этих засидевшихся выглядела по-
рой так:
– Что-то штормит меня! – обращаясь за пониманием к
окружающему миру, восклицал будущий поэт.

Мир отвечал нейтрально-благожелательным молчанием.
– Мусора! Винти меня! – провоцируя реальность, выкрикивал в воздух будущий поэт, ибо наряда милиции поблизости не наблюдалось.

Мы переходили на противоположную (мою) сторону родной улицы.

Чтобы поймать машину для провожаемых.

Будущий поэт-обсценник, по-матросски покачиваясь, сходил с тротуара вглубь мостовой и вдруг начинал рвать на себе несуществующую тельняшку:

– Мусора! Винти меня! – заводил он, имея в виду – сразу – и пеших, и обеспеченных лошадиными силами конных..

Вместе с ночной тьмой, мнясь чёрными воронками, неслись мимо авто.

Включая редкие таксомоторы.

И тогда он вдруг начинал петь, закрывая звучащим, как рефрен куплетом, все возможные окрестные ниши.

– Чёрный ворон, я не твой! – хрипел его, растающий в ночь, невидимый голос.

И – в конце концов – одна из машин всё-таки останавливалась.

Реагируя на энергично сопутствующие голосу праворукие знаки-взмахи...

Василию Ломакину

Хрипло звал. Пугал, маня,

Голос-невидимка:

– Мусора! Винти меня! –

Вот и вся пластинка.

Сквозь ночную ширь пути,

Сквозь подлунность крова:

– Эй, менты! Меня винти! –

Ничего другого...

Чтоб вослед – над мостовой –
Прохрипело зримо:
– Чёрный ворон! Я – не твой! –
Тьме, летящей мимо...

ДЕСЯТЬ ЛЕТ С ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ

Десять лет с окончания школы мы – я и будущий поэт Василий Ломакин – отпраздновали вместе.

А если конкретнее, то просто (или экзотично?) в рамках ломакинской кухни распили на двоих флакон «Тройного одеколона», закусив одной головкой очень молодого чеснока...

В ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ...

В день тысячелетия крещения Руси на Москве-столице слухами были обещаны пробные погромы.

Естественно, по национальному признаку.

А ещё – по интеллигентно-литературно-художественному...

Поэтому, когда ближе к вечеру, в нашу квартирную дверь начали с криками ломиться – я не очень удивился.

Правда, здорово испугался.

Особенно после того, как в достаточно плотной деревянной двери прямо на глазах стали возникать расплывающиеся трещины.

Похожие на пауков...

Под звуки методично выбиваемой двери бросился я звонить по телефону моему другу, будущему поэту Василию Ломакину, уже тогдашнему писателю стихов.

Это был вопль о неотложной немедицинской помощи.

Жена же тем временем попыталась наладить диалог с ещё наружной деструктивной силой...

Пока будущий Василий Ломакин несся помогать, жена всё же рискнула слегка приотворить дверь и, держа её на цепочке, успела выяснить, что свирепо ломящемуся в нашу

дверь юноше-безрубашечнику срочно требуется некая девушка Лена.

А кроме того, он крайне возмущён тем, что Лену от него за нашей дверью продолжительно скрывают...

После чего как-то резко сдвинувшийся визитёр вежливо кивнул, тихо икнул и плавно сполз на половичок перед соседней квартирой.

Где в мгновение ока уснул.

Тут – как раз – возник будущий Василий Ломакин.

Друг прибыл с топором наперевес, ибо иного орудия защиты у себя дома не обнаружил.

Да и вообще – обстоятельства ему явно благоприятствовали: чтобы войти к нам в квартиру, не пришлось даже ни через кого переступить...

Пока будущий Василий Ломакин с настоящим топором звонно вторгался в наше жилище, этажом выше остановился лифт – и я дёрнулся взглянуть, кого он привёз.

Поскольку, аккурат, над нами уже больше пятилетки как выросла и обитала девушка Лена.

Опекаемая парой собственных родителей.

В квартире, по соседству с которой длительно проживал некогда популярнейший советский тенор, солист ансамбля песни и пляски советской армии имени Александра, Георгий Павлович Виноградов.

А когда в одночасье умер, вниз по лестнице до машины несли его мы с Папой.

Ведь носилки в наш узенький лифт влезали только вертикально и бесчеловечно...

В тот лифт, из которого этажом выше сейчас выпорхнула верхняя Лена, сопровождаемая скромным семейным эскортом.

Вся в белом.

Включая фату и цветы...

– Ага, стало быть, у девушки именно сегодня свадьба! – окончательно замкнуло у меня в мозгу.

И я ринулся к невесте с очевидно подразумевающимися поздравлениями.

А заодно к её эскорту – с нижайшей просьбой о тактичной и незамедлительной эвакуации спящего на полочке голоторсового тела...

В ОГНЕ БРОДА НЕТ...

Это было в течение внутриверстоечной литературной трёхлетки, когда практически вся, ещё только собиравшаяся развалиться и распасться страна огромная – вдруг принялась запойно читать буднично ставшие миллионотиражными русскоязычные отечественные журналы.

И толстые, и тонкие.

Я тоже – по давней привычке – почитывал.

И те, и эти.

Беря их у будущего поэта Василия Ломакина, который, в том числе, выписывал «Огонёк», напечатавший как-то большую стихотворную подборку Иосифа Бродского.

После чего, приходя к будущему лауреату премии Андрея Белого и его бытовому одноимённику за журнальцами (так мы их тогда кликали), я первым делом всякий раз произносил кодовую фразу:

– В огне брода нет? – спрашивал я.

– В огне брода нет! – повествовательным эхом отзывался тот, кто сделался потом поэтом Василием Ломакиным.

Что (для посвящённого меня) означало: в очередном номере еженедельного литературно-художественного общественно-политического журнала «Огонёк» новая поэтическая публикация экс-ленинградца Бродского отсутствует.

Опять...

ПРО СТИШОК (ПРОСТИ, ШОК!..)

У кладбищенских ворот
В ожиданьи катафалка

Человек стоит – и жалко
Крестит свой похмельный рот.

Катафалк приходит в срок.
Из дверей венки и лица
Вытекают.
Можно влиться
В общий траурный поток.

Развернувшись на стопе, –
Человек ныряет юрко –
И прозрачная фигурка
Тонет в медленной толпе.

Чтобы вынырнуть потом
На поминках в чьём-то доме,
Где утешно в полудрёме
Пить до дна прозрачным ртом...

Такой вот стишок.
Собственного сочинения.
Написанный году в восемьдесят восьмом.
И даже дважды опубликованный.
Первый раз – в сборнике «Молодая поэзия – 89».
Что предельно важно для настоящей историйки...
Вполне литературной.
Хотя было время, когда Миша Зайцев пытался пристро-
ить его в мультипликацию.
В качестве готового сюжета...
Итак, стишок уже печатно опубликовался.

А в начале девяностых, ещё до своего отъезда в сол-
нечную закордоншину-Вашингтонщину, возник у меня
дома будущий трижды шортлистер и единожды лауреат
престижной премии Василий Ломакин.

Возвёрнувшись на малую родину с побывки на под-
московной даче.

В руках его приветливо шелестел довольно крупномасштабный, хотя и основательно помятый обрывок «Литгазеты».

Который мой дружок банально обнаружил в бревенчатом дачном сортирчике.

Куда отправился по природной человеческой необходимости.

На изрядной части шестнадцатой полосы стремительно выходящего из моды еженедельника был напечатан сатирический рассказ, зачин коего один в один повторял мой стишок целиком.

С той лишь разницей, что написан был отнюдь не стихами.

А подписан чужой фамилией.

В. Резниченко.

Как сейчас помню...

ВАРЁНЫЕ ДЖИНСЫ

На излёте советского времени купил я в универмаге пару пар джинсов.

Наших.

Но хороших.

Из плотной джинсовки.

Отечественный материал «Орбита» – как сейчас помню.

Ненавязчиво пилящихся...

Нормально сшитых.

Тогда уже такие начали в широкой продаже попадаться.

Сначала от случая к случаю.

Потом же в столице нашей родины – регулярно...

Лежали джинсовые пары в комнатном гардеробе – своего звёздного часа дожидались.

А пока они, лёжучи, его дожидались, я другие, чешские, кропотливо донашивал.

Ходя в них.

Стоя.

Сидя...

А тут «варёнка» – в моду вошла – варёная джинсовая одежда.

И жена свои нормальные повседневные джинсы в одночасье сварила.

На газовой домашней конфорке.

Собственноручно.

Просветлённо их помешивая крепенькой Бабушкиной скалкой.

В одиннадцатилитровом ведрёрке.

Когда-то нами приобретённом для кипячения сыновьих пелёнок.

Удачно сварила.

Качественно.

Ну, и мне мои сварить – следующим номером – предложила.

Я сразу же дал добро (вместе с вынутыми из гардероба штанами...).

И работа закипела.

В буквальном смысле...

Однако скорый результат не впечатлил.

Наоборот, расстроил.

Первый (сварившийся) джинсовый ком (извлечённый женой из булькающей, мерзковато пахнущей ёмкости) вышел, блин, много презентабельней!..

Пара моих практически новых ненашенных варёных джинсов выглядела весьма жалко.

Будучи пятнисто-неравномерно, а то и разнодырчато съеденной посредством свирепого химического отбеливателя...

Тогда жена предложила сварить вторую джинсовую пару.

Я поколебался, но штаны протянул...

По итогам третьей джинсовой варки оказалось, что теперь у меня есть две пары варёных джинсов, ни одну из которых надеть на себя не представляется возможным.

Вернее, надеть-то было можно.

Только вот на улицу выйти – едва ли.

Тут – как раз – отживающее талонное советское время болезненно-горопливо сменилось инфляционным российским – и вдруг выяснилось, что такой жанр как относительно новые штаны в моём гардеробе отсутствует напрочь.

Притом что в гардеробе-то пара пар варёных имели место...

Худо-бедно прокантовался я с годик почти обезбрюченным.

Хотя будущий Василий Ломакин припёр мне как-то цивильные, относительно товарные брюки.

Выпрошенные им для меня в одном хорошем златном месте.

Куда он попал с улицы, по случаю, дня на два...

Упреждающе высмотрев при входе в незнакомую арочку – мелом накарябанное:

«Будь попроще – пей почаще!»

А может, «Будь попроще – пей по чаше!» – это он сквозь очки не разглядел...

Однако – назад, к джинсам.

Напротив нашего дома испокон магазин «Ткани» располагается.

Ну, и жена там некий матерьяльчик углядела.

Вроде как для пошива соответствующих штанцов самый подходящий.

Взяли мы сколько надо метров тёмно-синей джинсовки.

Жена знатную выкройку по одной из варёных пар спроворила.

Жаль, джинсов мне так и не сшила.

В отличие от сатиновых трусов...

КАК ПРИНИМАЛИ ВАСИЛИЯ ЛОМАКИНА...

Василия Ломакина принимали не слишком хорошо.

Очень плохо принимали.

Можно сказать, не принимали вообще.

По крайней мере, в тех местах, куда я честно пытался его встроить.

Журнал Союза писателей Москвы «Кольцо А» с недоумением отверг одиннадцать ломакинских стихотворений, хоть как-то, по моему ощущению, могущих в него вписаться-впечататься...

Приёмная Комиссия СПМ, несмотря на мои предварительные задушевные беседы с пятью её членами, тоже не захотела принять уже шортлистера престижной литературной премии поэта Василия Ломакина.

С годик я имитировал бездействие, попутно выслеживая подходящую ситуацию...

И выследил.

Неуёмная Римма Казакова решила внедрить в СПМ изрядную группу русскоязычных американских писателей.

Единым списком.

Через Секретариат.

Минуя Приёмную Комиссию.

Вот тогда я осознанно активизировался – и упросил Римму под мою ответственность (интересно: что она предполагала?) добавить в этот список фамилию (на самом деле – псевдоним) неизвестного ей русского американского поэта.

Тогда Василия Ломакина приняли...

А в недавнем своём интернет-интервью мой друг Ломакин – уже лауреат и трижды шортлистер – сообщил, что Союз писателей Москвы является единственной институцией, в которую он вхож...

ВОЛОСЫ

– У фебя восткие вовосы. Ты, ваверво, звой! – периодически приговаривал, весьма больно дёргая меня за волосы, кратковременно (месяца на три) подсаженный ко мне (учительницей) за мою первую (или – вторую?) парту в среднем ряду будущей трижды шортлистер и единожды лауреат престижной литературной премии Василий Ломакин.

Я неизменно давал сдачи.

Так меня учили дома.

Василий Ломакин теперь в Америке.

А волосы у меня давно уже мягкие.

Я, наверное, добрый...

РЕЦЕНЗИЙКИ

ПАРАДОКС ИРОНИИ

Сергей Абрамов. «Ряд волшебных изменений милого лица». Повести. «Московский рабочий», 1985.

«Ряд волшебных изменений милого лица» – так назвал свою повесть московский прозаик Сергей Абрамов.

Это цитата из лирического стихотворения Фета стала и заглавием для книги, включившей в себя, кроме упомянутой мной повести, ещё пару: «Требуется чудо» и «Двое под одним зонтом».

Итак, три повести под одной обложкой. И коммунальное соседство их вовсе не случайно, ибо вместе они составляют своего рода цикл, героями которого выведены наши с вами современники, чьи профессии в той (или иной) мере связаны с искусством: Стасик Политов («Ряд волшебных изменений...») – актёр драматического театра, Дан («Двое под одним зонтом») – цирковой жонглёр, Александр Павлович («Требуется чудо») – тоже служит в цирке – он иллюзионист.

Но не только очевидная принадлежность к творческим профессиям объединяет героев Абрамова. Все они, несмотря на возрастные различия, люди, успевшие выработать в себе определённый «динамический стереотип» жизни, любое отклонение от которого для них обременительно и дискомфортно.

Воистину «требуется чудо» преодоления этого «динамического стереотипа», дабы родные и близкие абрамовских персонажей – а заодно и мы, читатели – смогли углядеть «ряд волшебных изменений милого лица»...

Всё-таки – милого, иначе никакое чудо не помогло бы ни Дану, ни Александру Павловичу, ни Стасику превратиться в тех, кем они в глубине души и были...

Всё-таки – милого, иначе автор вряд ли дал бы своей книге название, в котором прочитывается добрая ирония.

Да и сама книга написана в иронической манере. Ироничны и персонажи – от восемнадцатилетней Ксюхи, студентки театрального института («Ряд волшебных изменений...») до маститого циркового режиссёра Тиля, которому «может, под шестьдесят, а может, и все сто...» («Двое под одним зонтом»).

Таким образом, возникает известный парадокс: с одной стороны – поголовная и повсеместная ироничность персонажей, с другой – авторская ирония, которая, в общем-то, вышучивает эту их ироничность...

В то же время С. Абрамов предлагает своим героям ироничность как некий единственно возможный способ человеческого общения с окружающей действительностью – и герои иронизируют по всякому поводу и даже вовсе без оного...

Поэтому – настоящий эффект, как мне кажется, достигается, скорее, вопреки желанию автора.

Ведь избыток иронии – есть не что иное, как часть того же самого пресловутого «динамического стереотипа» жизни...

Исследованием коего и является данная книга.

КРАТКИЙ ОБЗОР ПРОЗЫ, НАПЕЧАТАННЫЙ В 29-ом И 30-ом НОМЕРАХ ЖУРНАЛА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ «КОЛЬЦО А»

В 29-ом и 30-ом номерах Литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А» проза представлена произведениями наших постоянных авторов: Бориса Ва-

сильева, Алексея Смирнова, Анны Вальцевой, Сергея Филатова, Нины Шуруповой, Ларисы Румарчук, Александра Говоркова, Виктора Кузнецова, Людмилы Коль, Ирины Лобановской, Владимира Капианидзе, Игоря Харичева, а также произведениями лауреатов премий журнала прежних лет – Евгения Весника, Владимира Савченко, Дины Крупской, Натальи Щербиной, Георгия Автандилова, Дмитрия Курилова. Последний, ранее публиковавшийся у нас исключительно как поэт, дебютирует на страницах «Кольца» в качестве прозаика.

Также в этом качестве впервые выступает у нас и Ольга Ингберг...

Впрочем, наш журнал не склонен замыкаться лишь на своих привычных авторах. Мы всегда открыты для новых имен. Не явились исключением и два последних номера «Кольца А». В них напечатаны рассказы Александра Брызгалова и Амаяка Абрамянца, сказки Федора Гаврина, афоризмы Акрама Муртазаева.

К 100-летию со дня смерти А. П. Чехова приурочена публикация рассказов Игоря Минутко и Владимира Матлина, который, кстати, будучи писателем современного зарубежья, посредством других своих рассказов (вкуче с новеллами Владимира Нузова) составляет прозаическую часть одноименной рубрики, претендующей со временем сделаться постоянной гостевой трибуной на вверенной нам московской печатной площади...

Ещё одна наша соотечественница, в настоящее время проживающая за рубежом, Тамара Жирмунская, посвятила свои воспоминания Булату Окуджаве, между прочим, в том числе и члену первой редколлегии «Кольца А». Правда, тогда наш журнал был не журналом, а альманахом...

А теперь несколько подробнее о некоторых прозаических произведениях, напечатанных в 29-ой и юбилейной – 30-ой книжках обозреваемого издания.

Патриарх российской прозы Борис Васильев представлен в 29-ом номере журнала окончанием весьма масштаб-

ного полотна под названием «Отрицание отрицания, или Гунькина коза». Это произведение – рассказ о нескольких десятилетиях жизни нескольких поколений одной, в прошлом благополучной, дворянской семьи. Период повествования – от начала Революционного переворота до конца тридцатых – начала сороковых годов двадцатого столетия. Место действия – наша многострадальная родина. Тема – трагическая невозможность становиться (или оставаться) интеллигентным человеком в условиях тоталитарного, подавляющего личность, государства.

В следующем номере журнала Борис Васильев выступает уже как публицист, а его небольшой очерк обращает нас ко времени Российской Февральской Буржуазной Революции 17-го года. Главная же мысль очерка такова: Россия, увы, боится своей истории, не хочет её ни знать, ни изучать...

Крупноформатная повесть Владимира Савченко «Санитар, или маскарадные маски Евно Азефа», печатавшаяся с продолжением на протяжении нескольких номеров журнала, посвящена столь острой и популярной сейчас проблеме терроризма. Правда, в художественно-документальном произведении Владимира Савченко речь идёт о событиях столетней давности. В центре повести – жизненная история неординарной и неоднозначной личности: самого известного российского провокатора. Автор провёл много времени в архивах и библиотеках, прежде чем вынес на суд читателя эту книгу-исследование об истоках терроризма в нашей стране. Детективный, по-своему приключенческий сюжет вещи делает её ещё более занимательной, поддерживая интригу до последних страниц повествования.

«Задушевные беседы с рыбачком» Евгения Весника – это отнюдь не только задушевные беседы с рыбачком, но и размышления о прошлом, настоящем и будущем нашего отечества, а также по-настоящему творческие воспоминания о незабываемых встречах с незабываемыми для автора людьми. Что до живой человеческой речи, то она органич-

но и ненарочито вплетена в ткань любого принадлежащего перу и душе артиста текста... Вообще жанр литературных записок, к которому тяготеет Евгений Яковлевич и для которого отведена постоянная рубрика в нашем журнале, неизменно вызывает большой интерес у читательской аудитории.

«Посредине лета» – так называется цикл Алексея Смирнова, состоящий из четырёх рассказов, объединённых дачными временем и местом действия. Здесь всё строится на тонко подмеченных деталях, на невольном подслушанных и творчески обработанных диалогах, которые ведутся на остановках, в автобусах, в очередях – как дачниками, так и местными жителями, среди которых есть и здешние достопримечательности... Людские характеры поданы, в основном, пунктирно, точно, что, впрочем, не делает их схематичными. Скорее, наоборот, даёт возможность домыслить и дочувствовать заинтересованному читателю то, каким может быть поведение этих людей в вырванных из контекста произведений ситуациях и обстоятельствах...

Небольшой по объёму рассказ Георгия Автандилова «День работника бумажного дела», выполненный в смешанной гротескно-реалистической манере, до краёв напичкан узнаваемыми деталями постсоциалистического урбанистического наземно-подземного антуража – со всеми ему сопутствующими коллективными и личными радостями, обидами, нелепостями, ужасами... Главный герой – скромный курьер какого-то бессмысленного учреждения – волею судеб оказывается в центре событий, казалось бы, не имеющих к нему никакого отношения. Стихийный бунт обманутых (а вернее, заведомо обманувших себя) «ветеранов бумажного дела», направленный против одинокого и так же, как они, никому не нужного «маленького человечка», больше похож на фарс, однако в результате оборачивается самой настоящей трагедией...

Амаяк Абрамянц в рассказе «Бегущий такелаж» рисует один день из жизни молодой, но уже под завязку затур-

канной жизнью лирической героини по имени Катя, скучно и пресно обитающей в заштатном северном городе. Она вместе с мужем и сыном впервые выбралась к Чёрному морю, где ей вдруг захотелось почувствовать себя счастливой женщиной. А тут как раз – откуда ни возьмись – ловец женских душ и тел – штурман с большого белого парохода, который ровно в 20.00 и не минутой позже отшвартуется от берега. Стало быть, все чувства и действия должны уместиться в этом интервале... Они и умещаются... Жизнь же продолжается – и каждый живёт, как умеет. Потому что нет сил и подлинного желания научиться жить иначе...

Рассказ переводчика и поэтессы Дины Крупской «Мухомор» привлекает внимание читателей своими хитроватыми простонародными (простите за невольный оксюморон) интонациями и образами, а кроме того – красочной живописностью и поистине сказочными поворотами сюжета...

Жёсткие социальноориентированные рассказы Ирины Лобановской завязаны на мрачноватой весёлости, нередко присущей нашему и окрестному повседневию, Его величество быт вторгается во владения Её величества души, а дальше начинается (и продолжается) то, что некоторые склонны называть жизнью, а некоторые – пародией на неё...

Иронично-злободневный и в то же время говорящий о вечных ценностях рассказ Нины Шуруповой «Генкина доля» читается на одном дыхании и вызывает искренние, но противоречивые чувства к его несколько непутёвым героям.

Итак, 29-ый и 30-ый номера журнала «Кольцо А» благополучно вышли в свет, а значит, те произведения, о которых я вкратце поведал (да и не только они) могут быть востребованы и прочитаны...

БЫЛЬ БУДУЩЕГО,
ИЛИ
РУССКАЯ ЗАГАДОЧНАЯ СКАЗКА

Михаил Письменный. Блатное и балетное.
М. Арт Хаус Медиа 2012. – 448 с, 600 экз.
(n) ISBN 978-5-902976-77-6

«Блатное и Балетное» – такое название дал своему посмертному прозаическому сборнику очень хороший, но, к сожалению, пока не очень известный в России российский писатель, с поистине говорящей фамилией – Письменный.

Дал – и собственноручно составил эту книжку, за несколько лет до прошлогоднего декабря, когда, всего через неделю после очередного (шестьдесят седьмого) дня рождения Михаила, внезапно остановилось его, изрядно потрепанное жизнью, сердце...

Писатель Письменный начинал как поэт. Потом много и востребованно переводил стихи и прозу со словацкого, коим владел в совершенстве. Публиковал изысканные литературоведческие эссе, страстные памфлеты, философичные глубокие рецензии...

Точно и тактично пересказал для детского чтения «Библийские истории», ведь был докой по этой части.

Издal книгу прозы «Завершающий человек», напечатал пару-тройку повестей и рассказов на страницах «Дружбы народов», регулярно выходил в свет в качестве автора журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А», однажды удостоившись литпремии «Кольца» за чудесную повесть «Пуст» (она органично вошла в «Блатное и балетное»...).

К тому же – замечательно чувствовал слово, все его (даже подспудные) возможности.

Именно умение – одновременно – бережно и нетрадиционно обращаться со словом – решающая характернейшая особенность яркой, активно-своеобразной, реалистически-фантазмагорической сюжетной прозы М. Письмен-

ного. И – малой (рассказы-повести), и – крупной (скажем, более чем объёмного романа «Маракис», оставшегося за пределами рецензируемого тома).

Предисловие к «Блатному и балетному» принадлежит перу видного критика и литературоведа Льва Аннинского. Оно озаглавлено «Загадочная сказка». Это цитата из юношеского стихотворения М. Письменного (кстати, пронзительного и поэтически безукоризненного: «И житуха – то битьё, то таска./ Русская загадочная сказка»).

По авторитетному мнению Аннинского – всё собранное под обложкой однотомника – она и есть..

Думается, маститый критик прав.

Хотя, сдаётся мне, что определение прозаического творчества Михаила Письменного не исчерпывается только причудливым смыслом вышеприведённой цитаты.

Проза М. Письменного значительно шире, как обозначенного жанра, так и, вроде бы, накрепко привязанного к нему, любимого автором-художником географического общекультурного понятия.

Ибо целиком в них никак не вмещается, не вписывается..

Даже, несмотря на формальное (и неформальное) присутствие в ткани каждого из четырнадцати включённых в книгу произведений, сказочной отечественной атрибутики.

Впрочем, может быть, в том числе и в этом сокрыта повсеместная загадочность то слоисто-ветвисто-вещественной тяжеловесно-платоновской, то кристально-прозрачной, всегда неповторимой авторской манеры.

Которой лишь на пользу – то возникающие от случая к случаю говорящие салтыково-щедринские фамилии (как же человеку с такой фамилией без них?), то периодически прыгающие в повествование безумные достоевские вопросы-ответы, то совершенно дикие, но абсолютно оправданные ходом действия и внутренней его логикой, инверсии (есть такая даже в названии повести: «Литературы русской история»...).

Что же до аллитерационного названия изборника – «Блатное и балетное» – здесь мы имеем дело с очередной цитатой (на сей раз из уже упомянутого мной романа «Маракис»): «А чего ты хочешь, если тут сто лет тюрьма да балет? Блатное и балетное – вот Россия – прожурчала Временника» (между прочим, выведенная под именем Блудники в завершающей книгу повести в рассказах «Витязь»...).

Стало быть, и сам прозаик Письменный считал, что его книга исключительно о России.

Считал, с моей точки зрения, не чувствуя себя ни славянофилом, ни западником.

По крайней мере, в исконной трактовке этих терминов.

А – просто состоя при вечности огненным глашатаем индивидуального и всеобщего будущего времени!

Писателем-исследователем. Предметом пристрастно-беспристрастного внимания которого является икономир – некий параллельно-перпендикулярный мир, где одни образы, или иконы вещей...

Но писателем, не замыкающимся на чём бы то ни было нарочито герметичном, а – естественно-синтетическим, способным осуществить поступательное самоспасительное путешествие из прошлого настоящего в без пяти минут завтрашнюю жизнь...

Это немного переименованные мной, применительно к творчеству М. Письменного, цитаты из его масштабной сложноструктурированной ироническо-трагической повести «Колпачок».

И, наконец, заключительная здешняя цитата-иллюстрация (повесть «Раб в каплях»): «Он в будущее умрёт, а не в прошлом останется. Не к народу приложится, а к зароду. Не к тем, кто рождён, а к тем, кто ещё не зачат».

Писанная писателем Письменным как бы совсем про другое...

Писателем, которому светит оказаться и прочитанным, и по достоинству оцененным.

Временем будущим. Откуда родом лучшее в нас.

Короче, эксклюзивная загадочная сказка Михаила Письменного, «литературы его история», когда-то делается былью. Уже потихоньку делается...

ЗЕМНАЯ МАРСИАНКА, ИЛИ НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ БУДУЩЕМУ...

(о рассказах и повестях Дарьяны Антиповой)

Рельефно-правдивая, как бы реалистически-натуралистическая (хотя порой несущая черты гротескной комедии положений) проза молодой писательницы, выпускницы литинститута Дарьяны Антиповой – не слишком-то уютна.

Скорее, малокомфортна.

Даже (не утрашусь этих слов) – предельно, акцентированно агрессивна и конфликтна!

Притом что – по большей части – свои нарочито жёсткие, провокационно цепляющие практически любого потенциального читателя за живое, повествования – девушка, очень профессионально играющая в завоевательницу места под солнцем, – своеобразная земная марсианка – пишет о детстве.

И – о доме.

Или – о телесной (она же – душевная) бездомности, что в контексте мироощущений её героинь – почти синонимично.

Ибо лейтмотивом всего литературного творчества самобытнейшей (уральский самородок!), одарённой (Дарьяна!) мастерицы, умеющей и ловко жонглировать деталями, и строго плести сюжет – является тема ностальгии.

Перманентной нежной тоски провинциальной девочки-одиночки, мучительно взрослеющей, но всё-таки – в конце концов – кажется, вынужденно становящейся взрослой (на фоне тектонического взаимодействия разнонаправленных эпох...).

Вселенской индивидуально-общественной вневременной непреходящей тоски по счастливому детству (читай: по счастливой и человечной человеческой жизни...).

КНИГА шИзни *

(абсурдопереводы)

*Книга шИзни – та же Книга жизни.
Только ненароком доведенная
до абсурда...*

«Убить двух» Зайцев. Роман...

Гора родила шиш...

Александр Дюма-мать...

Варёному коню в зубы не смотрят...

Сеанс одновременной иглы...

Преисподиум...

Господиум...

Моя анахата с краю...

Желудочно-кишечный теракт...

Фамилии: Акробатьев, Пупорыло, Порноухов, Картофельных-Котлетов, Забодаева-Комар, Курочкин-Рябов, Мартышкин-Труд, Полузайцев, Вместеспатьев, Согнутьев, Белибердыщенко, Натощак, Желторотых-Птенцов...

Роман «Аутист Данилов»...

Последний писк морды...

* неизбранные страницы...

Народный похмелец..
Многоканалья..
Сквернисаж..
Путанхамон..
Онанизменные инстинкты..
Слюнопотам..
Экспромтовары..
Пиджакет..
Рубашкаф..
... И кто-то «Сникерс» положил
В его протянутую руку..
Не плюй в холодец – пригодится..
ПОБЕРЕГИСЬ!
Когда отпрыгивают, –
Тогда отпрыгивают...
Доброовцы и доброволки..
VIP-инфицированный..
Лицо без определенного рода..
Лицо еврокавказской национальности..
Слово – паразит: вылетит – не поймаешь..
Он более, чем пьян..
Вчера в театре давили «Клопа»..
Министр обороны просвещения..
Хулигангстер..
Парадизма..

Изобара Изохоровна...
Конкурс снов «Золотой Морфей»...
Однозвучно гремит аллохольчик...
Я нищ,
Как церковная мышь...
Альтернативное человечество...
– Как ты там?
– Так я тут...
Борода ятаганом...
Не зови меня лахудрою,
А зови прекраснокудрою!..
Препарат «Принимал»...
Ум зашёл за разум –
И пришёл маразм...
Файлический символ...
Милицейский чайник со свистком...
Сидячий гроб...
Золотой клювик...
Навоз и ныне там...
Бомжуан...
Твоевластие...
Магазин «Оккульттовары»...
Белеет фаллос (анус) одинокий...
Наступил на ухо собственной песне...
Ветхий Soviet...
I am afraid

Зигмунд Фрейд...

Старого Силантия
Ждёт Новая Зеландия!..

Думал о добре и зле
В совмещенном санузле...

И.о. домового...

Вот кой-то с горочки спустился.
Наверно – милый мой, идиёт...

Он пока ещё не откозлился...

Он был настолько сумасшедшим, что со стороны казался абсолютно нормальным...

Последний раз они виделись на собственных похоронах...

Люмпениана...

Старая теперешница...

Шиздёрка...

Внутриванное вливание...

Прыг в нос погоды...

ТУНДРА, ОДНАКО...

Идёт, гудёт зеленый чум...

ПотоМушка – оттоВошка...

Я двуног,
Но одинок...

Мужчина без полезных привычек снимет девушку в центре...

Деньги капитала гранта...

Гусь Хрустальный – свинье не товарищ...

Едет миленький. Сам на троечку...

Снюхался с ню...

То ли запах сушёных грибов,

То ли запах стоячих носков...

Она жила долго и счастливо и умерла в один день...

Зоопанк...

Рейн. Коронация. (Название для статьи, посвящённой
чествованию Е. Рейна в связи с вручением ему Госпремии...)

Страна Барахляндия...

Батаномешалка...

Пионер петтинг...

Алкоголик алкоголик...

С пятого на десятое. В ночь...

Иностранное тело как народное средство...

Клаустрофобус...

Кинотеатр «Заурядье»...

Киностудия «Массфильм»...

Газета «Масонский Космополец»...

Спортизан...

Первоперчатник...

Иногдан...

Дао – путь. Даос ли Путин?..

Полёты. Вас нет и наяву...

Попробуйте меня перебить, – всех перестреляю!..

Техническим дефолтом по башке...

На зубах навяз
Этот новояз...
Втык от ВТЭК...
Ведьмачество как класс...
Опохмеляться квасом...
Я отношусь к жаре прохладно...
Урадио!..
Эльдорадио...
Город Вирусалим...
Извинигород...
Ангинск...
Город Самосвалов...
Головотяпск...
Алкоголицыно...
Судьбаковка...
Лилипутово и Гулливерово...
Ракета «Скорой помощи»...
Заповедь бильярдиста: служенье луз не терпит суеты...
Солгасие...
Клеветация...
КИНУЛИ...
Вместо дури подсунули дрянь...
Конная поллюция...
Обыкновенное чадо...
Правила задержания собак...

Дамская комната милиции...
Спартак Динамович Торпедо...
Планета-истероид...
Кафказ...
Шнапс-капитан...
Генерал – старший лейтенант...
Адвокатская контра...
Прыщевайте...
Берегини
В бикини...
Случайно посолил пробегавшую мимо кошку...
А братанье с кикиморой
Как ненужное – вымарай...
Роману по барабану,
А тебе по трубе...
Феерическая скукотища...
Тяготел к помойному ведру...
Я вернусь домой на исходе дня.
Напою жену. Обниму коня...
Порнокопытное...
Буриданов – козёл!..
И словно сама доброта
Санация полости рта...
Зря говорил вокалистке джазмен:
– Милая, ты не врубаешься в дзен...
Они множатся делением...
Комаровед..

Фигнес-центр...
Рэкетноноситель...
Горстка пипла...
Изба-суицидальня...
Поедимок...
Нью-йорк...
Секстаз...
Хлор Венильч...
Полушубки и полушапки...
Язык – часть речи или тела, а также головы...
Генерал, прописанный в общежитии...
Кроходил...
Орёл сидит за решкой
В темнице, блин, сырой...
Царевна Несмотряна...
Клон и Моська...
Перпендикс...
Попугай, читающий молитву...
Мастер своего тела...
Налапуплательщик...
Маницапальная милиция...

Здесь ли,
Там ли,
Взвесь ли,
Хлам ли...

Одно лицо мне строит рожи...

И мысли под копирку,
И пальцы враслопырку...
Оркпреступность (по Толкиену)...
У тебя подкрашен третий глаз...
Свили гнездо носки...
Кривольверх...
Шашлык мастурба...
Тридцать Третья Улица Первого Мая...
По дому гуляет казах молодой.
В шлёпанцах...
Съёмная гаечка солнца...
Арбатские вымираты...
Долгойог...
Рясопузко...
Скороед...
Литпрозорий...
Силофон...
Инсульт-привет...
Исказиада...
Энциклопедик...
Анакондор...
Иноземский врач...
Кончай базар-вокзал...
Я всё сказал...
Фифтимобиль...
Любвиобиль...

Танец с граблями из балета «Динамо»...
Бандитская глупировка...
До чего же сочная
Ваша кость височная!..
Мальчик-экстремальчик...
Не мытьем, так капаньем...
Рабочий рынка Поросятников...
Благопед...
Сквероящер...
Сквернисаж...
Город-склад...
Кэт и повар...
Сосед Застенкер...
Некто четырнадцатирогий с титьками на спине...
Мамы и попы...
И здесь рифмуется свобода
С парами сероводорода...
Ветеран труда и заработной платы...
Швабракадабра...
Три мушкетёра и сама
Миледи Винтер – как зима!..
Древнитель...
Ремонтники чинят препятствия...
Мерзаяц...
Где ляжешь, там и встанешь...
Что Гера, что герла...

Лучше не тяни резину,
А купи цинаризину...
Он вырос на дрожжах.
Ты вырос на драже...
Мясо под невинным соусом...
Масса непокоя...
Демонополизация. Это от слова «демон»...
Переделкинский сорняк –
Член литфонда Пастернак...
Лесопарковый режим...
Кремконтора...
Вера Христова. Болгарская революционерка...
Комбинизонт...
Биллбордов шнур...
Твой посредственный начальник...
Ненаглядное пособие...
Желательная резинка...
Не бери меня на понт. На Понт Эвксинский...
Такова селява...
Садитесь, правды нет в ногах.
Постойте, нет её и выше...
Пылесос фортуны...
Страхеит...
Беспорядок дня...
На всякого мутанта
Имеется константа...

Не клоун он,
Хоть оказался рыжим.
Как чемпион
Израиля по лыжам...

Тяжёлый ментал...

Хламинго...

Домышнее животное...

Таинственный остов...

Наглец божий...

Ртутьень...

У Сени-
Семёна
И сено –
Солома...

Если сволочь мужского рода,
То без «ь» в конце...

Капутный ветер...

Спиральная машина...

Высокая китайская делегация...

Повернувшись к зеркалу спиной,
Причесался щеткой. Обувной...

Живу в халупе.
Хожу в тулупе...

Автомобелист...

Медленно и неверно...

Ведрополитен...

Приматизация...

Натоцак овощевод
Прочищает пищевод...

В номере тысяча первом
Шехерезада живёт...

– Это наш модем?
– Это ваш Эдем...

Маниторг...

Газаностра...

Тем, кто говнистее –
Светит амнистия...

Веерверх!..

Мокко за мокко,
Суп за суп...

Отметелили в «Метелице»...

64-х-КЛЕТОЧНОЕ

Шахматный компьютер – автомат:
Он любому ставит *автомат!*..

Хоть Шарон вы Стоун покатите,
Всё равно не выйдет Нефертити!..

Лючано Поваротти
Застрял на повороте...

Поднять стонус...

Смеханизм...

Скарбюратор...

А Васька слушает:
– Да, йес...

Ветроспектива...

Можно – в подворотню – шашь.
Можно – замертво упасть...
Наложил в это...
Ниндзяйка...
Многоликая падла...
Порнолыжница...
Викарийские игры...
Интерхарон...
Что сказать про вашу дочь? Она
Сексуально озабочена...
Выбранные места из переписки с подругами...
Ода поэтической вольности...
Хоть африканец
И на льду неистов,
Но крайне мало
Негров-хоккеистов!..
Если крысы бегут с корабля,
Значит, их привлекает земля...
Таракан, живущий в органайзере...
Психопятка...
Тучара...
Круговорот еды в народе...
Заключаешь внебрачный контракт –
И выходишь на уличный тракт...
Капликация...
А на эту госпожу
Я с прибором положу!..

...И как-то раз после попойки
Нашёл себя на помойке...

Газировку русскую пия,
Новый год встречаем без копыя...

Я с Пушкиным
На дружеской конечности.
Ну что, брат Пушкин,
Снимемся для вечности?..

Кукурузное рыльце в пушку...

Супостат – остаток супа...

Игорнодобывающая промышленность...

Зверьуниверсалбанк...

Альфонс-банк...

Фонтанырнуть...

Беспризёрник. Занявший четвертое место и ниже...

Свирепя. Это имя...

Конфуженный – проигравший в кунфу...

Клей-бой...

Жар-Птица – жареная птица. Блюдо...

«Голубое небо» – название гей-клуба...

Карлсон, который живёт на крысе...

Симпатичная Венера
Полюбила Люцифера.
Соблазнила Дьявела –
Мне рога наставила!..

Вах, мистр – это по-грузински...

Ночеполовая шель...

ЗАЙЧИК

Раз, два, три, четыре, пять –

Мы могли бы переспать...

Скульптор, обращаясь к будущей скульптуре:

– Ща вырублю!..

Билетоман...

Телоотдача...

Мордомарин...

Трехголовая Хитра...

Практика дзынь-будизма с помощью будильника...

С другой стороны

Надела штаны.

С изнанки надела,

А это – не дело...

Народный альтист России...

Наука псевдология...

Школледж...

Созвездие гончих весов...

Тягомотина. Это фамилия...

Дайте Тольке срок!..

Вострология...

Атмосферные кранты...

Девка непокорная,

Не терплю поп-корна я.

Набиваю пузо я
Нашей кукурузою!..

Хахаронные принадлежности...

На безрыбье – Ирак рыба...

Галченогий...

Чадо – и смоголюбивые горожане...

Метробы – микробы, живущие в метро...

Горди Робсон не от слова «гардероб»...

Сапёры «Саперави» пьют...

Сумасшедший скелет...

Лужа для почётных гостей...

Спермапричина...

Друговая поруга...

Обманоид...

Традиционная обстановка...

Ремонте-Карло...

Бес сомнения и бес промедления...

Держи карму шире!..

Всёндз...

Рожала в мухах...

Бред (bread) насущный...

Мястарт. Вынимание. Фарш!..

– У нас «заморожена» плата за квартиру.

– А у нас заморожена квартира. За плату...

Урководитель...

Блатвия..

Собачная фабрика..

Гангстероид..

Куры полторапотрошёные..

Выданный им патент..

Болезнь аута – обратная сторона болезни Дауна..

Композитор Т. О. Шнитке..

Писатель А. П. Чихов..

Вы знаете, я так люблю кефир,
Что даже разбавляю им эфир..

Наркотики со склада за рубли!..

Дыревня..

Пастьбище..

Конфужас..

Контрамисс..

Шантаж-монтаж..

Мальчик для бритья..

Баба Еда..

ДК «Данс»..

Комедия плаща и шляпы...

Он унизился до того, что встал передо мной на колени..

Бедный ёрник..

НЛО. Неопознанные Летающие Объедки..

Братья по квасу..

Крокодилобегемоты, Обезьянокашалоты...
Гражданин Понятой...
Бедагог...
Бедагогика...
Люди мэра, на минуту встаньте!..
Извоз духа
Из воздуха...
Панацейс...
Врач уколог...
Врач гавнюколог...
Мне это ультрафиолетово!..
Мадемуазель Огнетуш...
Мемориал имени Кощея Бессмертного...
Укус комарада...
Парад-аллэ...
Скотный ярд...
Мы будем петь и смеяться как йети...
Покусант...
Гамлет – принц м...дацкий...
Дьяволог...
Смеюка...
Фишемебельный магазин...
Блог энд мейл...
Гараж с плеч...
Ответственный кварталосъёмщик...

Человек – это звучит: морда!..
Убомжество...
Бардком...
Такие инспекторы ГИБДД на дороге не валяются...
Чудо – дзюдо...
Абрек-пойнт...
Пенальный свисток...
Нелепрозорий...
Прозариум...
Трусы на колёсах...
Изобразие...
Симпотент...
На месте левого нападающего играл правозащитник...
Отелло промахнулся...
Четвертовать раз пять...
Трое в одних трусах...
Деньги не хапнут...
Бог работал с большим одушевлением...
Братские Украина с Белоруссией, а также пани-братские Польша и Чехия...
Захочется есть. И это – как пить дать...
Контра-адмирал Колчак...
Замполит Безродный...
Здесь принимают мэры...
Каков клоп – таков и прихлоп...

Каждой твари – по харе!..
Метродворец..
Витаминокислоты..
Каблукиада..
Взбрелок..
Ист-вественно..
Аванс, цена – не аванцена..
Телепается с телепатией..
Членус стоногий..
Магазин «Всё для Вась»..
Люциферня..
Люциферма..
Люцифераза (фермент).
Тростедудка..
Стресс-код..
Робин-Бобин – Барбекю..
Семялитик..
Головозрелый..
Продолженщина..
Втридоллорога..
Стоит как впопан..
Это всё выссано из пальца..
Звездочёрт..
Нагнетаинство..
Гоминданский час..

Фауст, патроны!..
Лапотряс...
ССССерия...
Благопед...
Долгофа...
Внебрачное агентство...
Пчеловек...
Пчелядь...
Ударить в глаз лицом...
Сплагиатздил...
Переклиника...
Внедрить твою мать...
Респектива...
Сайт байронической поэзии...
Обжорная экскурсия...
Страна Обретания...
Огненная вода и медные трубы...
Мы грянем дружное: «дурак, дурак, дурак»!..
Перегарный хлопец...
Гипербалайф...
Папа Гиммлер, мама Гиммлер,
Желтоглазую дочь позови!..
Минздравствует мездра!..
Англосекс...
Заселя...

Дедушка с веслом...
Макароны по-плотски...
Вельзевульва...
Правду в матку!..
Казановости...
Метро «Шамбаловская»...
Троянский понь...
Обжариванью не подлежит...
Плюгавканье...
Самый человечный людоед...
Палатка № 6...
СкАлопендра. Скалится и выпендривается...
Белая бумагия...
Мистер Твиттер...
Эгегейское море...
Хомякадзе...
Народы тутси и тамси...
Маркобизнес...
Пора по пабам...
У меня телефонов твоих номерать (два-три-четыре...)
Дом культуры «Назидатель»...
Макакий Макакиевич...
Куриное дефиле...
Марья из кузницы...
Творяга...

Гинекология духа...
Борьба с умом...
Кочевня «Три вискаря»...
Золотой век Апокалипсиса...
Врагоносец...
Монолизм...
Сполуфинал...
Угробление...
Талиб Аба и сорок разбойников...
Щук и хек...
Турдом...
Римские Калигулы...
Баба Яго... Она же Дездемона...
Топ-лесная армия...
Тыквариум...
Превоскотство...
Урламент...
Антисимитинг...
Спидофил...
ЗмеЮКОС...
Зорге – сокол!..
Артистокрад...
Пигмейтация...
Ледища...
Несчастный сектор...

Гламурзик..
Комиксионный магазин..
Мультиклипация..
Ссударь..
Плашмяк!..
Снегр..
Вьюго-запах..
С. обнажался – поля опустели..
Не водкой единой!
Злоумышь..
Ментхауз..
Оппозиц-председатель..
Счастливо тусоваться!..

Об авторе:

Сергей Белорусец родился в 1959 году в Москве.

Окончил ГЦОЛИФК (ныне – РГУФКСиТ).

Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Октябре», «Дружбе народов», «Арионе», «Юности», «Литературной газете» и многих других изданиях.

Автор книги лирических стихотворений «Магический квадрат» (2007) и около десятка детских книжек, среди которых «Игрослов» (2003, 2005), «Весёлая аРИФМетика» (2005), «Парикмахеры травы» (2011), «Пальцем в небо!...» (2013).

Лауреат национального конкурса «Книга года» в номинации «Вместе с книгой мы растём» (2011).

Лауреат ряда литературных премий, в том числе – премии «Венец» Союза писателей Москвы (2008), всероссийской премии имени Самуила Маршака (2011), премии журнала «Кольцо А» (2000).

Обладатель почётной грамоты и памятной медали всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей и юношества «Алые паруса» (2006).

Председатель оргкомитета Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского.

Президент Фонда поддержки творчества РАЗНОЖАНРОВЫХ Детских Авторов «РАДА».

Член Русского ПЕН-центра и Союза писателей Москвы.

Эксперт по проблемам детства Общественной Палаты РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

ОДНО ИНТЕРВЬЮ / 3

ЗАПИСКИ ДОШКОЛЬНИКА

повествование в сюжетах, с хэптилогом... / 15

ПРИЛОЖЕНИЯ К ЗАПИСКАМ ДОШКОЛЬНИКА / 102

ПЕСНИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ (*рассказы и эссе-мемуары*)

Восток-2 / 107

Пионерские каникулы / 110

Как мы ходили в экспедицию / 111

Дом отдыха Большого Театра / 112

Путёвка в Артек / 115

Стадион Юных Пионеров / 126

Мяч и планка / 150

Два дня / 159

Институт физкультуры / 166

93 ж / 191

Подписка о невыезде... / 195

Про первые публикации и вечные опечатки... / 198

Литинститут / 211

Совещания молодых... / 222

Песни для чтения / 237

Котопёс и другие прочие / 245

Про Пронина / 250

Эпиграммы энд ЭпиГрамоты / 262

Наши экспрессионисты... / 279

Благодаря Олегу... / 282

Зимняя радуга / 285

Новогодняя история / 288

Бабушка / 299

Чукфест на марше!.. / 301

ИЗ (ОЧЕНЬ) РАННЕГО

В практику / 308

Открывательница курилки / 325

песни для чтения / 615

РАССКАЗЫ

- Боб / 333
Женя / 335
Стася / 337
Утро в Серебряном бору / 339
От двух до пяти... / 343
Интересант / 345
Дача с газом и водой / 347
Детская юмористическая радиопередача / 353
Сто рублей, упавшие с неба / 355
Кошка Мышка / 357
Москвич и провинциалка / 362
Ремонтировщик Червяков / 366
Ураган / 369
Стихийные бедствия... / 370
Ясновидящая Клава / 373
Имя для кошки / 376
Лжесвидетель / 378
Большая радость / 381
Цап-царап... / 384
Кастрюля / 385
По тройному тарифу... / 388

ИСТОРИЙКИ

МАСТЕР И МАРГАРИТКИ...
(*малая разножанровая проза*) / 391

С ВАСИЛИЕМ ЛОМАКИНЫМ...
(*ностальгический цикл*) / 549

РЕЦЕНЗИЙКИ / 579

КНИГА шИзни
(*абсурдопереводы*) / 589

Об авторе / 614

сергей белорусец

Песни для чтения прозаическая ретропись

так называется новая книга Сергея Белорусца — известного детского и взрослого поэта, лауреата национального конкурса «Книга года—2011» (в номинации «Вместе с книгой мы растём»), выступающего в новом для себя жанре. Внимательно и скрупулёзно подмеченные автором неожиданные детали своего и общего прошлого органично входят в ткань весьма современных и всецело вневременных лирико-иронико-философских форм.



В состав сборника, вместе с открывающим его авторским интервью, вошли: «Записки дошкольника» (повествование в сюжетах с хэпилогом), «Приложения к запискам дошкольника», «Песни для чтения» (рассказы и эссе-мемуары), Рассказцы, Историйки (циклы малой прозы «Мастер и маргаритки...» и «С Василием Ломакиным...»), Рецензийки, «Книга шИзни» (абсурдопереводы).

ISBN-978-5-906561-02-2

песни для чтения
прозаическая ретропись